

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А.М. ХАЗАНОВ

ЭКСПАНСИЯ ПОРТУГАЛИИ В АФРИКЕ И БОРЬБА АФРИКАНСКИХ НАРОДОВ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (XVI – XVIII вв.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

Книга знакомит читателей с историей колониальной экспансии Португалии в Африке в период так называемого первоначального накопления и раннего капитализма. Основываясь на богатом фактическом материале, почерпнутом из источников XVI—XVIII вв., автор показывает историю формирования португальской колониальной империи, вскрывает основные особенности португальского колониализма, ярко описывает грабительскую политику португальских конкистадоров и ее губительные последствия для народов Африки.

Большое внимание в книге уделено освободительной борьбе африканских народов.

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Глава I

Источники по истории португальской колониальной экспансии в Африке в XVI – XVIII вв.

Глава II

Создание португальской колониальной империи (XV – XVII вв.)

Причины и начало португальской колониальной экспансии в Африке (конец XV – начало XVI в.)

Португальская колониальная экспансия в бассейне Конго

Борьба народа Анголы за независимость под руководством Нзинги Мбанди Нголы

Города-государства суахили и португальский колониализм в XVI в.

Экспансия Португалии в бассейне Замбези. Португальцы и Мономотапа

Глава III

Португальская колониальная администрация в эпоху первоначального накопления и раннего колониализма

Администрация, финансы, армия

Особенности «туземной» политики Португалии

Расовая политика португальских колонизаторов в Африке

Роль идеологическо-конфессионального фактора в организации португальской империи (католицизм и проблема «живучести» португальского колониализма)

Экономическая организация португальских колоний

Работоторговля и рабство

Последствия португальской колонизации

Глава IV

Борьба африканских народов на завоеванных территориях против португальского колониализма

Заключение

Библиография

ВВЕДЕНИЕ

25 апреля 1974 г. в результате революционного переворота был свергнут фашистский режим в Португалии, просуществовавший почти полвека. Крах фашистской диктатуры и образование демократического правительства открыли народам португальских колоний путь к независимости.

В связи с этими событиями небывало возрос интерес к проблемам Португалии и ее бывших колоний. Для того чтобы в полной мере понять те процессы, которые привели к краху последней колониальной империи, необходимо обратиться к изучению ее прошлого.

Португальский колониализм — это уникальный исторический феномен. Самой историей ему оказался отпущенным очень длинный срок. Португальские колонизаторы первыми пришли в страны Африки и Азии и последними ушли оттуда. Созданная

португальским колониализмом паразитарная общественная структура, ставшая историческим атавизмом, смогла просуществовать 500 лет.

Чем объяснить этот чудовищный парадокс? Имеет ли этот факт характер исторической случайности, или он детерминирован какими-либо объективными историческими закономерностями? С чем связано то малопонятное на первый взгляд обстоятельство, что широкая антиколониальная борьба в португальских колониях началась относительно поздно и что сравнительно слабой Португалии удалось в послевоенное 30-летие удержать почти все свои позиции в Африке?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к изучению истории возникновения, становления и развития португальского колониализма, подвергнуть скрупулезному научному анализу самые истоки этого колониализма, выявить характерные черты и особенности процесса его формирования, а также исследовать конкретные исторические условия, в которых протекал этот процесс.

Сейчас уже достигнута та историческая дистанция, с которой можно рассмотреть это прошлое с достаточной ясностью, объективностью и полнотой, не упустив при этом самые существенные его черты.

Марксистско-ленинский метод научного исследования и накопленный наукой богатый и разнообразный фактический материал делают возможным решение этой сложной и многоплановой задачи.

Научный анализ исследуемой проблемы может дать ключ к решению «опроса о том, какая объективная обусловленность лежит в основе исторической инерции, как бы консервирующей определенные общественные структуры и выключаяющей их из общеисторического поступательного развития.

Невозможно понять специфические особенности португальского колониализма и причины его относительной «живучести», если не обнажить его исторические корни и не выяснить, в каких конкретных исторических условиях он формировался.

Без изучения исторической эволюции португальского колониализма нельзя понять также, почему именно Португалия, а не какая-либо другая империалистическая страна, оказалась последней крупнейшей колониальной державой, а также те исторические процессы, которые привели к кризису и развалу ее империи. Это изучение помогает понять ту роль, которую играл португальский колониализм в системе мирового империализма, характер и формы взаимосвязей между португальским империализмом и другими империалистическими державами, выявить многие подспудные факторы событий в Анголе, а также в какой-то степени прогнозировать возможные изменения во взаимоотношениях между Португалией, с одной стороны, и афро-азиатскими странами, включая ее бывшие колонии,— с другой, после завершения процесса деколонизации.

Отсюда ясно, какое огромное научное и политическое значение имеет изучение истории португальского колониализма. Между тем зарубежная марксистская историография по этой проблеме представлена крайне незначительным числом исследований, а в советской исторической литературе до сих пор нет ни одной монографической работы по частным или общим вопросам истории португальского колониализма.

Настоящая работа представляет собой попытку подойти к решению проблем, связанных со становлением и эволюцией португальской колониальной империи. Ее автор ставит перед собой сравнительно ограниченную задачу — выявить основные условия и специфические черты формирования португальского колониализма в период первоначального накопления и раннего капитализма (XVI—XVIII вв.) на примере взаимодействия Португалии и народов Тропической Африки¹, а также масштабы, характер и формы освободительной борьбы африканцев.

---

¹ Ограниченный объем настоящей работы не позволил автору рассмотреть вопросы, связанные с экспансией Португалии в Марокко, Эфиопии [см. 188] и Конго [см. 170], а также включить написанную

Хронологические рамки исследования — начало XVI — конец XVIII в. Исходная дата определяется тем обстоятельством, что к началу XVI в. закончилась эпоха великих географических открытий и началась интенсивная колонизация вновь открытых территорий.

Заключительный хронологический рубеж обусловлен тем, что в конце XVIII — начале XIX в. Португалия и ее колонии вступили в полосу острого политического кризиса. К этому времени под ударами своих колониальных соперников и в результате растущего сопротивления покоренных народов Португалия вынуждена была отказаться от большей части своей огромной колониальной империи. Ослабленная потерей значительной части своих колоний и бесконечными колониальными войнами, некогда могущественная держава превратилась в третьеразрядную страну Европы, полностью зависимую от Англии. В конце 1807 г., спасаясь от войск Наполеона, вторгшихся в Португалию, королевский двор покинул страну и отплыл в Бразилию. Это событие знаменовало собой начало нового этапа в истории Португалии и ее колониальной империи, который характеризовался резким изменением политики метрополии в отношении колоний.

Таким образом, в книге сделана попытка охватить весьма значительный трехвековой период. Но поскольку разные отрезки этого периода по-разному насыщены социальным содержанием и неравноценны в смысле исторической значимости, в работе даны лишь несколько срезов колониальной истории и сделана попытка выяснить взаимозависимость отдельных ее этапов, их преемственность и диалектику переходов от одного к другому.

Автор выражает глубокую признательность коллегам по Институту востоковедения, а также С. Ю. Абрамовой, М. И. Брагинскому, А. Б. Дэвидсону, Б. И. Ковалю, И. Х. Кадырову, Г. Л. Персесову, А. С. Орловой, М. В. Райт, В. А. Субботину, Т. Ф. Таирову, М. Ю. Френкелю, Я. Я. Этингеру, принявшим участие в обсуждениях рукописи и содействовавшим своими замечаниями и советами улучшению работы. Автор приносит искреннюю благодарность В. М. Ивановой за помощь в переводе текстов с амхарского языка.

Автор считает своим долгом выразить также признательность директору Центра научных исследований Республики Гвинеи-Бисау Марио Сиссоко и профессору Национального университета в Луанде Мануэлу Дифуила за полезные консультации и за любезно предоставленные ими ценные материалы по истории бывших португальских колоний.

ГЛАВА I

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПОРТУГАЛЬСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ В АФРИКЕ В XVI—XVIII вв.

Изучение истории португальской колонизации Африки связано со значительными трудностями ввиду скудности данных, которые могут быть почерпнуты из заслуживающих доверия источников. Письменных источников, сохранившихся до наших дней, сравнительно немного. Кроме того, следует иметь в виду, что почти все эти источники не африканского, а европейского происхождения, т. е. исходят от врагов африканцев — португальцев, голландцев, итальянцев и т. д. Поэтому для этих источников характерна крайняя необъективность и тенденциозность, вследствие чего они нуждаются в очень осторожном и критическом подходе. Ими можно пользоваться, только тщательно

проверяя все данные и сопоставляя их со сведениями, содержащимися в других источниках.

Все имеющиеся источники по интересующей нас проблематике можно условно разделять на: сборники архивных документов; хроники; сообщения.

Рассмотрим эти основные группы источников.

Сборники архивных документов

Сохранившиеся документальные источники по истории португальской колонизации Западной Африки крайне скудны и фрагментарны.

Многие документы, относившиеся к ранней стадии колонизации и хранившиеся в ангольских архивах, погибли во время португальско-голландской войны в 40-х годах XVII в. Когда в 1641 г. голландский флот появился в бухте Луанды, губернатор Анголы приказал эвакуировать крепость, и гарнизон отступил в Массангано на р. Кванза. Архивные документы были погружены в несколько лодок и отправлены вверх по р. Бенго. Но лодки были перехвачены голландцами. Как сообщает хронист О. Кадорнега, «с помощью нескольких черных рекрутов голландцы убили тех, кто был в лодках, украли самые ценные вещи и выбросили в реку документы архива Луанды, а также книги и бумаги Сената и Муниципалитета, так что много информации об этом королевстве было потеряно» [415, с. 131]. Значительная часть документов португальских архивов, относящихся к XV—XVIII вв., погибла во время землетрясения в Лиссабоне в 1755 г. То, что осталось, было до недавнего времени скрыто от глаз исследователей в португальских архивах, старейшим и важнейшим из которых является Национальный архив Торре ду Томбу, ведущий свое происхождение от королевского архива Торре ду Томбу. В одном из отделов этого архива — так называемом Корпо хронологико — хранится коллекция документов по колониальной истории, насчитывающая 82 902 ед. хр., охватывающие период с 1169 по 1699 г. (большая часть документов относится к XVI в.) [129, с. 9].

Часть из этих документов была опубликована в сборниках, вышедших в разное время в XIX—XX вв. Много ценных документов по истории португальских колоний хранится в Лиссабоне в Историческом архиве заморских территорий, который до недавнего времени был практически недоступен для исследователей. В Историческом архиве Анголы хранятся более 200 ящиков документов, еще никем не изученных. В Ангольском музее в Луанде и в музее в Дондо (Ангола) начиная с конца 30-х годов этого века ведется сбор документов, касающихся истории этой страны. Много ценных материалов об этом может быть найдено (и в будущем, безусловно, будет найдено) в архивах Луанды, Бенгелы, Лоренсу-Маркиша, а также ЮАР, Родезии, Замбии, Намибии, Франции, Англии, США и Бразилии.

Весьма ценным подспорьем для исследователя служит опубликованный Коэлью сборник документов по истории колониальной политики Португалии (за 1416—1554 гг.) под названием «Некоторые документы Национального архива Торре ду Томбу о португальских мореплаваниях и завоеваниях» [33].

Большую ценность представляет изданная А. А. Фелнером коллекция документов, касающихся первых португальских поселений в бассейне Конго [93].

Весьма высокой оценки заслуживает монументальный труд А. Бразилу «Памятники африканского миссионерства» [50]. Это наиболее полная сводка документов, почерпнутых из португальских, испанских и римских архивов, по истории португальского проникновения в Западную Африку. Всего вышло девять томов первой серии и три тома второй серии этого издания, но в наших библиотеках можно найти лишь шесть томов первой серии. В этом издании содержится богатейший материал по истории Конго, Анголы и других африканских государств и их взаимоотношений с португальцами.

Опубликованных архивных материалов по истории завоевания португальцами Восточной Африки весьма мало.

Самыми ранними из них по времени написания являются письма участников первых португальских экспедиций. Так, например, вице-король Индии Франсиску де Алмейда в письме королю Мануэлу от 16 декабря 1505 г. сообщал о том, что он захватил несколько пунктов на восточном берегу Африки, построил крепость в Кильве и отправился в Момбасу, где он «бросил якорь в гавани, в которой побывал Васко да Гама», и т. д. [33, с. 142].

Большой интерес представляют письма миссионера Гонсалу да Силвейры, оригиналы которых находятся в библиотеке Академии наук в Лиссабоне и которые были опубликованы Пайва-и-Пона в 1892 г.

Гонсалу да Силвейра родился в г. Алмейрима, где тогда находился королевский двор, при котором служил в качестве телохранителя короля его отец — участник ряда колониальных экспедиций. Получив религиозное воспитание под руководством монахов-францисканцев, Силвейра в 1556 г. прибыл в Индию, откуда в 1560 г. уехал в Восточную Африку с целью обратить и христианство правителя империи Мономотапа. Однако в самом начале своей миссионерской деятельности при дворе могущественного африканского вождя Силвейра был убит (16 марта 1561 г.), а его труп был выброшен в реку.

В письмах, написанных Силвейрой из Восточной Африки, содержатся сведения о государстве Мономотапа, о его правителе, о деятельности католических миссионеров и т. п. [118а, с. 19, 21, 23].

Неоспоримую научную ценность представляет девятитомная коллекция документов, изданная официальным историографом Капской колонии Джорджем Макколом Тилом (1837—1919) [137]. В результате многолетних научных поисков в архивах и библиотеках различных европейских стран Дж. М. Тил сделал доступными для исследователей огромное количество документов, хроник, писем и других исторических материалов (многие из которых были опубликованы им впервые), касающихся истории португальской колонизации Восточной Африки. Помимо не публиковавшихся ранее документов Тил включил в свою коллекцию и многие опубликованные прежде исторические источники, полезные для исследователя истории португальской заморской экспансии, в том числе такие известные сочинения, как хроники Жуана де Барруша, Жуана душ Сантуша, Диогу де Коуту и др. Для нашего исследования коллекция Тила, содержащая богатейший документальный материал, была поистине бесценным подспорьем, поскольку другие издания опубликованных в ней сочинений часто отсутствуют в наших книгохранилищах. В то же время нельзя не отметить тенденциозность Тпла, который, к сожалению, поставил свой талант и необычайное трудолюбие на службу южноафриканским и португальским расистам. Будучи апологетом колониализма, Тил всячески стремится приукрасить мрачную историю португальских колонизаторов. Это нашло отражение в тенденциозном подборе документов и особенно в исторических трудах самого Тила, о которых мы будем иметь случай сказать ниже.

Изучение истории португальских попыток завоевания Марокко (XVI в.) очень облегчается благодаря наличию в наших книгохранилищах обширной коллекции документов, изданной А. де Кастри [136]. Это 20-томное издание под названием «Неизданные источники по истории Марокко» явилось результатом многолетних поисков, предпринятых полковником А. де Кастри в европейских библиотеках и архивах. Благодаря этому изданию в распоряжение историков попадают самые разнообразные документы и источники, секретные договоры, переписка послов и купцов, мемуары, описания путешественников и т. д. Многие документы относятся к так называемому португальскому периоду в истории Марокко. Авторами ряда из них являются португальские короли, министры, губернаторы, послы, купцы и т. д. Эти документы содержат богатую и разнообразную информацию, которая дает возможность реконструировать основные этапы португальского проникновения в Марокко, понять главные движущие пружины этой экспансии и причины ее конечного провала. Издание

снабжено обстоятельными вводными статьями и ценными примечаниями, написанными А. де Кастри.

Хроники

Кроме архивных документов, большая часть которых не опубликована и потому остается практически недоступной для большинства исследователей, существует другая группа источников — опубликованные свидетельства ранних португальских хронистов, писателей, путешественников, купцов, миссионеров, участников военных экспедиций.

Исключительно большой интерес для изучения истории колонизации португальцами Западной Африки представляют сообщения ранних португальских хронистов, которые были современниками или даже очевидцами описываемых ими событий. Наиболее важные из этих источников — хроники Гомиша Зуары, Руи де Пина, Гарсия де Резенди, Дуарти Пашеку Перейры, Диогу Гомиша и др.[41; 132; 128; 119].

Самой ранней из них была весьма интересная и насыщенная ценным фактическим материалом хроника Зуары. Гомиш Эаннеш де Зуара (1410—1474) был помощником официального хрониста, а с 1454 г. — официальным хронистом Португалии. Эта должность дала ему доступ к документам королевского архива Торре ду Томбу. На основе этих документов и рассказов участников событий Зуара написал «Хронику взятия Сеуты», «Хронику графа дона Педру де Менезиша», «Хронику графа дона Дуарти де Менезиша».

Однако главным трудом Зуары является «Хроника открытия и завоевания Гвинеи» [41], написанная в 1453 г. и впервые опубликованная в Париже в 1841 г. Хроника рассказывает о португальских открытиях и завоеваниях до 1448 г. и является ценным источником сведений о начале колониальных захватов и формирования португальской империи в Африке.

В 1455 г. было издано описание путешествий Кадамосты [54].

К началу XVI в. относится описание западного берега Африки Валентина Фернандиша. Источниками для его труда послужили хроника Зуары, записки путешественника Жуана Родригеса и сочинение немецкого географа и путешественника, создателя первого географического глобуса Мартина Бехайма, написанное на основе рассказа португальского мореплавателя Диогу Гомиша о его путешествиях в 1456—1460 гг.

В 1505—1508 гг. португальский военачальник и космограф Дуарти Пашеку Перейра написал труд, названный им «Изумрудная книга о местоположении земли» [119].

Дуарти Пашеку Перейра совершил много плаваний к западным берегам Африки. В 1488 г. он едва не погиб в результате кораблекрушения, но был подобран возвращавшимся в Португалию Бартоломеу Диашем. В 1494 г. Пашеку Перейра принимал участие как представитель Португалии в конференции в Тордесильясе, на которой был подписан знаменитый испано-португальский договор о разделе колониальных владений. В 1498 г. по приказу короля Мануэла I он совершил путешествие к западным берегам Атлантики и встретил, по его словам, «великий материк и много прилежащих к нему больших островов». Прибыв в Индию в составе флота А. де Албукерки (Пашеку Перейра командовал кораблем «Эспириту Санту»), он принял участие в завоевательных войнах, особенно отличившись в 1504 г., когда он командовал немногочисленным гарнизоном крепости Кочин, осажденным многотысячной армией саморима. За военные заслуги Пашеку Перейры Мануэл I назначил его главнокомандующим флотом в Индии и удостоил дворянского титула. В 1509 г. Пашеку Перейра нанес поражение французским корсарам, возглавляемым Мондрагоном, взяв его самого в плен, а в 1511 г. был послан, на помощь гарнизону Танжера, осажденного войсками эмира Феса. Но после назначения в 1520 г. на пост губернатора Сан-Жоржи-да-Мина он был обвинен в злоупотреблениях и по приказу короля Жуана III доставлен в кандалах в Португалию и брошен в тюрьму. Хотя невиновность Дуарти Пашеку Перейры была доказана, он доживал свои дни в бедности и умер в родном городе Сантарене около 1530 г.

«Изумрудная книга о местоположении земли» была впервые издана Азеведу Кастру в 1892 г. В 1903 г. Эпифаниу Диаш опубликовал второе издание этого труда, снабдив его своими комментариями.

Книга Пашеку Перейры является выдающимся произведением географической науки первой половины XVI в.

В книге Дуарти Пашеку Перейры приводится множество сведений о мореходном искусстве португальских навигаторов, о первых путешествиях и открытиях в Африке (до 1460 г.), о географии и этнографии открытых португальцами участков побережья, о морских течениях, о торговле и торговых путях в Атлантике и Индийском океане. По мере того как португальцы продвигались дальше к югу, появлялись все новые свидетельства о жителях Африки, с которыми им приходилось вступать в контакт. В 1509 г. один из спутников Васко да Гамы, Людовик де Вартема, издал книгу, содержащую первые сведения о готтентотах [141], немного позже Франсишку Алвариш опубликовал отчет о португальском посольстве в Эфиопию в 1520—1527 гг. [34].

Что касается португальского завоевания Восточной Африки и взаимоотношений португальцев со знаменитой империей Мономотапа, то для изучения этих вопросов большую ценность представляют хроники Ж. Барруша, Ж Сантуша и др.

Самыми ранними из изданных источников по этим проблемам являются два текста, опубликованные еще в середине XVI в., которые послужили основой для многочисленных сочинений на ту же тему в XVII и XVIII вв.

Одним из них является труд Дуарти Барбосы [42].

Дуарти Барбоса служил агентом португальской фактории в Каннаноре в Индии, а одно время — в штате чиновников при вице-короле. Он был участником ряда экспедиций, а также кругосветного путешествия своего шурина Ф. Магеллана, вместе с которым он и погиб в 1521 г. В 1516 г. он написал книгу, в которой дал подробное описание известных португальцам районов бассейна Индийского океана.

Сочинение Дуарти Барбосы было впервые опубликовано в Венеции в 1563 г. на итальянском языке в коллекции Рамузио, а затем в 1867 г. появилось издание на португальском языке. В 1876 г. книга была издана на английском языке в Лондоне. Мы пользовались английским изданием 1918 г. Книга состоит из 127 параграфов, из которых 25 посвящены Африке. Сам Дуарти Барбоса не бывал в Юго-Восточной Африке, но он собрал огромное число географических, исторических, этнографических и других сведений об этом регионе, а также о деятельности там первых португальских колонизаторов. Барбоса был первым, кто оставил нам письменное сообщение о Мономотапе. В главе о Мономотапе, которую он, впрочем, называет Бенамо-тапа или Бенаматакса, Барбоса, вероятно, использовал отчет португальского путешественника Антониу Фернандиша о его экспедициях в Юго-Восточную Африку в 1514—1515 гг. По-видимому, Фернандиш побывал в столице могущественного правителя Мономотапы, находившейся в 15 км к северу от современного города Сипололо (Родезия). Дуарти Барбоса писал об этом короле, что он «величайший государь, имеющий под своим господством много других королей...».

Труд Дуарти Барбосы, записавшего многочисленные сведения современников о Юго-Восточной Африке, оказал значительное влияние на многих португальских авторов, писавших позже об этом регионе.

Вторым и еще более важным источником для изучения истории создания португальской колониальной империи является фундаментальный труд знаменитого португальского хрониста Жуана де Барруша (1496—1570).

Жуан де Барруш был крупным чиновником и занимал должности губернатора Гвинеи (1522—1525), казначея (1525—1532) и администратора «Каса да Индия» (1532—1567). В 1534 г. король Жуан III подарил Жуану де Баррушу капитаншо (земельное владение с наследственным правом собственности) Мараньян в Бразилии. Однако снаряженная туда экспедиция в составе 10

судов и 900 человек (в их числе были и два сына Жуана де Барруша) не добралась до Мараньяна, поскольку потерпела большой урон в результате кораблекрушения и стычек с индейцами [408а, т. I, с. 196].

Еще в молодые годы Жуан де Барруш, состоя на службе у принца Жуана (впоследствии король Жуан III), написал «Хронику императора Кларимунду» (легендарного предка португальских королей). Ознакомившись с ней, король Мануэл I в 1520 г. встретился с Жуаном де Баррушем в Эворе и поручил ему написать хронику португальских открытий и завоеваний на Востоке. Занимаемые Баррушем должности дали ему доступ ко всем важнейшим документам, касающимся португальской активности в бассейне Индийского океана. На основе этих документов и написана в большей своей части его хроника «Азия», что придает ей исключительную ценность.

Кроме того, источником для Барруша послужили «Хроника открытия и завоевания Гвинеи» Зураны, которую он использовал очень широко, а также «Хроника дона Жуана II» Руи де Пина и книга «Достоверные сведения о землях пресвитера Иоанна», написанная Франсишку Алваришем и опубликованная в 1540 г. Многие факты, по свидетельству самого Барруша, он узнал непосредственно от участников описываемых им событий.

Его ставший позже знаменитым труд «Азия» был написан в 1539—1548 гг. и состоит из четырех частей (декад). Каждая декада состоит из 10 книг. Первые три декады были изданы еще при жизни, а четвертая — лишь после смерти автора (соответственно в 1552, 1553, 1563 и 1615 гг.) [43]. В Португалии «Азия» переиздавалась три раза (2-е изд. — 1628 г., 3-е — 1752—1777 гг., 4-е изд. — 1945 г.). Труд Барруша полностью никогда не переводился на французский, английский и немецкий языки. Итальянский перевод двух первых декад был издан в Венеции в 1562 г. Перевод частей первой декады, повествующих о путешествиях в Индию, был опубликован на голландском языке в 1703 г. в Лейдене. Испанский перевод первой декады вышел в Мадриде в 1628 г. Немецкий перевод части книги — в Брунсвике в 1821 г.

Труд Жуана Барруша содержит многочисленные и разнообразные сведения по истории португальских географических открытий и завоевательных войн в Африке и Азии, значительное место в работе отведено описанию завоеванных португальцами стран и народов.

Хронологически работа Барруша охватывает период правления Мануэла I и первые четыре года правления Жуана III.

Центральная тема первой декады — путешествия Васко цз Гамы и Педру Алвариша Кабрала.

Глава 1 книги X в первой декаде посвящена описанию королевства Мономотапа, которое Барруш называет Беномотапой. Здесь мы находим не только географическое описание могущественного африканского государства, но и исторические и этнографические сведения, а также данные о религии, правах и обычаях населения, церемониях при дворе, законах, суде и судопроизводстве. Особенно большое внимание Барруш, как и все другие португальские хронисты, уделял описанию золотоносных областей междуречья и изысканию наилучших возможностей для захвата португальцами этих природных богатств.

Возможно, что сам Барруш был в районе Замбези, поэтому в своем описании этого района он мог опираться не только на письменные документы и рассказы очевидцев, но и на личные наблюдения и впечатления.

Как пишет В. Рэндлес в книге «Образ Юго-Восточной Африки в европейской литературе XVI в.», блестяще защищенной как диссертация в Сорбонне, «глава Барруша почти не имеет себе равных в XVI в. по своей насыщенности, ценности и критическому уму, о котором она свидетельствует» [373, с. 71].

Книги Барбосы и Барруша, особенно главы, касающиеся Мономотапы, породили уже в XVI в. многочисленные компиляции, авторы которых перелагали факты знаменитых хронистов, добавляя к ним изрядную порцию собственной фантазии. Такого

рода компиляцией был труд португальского автора Кастаньеда, вышедший в 1551—1552 гг. в Коимбре и переведенный затем на французский, немецкий, испанский и итальянский языки.

Видное место среди португальских хронистов XVI в. принадлежит Гарсии де Резенди (1470—1536).

Долгие годы он служил при дворе короля Жуана II, а потом его сына Афонсу и пользовался их покровительством. Г. де Резенди пишет: «Когда король выделил дом сыну принцу Афонсу... я пришел к королю очень огорченный и со слезами умолял его как о милости, чтобы он не отдавал меня принцу, ибо я не желал служить никому, кроме Его Величества... Но король сказал мне: „Когда я дал дом своему сыну, я дал ему списки столующихся у меня... Среди прочих он выбрал и тебя... Служа моему сыну, ты будешь служить мне...“ И в течение всей жизни принц оказывал мне покровительство» [128, с. CVII]. Труд Резенди имел сугубо официальный характер, о чем свидетельствует, в частности, пометка: «Просмотрено и проверено представителями Святой Инквизиции». Будучи разносторонне образованным человеком, он был музыкантом, художником и поэтом, оставившим ряд собственных поэтических произведений. Он явился также составителем сборника стихотворений придворных поэтов, живших при дворах Жуана II и Мануэля I. Однако главным трудом Гарсии де Резенди была его «Хроника Жуана II».

В его «Хронике Жуана II» содержится множество интересных сведений о географических открытиях и завоеваниях португальцев, а также о политических, военных, экономических и идеологических акциях, осуществлявшихся конкистадорами на захваченных территориях.

Выдающимся хронистом был Дамьян де Гоиш (1501—1573).

С детства живя при королевском дворе, он стал крупным дипломатом и ученым. Жуан III поручал ему важные дипломатические миссии во Фландрии (1523), в Польше (1529), Дании и Швеции (1531). В 1558 г. он был назначен официальным историографом. Гоиш был одним из передовых людей своего времени. Он лично знал Эразма Роттердамского и Лютера, был знаком с философскими воззрениями прогрессивных европейских мыслителей. Будучи выдающимся просветителем, Гоиш за свои философские взгляды был предан суду инквизиции и брошен в тюрьму, где и умер.

Интересная хроника Дамьяна де Гоиша, посвященная времени правления короля Мануэля I, во многом представляет собой весьма вольный пересказ Барруша. Однако в то же время многие главы обширной хроники написаны на документальной основе и представляют собой незаменимый источник для изучения этого периода португальской истории. Гоиш имел доступ к архивным документам, так как с 1548 г. был главным хранителем королевского архива Торре ду Томбу. Ему было поручено составить хронику правления Мануэля Счастливого, и, несмотря на 57-летний возраст, Гоиш взялся за этот труд в 1558 г. и закончил его в 1567 г.

В хронике Гоиша мы находим многочисленные и разнообразные сведения по истории португальской колонизации в Азии и Африке, а также описания стран, географических условий и народов, населяющих эти страны. В свою очередь, хроника Гоиша стала предметом плагиата в книге Ж. Озорно, переведенной на французский, немецкий и английский языки.

Одним из самых ранних европейских авторов, писавших об Африке, был космограф французского короля Генриха III Андре Теве. Некоторые из описанных им стран он посетил лично. Так, он был одним из первых европейцев, побывавших на Азорских островах. Позднее он описал пещеры о-ва Сан-Мигель и привел 32 надписи на непонятном языке, обнаруженные на каменных памятниках в 12 футов длиной и 4 $\frac{1}{2}$ шириной.

Изданная в 1575 г. в Париже работа Андре Теве «Универсальная космография» является компилятивным переложением главы Барруша, с добавлением некоторых

экзотических подробностей, которые, несомненно, порождены богатым воображением автора [138].

Французский исследователь Ж. Шинар следующим образом охарактеризовал Теве: «Жалкий писатель, географ, лишенный какого-либо критического чутья, который принимает на веру старые легенды и изобретает новые, Теве тем не менее интересен для нас: он нам кажется тем же, чем Рабле: одним из последних представителей средневековой науки».

Работа Теве была известной данью вкусу времени: интеллигентная Европа конца XVI в. была буквально помешана на экзотике. Читающая публика требовала описания всевозможных чудес в недавно открытых таинственных заморских странах, столь волновавших умы европейцев. Специально изучавший вопрос об отражении географических открытий в духовной жизни Европы XVI в. В. Рэндлес пишет: «С Теве мы видим тенденцию приписать Мономотапе всю экзотическую и баснословную помпу, которую до тех пор приписывали священнику Иоанну. Именно в эту эпоху... миф о священнике Иоанне был в какой-то мере опровергнут, но нужда в таком мифе существовала».

Империя Мономотапа представляла для XVI и XVII вв. то же, что и империя священника Иоанна для Европы XV в.» [373, с. 76].

Большую ценность для исследователей истории португальской колонизации Восточной Африки представляет знаменитый труд Жуана душ Сантуша «История восточной Эфиопии», впервые опубликованный в 1609 г. [131].

Сантуш был монахом-доминиканцем и жил в Восточной Африке с 1586 по 1597 г. и затем в начале XVII в. Обильные сведения, собранные им во время первого десятилетия его пребывания в Африке, относятся главным образом к Софале, хотя он посещал и Замбезию и многие прибрежные районы.

Для нашей темы особенно важны восемь глав второй книги труда Сантуша, посвященные истории проникновения португальцев в страну каранга.

В отличие от многих других португальских авторов Сантуш очень точен, сведения, сообщенные им, отличаются большой достоверностью и, как правило, свободны от преувеличений. Это обстоятельство дает основание считать работу Сантуша весьма ценным и надежным источником, содержащим правдивую информацию о деятельности португальцев в Восточной Африке в XVI в.

Исключительно интересную хронику, посвященную в основном тем же событиям, что и работа Сантуша, оставил нам современник последнего Диогу де Коуту [70].

Этот знаменитый португальский хронист родился в Лиссабоне в 1542 г. Получив хорошее образование, он вынужден был после смерти отца в поисках средств к существованию поступить в армию. Диогу де Коуту провел много лет в Индии и в Восточной Африке, принимая участие в многочисленных завоевательных экспедициях. Ознакомившись с изданными в 1552—1563 гг. тремя декадами хроники Жуана де Барруша, Диогу де Коуту поставил перед собой задачу продолжить этот огромный труд, доведя его до своего времени (т. е. до начала XVII в.). Первая из декад де Коуту описывает тот же период, что и позже (в 1615 г.) изданная четвертая декада Барруша. Восемь других декад де Коуту охватывают значительный период, разделяющий этих выдающихся хронистов.

Сочинение Диогу де Коуту обратило на него внимания короля Филиппа I, который назначил его хронистом «Государства Индии» и главным хранителем тамошних архивов.

Диогу де Коуту умер 10 декабря 1616 г. Полностью его труд был издан только после смерти автора. Часть рукописи, к сожалению, сгорела при напечатании и не может быть восстановлена.

Для нашей темы особенно важны IX и X декады труда де Коуту, в которых он подробно описывает завоевание португальцами Восточной Африки и, в частности, их взаимоотношения с империей Мономотала. Здесь мы находим множество интереснейших

и разнообразнейших сведений об истории этого завоевания, о методах ведения колониальных войн, применявшихся португальцами, о государственном устройстве Мономотапы, об этнографии этого района и т. д. Труд де Коуту особенно ценен для исследователя еще и тем, что многие из приводимых им сведений подтверждают или дополняют сведения, приводимые Сантушем и другими авторами XVI—XVII вв.

Ценным источником для изучения истории португальской экспансии в Марокко в XVI в. является интересная хроника Бернарду Родригеса «Анналы Арсилы». На основе рукописи этой хроники, прокомментированной португальским историком Давидом Лопишем, в 1940 г. была написана книга «Арсила во времена португальской оккупации (1471—1549 гг.)» [38].

Хроника Б. Родригеса содержит ценный фактический материал по истории «португальского» периода в Марокко.

Родригес родился в крепости Арсила, прожил в ней 50 лет, из которых 30 прослужил в ее гарнизоне, участвовал во многих битвах. Он хорошо знал систему административного управления португальскими крепостями (президиу), военную тактику португальской армии, методы эксплуатации местного населения и т. д.

Кроме того, он, по-видимому, имел доступ к архивам Арсилы, что позволило ему детально изучить историю португальского завоевания Марокко и бесчисленных войн португальцев с местными султанами.

Весьма любопытна хроника капитана Баррету де Резенди «О государстве Индии» [137, т. II]. Б. де Резенди был секретарем вице-короля Индии графа Линьяреса, по поручению которого он и написал свою работу. Она была затем передана знаменитому хронисту и хранителю архивов Индии Аптопиу Бокарро, который просмотрел ее, перед тем как она была послана в 1635 г. королю Испании и Португалии Филиппу III. В хронике содержатся многочисленные и разнообразные сведения об организации португальских колоний, о португальских крепостях на восточном побережье Африки, о характере и организации торговых и политических отношений между португальцами и народами Восточной Африки, об африканских племенах и народностях этого района и т. д.

Важным источником по истории португальского проникновения в Африку являются сохранившиеся описания кораблекрушений у побережья Натал, имевших место с 1550 по 1650 г. Большую часть их собрал и перевел на английский язык Дж. М. Тил [137; 284].

Ценные сведения, относящиеся к периоду португальско-голландских войн за обладание колониями (XVI в.), содержатся в источниках голландского происхождения, среди которых прежде всего следует отметить «описания» Дж. Ван Линшотена и Ван Мареса [107].

Очень важным источником для нашей темы является богато документированное историческое сочинение Силвы Корреа «История Анголы» [134].

Силва Корреа был уроженцем Рио-де-Жанейро. Став военным, он служил на о-ве Сайта Катарина в Бразилии, четыре года в Лиссабоне, а затем много лет прослужил в португальских войсках в Анголе. Задумав написать подробную историю Анголы, он сумел получить доступ и использовать в своей работе многочисленные архивные документы. Так, например, он приводит письмо короля Португалии Афонсу VI губернатору Анголы Тристану де Кунья от 9 марта 1667 г. и многие другие документы. Он использовал дневник губернатора М. А. Васконселоса, что дало ему возможность очень детально описать период правления этого губернатора (1790—1795) во втором томе своего сочинения. Он написал свой труд в 1782—1795 гг.

Работа Силвы Корреа состоит из трех частей: I часть посвящена описанию Анголы, организации экономической жизни колонии, портов, крепостей, армии и т. д.; II часть содержит описание истории открытия и завоевания Анголы португальцами до прибытия в

Луанду губернатора графа Лаврадио (12 января 1749 г.); III часть описывает историю Анголы с 1749 по 1795 г.— до конца правления губернатора М. А. Васконселоса.

Наиболее достоверны и ценны сведения, приводимые автором об ангольском побережье от Луанды до Бенгелы. Менее точна информация, касающаяся глубинных районов, так как португальцы там бывали очень редко. В ряде мест Силва Корреа довольно резко осуждает беззакония, творимые португальцами, которых он называет «монстрами порока».

Работа Силвы Корреа представляет собой незаменимый источник для изучения внутренней организации португальских колониальных владений в Западной Африке и истории взаимоотношений португальцев с народами бассейна Конго в XVI—XVIII вв.

«Сообщения»

Очень ценные свидетельства о деятельности португальцев в Африке в XVI в. мы находим в «Сообщении о королевстве Конго и о сопредельных странах», написанном известным итальянским ученым-гуманистом, дипломатом и историком Ф. Пигафеттой и впервые опубликованном в 1591 г. [120] (позднее труд Пигафетты неоднократно издавался на итальянском, английском, французском, немецком и португальском языках).

В основу своего произведения Пигафетта положил рассказ предприимчивого португальского купца Лопиша об африканских странах, в которых ему довелось побывать. Большая часть труда Лопиша — Пигафетты посвящена описанию королевства Конго, где Лопиш жил четыре года и достиг высокого положения при дворе короля Алвару I. В своем «Сообщении» Лопиш — Пигафетта дают подробное описание истории правления короля Алвару I, деятельности португальцев в Конго, а также нравов, обычаев и уклада жизни населения королевства. Несколько глав книги посвящены другим государствам Африки, в том числе Анголе и Мономотапе. Глава о Мономотапе, также написанная Пигафеттой со слов Лопиша, имеет гораздо меньшую историческую ценность, чем главы о Конго. Это связано с тем, что Лопиш никогда не бывал в Мономотапе, а использовал информацию, взятую из вторых рук. В результате эта глава изобилует вымыслами и невероятными преувеличениями, и ее следует скорее причислить к мифологической литературе, чем к историческим источникам.

Лопиш — Пигафетта повторяют тезис о том, что Мономотапа — это будто бы «страна Офир, из которой перевозилось морем золото царю Соломону для храма в Иерусалиме» [120]. Они дают следующее описание могущественного африканского государства: «Империя Мономотапа велика и населена очень знатными людьми и крестьянами черного цвета, очень храбрыми на войне, среднего роста и быстрыми. Там есть много королей — вассалов Мономотапы, и они часто восстают и организуют мятежи против него. Они имеют в качестве оружия луки, дротики и легкие стрелы. Этот император имеет много армий, которые он отправил в провинции и которые разделены на легионы на манер римлян, ибо, будучи великим сеньором, он вынужден постоянно воевать для защиты своих территорий. Среди этих армий, о которых мы говорим, наиболее известны своей храбростью женские легионы, которые король очень ценит и которые составляют существенную часть его войска. Эти женщины по обычаю древних амазонок, столь прославленных историками, сжигают на огне свою левую грудь, чтобы она не мешала стрелять из лука. Они используют как оружие луки и стрелы и быстры, сильны, храбры и искусны в стрельбе из лука и к тому же спокойны и бесстрашны в бою» [там же].

Все эти живописные подробности об амазонках Мономотапы, сообщаемые Лопишем — Пигафеттой, следует приписать исключительно их богатому воображению. Как замечает Рэндлес, «мы можем утверждать, что амазонки Пигафетты все вышли из замечания Дуарти Барбосы о том, что Мономотапа имеет армию "из шести тысяч женщин, которые также носят оружие и сражаются"» [373, с. 82].

Вышедшая в 1648 г. в Париже книга Ле Бланка имеет по преимуществу компилятивный характер: первая ее часть представляет собой переложение главы Барруша о Мономотапе и отрывка из Лопиша — Пигафетты об амазонках, а вторая — почти точное повторение Барруша и нескольких других ранних авторов.

Важным источником для изучения экспансии португальцев в бассейне Конго, а также государств — объектов этой экспансии является знаменитый труд Дж. Кавацци «Историческое описание трех королевств Конго, Матамба и Ангола» [61]. Автор этой книги миссионер-капуцин Кавацци около 20 лет жил в Западной Африке, будучи одно время духовником знаменитой африканской королевы Нзинги Мбанди Нголы. В его труде, состоящем из семи частей, содержатся многочисленные и разнообразные сведения о ранних африканских государствах бассейна Конго, их политическом и общественном устройстве, о быте, обычаях, нравах, религии, занятиях и образе жизни их жителей, описываются география, природные условия, флора и фауна этого района, а также излагается подробная история католических миссий, их организация и деятельность. Большой интерес представляет приводимое Кавацци описание истории народной антипортугальской войны в Анголе под руководством королевы Нзинги Мбанди Нголы.

Поскольку автор был очевидцем и в какой-то степени даже участником этих событий, его рассказ о легендарной африканской королеве следует рассматривать как не только заслуживающий доверия, но и, пожалуй, самый ценный и надежный источник для изучения истории жизни и деятельности Нзинги Мбанди Нголы, получившей известность как «африканская Жанна д'Арк».

Книга Кавацци легла в основу труда французского миссионера Ж. Лаба «Историческое описание Западной Эфиопии». Фактически это вольный перевод знаменитого «Исторического описания трех королевств» с итальянского на французский язык. К тексту Кавацци Лаба сделал многочисленные добавления, и поэтому его переводом можно пользоваться как историческим источником только при сопоставлении с оригиналом. Еще при жизни Лаба обвинялся (и не без оснований) в плагиате. Его свидетельства заслуживают мало доверия, и поэтому к ним нужно относиться осторожно и критически.

Ж. Лаба (1663—1738) постригся в монахи в 1685 г. и, став миссионером-доминиканцем, отправился в 1693 г. на Антильские острова, где прожил 12 лет (вначале на о-ве Мартиника, а затем на о-ве Гваделупа). Вернувшись в Европу в 1705 г., он поселился в Италии, а в конце жизни переехал в Париж. Лаба написал «Новое путешествие на острова Америки» (впервые опубликовано в 1722 г., а затем издавалось много раз и было переведено на английский и голландский языки) и «Историческое описание Западной Эфиопии» (впервые опубликовано в 1728 г.)

Весьма интересным источником по истории португальского проникновения в Западную Африку является труд Оливейры де Кадорнеги «Всеобщая история ангольских войн» [55].

Еще юношей в 1639 г. Кадорнега попал в Анголу, где провел более 50 лет и умер в Луанде в 1690 г. Он был колониальным чиновником и имел доступ к ангольским архивам. Кадорнега написал свой фундаментальный труд в Луанде в 1681—1683 гг. Полностью труд Кадорнеги до сих пор не опубликован. Его рукопись находится в библиотеке Академии наук в Лиссабоне. Первое неполное издание книги Кадорнеги вышло в Луанде в 1681 г. Более полное трехтомное издание вышло в 1932—1939 гг., а затем в 1940—1942 гг. В наших книгохранилищах все издания, к сожалению, отсутствуют. Однако многочисленные фрагменты из книги Кадорнеги имеются в сборниках документов Фелнера и Пайва Маншу [93; 118].

Первые два тома книги Кадорнеги посвящены истории завоевания Анголы португальцами, а третий — описанию жизни, быта, хозяйства, государственного и общественного устройства, нравов и обычаев народов, населявших бассейн Конго.

В 1775 г. в Париже вышла книга Ж. Г. Дюбуа-Фонтенеля, которую автор назвал «Африканские анекдоты» [83]. Эта книга была явно рассчитана на вкусы французской публики того времени, и главная цель автора состояла не в воспроизведении исторической правды, а в удовлетворении потребностей в «необычайном» и «чудесном», которое больше всего искали в книгах о таинственных заморских странах. Те места книги, где автор дает волю своей буйной фантазии, не представляют никакой исторической ценности, но те места, где он основывает свои сведения на более ранних (в том числе малоизвестных) источниках, представляют некоторый интерес. Одна глава посвящена знаменитой ангольской королеве Нзинге Мбанди Нголе, которую Дюбуа-Фонтенель стремится изобразить в возможно более мрачном свете — как кровожадную людоедку, погрязшую в самых низменных пороках, хотя из более достоверных источников известно, что она была умной и благородной женщиной, сыгравшей большую роль в борьбе народа Анголы против португальских конкистадоров на раннем этапе колонизации страны.

В главе о Мономотапе Дюбуа-Фонтенель воспроизводит сведения, взятые из Барруша, рассказ Дуарти Барбосы о распространении христианства, описание амазонок, почерпнутое им у Ле Бланка, который, в свою очередь, переписал эти сведения у Лопиша — Пигафетты.

Дюбуа-Фонтенель дает свою версию истории Мономотапы, относительно которой В. Рэндлес замечает: «Романтическая версия истории Мономотапы, которую дает Дюбуа-Фонтенель, возможно, была внушена ему Жуаном душ Сантушем: пять первых книг Жуана душ Сантуша появились в Париже в переводе Гаетана Шарпи в 1684 г. и были переизданы в 1688 г. ...

Из всех писателей, касавшихся легенды о Мономотапе, Дюбуа-Фонтенель, несомненно, излагал ее с самой безудержной фантазией. Впрочем, маловероятно, чтобы читатели той эпохи принимали его всерьез. В отличие от изобретений Ле Бланка его изобретения не воспроизводились позднейшими писателями» [373, с. 96].

Особо следует остановиться на источниках, относящихся к периоду португальского проникновения в XVI—XVII вв. в Эфиопию или, как ее называли португальцы, в «страну пресвитера Иоанна». Больше всего источников имеется о сравнительно позднем периоде португало-эфиопских контактов (XVII в.). Среди них в первую очередь должно быть названо трехтомное сочинение миссионера-иезуита Перу Паиша «История Эфиопии», который в течение 20-летия (1603—1622) жил в Эфиопии. Его труд содержит множество разнообразных сведений о стране, жизни, быте и нравах жителей, о государственном устройстве, о политической истории Эфиопии, о португальских усилиях поставить страну под свой контроль и т. д. [117].

Несколько хуже обстоит дело с источниками о более раннем периоде португало-эфиопских контактов. В 1527 г. в Лиссабон прибыло эфиопское посольство, направленное туда императором Давидом II. Во главе этого посольства стоял один из наиболее высокопоставленных придворных негуса (императора) — Зага Зааб.

Многолетнее пребывание Зага Зааба в Португалии способствовало заметному повышению интереса к «стране пресвитера Иоанна».

Знаменитый португальский историк и гуманист Дамьян де Гоиш, ставший близким другом Зага Зааба, опубликовал в 1532 г. на латинском языке книгу «Посольство великого императора пресвитера Иоанна», которая была переведена на все главные европейские языки. Эта книга сохранила для потомков некоторые подробности 12-летнего пребывания Зага Зааба при-португальском и папском дворах.

По случаю формального акта подчинения негуса Эфиопии папе Клементу VI в Болонье в 1533 г. была опубликована на латинском языке брошюра Дамьяна де Гоиша «Посольство короля Эфиопии Давида к святейшему папе Клементу...». В ней содержалось первое в Европе суммарное описание империи «пресвитера Иоанна»: «В середине Африки, считаемой третьей частью света, живут абиссинцы, или эфиопы, которые уже долгое время находятся под властью великого императора Давида, обычно называемого

пресвитером Иоанном. Шестнадцать богатых королей повинуются ему и принимают его законы...» и т. д. [373, с. 165].

Эти книги были главным источником информации о стране священника Иоанна до 1540 г., когда вышло в свет гораздо более обстоятельное описание Эфиопии, составленное Франсишку Алваришем [34].

Большую ценность для изучения истории португальской колониальной экспансии в Северо-Восточной Африке представляет сочинение Мигеля де Кастаньосо, участника португальской военной экспедиции в Эфиопию в 1541—1543 гг., которой командовал Кривостован да Гама.

Мигель де Кастаньосо родился в Сантарене и происходил из аристократической испанской фамилии. Поступив на военную службу к португальскому королю, он был в числе немногих португальцев, вернувшихся на родину после Абиссинского похода 1541—1543 гг. В Португалии он был щедро вознагражден королем. В 1554 г. Кастаньосо вторично отправился в Индию в качестве капитана военного судна. Точная дата его смерти неизвестна, но он умер, по-видимому, между 27 июня 1564 и 1 июня 1565 г.

Кастаньосо написал трактат об Абиссинском походе, в котором хотел рассказать об этих событиях, участником и свидетелем которых он был, а главное — прославить подвиги Кривостована да Гамы, руководившего этой экспедицией. Трактат Кастаньосо представляет собой незаменимый источник для историка, изучающего историю португальской колониальной экспансии, поскольку в нем зафиксированы многие факты, сведения и подробности, относящиеся к экспедиции Кривостована да Гамы, которые нельзя найти ни в одном другом сохранившемся источнике.

Копию оригинальной рукописи Кастаньосо передал португальскому королю Жуану III. Она хранилась в библиотеке Реал де Ажуда и была впервые издана одним из самых крупных знатоков эфиопской истории и литературы — Эстевесом Перейрой в 1898 г.

Э. Перейра (1854—1924) был полковником инженерной службы. Ему принадлежит ряд хороших изданий и исследований по историческим и антологическим памятникам Эфиопии.

Книга Перейры снабжена обстоятельным введением, примечаниями и документами. Но в изданной Перейрой рукописи Кастаньосо есть ряд пропусков, которые, видимо, существовали в оригинале или были нечитабельны, а поэтому опущены переписчиком. Перейра дополнил их по другим источникам и отметил скобками.

Крупный немецкий ученый-эфиоповед Энно Литтманн издал немецкий перевод рукописи Кастаньосо, снабдив его основательными комментариями [108].

Английский перевод трактата Кастаньосо издал Р. Уайтвэй. Он выполнен с большой тщательностью и точностью. В это издание включен также английский перевод доклада Жуана Бермудиша [142].

В 1561 г. был опубликован «Краткий рассказ о посольстве, во время которого патриарх Ж. Бермудес был обвинен императором Эфиопии».

Несмотря на то что португальцы вступили в прямые контакты со «страной священника Иоанна», даже в начале XVII в. в Португалии и во всей Европе о ней рассказывалось немало небылиц как о стране, являющейся некоей земной имитацией небесного рая. По словам историка Э. Сансо, «хотя многие португальские путешественники в значительной мере разрушили этот миф, в этом мире тоскливых иллюзий легенды и утопии рассеиваются с трудом. В общем-то в это время мало было европейцев, которые побывали в Эфиопии, и еще меньше было тех, кто, после того как видел ее, вернулся на родную землю. Кроме того, давайте вспомним, что печатные книги имели очень ограниченное распространение, и тогда мы не удивимся, что, несмотря на книги Франсишку Алвариша и других португальских писателей, фантазия народов всегда

оставалась готовой принять всякие небылицы о стране священника Иоанна» [117, т. I, с. 151].

В 1610 г. в Валенсии вышла книга монаха Луиша де Урреты, имевшая длинное название: «Церковная и политическая история великих и далеких королевств Эфиопии — монархии, так называемой империи священника Иоанна Индийского».

Описание Урреты базируется главным образом на рассказах некоего Жуана Балтазара, уроженца Эфиопии, которого он встретил, путешествуя по Европе. Имея богатое воображение и весьма бойкий язык, Ж. Балтазар рассказал доверчивому монаху массу удивительных и нелепых историй, потрясая его рассказами о несуществующих городах, о библиотеке, которая включает в себе «всю мудрость мира», о сокровищнице императора, равной которой нет ни у одного из владык Востока, о школах, где обучаются дети обоих полов, и т. д. [там же, с. XVII].

Помимо вышеуказанных источников европейского происхождения для изучения нашей темы весьма важны и полезны также источники, исходящие не от европейцев. Здесь прежде всего следует указать ряд арабских хроник, переведенных и опубликованных в трудах Рене Бассе [44]. Имеются интересные сведения по вопросу о португальской экспансии в Эфиопию в некоторых амхарских и харарских хрониках [30; 31]. Важные данные могут быть почерпнуты также из источников турецкого происхождения.

Ценные своей объективностью и обстоятельностью сведения о португальской работоторговле можно найти в воспоминаниях русских путешественников, посетивших Бразилию в начале XIX в., — Лисянского (1803—1804), Лазарева (1814), Головкина (1808 и 1817) и др.

Важные сведения по интересующим нас вопросам могут быть почерпнуты также из устных народных преданий и легенд, сохранившихся в памяти многих африканских народностей и племен. Некоторые из них были записаны путешественниками, миссионерами или учеными в XIX—XX вв.

Существующие источники освещают далеко не все периоды и дают ответы далеко не на все вопросы, связанные с португальской колониальной экспансией XVI—XVIII вв. Вследствие скудности дошедших до нас письменных источников остается еще большое количество вопросов, на которые пока не представляется возможным дать удовлетворительные ответы. Необходимы усилия многих исследователей, чтобы отыскать и подвергнуть серьезному изучению источники, которые позволили бы до конца проанализировать весьма сложную и запутанную усилиями многих поколений проколониалистскн настроенных историков проблему генезиса португальской колониальной империи. Но и те источники, которые уже сегодня имеются в распоряжении исследователя, позволяют воссоздать в основных чертах процесс формирования самой долговечной в истории колониальной империи и выявить ее особенности.

ГЛАВА II

СОЗДАНИЕ ПОРТУГАЛЬСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ (XV—XVII вв.)

ПРИЧИНЫ И НАЧАЛО ПОРТУГАЛЬСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ В АФРИКЕ (КОНЕЦ XV — НАЧАЛО XVI в.)

Первыми европейцами, появившимися в Тропической Африке в роли завоевателей, были португальцы. Уже в начале XV в. они начали колониальные захваты в Западной Африке, в начале XVI в. создали свои опорные пункты на восточном побережье континента, а затем распространили свое господство на многие страны Ближнего, Среднего и Дальнего Востока и Бразилию.

Естественно поставить вопрос: почему именно Португалия и Испания, отсталые в социально-экономическом отношении феодальные страны, а не более развитые страны Европы (Голландия, Англия и др.), значительно раньше вступившие на путь капиталистического развития, осуществили огромную по масштабам и исключительно важную по последствиям раннюю заморскую экспансию, которая вызвала гигантские исторические перемены, затронувшие судьбы почти всех народов мира?

Ответ на этот вопрос следует искать в специфических условиях развития пиренейских стран — Португалии и Испании.

Причины ранней заморской экспансии Португалии связаны с особенностями ее исторического развития.

Португалия завершила Реконквисту (т. е. изгнала со своей территории арабов, завоевавших в VIII в. Пиренейский полуостров) в середине XIII в. — почти на два с половиной столетия раньше, чем соседняя Испания. В борьбе с арабами (маврами) окрепла королевская власть, опиравшаяся на купечество приморских портов Лиссабона и Порту и на мелкопоместных дворян (фидалгу). Поддерживаемая этими союзниками, королевская власть сумела сломить власть крупных феодалов и подчинить себе католическое духовенство.

В результате значительно раньше, чем в других пиренейских государствах, в Португалии завершилась консолидация политической власти и сложилась абсолютистская форма монархического правления. Мелкопоместные дворяне и городская буржуазия нуждались в могущественном покровителе; они не могли существовать без сильной руки, карающей все децентралистские тенденции крупных феодалов.

Португалия находилась в стороне от сложных международных конфликтов, в которые были вовлечены почти все другие европейские страны. Географически она была расположена более благоприятно, чем большинство европейских стран, для прямого контакта с западным и северным побережьями Африки. Португальские рыбаки имели долгий опыт плавания в Атлантическом океане.

Расположенная узкой длинной полосой вдоль побережья Атлантического океана, Португалия развивалась быстрее других пиренейских государств и уже к XV в. превратилась в торговую страну с большим морским флотом.

Поскольку Португалия обладала весьма ограниченными естественными ресурсами, фидалгу и купечество обратили свои жадные взоры на еще неведомые заморские территории. Воинственные фидалгу, целые поколения которых выросли в непрерывных войнах с арабами и для которых война стала главной профессией, теперь остались не у дел и требовали от королевской власти организации заморских экспедиций, с которыми они связывали мечты о богатстве и славе. Купцы привозили в Португалию с таинственного Востока роскошные ткани, драгоценности, диковинные изделия из слоновой кости и, наконец, специи, ценившиеся в Европе невероятно дорого. Все это разжигало аппетиты обедневших португальских фидалгу и мечтавших о новых прибыльных рынках купцов. Еще больше распалили их воображение циркулировавшие в XV в. слухи и рассказы арабских купцов и путешественников о том, что в Африке, за пустыней Сахарой, много золота.

Под давлением фидалгу и купечества король Жуан I построил сильный военный флот и в 1415 г. захватил североафриканский порт Сеуту (на территории нынешнего Марокко), положив тем самым начало многовековой одиссеи португальской колониальной экспансии.

Вдохновителем и организатором заморской экспансии Португалии стал принц Энрике (1394—1460), известный в литературе под именем Генрих Мореплаватель, хотя он ни разу не участвовал в далеких морских экспедициях¹.

---

¹ Принц Энрике участвовал лишь в захватнических экспедициях в Марокко (в 1415 г. — против Сеуты, в 1437 г. — против Танжера и в 1458 г. — против Алкасер-Сегира).

В 1420 г. принц Энрике стал великим магистром Ордена Христа — полувоенной, полумонашеской организации. На средства ордена принц основал обсерваторию и мореходную школу в Сагрише и начал посылать экспедицию за экспедицией, чтобы больше узнать о том, «что же спрятано от человеческих глаз в Южном море».

По сообщению хрониста Зурары, Энрике ставил при этом перед моряками пять главных целей: исследовать неизвестные страны, лежащие за мысом Бохадор; установить торговые связи с христианскими народами, если они будут обнаружены; определить степень и масштабы магометанского влияния; найти христианских союзников для борьбы против магометан; обращать туземцев в христианскую веру [41].

Зурара, разумеется, скромно умалчивает о том, что главная цель Энрике заключалась не столько в том, чтобы завладеть душами новообращенных туземцев, сколько в том, чтобы завладеть золотом, слоновой костью и пряностями, которые были главным предметом вожделений «благочестивого» инфанта.

Впрочем, в 40-х годах XV в., ознакомившись с «Книгой» Марко Поло, принц Энрике потребовал от своих капитанов предоставлять ему информацию о «христианских королях» на Востоке, особенно о христианской стране «царя-священника Иоанна», а также собирать сведения о морском пути в Индию [43, дек. I, ч. 1].

Вслед за фазой открытия западного побережья Африки, длившейся с 1435 по 1462 г., началась фаза активной колониальной экспансии Португалии в этом районе.

Принц Энрике, понимая огромные экономические выгоды, которые сулило обладание вновь открытыми землями, позаботился о том, чтобы сделать их собственностью португальской короны и гарантировать от посягательств других европейских держав.

Как сообщает Ж. де Барруш, принц обратился к Ватикану с просьбой «отдать в вечное владение короне этого королевства (Португалии) всю землю, как уже открытую, так и ту, которая будет открыта на этом нашем море-океане за мысом Бохадор» [43, дек. I, кн. 1, гл. 7, с. 32].

В 1454 г. римский папа Николай V пожаловал Португалии папскую буллу, по которой Португалия получала права на все земли и острова, «как уже приобретенные, так и те, которые будут приобретены к югу от мыса Бохадор с полным отпущением грехов всем, кто может потерять жизнь во время этих завоеваний» [323б, с. 21].

Буржуазная историография безмерно идеализирует Генриха Мореплывателя, изображая его как бескорыстного идеалиста, движимого исключительно любовью к богу, науке и знаниям. Так, западногерманский историк Р. Хеннинг утверждает, что «не низкая жажда наживы, но подлинно культурные и научные интересы определяли деятельность принца» и что «нет никаких оснований обвинять принца в погоне за добычей и грабеже» [189, с. 21; см, также 233, с. 118].

Источники опровергают созданную буржуазной историографией легенду об основоположнике португальской колониальной империи. Состоявший много лет на службе у принца и хорошо его знавший португальский мореплыватель Дногу Гомиш писал: «...Караваны до 100 верблюдов переходили до места, названного Томбукту, и в другую страну — Кантор — за золотом, которое там имеется в большом количестве... Об этом слышал принц Энрике, и это побудило его на исследование тех земель по морю, чтобы, установив с ними торговлю, кормить своих дворян» [80, т. I, с. 71].

Другой португальский мореплыватель XV в., Дуарти Пашеку Перейра, в своем знаменитом труде «Изумрудная книга о местоположении земли», хотя и пишет о божественном откровении, снизошедшем на принца Энрике, все же считает, что движущими мотивами предпринятой им экспансии были прежде всего материальные интересы [там же, с. 24].

Есть основания думать, что больше всего принц Энрике заботился о своем личном обогащении. В письме королю Аффопсу V он просил его подтвердить решение о том, что двадцатая часть всех товаров, привезенных из Гвинеи, принадлежит Ордену Христа, доходами которого он мог пользоваться бесконтрольно [там же, с. 147—150]. В 1433 г. принц просил короля освободить его от уплаты короне традиционной «пятины» — одной пятой части награбленной добычи, привезенной из Африки, — и король удовлетворил просьбу [там же, стр. 140].

В 1443 г. принц Энрике добился для себя монопольного права на отправку экспедиций в Африку. С этого времени каждый, кто хотел послать корабли в Африку, должен был получить разрешение принца Энрике, а по завершении экспедиции — отдать ему одну пятую часть добычи [82, т. II, с. 142].

Экспедиции Генриха Мореплвателя положили начало португальской заморской экспансии и работоторговле. При нем были открыты около 3500 км побережья от Западной Сахары до Сьерра-Леоне.

Племянник Генриха Мореплвателя король Жуан II (1481 — 1495), энергично продолжавший политику своего дяди, получил в 1493 г. от папы Александра VI подтверждение буллы 1454 г. с добавлением пункта, дающего португальскому Ордену Христа духовную юрисдикцию над вновь открытыми землями «от мыса Бохадор и вплоть до Индии».

В июне 1497 г. Александр VI направил португальскому королю Мануэлу новую буллу: «Его святейшество разрешает, чтобы он и короли — его наследники владели землями, отвоеванными у неверных без ущерба для тех христианских правителей, которые имеют на них право» [33, с. 90]. В 1499 г. Александр VI издал специальное постановление, которое дало португальскому королю «право патронажа над всеми церквями, построенными на землях, отвоеванных им у народов Африки» [там же]. Эти буллы отдали в руки Португалии всю Африку к югу от Сахары вместе с прилежащими островами.

Не рискуя пойти против воли «наместника Христова», европейские державы вынуждены были признать монопольное право Португалии на обладание Африкой и в течение более чем столетия не осмеливались высаживаться на африканских берегах.

«Невмешательство» европейских держав в значительной степени обеспечивалось также исключительно активными дипломатическими усилиями, которые предпринимала в этом направлении сама Португалия. Так, во время подготовки английской экспедиции к западным берегам Африки король Жуан II направил в Англию дипломатическую миссию во главе с Руи де Соуза, чтобы объяснить своему кузену Эдуарду IV, что отправка им экспедиции в Гвинею будет противоречить воле папы. Миссия должна была уведомить англичан о праве и решении Жуана II овладеть Западной Африкой, чтобы, «после того как король Англии с этим согласится, он запретил кому-либо во всех своих королевствах злоумышлять или отправляться в Гвинею» [260, с. 36].

Таким образом, в XV—XVI вв. Португалия с помощью святейшего престола провозгласила и проводила в жизнь нечто вроде раннего варианта доктрины Монро в отношении Африки к югу от Сахары, претендуя на монопольное влияние в этом огромном регионе.

После открытия Бартоломеу Диашем в 1486 г. мыса Доброй Надежды португальский король Жуан II взялся за осуществление гигантской для того времени задачи — найти и поставить под свой контроль морской путь в Индию, перехватив у Генуи и Венеции исключительно выгодную торговлю с Востоком. Открытие морского пути в Индию должно было также покончить и с монополией арабских купцов, которые доставляли из Индонезии, Цейлона и Индии перец, корицу, имбирь, гвоздику в страны Ближнего Востока, откуда генуэзцы и венецианцы перевозили их в Европу. Обилие посредников — арабов, генуэзцев, венецианцев — намного удорожало стоимость восточных товаров, а восточные рынки были совершенно недоступны для купцов большинства европейских стран.

Для осуществления своего плана Жуан II провел огромную подготовительную работу военного и дипломатического характера. В 1487 г. он отправил двух шпионов, Ковильяна и Пайву, в Египет, а оттуда в Индию, чтобы собрать как можно больше информации для предстоящей морской экспедиции. Пайва погиб в пути, а Ковильян после долголетних странствий поселился в 1493 г. в Эфиопии.

Когда в 1520 г. в Эфиопию прибыло португальское посольство во главе с Родригу Лимой, Ковильяну было уже больше 70 лет. Священник посольства Франшишку Алвариш записал подробный рассказ Ковильяна о его странствиях и включил в свой отчет о «Земле священника Иоанна» [34]. Во время пребывания в Эфиопии Ковильян вел дневник, в который записывал все, что ему удалось узнать о географии и этнографии страны, а также сведения о торговле в Красном море, на восточноафриканском побережье и в Индийском океане. В этом дневнике он также описал золотые рудники Софалы и торговлю золотом в Восточной Африке.

Еще в первые годы жизни в Эфиопии Ковильян, рьяно выполняя возложенные на него шпионские функции, отправил важное донесение королю Португалии, в котором убеждал его предпринять попытку обогнуть Африку с Запада. Он сообщал, что во время своих странствий он получил сведения, что это вполне возможно и что такое путешествие связано с небольшим риском. К своему донесению он приложил карту, полученную им от одного ученого мавра в Индии, на которой довольно точно были обозначены мыс Доброй Надежды и города вдоль восточного побережья Африки. Нет сомнения в том, что его информация не только вдохновила, но и во многом содействовала успеху знаменитого путешествия Васко да Гамы в 1498—1499 гг.

Жуан II не без основания опасался соперничества со стороны Испании, которая тоже выступала претендентом на господство в Атлантике и Индийском океане. Для того чтобы обезопасить себя от противодействия своей сильной иберийской соседки, Португалия подписала с ней в 1494 г. Тордесильясский договор, который установил линию раздела территорий.

Через одиннадцать лет после экспедиции Бартоломеу Диаша 25 марта 1497 г. из Лиссабона вышла флотилия из трех судов и одного транспорта, которой командовал Васко да Гама (1469—1524). Перед ним была поставлена задача — отыскать морской путь в Индию. Обогнув мыс Доброй Надежды, Васко да Гама взял курс на север и поплыл вдоль восточноафриканского побережья. К своему удивлению, он обнаружил здесь большое число процветающих мусульманских городов.

В найденных и изученных Т. А. Шумовским трех неизвестных рукописях Ахмада ибн Маджида, написанных уже после путешествия Васко да Гамы, имеются любопытные сведения, помогающие восстановить мотивы, ход и характер первой португальской морской экспедиции в Азию [195; 32]. Как видно из этих источников, 20 мая 1498 г. Васко да Гама с помощью лоцмана Ибн Маджида благополучно достиг г. Каликут на Малабарском побережье Индии. Великий португальский поэт Камознс (XVI в.) так описывал прибытие туда португальцев: «Лоцман из Мелинды (Малинди.— А. Х.) вне себя от восторга воскликнул: „Если мое искусство не обманывает меня, перед нами — государство Каликута! Вот Индия, которую Вы ищете, и честолюбие ваше будет удовлетворено, если единственное ваше желание — попасть туда!“» [22, с. 108].

Сочинения Ибн Маджида любопытны не только тем, что содержат живые свидетельства об исторической трагедии, постигшей на рубеже XV и XVI вв. народы Востока, но и тем, что повествуют о душевной трагедии, пережитой самим Ибн Маджидом, которому довелось стать не только очевидцем, но и в какой-то степени косвенным виновником этих трагических событий. Отправившись с португальцами в Индию, «для того чтобы иметь удовольствие беседовать с ними», Ибн Маджид вскоре испытал разочарование в своих спутниках и вкусил всю горечь вины за содеянное, когда он с удивлением увидел, что привезенные им в Индию «приятные собеседники», словно стая голодных шакалов, стали рвать на куски тело своей беззащитной жертвы. Удивление в нем быстро сменилось возмущением и гневом. Вскипая от негодования, Ибн Маджид написал следующие замечательные слова, которые и теперь, через 500 лет, звучат как дошедшее до нас из глубины веков предупреждение потомкам и суровое осуждение колонизаторов: «Они... прибыли в Каликут. Там они покупали и продавали, властвовали и притесняли, опираясь на подкупленных туземных князьков-самири. Приплыла с ними и ненависть к исламу! Люди предалися страху и озабоченности. Оторвалась земля самири

[Индия] от мекканской, и закрылся Гвардафуй² для проезжающих... Они, [португальцы], приплыли в Индию, приобрели жилища, поселились и стали заводить знакомства, опираясь на самири... *О, если бы я знал, что от них будет!* (подчеркнуто мною.— А. Х.). Люди поражались их поведению» [32, с. 37—39, 96, 97].

В августе 1499 г. Васко да Гама вернулся на родину с грузом золота и индийских пряностей. Из 168 сопровождавших его людей в живых осталось лишь 55. Открытие морского пути в Индию произвело в Португалии громадное впечатление. Король Мануэл принял по этому случаю прозвище «Счастливый» и официальный титул «Владыка Индий».

Таким образом, на рубеже XV и XVI вв. Португалия открыла большую историческую эпоху — эпоху тесных контактов и постоянного взаимодействия между европейцами и народами Азии и Африки.

Открытие морского пути в Индию сразу же выдвинуло Португалию на авансцену международной политики, сделав ее перворазрядной мировой державой. Открытие и освоение морского пути в Индию, во-первых, давало Португалии огромные экономические, политические и военно-стратегические преимущества по сравнению с другими европейскими державами. В ее руках оказался контроль над важнейшими торговыми путями, связавшими Европу и Азию. Во-вторых, открытие португальцами морского пути в Индию существенно изменило баланс сил в Европе и на Ближнем и Среднем Востоке. Чтобы извлечь выгоды из своего открытия и стать монопольной обладательницей индийской торговли, Португалии было крайне важно блокировать торговую деятельность своих соперников, Египта (а после 1517 г.— Османской империи) и Венеции, на старом пути через Красное море. С этим, в частности, были связаны начавшиеся с 1520 г. контакты Португалии с Эфиопией, принявшие вскоре форму попыток поставить эту африканскую страну под политический и идеологический контроль и не допустить ее завоевания мусульманами [подробнее см. 188].

Понимая, какие выгоды приносит им открытие и монопольное обладание морским путем в Индию, португальцы тщательно заботились о сохранении в тайне изготовленных ими морских карт, «они старались по возможности утаивать сведения о своих африканских владениях от всей Европы. Мореплавателям велено было молчать об их путешествиях и открытиях, из хроник вычеркивались соответствующие описания и изымались карты. Самое изготовление карт было объявлено привилегией короля» [190, с. 58]. В связи с этим К. Маркс в «Хронологических выписках» отметил: «Португальцы смотрели на морской путь в „страну золота" Индию как на свою исключительную собственность. Они *не разрешали иностранцам пользоваться их морскими картами*, держали в тайне употребление ими компаса в морских плаваниях» [7, с. 98].

Эпоха великих географических открытий составляет страницу славы и позора в истории Португалии. С одной стороны, открытия содействовали расширению знаний европейцев о мире, экономическим контактам между государствами Европы, Африки, Азии и Америки, взаимному обогащению и взаимопониманию культур Запада и Востока. С другой стороны, она отмечена зверствами и жестокостями португальских навигаторов, варварским разрушением материальных и культурных ценностей, созданных цивилизациями на Востоке. Касаясь этого вопроса, генеральный секретарь Португальской коммунистической партии Алваро Куньял писал: «Португальцы имеют основания гордиться эпопеей географических открытий, совершенных их предками... Но португальский народ не может солидаризироваться с грабежами, насилиями, чудовищными преступлениями, совершенными правящими классами в результате этих открытий».

Великие географические открытия в конце XV в. подготовили и ускорили процесс первоначального накопления капитала. Одним из непосредственных результатов была так

² Мыс на восточной окраине Сомалийского полуострова, при входе в Аденский залив.

называемая революция цен. На европейский рынок хлынул громадный поток драгоценных металлов, цены на которые упали вследствие их изобилия и того, что они добывались в колониях принудительным, бесплатным трудом порабощенного населения. Вследствие этого цены на остальные товары резко возросли.

Великие географические открытия явились прологом к колониальному завоеванию многих стран и к возникновению колониальной системы в целом. Колониальная политика правящих классов европейских государств, в том числе и Португалии, представляла собой не обычный торговый обмен, как пытаются доказать некоторые буржуазные историки [205, с. 83—102], а расхищение природных и человеческих ресурсов колоний, захват и разграбление целых стран, установление монополий в торговле между Западом и Востоком, хищническую феодальную и рабовладельческую эксплуатацию, работорговлю и истребление целых народов.

В 1500 г. Кабрал открыл Бразилию, назвав ее «островом Вера-Круш», и объявил владением короля Португалии, в знак чего поставил на холме большой деревянный крест, и двинулся через Атлантический океан к берегам Африки. Во время бури недалеко от мыса Доброй Надежды четыре корабля утонули, а шесть кораблей добрались до Малинди, а оттуда прошли к Каликуту. Завязав торговые связи с индийскими городами Кочин и Каннанор и загрузив свои суда пряностями и тканями, Кабрал двинулся в обратный путь [43, дек. I, ч. 1, с. 179, 222].

В июле 1501 г. эскадра Кабрала вернулась в Лиссабон. Несмотря на потерю нескольких судов, ценность доставленных ею грузов была так велика, что вдвое превысила расходы на экспедицию. Кабралу за оказанные им услуги была назначена пенсия 30 тыс. реалов [33, с. 132].

В феврале 1502 г. в Индию была отправлена новая большая экспедиция из 15 судов. Командовать ею было поручено Васко да Гаме. Незадолго до отправки этой экспедиции, как сообщают хронисты, король пожаловал ему титул «адмирала Индийского моря» «в награду за те услуги, которые, как король надеялся, он окажет во время этого путешествия».

Когда эскадра «адмирала Индийского моря» подошла к Кильве, к ней присоединились еще пять кораблей под командованием его двоюродного брата Эстевана да Гамы.

Судя по рассказу хрониста, дальнейшие события развивались следующим образом. «Король (шейх.— А. Х.) Кильвы был в таком ужасе от прибытия этих судов, что добровольно послал записку Васко да Гаме о том, что он хочет его посетить, и в соответствии с этим было условлено о встрече на корабле, во время которой Васко да Гама захватил его и сказал ему, что если он не станет вассалом и данником короля, его сеньора, то он увезет его как пленника в Индию, а оттуда в Португалию».

Заманив шейха Кильвы в ловушку, Васко да Гама заставил этого богатого правителя признать свою вассальную зависимость от португальского короля и платить ему ежегодную дань.

Такой метод действий был типичен для португальских колонизаторов. Обычно они требовали от местных правителей уплаты дани и признания вассальной зависимости от короля Португалии, в случае же отказа подвергали города разрушению и разграблению, а затем сжигали. Если же местный правитель принимал их условия, они вносили с него дань и оставляли в покое, но только пока он послушно выполнял их приказы, желания и прихоти.

Подойдя в конце октября к Каликуту, Васко да Гама, чтобы запугать жителей города, подверг его артиллерийскому обстрелу и приказал повесить на реях 38 мирных индийских рыбаков, захваченных в гавани. Ночью он приказал снять трупы и отправить в лодке на берег с запиской, что такова будет судьба всех жителей города, если они не признают власть короля Португалии. Не получив ответа, разъяренный адмирал приказал на следующий день снова бомбардировать город. Оставив семь кораблей для блокады

Каликута, Васко да Гама нагрузил остальные корабли пряностями в Кочине и Каннаиоре и в феврале 1503 г. двинулся в обратный путь. В октябре того же года он вернулся в Португалию и был осыпан новыми королевскими милостями.

После того как Португалия проложила морской путь в Индию, она стала прилагать все усилия для того, чтобы поставить его под свой контроль. Португальская колониальная экспансия, проводившаяся в этих целях, может быть условно разделена на два этапа. Первый этап охватывает период с 1498 по 1509 г. и связан с именем первого вице-короля Индии, Франсиску де Алмейды, второй — с 1509 по 1515 г. и связан с именем жестокого и властолюбивого вице-короля Индии Афонсу де Албукерки.

Для установления эффективного контроля над морским путем в Индию Португалии необходимо было прежде всего иметь в своем распоряжении удобные и безопасные гавани и стоянки для кораблей вдоль западного и восточного побережий Африки. Для прямого военного захвата побережья Африки у португальцев еще не хватало сил. Поэтому на первом этапе своей колониальной экспансии они опасались вооруженных столкновений с еще неизвестными им обитателями недавно открытого континента. В то же время португальцы делали все для того, чтобы посеять распри и разжечь вооруженные конфликты между различными африканскими государствами, народностями и племенами, не дать им возможности объединиться в общей борьбе против европейцев.

Особенно большое значение на этом этапе колониальной экспансии придавалось установлению тесных контактов с правителями наиболее сильных африканских государств, бдительность которых Португалия всячески пыталась усыпить лицемерными разговорами о своей особой «цивилизаторской» и «христианской» миссии. «Король,— писал Барруш,— предусмотрительно отправлял своих посредников с посланиями к вождям и старался зарекомендовать себя их близким и надежным союзником во всех делах и войнах» [152, с. 38].

Политика налаживания «союзнических» отношений объяснялась, по-видимому, тем, что Португалия еще не имела, с одной стороны, достаточных средств для колонизации открытых территорий, а с другой — ясного представления о военных и других возможностях африканских правителей, о могуществе которых и Европе в то время ходили самые фантастические слухи.

Устанавливая контакты с африканскими правителями, португальцы старались собрать как можно больше информации об этих странах, и особенно о численности и вооружении их армий.

Сбору этой «разведывательной» информации в Лиссабоне придавали исключительно большое значение. Во всех королевских инструкциях содержалось непереносимое требование выяснять все, что касается населения, размеров и силы африканских государств. Кроме обычной армии португальский король имел в Африке не менее многочисленную армию лазутчиков и шпионов. Это обеспечивало высокую степень осведомленности португальского королевского двора о внутреннем положении в африканских странах.

Португальская корона требовала сохранения этой информации в глубокой тайне, чтобы поставить в невыгодное положение своих торговых конкурентов в Африке. Особенно строго и неукоснительно это требование соблюдалось в отношении сведений, касающихся сильных африканских государств, имевших развитые административно-политические и торговые системы и вовлеченных в трансконтинентальные и межконтинентальные торговые связи. Можно предположить, что именно с этим связано то малопонятное на первый взгляд обстоятельство, что ранние португальские свидетельства о Нижнегвинейском побережье, где существовал ряд таких государств, гораздо сдержаннее и беднее информацией, чем рассказы о менее развитых обществах Верхнегвинейского побережья [292, с. 396].

К середине XVI в. португальцы уже собрали довольно полную и разностороннюю информацию о наиболее крупных африканских государствах в Африке, особенно на ее западном побережье.

Первое, что выясняли португальские лазутчики,— это наличие или отсутствие в стране золота. Португальских колонизаторов, привыкших смотреть на заморские страны как на источник легкого и быстрого обогащения, прежде и больше всего интересовало золото, все прочие естественные богатства, с точки зрения конкистадоров, не имели особого значения.

«Золото искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке,— писал Ф. Энгельс,— *золото* было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку; *золото* — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег» [10, с. 408].

В 1481 г. португальцы построили свой первый форт в Золотом Береге, назвав его Эльмина («рудник»). Отсюда они надеялись начать поиски африканского золота. Кроме того, форт мог быть использован в случае вторжения испанцев или других европейских конкурентов. Характерно, что этот первый португальский форт в тропиках был основан по соглашению с местным вождем, а не в результате захвата. Португальская экспедиция во главе с Диогу д'Азамбужу, явившись к местному вождю Караманза с предложением дружбы и союза, стала добиваться от него разрешения на строительство крепости. В конце концов, как сообщает португальский хронист Руи де Пина, португальцы с помощью богатых подарков сумели уговорить Караманза, и он дал разрешение воздвигнуть форт при условии «сохранения мира и справедливости». Однако местное население всеми мерами противилось намерению чужеземцев построить крепость. Их лишали пресной воды, разрушали по ночам уже построенные сооружения, «а них совершали внезапные нападения и пр. Чтобы запугать население Золотого Берега, Азамбужу прибегал к жестоким репрессиям и даже сжег дотла большое селение [132, с. 70—78].

Построив крепость, португальцы, по сообщению хронистов, стали еще хуже обращаться с народом. Самуэль Браун, врач из Базеля, в 1620 г. писал, что он слышал рассказы о том, как издевались колонизаторы над населением Золотого Берега. Они отобрали у местного правителя (которого он называет королем Фету) почти все его привилегии и доходы, включая доход от так называемого налога на рыбу. «Они плохо обращались с народом, и торговцы золотом перестали носить золото в крепость. Тогда португальцы решили, что смогут получить силой то, что им не давали добровольно» [276, с. 19]. Они начали войну и двинулись в глубинные районы. Однако жители сделали завалы на дорогах из больших деревьев и отрезали португальцам путь к отступлению. Португальское войско оказалось в ловушке. Оно страдало от нехватки продовольствия и отсутствия воды. Африканцы подожгли лес, и все 900 португальских солдат погибли [там же]. Ни одному из них не удалось вернуться в форт, чтобы сообщить о случившемся.

Вслед за Эльминой португальцы построили вдоль побережья целую серию фортов [152, с. 38], которые должны были служить не только надежными военными базами и плацдармами для завоевания африканских народов, но также и военной защитой от покушений со стороны «цивилизованных» соперников из Европы. Франция, Англия и другие европейские державы никогда полностью не признавали папскую буллу, которая щедро отдала Новый Свет Испании, а Африку — Португалии. Так, французские торговые компании начали посылать свои корабли на западноафриканское побережье. Французские, английские и испанские пираты то и дело нападали на португальские суда и топили их, предварительно очистив трюмы от золота, слоновой кости и рабов. Только с 1500 по 1531 г. потери португальцев от морского разбоя составили около 300 судов [276, с. 20].

Португальцы считали гвинейскую торговлю своей монополией и со всеми, кто пытался ее нарушить, обращались как с контрабандистами. Они запрещали местному населению торговать с англичанами, французами и другими европейцами. Тем не менее

многие африканские вожди, знавшие по личному опыту или по рассказам других о жестокости и хитрости португальских завоевателей, охотно вступали в торговые отношения с англичанами или французами, так как, по выражению одного афганского историка, «предпочитали зло, которое они не знали, злу, которое они знали» [там же, с. 21].

После колонизации островов Зеленого Мыса в 1460-х годах португальцы приобрели удобно расположенную базу для проникновения на материк. Королевский двор привлек на эти острова многочисленных колонистов, пожаловав им большие поместья и привилегию свободно торговать с материком. Иная система была использована для колонизации побережья. Сенегамбия и Верхняя Гвинея стали использоваться как место ссылки преступников. Эти ссыльные и их потомки — мулаты чаще всего установились посредниками в бартерной торговле золотом и рабами между португальскими торговцами и местными вождями. Некоторые из этих ссыльных проникли вплоть до Томбукту. Они содействовали распространению португальского языка в качестве своеобразного «торгового языка» («лингва франка») вдоль западноафриканского побережья [88, т. I, с. 31; 235, с. 25].

По свидетельству Барруша, в 1469 г. король Португалии сдал в аренду на пять лет торговлю Гвинеи лиссабонскому неgociанту Фернану Гомишу при условии, что он будет выплачивать королю ежегодную ренту в 200 тыс. рейсов. Кроме того, по условиям контракта Фернан Гомиш должен был ежегодно «открывать» 100 лиг (1 лига = 5 км) побережья [43, дек. I, кн. 2, гл. 2]. В 1471 г. моряки Ф. Гомиша достигли дельты Нигера и назвали эту часть Гвинейского побережья Коста-да-Мина («Берег рудника») [там же].

В одном раннем португальском источнике — книге Антониу Галвана, изданной в 1555 г. и основанной в значительной степени на Барруше, читаем: «Около этого времени были открыты острова Сан-Томе и Принсипи... а также материк, во внутренних районах которого находится королевство Бенин... Человек, сделавший эти открытия, был слугой короля по имени Секейра» [76, с. 27]. Обследовав Бенинский залив, португальцы обнаружили, что там можно покупать рабов. И вскоре в этот район, названный португальцами «Невольничьими реками»³, стали регулярно приходить каравеллы из Португалии за «живым товаром».

Однако в течение более чем десятилетия португальцы не входили еще в прямой контакт с государством Бенин, которое находилось в некотором удалении от моря и было с ним слабо связано, так как торговые и политические интересы Бенина были ориентированы в сторону глубинных районов.

Первые упоминания источников о контактах португальцев с государством Бенин относятся к 1486 г., когда в район «Невольничьих рек» по поручению короля Жуана II прибыл его агент Афонсу д'Авейру. К сожалению, не сохранилось никакого описания его путешествия, но известно, что он проник в хинтерланд «Невольничьих рек» и, побывав в Уготоне, достиг затем г. Бенина. По словам крупнейшего знатока истории Бенина нигерийского историка А. Райдера, «на людей, привыкших к маленьким европейским городам, зажатым в тесное пространство между своими стенами, огромные размеры великого города Бенина произвели сильнейшее впечатление и убедили в том, что здесь, имеется государство гораздо большего значения, чем мелкие, княжества, которые они до этого встречали на Гвинейском побережье. Оба — согласно традиции это был Озолуа... — проявил живой интерес к иностранцам» [382, с. 30].

По свидетельству хрониста Гарсиа де Резенди, оба решил; направить вместе с д'Авейру в Лиссабон в качестве посла своего родственника, правителя княжества Уготон, «человека очень знающего и умного» [128, с. 41].

Описание первого посольства Бенина к королю Португалии мы находим в хронике Руи де Пина: «Король Бенина направил в качестве посла к королю Португалии негра,

³ Позже англичане назвали этот район «Невольничьим берегом».

одного из своих губернаторов... так как он желал больше знать об этих странах, поскольку прибытие людей из этих стран было необычайным событием. Посол был человеком, умевшим хорошо говорить и имевшим природный ум. В Португалии в его честь устраивались большие торжества и ему были показаны многие интересные вещи. Он возвратился в свою страну на королевском судне, а король при его отъезде подарил ему и его жене богатые ткани. Он послал ценные подарки и королю Бенина. Кроме того, « послал католических священников с инструкциями наставлять их в вере и строго осуждать ереси, идолопоклонство и почитание фетишей, распространенные среди негров этой страны. С ними отправились также и новые агенты короля, которые должны были остаться в этой стране и торговать перцем и другими товарами» [132, с. 78—79]. Этот рассказ подтверждается и сведениями, приводимыми Гарсией де Резенди.

Королевские агенты, приехавшие в Бенин вместе с д'Авейру и правителем Уготона, основали там торговую факторию, с помощью которой лиссабонское правительство рассчитывало добиться того, чтобы вся торговля Бенина шла бы исключительно через «Каса да Мина» (правительственное учреждение, созданное в Лиссабоне в 1482 г. для управления владениями и торговлей Португалии в Гвинее) [382, с. 32].

Португальские купцы завязали тесные торговые отношения с Бенином, продавая там бусы и ткани и покупая перец, слоновую кость и рабов, захваченных на войне пленников. «Торговля в этих местах,— писал Дуарти Пашеку Перейра в начале XVI в.,— это торговля рабами и слоновой костью» [152, с. 49]. Как свидетельствуют современники, местные обычаи запрещал продавать в рабство жителей Бенина, пользовавшихся покровительством обы, и рабами там могли быть только чужестранцы — представители других племен и народов. Открытие португальской фактории, несомненно, способствовало расширению масштабов работорговли, так как не только сделало это занятие выгодным «бизнесом» для бенинских работорговцев, но и создало неограниченно емкий рынок для сбыта «товара». Только за 28 месяцев (август 1504 — январь 1507 г.) фактор Сан-Жор-жи-да-Мина зарегистрировал прибытие 440 рабов, главным образом из района «Невольничьих рек». Эту цифру Райдер считает возможным принять за средний объем экспорта рабов из португальской фактории в Бенине в начале XVI в. [382, с. 33]. Вывоз рабов шел главным образом в трех направлениях. Значительная часть рабов вывозилась на о-в Сан-Томе, где не было автохтонного населения, а жили высланные из Португалии Жуаном II крещеные евреи — мараны⁴, португальские поселенцы и ссыльные. Чтобы поощрить заселение острова, король Жуан II дал его владельцу лицензию на импорт 1080 рабов из «Невольничьих рек» в течение пятилетнего периода. К июлю 1499 г. на остров были ввезены уже 920 рабов. Другой поток рабов шел на о-в Принсипи, белые жители которого тоже получили торговые привилегии в «Невольничьих реках». Третьим пунктом, куда попадали рабы из Бенина, был невольничий рынок в Лиссабоне, где их продавали агенты «Каса да Мина» и частные торговцы. Архивные документы показывают, что в Лиссабоне в 1554 г. из общего числа населения 100 тыс. человек было не менее 9500 рабов [382, с. 35—36]. В 1514 г. король Португалии Мануэл I предоставил четырехгодичную лицензию на торговлю с Бенином могущественному владельцу о-ва Принсипи Антониу Карнейру. Принсипи стал на несколько лет главной базой португальской торговли с Бенином.

---

⁴ В хронике Гарсии де Резенди читаем: «В 1493 г. ...король даровал Алвару де Каминья, рыцарю своего двора, капитанию на острове Сан-Томе с правом наследования и при условии уплаты ежегодной ренты в 100000 рейсов в „Каса да Мина“. И поскольку кастильские евреи должны были уехать из его королевства в ограниченный срок, он приказал взять их в качестве невольников... а также взять как невольников и их детей, обратить всех в христианство и отправить с упомянутым Алвару де Каминья на остров Сан-Томе, чтобы удалить их от нашей страны и от их учений и от тех, кто мог им рассказывать о законе Моисея, чтобы они стали хорошими христианами и чтобы по мере того, как они будут подрастать и обзаводиться семьями, можно было бы заселить ими этот остров, население которого с тех пор стало расти» [128, с. СП].

Поскольку правители Бенина вели постоянные войны с соседями, они очень нуждались в огнестрельном оружии. Именно этим, по-видимому, объясняется их стремление установить дружеские отношения с португальцами. Они охотно соглашались принимать христианство и допускать в свою страну миссионеров, а взамен требовали предоставить им огнестрельное оружие и даже европейских наемников.

В 1514 г. в Лиссабон прибыли два посла из Бенина, которые привезли от обы Эсигие официальное приглашение направить в Бенин христианских миссионеров и оружие. Первое предложение с восторгом было встречено королевским двором, считавшим, что овладеть несметными богатствами Африки легче всего, овладев «чистыми душами» африканцев. Не теряя времени, королевский двор начал активную подготовку к отправке миссионеров. Сохранился интересный документ — письмо короля Мануэла хранителю королевской казны от 20 ноября 1514 г. В нем говорится: «Мы, король, приказываем вам, Руи Лейте, хранителю казны нашего двора и нашему служащему, выдать Бастиану да Варгасу... две шелковые ризы, стихари и все необходимые принадлежности, а также одну мантию из камлота любого цвета, какой вы сочтете подходящим, и все это должно быть отправлено в Бени (Бенин.— А. Х.), и их повезут священники, которых мы туда посылаем... Епископ Сафи благословит и освятит эти ризы. Мы приказываем вам сделать это быстро, ибо судно, на котором поедут эти священники, скоро должна отправиться» [88, т. 1, дек. 29, с. 114].

Приказ короля был выполнен достаточно быстро. Приведенное выше письмо датировано 20 ноября 1514 г. А расписка Бастиана да Варгаса в получении от Руи Лейте священнических одеяний помечена 6 декабря того же года.

Райдер высказывает в связи с этим предположение, что «дело» было ускорено А. Карнейру, который был лично заинтересован в развитии связей с Бенином и прислал в Лиссабон своего слугу (позже фактора на Принсипи) Антониу де Сейроса, чтобы помочь послам обы добиться быстрой отправки миссионеров [382, с. 47].

В августе 1515 г. постоянная христианская миссия, отправленная королем Португалии, прибыла в Бенин. По прибытии в Бенин миссионеры вручили обе королевские подарки и письмо, в котором содержался отказ прислать оружие до тех пор, пока оба не докажут искренность стремления принять христианство. «Когда мы увидим,— писал король,— что вы приняли христианское учение как добрый и правоверный христианин, то не будет ничего такого в нашем королевстве, что мы с радостью не дали бы вам, будь то ружья, пушки или любое другое оружие для использования против ваших врагов, а всего этого у нас огромные запасы, как вас уведомит ваш посол дон Жоржи. Мы не посылаем вам этого сейчас, поскольку божий закон запрещает это» [там же].

Оба, хотя и устроил миссионерам восторженную встречу, не спешил, однако, принимать христианство. Это видно из хранящегося в архиве Торре ду Томбу отчета некоего Дуарти Пириша, отправленного из Бенина королю Мануэлу 20 октября 1516 г. «Сеньор, когда эти священники прибыли в Бенжим (Sic! — А. Х.),— пишет этот информатор,— восторг короля Бенжима был столь велик, что я не знаю, как его описать, и так же встретил их и весь народ; король тотчас же послал за ними, и они были вместе с ним в течение целого года на войне. Священники и мы напомнили ему о посольстве Вашего Величества, и король ответил нам, что он был не очень доволен, но, поскольку он занят на войне, он не может делать ничего, пока не вернется в Бенжим, ибо для такого великого таинства, как это, необходимо свободное время, и что, как только он придет в Бенжим, он выполнит свое обещание Вашему Величеству» [33, с. 395—396].

Только через год после прибытия миссионеров оба согласился наконец на крещение своего сына и некоторых знатных лиц государства, а также разрешил построить в Бенине церковь [там же]. Однако христианство осталось узкоэлитарной религией, не вышедшей за стены дворца обы.

Но Португалия отправляла в Бенин не только миссионеров. Оба Эсигие имел, по-видимому, и португальских военных советников. Прямых указаний на это в нашем

распоряжении нет. Но анализ отчета Дуарти Пириша дает возможность найти косвенные доказательства того, что он сам и два его товарища были посланы королем Португалии в Бенин, чтобы оказать обе военную помощь в войне с соседними племенами. Они не могли быть миссионерами, о чем свидетельствует хотя бы такая фраза в письме: «Священники и мы напомнили ему о посольстве Вашего Величества» [там же]. Трудно предположить также, что они были торговцами, ибо в письме есть упоминания о том, что они находятся на войне вместе с обой и вместе с ним вернутся в Бенин. Кроме того, вряд ли простым торговцам оба стал бы воздавать такие почести, которые Пириш описывает в следующих словах: «Расположением, которое король Бенжима выказывает к нам, мы обязаны его любви к Вашему Величеству. Он воздает нам высокие почести и усаживает нас за стол есть вместе с его сыном, и при его дворе ничто от нас не скрывают и для нас открыты все двери» [там же, с. 395].

Таким образом, можно предположить, что Пириш и два его товарища были военными, посланными королем Португалии обе для непосредственного участия в войнах, которые он вел. К такому выводу нас приводит не только метод исключения, но и некоторые косвенные, но многозначительные указания в анализируемом документе: «Король Бенжима надеется закончить войну этим летом, и мы вернемся в Бенжим, и я дам Вашему Величеству отчет обо всем, что произошло. Сеньор, я, Дуарти Пириш, и Жоам Собринью, житель острова Принсипи, и Григориу Лоуренсу — все трое находимся на службе Вашему Величеству, и мы почтительно указали королю Бенжима на предложения, сделанные от вашего имени, и мы рассказали ему, что Ваше Величество — великий господин и что вы можете сделать и его великим господином. Написано на этой войне. 20 октября 1516 г.» [там же, с. 396].

В пользу нашего предположения говорит и упоминаемое Райдером письмо хозяина одного из кораблей, принадлежавших

Карнейру, который сообщал, что видел «белых людей, которые находятся вместе с обой на войне», когда он посетил obu в его лагере в начале 1516 г. [382, с. 49]. Таким образом, здесь мы сталкиваемся с первым (и впоследствии довольно редким) случаем предоставления Португалией своих военных советников в распоряжение африканских правителей. Позже, опасаясь, что африканцы научатся пользоваться огнестрельным оружием и изучат европейские методы ведения войны, португальцы прекратили практику предоставления им своих военных советников, Они не только не предоставляли огнестрельного оружия, но и принимали строжайшие меры предосторожности, чтобы помешать контрабандной торговле и кражам оружия с португальских судов.

Такие меры принимались не только в отношении Бенина, но и повсюду в Африке. Королевский двор постоянно напоминал о недопустимости продажи оружия африканцам. Так, в королевской инструкции вице-королю Франсиску де Алмейде (1505) говорилось: «Мы серьезнейшим образом рекомендуем вам... приказать принимать все меры предосторожности, чтобы никакое оружие... не продавалось и не передавалось каким-либо способом маврам. Предупредите каждого, кто делает это, что сверх наказания, положенного за это, он получит от нас еще дополнительное наказание, которое мы сочтем нужным, не только за нарушение запрета, но и потому, что мы смотрим на подобные дела с величайшим неудовольствием» [82, т. I, док. 18, с. 201].

Поэтому оба потерял всякий интерес к португальцам, и, когда в 1538 г. в Бенин прибыла отправленная Жуаном III новая христианская миссия из трех миссионеров, она была принята подчеркнуто холодно (миссионеры жаловались в письме королю, что его письмо оба «бросил нераспечатанным в коробку слева от трона») [382, с. 70].

Попытка христианизации Бенина, таким образом, закончилась полной неудачей. «В этом отношении,— пишет Б. И. Шаревская,— Бенин может быть противопоставлен Конго, где крещение оказалось эффективным средством закрепления власти европейцев,

где христианство, причудливо сочетавшись с местными примитивными культурами, укрепились надолго» [190].

К этому времени и португальцы потеряли интерес к Бенину, поскольку оба запретил продавать слоновую кость и рабов-мужчин. В результате доходы португальцев от торговли с Бенином резко упали. К тому же с развитием работорговли в других частях Западной Африки (Конго, Ндонго, Матамба) Бенин потерял свое прежнее значение как главный источник рабов. Так, в 1525—1527 гг. королевский фактор на Сан-Томе получил с материка 630 рабов, а из Бенина в 1526 г. только 274 раба. Бенин давал не более шестой части общего количества рабов; [382, с. 65]. Став неудовлетворительным рынком в глазах португальцев, Бенин навсегда выпал из орбиты португальской колониальной политики в Африке.

Наибольших успехов в колониальной экспансии на Востоке Португалии удалось добиться, когда вице-королем Индии был назначен Алфонсу де Албукерки.

В отличие от первого вице-короля Индии, Франсиску де Алмейды, который писал королю: «Пока вы будете могущественным на море, вы будете удерживать Индию» [402, с. 51], Албукерки, напротив, считал, что одного сильного флота недостаточно для установления эффективного португальского контроля в бассейне Индийского океана. Чтобы Португалия могла стать «владычицей Востока», он предлагал создать цепь опорных баз и крепостей на побережье Атлантики и Индийского океана. Эта новая концепция португальской колониальной стратегии, выдвинутая Албукерки, была в наиболее полном виде сформулирована им в письме королю в 1513 г.: «Если бы члены Вашего совета знали дела Индии так, как я, то они бы поняли, что Ваше Величество не может управлять такой огромной страной, как Индия, даже используя все свое могущество и силу на море» [82, т. III, док. 71, с. 402].

В то время португальские купцы, торгующие пряностями, полностью зависели от местных правителей в Азии и Африке, без разрешения которых они не могли иметь стоянки для кораблей, склады и пр. Албукерки предлагал покончить с этой зависимостью, построив собственные крепости и форты, которые позволят Португалии поставить под свой контроль главные торговые пути в Индийском океане. Предложенный им план предусматривал не захват обширных территорий, а, так сказать, «точечную оккупацию» — создание опорных пунктов на побережье. Албукерки считал, что в этом случае португальский флот станет безраздельным хозяином Индийского океана.

Особое внимание в плане Албукерки придавалось усилению португальского влияния на восточном побережье Африки, в бассейнах Красного моря и Персидского залива, в Индии, на далеких Молуккских островах, где выращивались наиболее ценные специи, и в Китае, о богатствах которого в Европе знали из рассказов Марко Поло.

Албукерки сумел почти полностью осуществить свою широкую программу колониальной экспансии, поставив под португальский контроль торговые пути в Индийском океане. В созданной им системе крепостей и опорных баз, покоившейся главным образом на Гоа и Ормузе, важнейшую роль играли также португальские крепости в Каликуте, Кочине и Каннаноре. Албукерки силой заставил многих правителей западного побережья Индостана признать власть португальского короля. Он подготовил португальскую экспансию и в Юго-Восточной Азии, посылая экспедиции на Молуккские острова и в Китай и завязав тесные связи с правителями Бенгалии, Пегу (Бирма), Сиам, Суматры и других стран [33, с. 345—350].

В то же время Албукерки потерпел неудачу в попытках подчинить мусульманские шейхства в Красноморском бассейне. Аден оказал стойкое сопротивление захватчикам и отстоял свою независимость, несмотря на неоднократные атаки Албукерки. Эта неудача помешала ему выполнить приказы короля Мануэла, которые предписывали разрушить Мекку и Суэц и подчинить португальской власти расположенные в Сомали Берберу или Зейлу.

К середине XVI в. португальцы создали огромную колониальную империю, представлявшую собой систему военно-морских баз, опоясывавших дугой Индийский океан и разбросанных на большом расстоянии друг от друга: Софала, Мозамбик, Момбаса — в Восточной Африке, Ормуз и Маскат — в Персидском заливе, Диу, Дамам, Бассейн, Гоа, Кочин — в Индии, Коломбо — на Цейлоне, Малакка — в Малайе, Амбоина, Тернате, Тидоре, Соло — в Индонезии (позже Макао — в Южно-Китайском море). Богатства непрерывным потоком потекли в Португалию. Албукерки оценивал ежегодные прибыли короны в 1 млн. крузадо [205, с. 91].

Четыре века спустя английский адмирал Баллард писал в своей книге «Правители Индийского океана»: «После смерти Албукерки белый человек... стоял подобно колоссу, расставившему ноги над Индийским океаном, одной ногой на Малайском архипелаге и другой — у ворот Персии; между этими пунктами ни одно судно не осмеливалось показать свои паруса без согласия португальцев» [402, с. 50].

В чем же заключались причины успехов Португалии? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо учитывать исключительно выгодное в военно-стратегическом отношении географическое и международное положение Португалии. Ее географическое положение благоприятствовало прямым контактам с северным и западным побережьями Африки, с государствами которой у Португалии были давние политические и экономические связи.

Кроме того, Португалия находилась в стороне от междоусобной борьбы, в которую были тогда вовлечены другие государства Европы, что позволило ей сосредоточить свои усилия на заморской экспансии раньше какой-либо иной европейской страны. К тому же из южных европейских государств только Португалия была в относительной безопасности от угрозы возобновления экспансии мусульманских государств Средиземноморья.

Успехам португальцев способствовало и то обстоятельство, что крупнейшие государства в Азии и Африке в это время были вовлечены в войны и конфликты и переживали серьезные политические трудности, вследствие чего не могли оказать колонизаторам организованного сопротивления.

Мамелюкская империя в Египте пала под ударами турок. Южная Индия находилась под господством мусульманских султанов и индусских завоевателей. Япония была в состоянии полной политической анархии. Империя Мономотапа в Восточной Африке распалась на ряд мелких государств. Османская империя была занята войной в Европе.

Португальцы воспользовались разобщенностью народов и государств Азии, Африки и Южной Америки и существовавшими там противоречиями и конфликтами, создавшими для них благоприятную возможность, натравливая народы и племена друг на друга, ставить их под свой контроль, завоевывать, расширять и сохранять свою империю.

Особенно широко пользовались португальцы разобщенностью местных племен и межплеменными противоречиями в Африке. Так, быстрый успех португальцев на восточноафриканском побережье (они установили свой контроль над этим побережьем к югу от Сомали в течение 10 лет) был в значительной степени облегчен непрекращавшимся соперничеством между различными городами-государствами суахили к северу от мыса Делгаду, которые никогда не могли объединиться против поработителей на сколько-нибудь длительное время, и поддержкой португальцев со стороны султанов (шейхов) Малинди — их верных вассалов в течение 100 лет.

Именно султан Малинди снабдил Васко да Гаму знаменитым лоцманом Ибн Маджидом, с помощью которого и было завершено то путешествие в Индию, которое выдающийся индийский историк Паниккар назвал началом эпохи Васко да Гамы в азиатской истории — века морского могущества и господства, основанного на контроле европейских стран над морями [360].

В конце XV в. значительное развитие в Португалии получили такие науки, как астрономия, география и картография. Португальские мореходы имели некоторые астрономические познания и научились использовать их, для того чтобы ориентироваться по расположению звезд [119]. Португальцы уделяли большое внимание изучению силы, направления и скорости ветров, морских течений, обследовали моря и приобрели значительные по тому времени познания в области метеорологии и океанографии.

Особенно большую роль в успехе ранней португальской заморской экспансии сыграло изучение картографии, в котором португальцы к концу XV — началу XVI в. преуспели больше других европейцев. В Португалии работал крупный немецкий картограф Мартин Бехайм, изготовивший в 1492 г. самый старый из сохранившихся глобусов («земное яблоко»). В XVI в. в Португалии существовала целая школа картографии, выдвинувшая ряд выдающихся ученых (Педру Рейнель, Жоржи Рейнель, Лопу Омем, Диогу Рибейру, Ф. В. Доураду и др.). Успехи картографии давали португальцам ряд преимуществ, которые они использовали в борьбе со своими колониальными соперниками. В то время как португальские капитаны, плававшие в Индийском океане и других морях, располагали сравнительно точными картами, их английские, французские и голландские соперники часто вынуждены были платить высокую цену за неточные (а иногда и ложные) карты и информацию, которые продавали им арабские купцы и моряки.

Успехи португальцев были обусловлены также высоким уровнем их военного искусства, выдвинувшего в то время Португалию в число сильнейших мировых держав, и наличием у них могучего военно-морского флота. Ф. Энгельс, характеризуя развитие кораблестроения и навигации в XV—XVI вв., писал: «Все усовершенствования, какие были введены, принадлежали итальянцам и португальцам; которые теперь стали самыми смелыми моряками... Эра колониальных предприятий, которая теперь открылась для всех морских наций, также явилась эпохой образования крупных военных флотов для защиты только что основанных колоний и торговли с ними» [8, с. 381—382].

Основу морского могущества португальцев составляло их высокое мореходное искусство и сравнительно высокий уровень развития судостроения.

В конце 30—40-х годов XV в. главную роль в португальском флоте стала играть каравелла — двух- или трехмачтовый корабль с треугольными парусами, которые облегчали плавание при неблагоприятных ветрах. Это так называемое косое парусное вооружение, а также заостренные формы корпуса делали каравеллу очень маневренным, легким и быстроходным судном (при попутном ветре ее скорость достигала 22 км в час). Начиная с экспедиции Васко да Гамы стали строить «самые крепкие суда», «нау», с круглыми парусами [338, с. 163; 163, с. 86].

Мусульмане — главные морские противники португальцев — продолжали сражаться с помощью галер в надежде на абордаж, но в открытом море оказывались беспомощными против маневренных парусных судов противника, вооруженных артиллерией, которая была неизвестна жителям Востока [256, с. 102—103].

Кроме того, надо отметить те огромные преимущества, которые давало португальцам применение огнестрельного оружия, и особенно артиллерии. Именно этим объясняется, что португальские отряды в несколько сот человек наносили поражения многотысячным армиям, которые не могли противопоставить мушкетам и пушкам ничего, кроме копий и луков.

Однако с самого начала португальской колониальной экспансии обнаружились факторы, неблагоприятные для Португалии. Прежде всего — крайняя ограниченность ее людских и материальных ресурсов. Феодалная Португалия не располагала необходимыми возможностями, чтобы до конца претворить в жизнь грандиозный план Албукерки о подчинении и удержании под своим господством всех стран, прилегающих к Индийскому океану [33, с. 33; 271, т. I, с. 259, 279].

Завоевания в Азии и Африке португальский королевский двор осуществлял ценой огромного напряжения сил всей страны, добывая средства на колониальные экспедиции путем безжалостной эксплуатации трудящегося населения своей страны и беспощадного ограбления и истребления народов стран, ставших жертвами португальской экспансии.

В самих успехах португальской завоевательной политики в XVI в., приведших к созданию огромной колониальной империи, были заложены причины ее будущего неизбежного распада и краха. Однако вплоть до середины XVII в. разбросанность португальских баз от Бразилии до Индии не была одной из таких причин, ибо португальский флот, многочисленный и маневренный, был сильнее флотов потенциальных противников.

В отличие от более поздней колонизации, осуществлявшейся молодыми капиталистическими странами — Голландией, Англией и Францией, колониальная политика феодальной Португалии не содействовала развитию производительных сил в метрополии. В этом состояло главное отличие португальской феодальной колониальной политики от раннекапиталистической колониальной экспансии Голландии и Англии, под натиском которых неизбежно должна была рухнуть грандиозная португальская империя.

ПОРТУГАЛЬСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ В БАССЕЙНЕ КОНГО

С середины XVI в. происходит решительный поворот в португальской колониальной политике. Правящие классы Португалии уже не удовлетворяют только контроль над морскими путями. Они хотят получать экономические выгоды не только от торговли с Востоком, но и от эксплуатации открытых португальцами стран, слухи о баснословных богатствах которых все больше распалют воображение и аппетиты. Имея сильные опорные базы на побережье и убедившись в военной слабости африканских государств, Португалия в середине XVI в. переходит от политики «точечной оккупации» к политике завоевания прибрежных районов и государств с целью приобретения заморских колониальных территорий. Из владычицы морских путей Португалия стала превращаться во владычицу колониальной империи.

В царствование Жуана III (1521—1557) колониальная политика Португалии претерпевает серьезные изменения. Если в прежние времена португальские короли сами прилагали большие усилия для увеличения политической роли и значения королей Конго, находившихся в зависимости от Лиссабона, то теперь новые цели диктовали совершенно иную политику в отношении Конго. Могущественное королевство могло оказаться серьезным препятствием на пути осуществления провозглашенной Жуаном III программы колонизации африканского побережья. С целью ослабить могущество Конго Португалия предприняла попытку усилить соседнее с ним государство Ндонго. Таким образом государство Ндонго оказалось одной из первых жертв военных экспедиций нового этапа португальской колониальной политики.

Первая португальская попытка завязать прямые официальные отношения с Ндонго относится к 1520 г. В этом году король Мануэл I приказал направить туда экспедицию для получения подробных сведений о местных правителях и о возможности добычи драгоценных металлов. Он назначил капитаном экспедиции Мануэла Пашеку и писцом Балтазара де Кастру, дав им 16 февраля 1520 г. соответствующее режименто (инструкцию) [33, с. 436—439].

«Мы, король,— говорится в этом документе,— извещаем Вас, Мануэл Пашеку, наследственного фидалгу нашего двора, и Вас, Балтазар де Кастру, нашего слугу, что мы посылаем вас капитаном и писцом на судне для открытия королевства Анголы до мыса Доброй Надежды... Наша главная цель — послать вас в это путешествие, чтобы вы узнали, можно ли добиться, чтобы король Анголы, а также и его народ стали христианами, ибо мы информированы, что он этого желает и уже направил послов в Конго, заявляя, что желает

быть христианином» [там же, с 436]. Португальским эмиссарам предписывалось захватить с собой на о-ве Сан-Томе одного священника «из тех, которые там есть и который для этого подходит», а также взять с собой некоего Руи де Агуйара, который уже служил викарием в Конго и имеет «большой опыт в этих краях».

Таким образом, как видно из этого документа, португальская корона надеялась применить к Анголе тот же метод мирного завоевания с помощью христианизации, который уже дал столь блестящие результаты в Конго [подробнее см. 170], где в 1491 г. был крещен король Нзинга а Нкуву, получивший имя Жуан I, а наследовавший ему сын Аффонсу (1506—1543) превратил страну в вотчину португальских миссионеров. Однако христианизация не была для португальцев, разумеется, самоцелью. Она была лишь одним из путей мирного овладения страной, причем она не исключала, а часто подготавливала необходимые условия для военного захвата территории.

Подлинная цель экспедиции Пашеку становится ясна, когда мы читаем следующее место в режименто: «Кроме того, нам известно, что в этом королевстве Анголы есть серебро, поскольку я видел его в виде браслетов, присланных нам королем Конго. Постарайтесь узнать место, где находится это серебро, а также и другие металлы, и находятся ли они в стране короля Анголы или в других, и как далеко, и насколько они ценны, и ведется ли работа по их добыче. Постарайтесь привезти нам их образцы» [33, с. 437].

О том, что португальская корона заботилась отнюдь не о спасении души правителя Анголы, можно составить вполне четкое представление из следующего места в инструкции: «И если этот король не захочет стать христианином или *если там нет серебра или других металлов и чего-нибудь, из чего можно извлечь выгоду* (подчеркнуто мною.— А. Х.), тогда направляйтесь от мыса Доброй Надежды вдоль берега, открывая и узнавая, что находится в этих землях» [там же, с. 439].

В 1526 г. Балтазар де Кастру, будучи в Конго, написал письмо королю Жуану III. Из этого документа, опубликованного в сборнике Фелнера, мы узнаем много интересного о злочлечениях двух португальских лазутчиков в Ндонго, а также (и это гораздо важнее) о самом этом государстве. Как явствует из этого письма, Мануэл Пашеку, бросив якорь в устье р. Кванза, послал Балтазара де Кастру к правителю Ндонго, чтобы уведомить его о своем прибытии. Однако тот очень враждебно встретил непрошенных гостей, так как был хорошо информирован о деятельности португальцев в Конго.

Об этом он знал от многих осведомленных лиц, и в том числе лично от короля Конго, который, по некоторым сведениям, предупредил Нголу, что истинная цель португальской экспедиции — собрать сведения о богатствах Ндонго в связи с готовящимся военным вторжением. Во всяком случае позже португальцы корили короля Конго за то, что он советовал правителю соседнего государства Ндонго не вступать в какие-либо официальные отношения с Португалией. Подобные же советы давали Нголу и многие торговцы с о-ва Сан-Томе, которые, нарушая изданный в Лиссабоне в 1500 г. указ вести всю морскую торговлю лишь через королевских агентов, продолжали нелегально торговать с Конго и Ндонго. Для таких советов были веские основания. По словам Б. Дэвидсона, «идея вторжения в Ндонго уже носилась в воздухе» [274, с. 79].

Нгола приказал схватить Б. де Кастру и сделать его невольником и даже намеревался убить эмиссаров португальского короля. Только вмешательство короля Конго спасло их от такой участи. Маниконго (правитель Конго), по-видимому, по требованию португальцев направил в Мбанза-Кабасу (столица Ндонго) священников, имевших своей целью обратить правителя Ндонго в христианство и освободить из неволи де Кастру. С первой из этих задач они справились сравнительно легко, а вторая оказалась значительно более трудной. Де Кастру сумел освободиться лишь через шесть лет томительного плена. Освободившись от рабства и испытав всевозможные превратности судьбы, де Кастру в 1526 г. добрался до Конго «голодный, изможденный и совершенно нагой, как самый бедный из туземцев» [93, с. 97].

Интересно отметить, что Балтазар де Кастру в своем письме решительно оспаривает информацию посланца короля Конго в Анголу о том, что «он видел горы, содержащие серебро и камни и другие вещи, которые я за шесть лет пребывания в этой стране не видел ни разу, хотя я хорошо знаю эту страну» [там же].

Несмотря на это авторитетное мнение, легенда о существовании в Анголе драгоценных металлов продолжала жить еще целое столетие, на протяжении которого португальцы не оставляли надежды завладеть этими столь желанными богатствами.

Чтобы превратить государство Ндонго в серьезного и опасного соперника Конго, необходимо было, как пишет Фелнер, «вызвать ломку хороших отношений, существовавших между королем Конго и Нгола, осторожно наведя последнего на мысль, что вовсе не обязательно посредничество короля Конго для сохранения торговых отношений с португальцами, а достаточно направить послов к королю Португалии, как сделал король Конго» [93, с. 102].

Подстрекаемый португальцами Нгола Инене вскоре стал вести себя довольно независимо и даже вызывающе по отношению к Конго, что вызвало весьма болезненную реакцию в Сан-Салвадоре. Воспользовавшись уязвленным самолюбием короля Конго, португальцы, жившие там, стали побуждать его начать войну против Нгола, обещав ему свою помощь. Обманутый король поддался уговорам своих коварных «союзников» и в 1556 г. двинул войска к р. Данде, где их ждали войска Ндонго. В последовавшей битве войска Конго были разгромлены и принуждены отступить. Нгола Инене провозгласил независимость своего государства.

В это время Жуан III умер, и ввиду несовершеннолетия доня Себастьяна страной стала управлять в качестве регентши его бабушка Катарина. При ней в Лиссабоне в 1557 г. появились послы из Ндонго от Нголы Инене, на которых, по примеру Конго, была возложена миссия наладить торговлю с Португалией и договориться о присылке в его страну священников. Эта последняя просьба была в значительной степени результатом деятельности миссионеров-иезуитов, которые, обосновавшись в Ндонго, стали играть заметную роль при дворе Нголы. По совету руководства Ордена иезуитов в 'состав посольства, которое должно было отправиться в Ндонго, были включены монахи-иезуиты Агустинью де Ласерда, Франсиску де Гувейя, Мануэл Пинту, Антониу Мендиш. Племянник Бартоломеу Диаша Паулу Диаш де Новаиш был назначен командующим эскадрой из трех каравелл, везшей отцов-иезуитов. Посольство отправилось из Лиссабона в декабре 1559 г. [50, т. II, с. 446]. К концу следующего года оно добралось до Ндонго. К этому времени Нгола Инене уже умер и страной правил его сын Нгола Дамби [50, т. IV, док. 132, с. 552]. Он принял подарки, присланные из Португалии, приказал привезти послов в г. Мбанза-Кабаса и там задержал их в качестве пленников⁵. Троим из них вскоре было разрешено выехать из Ндонго, но Паулу Диашу пришлось прожить в неволе еще пять долгих лет [там же, с. 553], а Франсиску де Гувейя никогда больше не вернулся на родину. Нгола Дамби освободил Паулу Диаша де Новаиша в 1565 г., чтобы послать его к королю Португалии с просьбой о военной помощи в связи с восстанием одного из вассально-зависимых вождей, по имени Килуанжи Кука Кванго. Известный специалист по средневековой истории Анголы М. Планкверт связывает отправку Паулу Диаша со специальной миссией в Лиссабон также с тем обстоятельством, что на границах Ндонго в это время появились новые грозные враги в лице храбрых и воинственных кочевников-жага [364а, с. 33]. Нгола нуждался в португальских солдатах и огнестрельном оружии. Именно они спасли от нашествия жага государство Конго в 1571 г. Однако в отношении Ндонго у португальцев были совершенно иные планы.

В начале 1570-х годов португальский королевский двор решил приступить к завоеванию государства Ндонго. Для этого была организована экспедиция, во главе которой был поставлен Паулу Диаш де Новаиш. Подготовка экспедиции велась довольно

⁵ М. Планкверт высказывает предположение, что Паулу Диаш и Ф. де Гувейя провели годы своего пленения в Матамбе [364а, с. 32].

долго. Об этом свидетельствует тот факт, что королевские указы, обещающие всевозможные блага Паулу Диашу, если он осуществит завоевание Анголы, относятся к началу 1571 г., тогда как экспедиция началась только в 1574 г., т. е. спустя четыре года.

В сентябре 1571 г. король пожаловал Паулу Диашу «дарственное письмо», в котором писал: «Вследствие большого доверия, которое я к нему (Диашу.— А. Х.) питаю, и учитывая знания и опыт, которые он приобрел в делах этого королевства, когда он был там как мой посол, и в знак уважения к услугам, которые мне оказал этот Паулу Диаш... а также в знак уважения к услугам, которые оказал короне Бартоломеу Диаш де Новаиш, открыв мыс Доброй Надежды... дарую для Паулу Диаша... и всех его потомков 35 лиг земли на побережье королевства Ангола к югу от реки Кванза» [50, т. III, док. 4, с. 37]. Паулу Диашу де Новаишу предоставлялось право отодвинуть границы колонии, губернатором которой он должен был стать, так далеко на восток, как это будет возможно, а также право на третью часть от сбора королевских налогов и ряд других льгот и привилегий [там же, с. 36—51; 274, с. 86].

Таким образом, Ангола должна была фактически стать капи-танией, пожалованной Паулу Диашу. Часть ее становилась его личным феодальным владением, а на остальной он должен был стать губернатором. Ему предписывалось подготовить условия для поселения в Анголе 100 белых семей в течение шести лет [354, т. I, с. 377]. Португальский королевский двор, щедро раздавая «заморские земли» своим фидалгу, не учитывал при этом немаловажный фактор, вносивший существенные коррективы в его планы, а именно способность автохтонных народов к сопротивлению.

В королевском указе от 10 июля 1573 г. говорилось о том, что Паулу Диаш может взимать с жителей Сан-Томе пошлину размером в тысячу крузадо в год. Здезь же указывалось, что, поскольку жители Сан-Томе активно участвуют в работорговле, это сулит большие барыши от взимания с них пошлин, из чего можно заключить, что названная в королевском указе сумма рассматривалась как чисто номинальная [50, т. IV, док. 79, с. 281—282].

16 января 1574 г. был опубликован другой королевский указ, согласно которому Паулу Диаш де Новаиш получал в аренду на 12 лет все королевские земли и имущество на о-ве Сан-Томе. За это он должен был ежегодно уплачивать королевской казне в качестве арендной платы 200 тыс. рейсов. Аренда предоставлялась с таким условием, что, как говорилось в указе, «упомянутый Паулу Диаш проведет завоевание королевства Анголы», а если он этого не сделает, аренда должна быть у него отобрана. «Если же случится так, что он умрет во время этого завоевания королевства Ангола до истечения этих 12 лет, тогда назначенное им лицо может завершить дело в указанный срок с теми же условиями» [50, т. IV, док. 77, с. 276—277].

Официально экспедиция Паулу Диаша отправилась с торговыми целями. Следует отметить как совершенно несостоятельную версию реакционных португальских историков о том, что целью экспедиции Паулу Диаша де Новаиша было приобщение «туземцев» Анголы к «свету христианского вероучения». Так, португальский социолог Ж. Алмейда Сантуш писал: «В то время как король Сан-Салвадора был христианином и христианство так или иначе распространилось по всему огромному королевству Конго, суверен Донго и его вассалы оказались невосприимчивыми к свету веры — это и было, несомненно, главным мотивом, вследствие которого христианнейший д. Себастьян... приказал подчинить и завоевать королевство Ангола. Это было главным доводом, по которому Паулу Диаш де Новаиш предпринял завоевание королевства» [203, с. 13]. На самом деле португальские колонизаторы думали не столько о приобщении жителей Ндонго к христианству, сколько о тех богатствах и выгодах, которые сулило им завоевание этого государства.

Поскольку в основе политического мышления правящего класса Португалии лежала идея расового превосходства белых над цветными, подчинение африканцев политическому и религиозному контролю Португалии рассматривалось как естественное,

справедливое и богоугодное дело. Типичным образчиком политического мышления того времени могут служить письма иезуита Франсиску де Гувейя, жившего при дворе правителя Ндонго в 1560—1575 гг., т. е. в то время, когда португальцы готовились вторгнуться в это государство. Стремясь найти моральные оправдания для этой акции, Гувейя писал в Лиссабон, что единственное средство обратить этих «язычников» в христианство — это подчинить их португальской власти. Он утверждал, что африканцы якобы «хвастались, что если бы не было моря, то они бы поменялись с португальцами ролями, отправились бы в Португалию и забрали ее богатства». Гувейя призывал португальского короля примерно наказывать тех, кто высказывает такие мысли, и показать раз и навсегда, что он — подлинный хозяин всей Африки [274, с. 70]. Королевский двор полностью разделял эту точку зрения. Паулу Диаш де Новаиш имел тайные инструкции двора, в которых, по свидетельству Лопиша — Пигафетты, наследник престола дон Себастьян «поручил Паулу Диашу подчинить ему народы, живущие от устья Кванзы до 15° южной широты» [120, с. 64]. После длительных приготовлений 23 октября 1574 г. флот, состоявший из двух галеонов, двух каравелл и трех мелких судов с 700 пассажирами на борту (из них 350 были солдатами, а остальные ремесленниками, купцами, миссионерами), наконец вышел из Лиссабона и взял курс на юг [50, т. IV, док. 132, с. 553; 303, т. III, с. 38].

11 февраля 1575 г. флот Паулу Диаша достиг о-ва Луанда, Высадившись на острове, Паулу Диаш де Новаиш прежде всего, по словам хрониста, «воздал благодарственную молитву Всевышнему и устроил пышную религиозную процессию под звуки труб и барабанов» [134, т. 1, с. 194].

По свидетельству современника, на этот шум «сбежалось много черных людей, которые живут на этом острове и занимаются ловлей нзимбу, считающихся самыми ценными монетами в Эфиопии» [50, т. II, док. 32, стр. 554].

Хотя Паулу Диаш имел трудное поручение от дон Себастьяна завоевать побережье Анголы к югу от устья Кванзы, он попытался прежде всего наладить дружеские отношения с королем Ндонго, надеясь выполнить свою задачу дипломатическими средствами.

Высадившись на о-ве Луанда, он известил о своем прибытии Нголу Дамби, послав ему королевские подарки с прожившим несколько лет в Португалии конголезцем Педру да Силвой. Нгола Дамби, введенный в заблуждение подарками и решивший, что португальская экспедиция прибыла с чисто мирными целями, оказал ей весьма радушный прием.

Он направил к Паулу Диашу де Новаишу послов с богатыми подарками для короля Португалии, состоявшими из рабов, скота, съестных припасов, изделий из серебра и меди [134, т. 1, с. 194—195]. Встретив столь радушный прием, Паулу Диаш, по словам хрониста, послал королю Ндонго «полные доверху дары, любезности, выражения дружбы и твердые обещания подчинить ему всех врагов короля Анголы» [там же, с. 195]. Усыпляя таким образом бдительность короля Ндонго, коварный конкистадор лихорадочно готовился к открытию военных действий. С этой целью он оставил о-в Луанда и, нагрузив корабли всевозможными богатствами, высадился на материке, где обосновался в селении, находившемся севернее устья р. Кванза [120, с. 64]. Здесь Паулу Диаш в 1576 г. построил крепость ев. Мигеля, вокруг которой вырос город Сан-Паулу-де-Луанда, и основал небольшую португальскую колонию, объявив себя ее губернатором.

Согласно королевским инструкциям, которые он с собой привез, он вскоре приказал построить здесь церковь св. Себастьяна. Положив таким образом начало завоеванию страны и создав необходимую базу для будущей конкисты, Паулу Диаш де Новаиш стал выжидать удобного момента, чтобы двинуть свое войско вверх по р. Кванза.

Вначале правитель Ндонго, будучи уверен в дружеских намерениях португальцев, оказывал им всяческое содействие и покровительство. Однако вскоре их недвусмысленные действия стали порождать в его душе первые сомнения и подозрения

относительно их действительных намерений. Этому в значительной степени способствовал король Конго, который, хорошо зная по личному опыту коварство и алчность португальцев, тайно от них направил послов к Нголе, предупредив его, чтобы он не доверял португальцам и остерегался их, так как они хотят отнять у него королевство и завладеть торговлей и серебряными рудниками [50, т. IV, док. 132, с. 555; т. III, док. 21, с. 141].

Это предупреждение очень испугало Нголу, который стал подозрительно и недоверчиво относиться к Паулу Диашу, и «все португальцы, которые там находились, стали ему внушать страх» [50, т. III, док. 21, с. 141].

Португальцы, жившие при дворе Нголы, пытались успокоить его, уверяя в коварстве и лживости короля Конго, и уже почти добились успеха, когда неожиданный инцидент окончательно убедил правителя Ндонго в неискренности «союзников» и привел к открытому разрыву между ними.

Монахи-иезуиты, составившие в 1594 г. интересный доклад «История резиденции отцов Общества Иисуса в Анголе», сообщают по этому поводу: «Случай, с помощью которого дьявол помог нарушить этот мир и посеять распри, которые продолжаются до сегодняшнего дня, был следующий. Командующий [Паулу Диаш де Новаиш] с разрешения короля арестовал 100 португальцев, которые уже провели в Анголе более 25 лет. Один из них, будучи освобожден, решил отомстить губернатору. Он добился аудиенции у короля Ндонго и сообщил ему, что Диаш Новаиш замышляет отнять у него королевство, чтобы завладеть серебряными рудниками, и для этого в г. Кабасу пришли 40 солдат, привезено много пороха и на соединение с ними уже движется в направлении города большое число вооруженных португальцев. Перепуганный насмерть король срочно созвал на совет своих макота, и в их присутствии португалец снова повторил свое утверждение» [50, т. IV, док. 132, с. 558].

О поступке португальца упоминают и другие источники. Лопес де Лимэ квалифицирует историю об этом «как гнусную и позорную легенду», но он не знал «Истории резиденции отцов Общества Иисуса в Анголе», впервые опубликованной А. Бразилу в 1950-х годах.

На совете, по-видимому, были приняты решения относительно срочных мер для предотвращения смертельной угрозы, нависшей над Ндонго. По свидетельству авторов «Истории резиденции...», всем португальцам в Мбанза-Кабасе было приказано не выходить из своих домов и ждать дальнейших указаний [там же]. Именно с этим, по-видимому, связано и убийство по приказу Нголы нескольких десятков португальских купцов, направлявшихся в Мбанза-Кабасу. Представляется совершенно необоснованным утверждение Лопиша — Пигафетты, что «настоящей причиной этой резни была алчность короля Анголы, который хотел присвоить их товары» [120, с. 65]. Сопоставление книги Лопиша — Пигафетты с другими источниками заставляет думать, что гораздо ближе к истине лежит версия, отмечаемая авторами книги как несостоятельная, о том, что «эти купцы были шпионами, которые намеревались похитить [правителя Ндонго] и его семью» [там же].

В пользу версии о том, что так называемые купцы на самом деле не были купцами, свидетельствует, в частности, письмо миссионера Ф. Рибейру от 4 марта 1580 г., в котором говорится: «Король Анголы нанес ущерб губернатору, убив 30 португальцев и множество рабов-христиан, которых они имели с собой. Эти португальцы вели обмен рабами с неграми и были самыми лучшими солдатами из всех, которых имел губернатор» [50, т. III, док. 43, с. 190] (подчеркнуто мною.— А. Х.). Следовательно, «купцы» были в действительности переодетыми солдатами, посланными губернатором в Мбанза-Кабасу для какой-то военной или шпионской акции.

Вероятно, сведения, сообщенные португальцем о намерении Паулу Диаша силой оружия навязать Анголе повиновение королю Португалии, были не лишены основания. Убийство португальских «купцов», которыми скорее всего были переодетые солдаты

Паулу Диаша, показало последнему, что правитель Ндонго осведомлен о его действительных планах. Поэтому Паулу Диаш, не теряя ни минуты, двинулся по р. Кванза со 150 солдатами. Оставшемуся войску во главе с Мануэлем Жуаном он приказал войти в область Иламба и подвергнуть ее «опустошению огнем и железом» [134, т. 1, с. 199; 50, т. IV, док. 132, с. 566]. Выполняя этот приказ, М. Жуан, по свидетельству местных миссионеров, в 1580 г. сжег дотла поселения в радиусе трех лиг и взял в плен 100 человек, которые были обращены в рабов. «Грабеж продолжался три дня, и лагерь был обеспечен скотом, солью, оливковым маслом и многими припасами» [там же].

Испуганные политикой «выжженной земли» несколько соба Иламбы и Кисамы признали себя вассалами Португалии и обязались платить ежегодную дань в 100 рабов. Но многие другие соба не покорились и продолжали борьбу [314, с. 52].

Сам Паулу Диаш де Новаиш с частью войска укрепился в форте Анзели (или Нзели). Он послал гонцов к королю Конго Алвару I с просьбой о помощи. Алвару направил ему подкрепления в 10 тыс. человек и отряд из 120 португальцев [50, т. IV, док. 83, с. 293]. Во главе армии Алвару I поставил своего кузена Манибамбу. Из-за разлива р. Бенго Манибамба не смог организовать переправу. Решив обойти ее и соединиться с армией Паулу Диаша сухопутным путем, он натолкнулся на армию Ндонго. Хотя в ходе битвы успех сопутствовал Манибамбе, он вынужден был из-за нехватки съестных припасов вернуться в Конго.

Паулу Диаш, потерпев неудачу в попытке соединиться с союзниками и будучи окружен 12 тыс. африканцев, сумел прорвать кольцо блокады, переправился через р. Кванза и разбил лагерь на берегу р. Лукала [50, т. III, док. 43, с. 190]. Он укрепил холм, возвышавшийся между двумя притоками реки, и начал совершать оттуда опустошительные набеги на территорию Ндонго [120, с. 69].

«Подвиги» Паулу Диаша подробно описал миссионер Б. Аффонсу в письме от 4 июля 1581 г. «Губернатор и сопровождавшие его люди,— пишет он,— решили отомстить за смерть наших братьев. Разделив войско между командирами по 150 человек, они отдали им на поток земли этих фидалгу и вызвали самое большое опустошение, которое когда-либо учиняли португальцы. Они убили многих, ворвались в банза [поселение] одного фидалгу, взяли у него более 100 рабов и рабынь и стали предавать огню дома и банза и грабить; добыча, которую они привезли в лагерь, была столь велика, что ею можно было наполнить два судна из Индии» [50, т. III, док. 46, с. 202].

В 1581 г. была завоевана большая часть области Иламба. Правитель Ндонго потерпел ряд военных поражений, несколько зависимых от него вождей были наголову разбиты, а правителя Иламбы Паулу Диаш заменил своим ставленником. В 1582 г. посланный Паулу Диашем опытный военачальник Луиш Серран разбил в Иламбе войско Ндонго, направленное против перешедших на сторону португальцев вождей (соба) [134, т. 1, с. 200]. В начале 1583 г. Паулу Диаш приступил к непосредственному осуществлению заветной мечты португальских конкистадоров — к завоеванию района гор Камбамбе (на северном берегу Кванзы, ниже водопадов), где, как они ошибочно предполагали, имелись богатые залежи серебряных руд.

Легенда о существовании серебряных рудников в Камбамбе возникла вследствие того, что еще в 1530 г. король Конго послал в подарок португальской королеве два серебряных браслета, полученные им от одного из вождей в Матамбе [118, с. 50]. Среди подарков Нголы Дамби Паулу Диашу было также несколько серебряных браслетов, которые были отправлены в Лиссабон и по приказу регента Португалии кардинала Энрике переплавлены в потир, подаренный им церкви в Белеме. Легенда о серебряных рудниках в Камбамбе настолько прочно укоренилась в сознании европейцев, что живший в 1590—1610 гг. в бассейне Конго английский моряк Э. Беттел называл горы Камбамбе «Серебряными горами» [45, с. 27, 38]. В действительности же в Анголе никогда не было найдено серебро (по крайней мере в сколько-нибудь значительных количествах).

Как видно из источников, одной из главных целей экспедиции Паулу Диаша был сбор сведений о серебряных рудниках, а затем овладение ими. Рассказывая об истории своей экспедиции, Паулу Диаш сообщал, говоря о себе в третьем лице: «Перед его отъездом король (да будет он славен!) поручил ему постараться получить сведения о нескольких рудниках, которые, как предполагали, имеются в этом королевстве, обещав большие почести и милости, если он это сделает, так как это было вне обязательств его контракта. Он старался со всем возможным усердием, посылая многие дары и подарки фидалгу страны, чтобы они раскрыли ему эту тайну, которая строго охраняется королем, на что он израсходовал много денег и потерял несколько людей. Когда он убедился в существовании этих рудников, он послал посмотреть их двух рудокопов... и они открыли 24 серебряных рудника» [50, т. IV, док. 120, с. 481].

Подобные утверждения, имевшие мало общего с реальным положением вещей, с одной стороны, были порождением распаленного воображения конкистадоров, мечтавших об открытии «африканского Эльдorado», а с другой — преследовали вполне практические цели: преумножить свою славу и побудить королевский двор предоставить им дополнительную военную и финансовую помощь и осыпать новыми милостями.

Как пишет хронист, «имея сведения, что горы Камбамбе содержат в себе серебряные рудники, что подтверждала традиция и откуда негры извлекали серебро и использовали его для украшений, которые они носили на руках и ногах, Новаиш предпринял завоевание этого нового Потоси и выделил для этого предприятия большую часть из оставшихся у него людей» [134, т. 1, с. 201—202].

По дороге к Камбамбе войска Паулу Диаша де Новаиша были атакованы могущественным соба Бамбантунгу; последний был разбит и «принужден к вассалитету, который наш герой хотел навязать (если это было возможно) всей неведомой Африке» [там же]. Одержав эту победу, Паулу Диаш встал лагерем в Тала-Мунгонго, а затем основал укрепленный город Нова-Гая неподалеку от предполагаемого местонахождения рудников [там же; 50, т. IV, док. 132, с. 568].

2 февраля 1583 г., когда португальцы были уже совсем близко от объекта своих вожделений, на них внезапно обрушилось огромное войско, которое, по утверждению современников, было самым большим из всех, какие удавалось собрать повелителю Анголы.

По явно преувеличенной оценке того же источника, «в нем было сто или двести тысяч человек и оно занимало три лиги земли, покрывая горы и долины» [50, т. IV, док. 132, с. 568].

Располагая помощью нескольких соба и рабов-христиан, Паулу Диаш и Серран разделили свое войско на три колонны и, строго придерживаясь португальской тактики военного искусства, двинулись навстречу африканцам раньше, чем те успели спуститься с холмов. Завязалась битва, в которой португальцы, имевшие пушки и ружья, одержали победу⁶. По несомненно завышенным данным авторов «Истории резиденции...», число убитых африканцев составило 40 тыс. человек⁷ [там же], причем, по словам хрониста, немногим меньше было число тех, кто сбросился со скал, и тех, кто убил друг друга, чтобы расчистить путь к бегству [134, т. 1, с. 202]. Потери португальцев, по некоторым сведениям, составили семь человек, сражавшихся на их стороне африканцев — 200 [там же]. После этой победы Паулу Диаш де Новаиш, которого реакционные португальские историки возвели в ранг национального героя, положившего начало португальской «цивилизаторской миссии» в Африке⁸, наглядно показал, что собой представляет эта

⁶ Подробное описание битвы см. в письме Балтазара Баррейры (20.XI.1583) [50, т. III, док. 65, с. 256].

⁷ Ту же цифру называет и хронист Силва Корреа.

⁸ Вот, например, как оценивал Паулу Диаша крупный португальский историк и государственный деятель XIX в. Кунья Матуш: «Этот великий человек прожил в Африке лишь 28 лет, а его имя будет жить, пока в мире будут существовать цивилизованные люди» [267, с. 249].

цивилизация. Он приказал отрезать убитым ангольцам носы, набить ими бочки и откатить их к африканским селениям.

В честь своей победы Паулу Диаш основал крепость, назвав ее Массангано-да-Витория [134, т. 1, с. 202].

Крепость была построена на месте захваченного португальцами богатого селения, где, по свидетельству Э. Беттела, они обнаружили огромное количество золота. Португальцы построили здесь четыре форта, крепостные стены и земляной вал [45, с. 100—101]. Это была третья и последняя крепость, построенная Паулу Диашем за время его кровавой колонизаторской деятельности в Анголе. Эти крепости стали опорными пунктами португальской колониальной экспансии.

Правитель Ндонго, обуреваемый жадной реванша, созвал на совет макота, военачальников и всех знатных лиц своего государства. По словам хрониста, на этой ассамблее все произносили энергичные и торжественные речи и поклялись не возвращаться и не смотреть в глаза королю, пока белые не будут уничтожены, владения короля обезопасены и пока не будет восстановлена репутация их оружия.

За короткое время была организована новая армия, почти столь же многочисленная, как и прежняя. Автор написанной в XVIII в. «Истории Анголы» ярко описывает последовавшие затем события: «Ангола жила надеждой на этот раз покончить с вражеской расой, которая вторглась в эту страну. Неподалеку от нашего непобедимого героя (Паулу Диаша.— А. Х.) развеялась уже тысяча знамен: шум, голоса, свист, перебранка... убедили португальцев в многочисленности врагов. Новаиш построил свое маленькое войско в прежнем боевом порядке и вышел во главе его на следующее утро, когда спустившийся туман скрыл все предметы... Негры сражались, воодушевленные энергией, силой и примером своих макота, которые бились до последней капли крови с храбрым португальцем, и их подданные кончали жизнь самоубийством, чтобы не быть в числе многих погибавших на их глазах» [134, т. 1, с. 203].

Превосходство в вооружении и организации и на этот раз дало победу португальцам, хотя африканцы сражались со столь отчаянным мужеством и самопожертвованием, что это вынужден признать даже хронист, ставивший перед собой задачу прославления побед португальского оружия и с нескрываемой антипатией относившийся к африканцам. По словам авторов «Истории резиденции...», «в битве погиб цвет фидалгу Анголы, поклявшихся не возвращаться и не смотреть в лицо короля без победы». Головы трех самых знатных макота и множество бочек, набитых отрезанными у африканцев носами, Паулу Диаш приказал отправить в Луанду в качестве свидетельства своего триумфа [50, т. IV, док. 132, с. 569].

В последующих битвах, как сообщал в одном из писем миссионер Б. Аффонсу, «наши взяли столько рабов, что их невозможно сосчитать. В этой последней битве, как говорят, взяли в плен одного фидалгу, в обмен за которого давали 100 рабов, но ему отрубили голову на площади. В другой битве отрезали 619 носов, а еще в одной было столько трупов, что, говорят, нельзя было пройти иначе, как только по ним» [там же, док. 63, с. 248].

По свидетельству современных авторов, Паулу Диаш разгромил в последующих стычках 500 местных вождей⁹ и дошел до р. Лукала, где разбил лагерь в 8—10 лигах от столицы Нголы — Мбанза-Кабасы [134, т. 1, с. 203; 50, т. IV, док. 132, с. 569].

К этому времени известия о победах Паулу Диаша де Но-ваиша уже достигли Лиссабона. Там придавали им огромное значение. Паулу Диаш, по-видимому, поспешил, опережая события, уведомить лиссабонский двор о том, что в его руках уже находятся серебряные рудники Камбамбе. Это видно из того, что в 1584 г. из Португалии прибыл флот, который привез ему подкрепление в 200 солдат во главе с капитаном Ж. К. Велезом,

⁹ Силва Корреа пишет, что он разбил 50 вождей (соба).

а также чиновника Ж. М. де Резенде, назначенного «управляющим казной и рудниками» [134, т. 1, с. 205].

Подкрепление прибыло как нельзя более кстати. Миссионер Б. Аффонсу писал, что в это время «губернатор и все португальцы оказались в затруднительном положении, так как все фидалгу восстали против нас... Этот флот пришел с опозданием из-за того, что был задержан на Сан-Томе и прибыл в страну в самое опасное время» [50, т. III, док. 79, с. 311].

Нгола, собрав новое войско, двинулся против португальцев, но и на этот раз был разбит (25 августа 1585 г.¹⁰). В том же году капитан Ж. К. Велез со своим отрядом напал на одного из могущественных вассалов короля Ндонго в области Мусеке, по имени Ангола Калунга. Войско этого соба было разбито, а сам он бежал. В руки португальцев попала богатая добыча в виде скота и многочисленных рабов. Однако Ангола Калунга не примирился с поражением. Поняв, по-видимому, что сила португальцев заключается в их огнестрельном оружии, что практически делает почти невозможной победу над ними в открытом бою, он решил прибегнуть к военной хитрости. Собрав остатки своих войск, он подошел с ним к лагерю португальцев в то время, когда те обедали. Африканцы были без луков и стрел, а Ангола Калунга хлопал в ладоши в знак мира. Велез, уверенный, что они пришли для мирных переговоров и для того, чтобы заявить о своем вассалитете, приказал пропустить их в лагерь. Ничего не подозревавшие солдаты продолжали трапезу, когда неожиданно африканцы, вытащив спрятанные ножи, напали на них и, по словам миссионера Диогу да Кошта, «схватили за руки и обезглавили всех до одного» [50, т. III, док. 87, с. 332]. По свидетельству авторов «Истории резиденции...», все солдаты были убиты «в сидячем положении», причем вместе с португальцами «погибли соба Камбамбе и его люди и многие другие, сражавшиеся на нашей стороне». Причинами этой катастрофы, по мнению этих авторов, были «пренебрежение к врагу, излишняя доверчивость и то, что наши были новичками в этой стране»¹¹ [50, т. IV, док. 132, с. 574].

По мере того как шло завоевание Анголы, росла экономическая активность португальцев и происходило заселение вновь завоеванных районов иммигрантами из Португалии. Португальские фактории, занимавшиеся главным образом торговлей рабами, основывались вдоль побережья, преимущественно в тех местах, где находились гарнизоны португальских солдат или жили народы, уже «замиренные» португальцами и доказавшие свою лояльность по отношению к ним. Паулу Диаш де Новаиш проявлял огромную заботу о налаживании торговли рабами, слоновой костью, скотом и т. п. Его письма королю Португалии буквально пестрят упоминаниями о количестве рабов и слоновой кости, вывезенных из Анголы.

Но предметом особо пристального внимания и постоянных забот предприимчивого завоевателя были мифические серебряные рудники. Вероятно, для того чтобы заставить короля раскошелиться и выделить для его экспедиции средства, а также солдат и оружие, Паулу Диаш почти в каждом письме в Лиссабон не забывал упомянуть о рудниках, всячески расписывая их богатство и значение. В то же время он проявлял особое усердие в возложенной на него миссии исследования рудников. Б. Аффонсу сообщал, что Паулу Диаш «везет с собой рудокопа, чтобы взять пробу руд и сделать плавку для отправки в Португалию» [50, т. III, док. 82, с. 318]. В источниках есть упоминание о том, что Паулу Диаш отправил некоего Роиза Кардозу с образцами серебра к королю Филиппу II [там же, док. 85, с. 326]. Очень возможно, что Паулу Диаш сознательно распускал слухи о ценности и обширности рудников Камбамбе, хотя и догадывался, что серебра там почти не было. Может быть, именно под воздействием этих слухов, миссионер Диогу да Кошта в своем письме в июле 1585 г. высказал мнение, что «запасов серебра хватит на триста

¹⁰ В письме миссионера Балтазара Баррейры битва датируется 27 августа [50, т. III, док. 84, с. 323]. «Наши разгромили и обратили в бегство тех, кто был цветом Анголы», — пишет он.

¹¹ Об этом инциденте подробно сообщал также Балтазар Баррейра (14.V.1586) [50, т. III, док. 86, с. 329—330].

лет» [там же, док. 81, с. 317], а другой миссионер в 1587 г. писал, что, судя по заключению рудокопов, серебряные рудники Камбамбе «превосходят богатейшие рудники Перу» [там же, док. 93, с. 354]. Распускаемыми им самим слухами о несуществующих богатствах гор Камбамбе Паулу Диаш умело пользовался для получения денег, оружия, пороха и солдат¹².

Услышав о том, что Бенгела славится своим скотом и слоновой костью и что она в этом отношении даже богаче Ндонго, Паулу Диаш де Новаиш немедленно направил туда отряд из 70 солдат во главе со своим племянником Антониу Лопишем Пейшоту, поручив ему построить форт на берегу моря на холме Бенгела.

Пейшоту, который, по словам Силва Корреа, был «равным образом заинтересован и в своей славе и в своем деле», выполнил это поручение, вторгшись в Бенгелу и построив там крепость [134, т. 1, с. 204]. Однако вскоре, когда Пейшоту с отрядом в 50 человек попытался выйти из крепости, он был атакован африканцами. Пейшоту и его солдаты сражались отчаянно, но африканцы решили не снимать осады крепости и не отступать, не истребив всех до единого непрошенных завоевателей. Вот как описывает эту битву Силва Корреа: «Много часов подряд продолжалась эта кровавая осада, и негры никак не могли довести до конца свое жестокое намерение. Наконец, когда силы португальцев истощились и их стойкое упорство уступило усталости, они стали жертвами их жестокости. Крепость была взята штурмом атакующими неграми, которые утолили свою накопившуюся ненависть кровью несчастного гарнизона... Но провидению угодно было спасти от этой ужасной смерти двух из осажденных... они выскользнули под покровом ночи берегом моря и вопреки всем подстерегавшим их опасностям сумели предстать перед Новаишем, который едва ли ждал столь печального визита. Когда ему сообщили о гибели племянника, слезы потекли по его лицу. Он оплакивал гибель товарищей, старых наперсников его славы» [там же, с. 206].

Известие о катастрофе в Бенгеле оказалось роковым для грозного завоевателя. Его организм, подточенный климатом и трудностями походной жизни, не выдержал этого удара, и в конце октября 1588 г. Паулу Диаш де Новаиш скончался и был похоронен в церкви в Массангано¹³. Смерть этого жестокого конкистадора, оставившего по себе самую мрачную память в истории Африки, знаменовала собой окончание первой фазы ангольской войны.

Результаты этого 14-летнего периода были разочаровывающими для португальцев. Паулу Диаш де Новаиш сумел лишь основать несколько фортов и факторий вдоль побережья и по р. Кванза. Но он не сумел выполнить главную задачу, которая была перед ним поставлена, — завоевать и колонизовать всю территорию от устья р. Кванза до 15° ю. ш. и особенно район «рудников» в горах Камбамбе. Паулу Диаш не смог сломить сопротивление государства Ндонго, которое упорно отстаивало свою независимость. Таким образом, войны, которые он вел, не дали Португалии желаемого успеха, хотя и стоили огромных расходов и многих человеческих жизней.

По-видимому, осознание этой неудачи было в Лиссабоне достаточно отчетливым¹⁴, и можно думать, что именно с этим связана отправка в Анголу крупного чиновника Домингуша де Абреу, который представил в 1590 г. детальный доклад, рекомендовавший новые методы колонизации страны. Его рекомендации предусматривали методическую

¹² См., например, его письмо от 12 января 1582 г. [50, т. IV, док. 91, с. 336].

¹³ В 1609 г. его останки были торжественно перенесены в Луанду [267, с. 249].

¹⁴ В начале 1590 г. королевский прокурор высказал мнение, что потомки Паулу Диаша не имеют никаких прав по «дарственному письму» (1571 г.), так как «Паулу Диаш не выполнил указанных в нем условий... а согласно таковым необходимо было, чтобы он осуществил завоевание, заселение и сохранение королевства Ангола». Из этого королевский прокурор сделал вывод, что все завоеванные Паулу Диашем земли «должны перейти во владение короны и что на них должен быть назначен капитан таким же порядком, как назначаются капитаны в Бразилии, Сан-Томе и на островах Зеленого Мыся» [50, т. III, док. 104, с. 383—388].

оккупацию Анголы, новый план управления территорией и создание наземного пути между восточным и западным побережьями Африки [50, т. IV, док. 131, с. 534].

Этот план в основном был принят. Корона взяла на себя функции управления колонией, положив тем самым конец системе капитаний в Африке.

После смерти Паулу Диаша де Новаиша для выборов нового губернатора был созван совет, на который были приглашены офицеры, чиновники, солдаты и другие португальцы. Обычно губернатор назначался указом короля, но в этом случае в связи с исключительно тяжелым положением, в котором находились португальцы в Анголе, решено было, не дожидаясь королевского указа, избрать временного губернатора. Выбор пал на ближайшего сподвижника Паулу Диаша — Луиша Серрана. Решив во что бы то ни стало сделать то, что не удалось его предшественнику, новый губернатор двинулся с войском к столице Ндонго. 26 декабря 1589 г. он получил ошеломляющее известие, что на помощь Ндонго двигается большое войско, посланное правителем Матамбы.

Здесь мы сталкиваемся с первым случаем, когда правители ангольских государств, осознав общую опасность, пошли на объединение своих сил и создали первую зафиксированную источниками коалицию африканских государств для отпора португальским захватчикам. Некоторые источники, правда, не упоминают об этой коалиции, а говорят лишь об армии Матамбы. Но есть прямые указания на существование союза Ндонго и Матамбы. Так, весьма осведомленный во всем, что касалось Анголы, куда он выезжал специально для изучения военной и политической ситуации, Домингуш де Абреу писал в своем докладе: «После того как войско [Серрана] двинулось в путь, губернатор получил известие, что вышеназванные короли [Ндонго и Матамбы] объединили миллион людей, решив дать битву губернатору и нашим вассалам» [50, т. IV, док. 131, с. 534].

В одном из документов того времени сообщается, что король Анголы заключил союз с очень могущественным королем Матамбы и «оба в едином строю сразились с португальцами» [50, т. III, док. 121, с. 431].

Эти упоминания источников, несмотря на содержащиеся в них порой фантастические оценки численности войск, нам представляются чрезвычайно важными. Именно с этого времени (1589 г.) можно датировать качественно новый этап ангольских войн, характеризующийся растущей тенденцией к преодолению племенного сепаратизма и партикуляризма и постепенному объединению племен и народностей в ходе антиколониальной борьбы. Эта новая тенденция качественно изменила характер африканского сопротивления, подняв его на более высокую ступень и во много раз усилив его, что особенно ярко проявилось позже в ходе народной войны под руководством Нзинги Мбанди Нголы (см. с. 72—101).

Узнав, что навстречу двигается объединенная армия Ндонго и Матамбы, Серран разделил свое войско на три отряда, поручив командование одним из них Андре Перейре, другим — Фран-сиску де Сикейре и взяв командование третьим на себя.

29 декабря 1589 г. около Анголеме-Акитамбо португальцы увидели перед собой огромное объединенное войско африканцев, двигавшееся на них в полном молчании. Оно было построено в форме полумесяца. Африканцы были вооружены луками, стрелами, дротиками и ножами. Тактический план африканских военачальников состоял в том, чтобы обойти португальцев с флангов и, замкнув края полумесяца, окружить и уничтожить их в рукопашной схватке, в которой огнестрельное оружие будет неэффективным и даже бесполезным. Этот план блестяще удался.

Авторы «Истории резиденции...» так описывают эту битву: «Наше войско не подходило близко, заботясь о том, чтобы враг был довольно далеко. В 8 часов утра 29 декабря быстро построенный в боевой порядок наш средний отряд яростно атаковал их, но враги с не меньшим мужеством шагали через трупы своих убитых и ранили наших. В это время их полумесяц замкнулся, и все наше войско оказалось запертым... Они убили командира [Франсиску де Сикейра] и других португальцев. Многие были тяжело ранены» [50, т. IV, док. 132, с. 575].

По словам Силвы Корреа, «Серран с двумя храбрыми командирами сумели пробиться через окружавшее их море врагов и с яростью набросились на войско, сражавшееся в центре. Смелчаки удвоили свои усилия, но негры безмолвно переносили свои потери, и их трупы загораживали путь. Однако негров было великое множество, и над трупами поднимались новые воины, которые бросались вперед с такой неистовой яростью, что сумели убить одного португальского командира и одного смелого командира черных», сражавшегося на стороне португальцев [50, т. I, с. 205]. Всего в битве погибло 150 португальцев [50, т. III, док. 117, с. 423].

С трудом прорвав окружение, войска португальцев обратились в паническое бегство. За 15 дней они были отброшены более чем на 400 км. Африканцы решили воспользоваться своей победой и, не дав португальцам опомниться, нанести им окончательное поражение. По свидетельству Домингуша де Абреу, «они не были удовлетворены победой, которую одержали, а преследовали португальцев до лагеря под названием Луканзо... и так как короли снова привели с собой миллион людей, губернатор опять советовался с капитанами, которые заняли это место, сожгли некоторые фазенды и с трудом отступили к крепости Массангано» [50, т. IV, док. 131, с. 534].

Упомянутая источниками численность африканских войск («миллион людей») на первый взгляд кажется невероятной. Однако, как правильно указывает в связи с этим современный прогрессивный ангольский историк Энрике Абраншес, «если это число и кажется сильно преувеличенным, оно ни в коем случае не невозможно. В Африке того времени еще не чувствовалось опустошение, причиненное рабством, которое, согласно некоторым авторам, достигло цифры 100 и 150 миллионов душ» [200, с. 31].

В авангарде отступавших, сообщают авторы «Истории резиденции...», шел капитан Жуан де Виллория с отрядом из 40 португальцев, в середине — черные войска и два отряда солдат, вооруженных мушкетами. В арьергарде шли сам губернатор Серран, Андре Перейра и Гаспар Лейтан во главе отряда опытных ветеранов. «В таком порядке наше войско двигалось, будучи постоянно окружено врагами, сражаясь отчаянно и убивая их почти ежедневно» [50, т. IV, док. 132, с. 575].

Наконец войско Серрана добралось до крепости Бамба. Здесь к нему присоединился отряд во главе с прапорщиком Луисом Мендиш Рапозу. Эта крепость была хорошо укреплена и удобно расположена между двумя болотами [там же, док. 131, с. 535].

Запертый в этой крепости губернатор поручил капитану М. Ж. Оливейре с небольшим отрядом спуститься на двухмачтовом судне и нескольких лодках по р. Кванза и добраться до Луанды, чтобы выяснить, не восстали ли против португальцев тамошние соба и вожди племен [там же].

Тем временем правители Ндонго и Матамбы пожинали обильные плоды своей блистательной победы над португальцами. Преследуя врагов, они попутно забирали добычу, оставляемую бежавшими в панике войсками. По свидетельству Домингуша де Абреу, отбитая ими добыча могла бы примерно составить груз 24 судов [там же, с. 534]. В конце 1590 г. неудачливый губернатор Серран выехал в Массангано, где вскоре умер. По словам Силвы Корреа, «его смерть оплакивали, хотя его действия были неудачными» [134, т. I, с. 208].

Разгром в 1589—1590 гг. португальской армии коалицией африканских государств поставил завоевателей в исключительно трудное положение.

В 1592 г. в Анголу прибыл новый губернатор, Франсиску де Алмейда, который имел инструкции короля Испании и Португалии Филиппа II «расширить завоевания и овладеть серебряными рудниками в горах Камбамбе». Вместе с Франсиску приехал его брат Жерониму де Алмейда, произведенный перед этим в чины адмирала и местри де кампу (один из высших офицерских чинов) [267, с. 250].

Португальцы, оставшиеся в живых после сокрушительного разгрома Серрана, выражали бурную радость по поводу прибытия нового губернатора, а еще больше в связи с прибытием 24 июня 1592 г. подкреплений из 400 португальских солдат и 50 африканцев-

кавалеристов. Радость в связи с появлением свежих контингентов солдат вскоре была омрачена интригами и враждой, начавшимися между вновь приехавшими военачальниками и ветеранами ангольских войн, воевавшими еще под знаменами Паулу Диаша де Новаиша.

Ослабленная раздорами и враждой армия превратилась в чуждое всякой дисциплине и порядку сборище авантюристов, жаждавших рабов, слоновой кости и драгоценных металлов. В результате, когда Франсиску де Алмейда выступил с 700 пехотинцами и 50 африканцами-кавалеристами против одного местного князька, которого разбил, но не подчинил Паулу Диаш де Новаиш, он потерпел фиаско. По дороге в войсках Франсиску Де Алмейды началась эпидемия какой-то тропической болезни, и они вынуждены были отступить. В апреле 1593 г. Франсиску де Алмейда был отозван, и его преемником на посту губернатора стал его брат Жерониму [134, т. 1, с. 212]. Новый губернатор созвал на совет офицеров и ветеранов ангольских войн и предложил им на обсуждение свой план дальнейших военных операций. Этот план предусматривал в первую очередь отвоевание рудников Камбамбе, что, по мысли Жерониму де Алмейды, должно было реабилитировать португальских конкистадоров в глазах мадридского двора и обеспечить посылку подкреплений и припасов. Этот план был одобрен, после чего Жерониму де Алмейда произвел смотр войск и, проведя необходимые приготовления, 25 июня 1593 г. вышел с ними из Луанды, провожаемый многочисленными жителями города. Пройдя вдоль р. Кванза, Ж. Алмейда присоединил к своему войску гарнизон Массангано. В Кисаме он разгромил и принудил к повиновению 15 соба, но три самых могущественных соба, объединив свои силы, оказали захватчикам упорное сопротивление [267, с. 250—251]. Алмейда прибег к старой тактике «выжженной земли». Но жители, по свидетельству источника, «прятались в колючей лесной чаще и непроходимых зарослях, где огнестойкая трава делала их неуязвимыми для огня» [134, т. 1, с. 212]. Разгромив соба Сонга и других местных князьков, Алмейда во главе своего войска, состоявшего из 400 пехотинцев и 20 кавалеристов, направился к соляным копиям. Он разработал хитроумный план, который состоял в том, чтобы, блокировав эти копи, оставить страну без соли, которая, как было известно, играла в Анголе роль «денег», и таким образом парализовать экономику страны и принудить непокорных соба к повиновению. Фактически он приступил к реализации того плана, о котором позднее писал голландец О. Даппер (1668) и который, по-видимому, впервые возник в голове Ж. Алмейды или ближайших его советников.

Захватив соляные копи, Алмейда оставил там гарнизон в 100 пехотинцев и восемь кавалеристов, «для того чтобы помешать неграм добывать соль, в которой состояло все их богатство и единственное средство торговли, и принудить к подчинению» [там же]. Авторы «Истории резиденции...» пишут, что блокада соляных копей — «такая вещь, которую король Анголы и все враги ощущали и ощущают еще и сегодня более, чем какую-либо другую потерю, которую им причинили наши. Ибо на серебряные рудники они обращают мало внимания, а соль — это их казна и ходячая монета, на которую они покупают рабов и всякого рода продовольствие» [50, т. IV, док. 132, с. 571].

Взяв под контроль соляные копи, Алмейда в 1594 г. двинулся с войском через Кисаму в направлении гор Камбамбе [399а, с. 7]. 26 соба без сопротивления подчинились и предоставили ему в помощь своих воинов. Когда португальцы находились всего в нескольких днях перехода от недостижимых и таинственных серебряных рудников Камбамбе, Алмейда получил известие о том, что друг и вассал Нголы могущественный соба Кафуше Камбаре готовится преградить ему путь. Алмейда решил атаковать этого соба. Но в это время губернатор тяжело заболел и, по свидетельству источника, «несколько месяцев провел в Луанде как для выздоровления, так и для того, чтобы собрать подкрепления для войск» [там же]. На время своего отсутствия он возложил командование на Балтазара Алмейда де Соуза, который двинулся в апреле 1594 г. против Кафуше Камбаре. Услышав о приближении португальцев, Кафуше решил устроить засаду

и спрятал своих воинов в чаще леса. Союз ворвался в селение со своими солдатами, в числе которых было несколько всадников. Как говорит источник того времени, «наши вошли с великой стремительностью и нанесли врагам большой урон ружьями и лошадьми» [150, т. IV, док. 132, с. 576].

Вероятно, португальцы не только расстреливали африканцев из мушкетов и ружей, но и топтали их конями. «Однако негры прибегли к обычной хитрости, состоящей в том, что они не оказывают сильного сопротивления при подходе врагов, а обрушиваются со всеми силами, когда те начинают отступать. Они начали ранить солдат арьергарда и лошадей, стреляя из лесной чащи, где их не было видно. И хотя наши сражались очень храбро, почти все они были убиты, в том числе два командира... Командующий сражался до последнего и вышел раненый... Вместе с ним спаслись только пять португальцев» [там же, док. 131, с. 577]. В битве было уничтожено 750 португальцев [314, с. 53].

Таким образом, войско вождя Кисамы Кафуше Камбаре наголову разгромило португальскую армию.

Приведенное выше свидетельство из «Истории резиденции...» подтверждается и данными Силвы Корреа, который дает следующее описание битвы: «Негры выскочили из засады, и под их ударами погибло все войско белых. Этой роковой катастрофы избежали только командующий и шесть солдат. Эта стратегия, довольно известная, но неожиданная, принесла Кафуше триумф, которого не могли добиться даже более многочисленные армии» [134, т. 1, с. 213]. Описание битвы в обоих источниках, как видим, почти аналогично, и, следовательно, невозможно сомневаться в том, что речь в них идет об одном и том же событии. Однако эти же источники расходятся в датировке битвы. В то время как авторы «Истории резиденции...» датируют ее 22 апреля 1594 г., Силва Корреа указывает дату 22 апреля 1595 г. Последнюю дату следует признать ошибочной, так как битва, описанная в «Истории резиденции...», не могла иметь места в 1595 г., поскольку сам этот источник датирован 1 мая 1594 г.¹⁵

Сокрушительный разгром португальских войск в 1594 г. приостановил продвижение завоевателей в глубь материка.

В результате тяжелых климатических условий и жестоких сражений с африканцами, не желавшими подчиниться колонизаторам, из 2 тыс. солдат, посланных в Анголу в 1575—1594 гг., в живых остались только 300 [354, т. I, с. 377]. Рудники не были завоеваны. Работорговля развивалась медленнее, чем этого хотелось королевскому двору и бразильским плантаторам.

Опозоренный, бежавший в Бразилию Жерониму де Алмейда был заменен новым губернатором — Фургадо де Мендонса, который, получив новые контингента солдат, в марте 1595 г. выступил в поход к серебряным рудникам, которые, по выражению Кунья Матуша, «всегда были рудниками несчастий для португальцев» [267, с. 251]. Но время для военной экспедиции было выбрано неудачно, так как наступил сезон дождей и в пути среди солдат началась эпидемия тропической малярии, которая скосила более 200 человек. От болезней и истощения погибло также большое число лошадей.

По свидетельству Силвы Корреа, «дохлых лошадей разрезали на куски и продавали друг другу по дорогой цене, чтобы утолить голод» [134, т. 1, с. 216]. К этому времени Нгола, собрав сильную армию, окружил португальский гарнизон в крепости Массангано «таким плотным кольцом осады, что ни с какой стороны невозможно было оказать помощь» [там же; 267, с. 252]. Войско Мендонсы то и дело подвергалось нападениям со стороны восставших соба — союзников Ндонго. Стремясь запугать африканцев, португальцы, как обычно, применяли зверские методы расправ с мирным населением и с пленными. Как явствует из источников, Мендонса приказывал привязывать пленных к жерлам пушек и, стреляя ядрами, разрывать их на куски [134, т. 1, с. 216]. Но, несмотря на

¹⁵ Ошибочную датировку вслед за С. Корреа повторяет и Кунья Матуш [267, с. 251].

дикий террор и огромные усилия, Мендонсе так и не удалось пробиться к заветным рудникам Камбамбе.

Через год Мендонса возобновил попытку завоевания рудников. Получив горький урок, он провел свою вторую кампанию в 1596 г. более осторожно и более успешно. Ему удалось проникнуть в глубинные районы страны вплоть до Массангано. Смертельная опасность, нависшая над Анголой, заставила Нголу Килуанжи (отца знаменитой королевы Нзинги Мбанди Нголы) собрать все свое войско и двинуться к Массангано. Африканцам удалось незаметно подойти к городу и окружить находившееся в крепости войско Мендонсы. Это была смелая и остроумная операция, которая могла иметь успех, но португальцам удалось отправить гонца в Луанду, откуда на помощь осажденным были посланы подкрепления, и Нголе Килуанжи было нанесено тяжелое поражение [399а, с. 7—8]. Но все же Мендонса не смог осуществить свою главную задачу и овладеть горами Камбамбе.

Назначенный вместо него губернатором в январе 1601 г. Жуан Роиз Коутинью продолжил выполнение этой задачи.

По свидетельству жившего в то время в Анголе Э. Беттела, король даровал ему право взимать в свою пользу пошлину со всех рабов и товаров, вывозившихся из Анголы в Вест-Индию, Бразилию и другие страны. За это Коутинью обязался построить три крепости (в Дамбе, Камбамбе и Бухте коров) и овладеть серебряными рудниками. С помощью посулов и подарков Коутинью привлек на свою сторону вождей ряда племен. По словам Беттела, он был «столь щедрым, что слава о нем распространилась по всему Конго, и многие мулаты и негры добровольно явились, чтобы служить ему» [45, с. 37]. Коутинью сумел собрать под своими знаменами большую армию. Но он не смог выполнить поставленных перед ним задач, так как вскоре заболел и умер.

В 1603 г. губернатором стал Мануэл Сервейра Перейра. Решив во что бы то ни стало пробиться к Камбамбе, Перейра прежде всего позаботился о том, чтобы обезвредить грозного Кафуше Камбаре и избежать участи Жерониму де Алмейды, воспоминание о позоре которого, по словам Силвы Корреа, «наполняло печалью сердца белых и тщеславием и гордостью сердца негров» [134, т. 1, с. 219]. 10 августа 1603 г. Перейра атаковал Кафуше и сумел нанести ему поражение. После этого он прошел к горам Камбамбе и, разгромив местного соба, овладел столь желанным районом, который столько лет занимал распаленное воображение алчных конкистадоров, считавших его «вторым Потоси». Однако португальцам суждено было испытать горькое разочарование и убедиться, сколь химерическими были эти мечты и надежды. Серебра в Камбамбе почти не было. «Второе Потоси» оказалось всего лишь плодом их буйной фантазии.

По свидетельству очевидца этих событий Э. Беттела, португальцы «открыли серебряные рудники, но были недовольны ими, поскольку они давали лишь маленькое количество серебра» [45, с. 38].

Основав в горах крепость Носса-Сеньора-де-Розарио и оставив в ней гарнизон во главе с капитаном Араужо де Азеведу (в этом гарнизоне два года прослужил Э. Беттел [там же]), Перейра ушел в Массангано. Араужо де Азеведу пришлось выдержать натиск войск соба, вассалов короля Конго во главе с его тестем Ашиламбанзой. В конечном счете Ашиламбанза был разбит и принужден к вассальной клятве королю Португалии [267, с. 253].

Но Перейра очень жестоко обращался со своими солдатами, и поэтому, как сообщает Э. Беттел, многие из них покинули Перейру, и он вынужден был отказаться от продолжения военных действий [45, с. 38].

Вступивший на пост губернатора в 1606 г. Мануэл Перейра Форжас продолжал завоевания, начатые Мендонсой. Он обложил покоренных соба ежегодной данью в 12 тыс. крузадо. Потерпев фиаско в поисках серебра, Форжас организовал в сертанах Анголы поиски медных руд, но результат был тот же самый, что и в первом случае. К этому времени коалиция африканских государств распалась, и это явилось главной причиной

того, что Бенто Банья Кардозу, ставший губернатором в 1611 г., нанес сокрушительное поражение королю Ндонго. По свидетельству Силвы Корреа, «он наголову разбил его войско и взял в плен соба Шилонга, его союзника, самого храброго и отчаянного негра, какой только рождался в этом королевстве. Он всегда отличался в сражениях, вызывая восхищение наших и подавая пример своим, которые все сражались с отчаянной храбростью» [134, т. 1, с. 223]. Соба Шилонга был по приказу губернатора обезглавлен, а трое из его макота — повешены.

По словам хрониста, казнь этих соба, «которые пользовались у своих большой любовью и уважением, была причиной того, что явились 14 вождей, готовых к мести. Они осадили крепость... (Носса-Сеньора-де-Розарио) и окружили ее на рассвете, причем с различных сторон ее штурмовали 5 тысяч негров. Осажденные оказались почти в критическом положении, будучи обречены на гибель». Лишь прибытие подкреплений спасло португальцев от неминуемого поражения. Однако, по словам того же автора, «отступив, негры были столь горды и самоуверенны, что понадобился еще целый год непрерывной войны, чтобы принудить их к прежнему вассалитету» [там же].

Для «усмирения» непокорных племен Кардозу построил на р. Лукала новые крепости — Мбака (в восьми лигах от Массангано) и Ханго, что значительно приблизило португальцев к столице Нголы Мбанза-Кабасе. Назначенный во второй раз губернатором Анголы Мануэл Сервейра Перейра получил, кроме того, согласно специальному королевскому указу от 14 марта 1615 г., громкий титул «завоеватель и покоритель королевства Бенгелы». Решив оправдать этот «почетный» титул, он выступил в поход в Бенгелу, возложив управление Анголой на Антониу Гонсалвиша Питта — португальского командующего в Конго. Отплыв 11 апреля 1617 г. с пятью судами и 150 солдатами, он высадился в том месте, где Пейшоту, племянник Паулу Диаша де Новаиша, основал крепость. Заняв побережье, он сильно его укрепил, построив новый форт.

Таким образом, успешное продвижение португальских войск в глубь страны в 1603—1617 гг. знаменовало собой третью фазу ангольских войн и привело к угрозе завоевания и ликвидации государств Ндонго и Бенгела.

Строительство форта Бенгела и установление контроля над всем побережьем от Луанды до Бенгелы заметно упрочили позиции колонизаторов в Анголе. Однако в начале XVII в. они все еще не были хозяевами во внутренних районах, и португальское присутствие в Анголе сильно напоминало португальскую колониальную систему в Восточной Африке и Индийском океане, базировавшуюся на нескольких крепостях и военных гарнизонах, но в сущности имевшую «прибрежный» характер [354, т. I, с. 378].

Рассмотрение начального периода португальской колонизации в бассейне Конго (XVI — начало XVII в.) приводит к убеждению в ошибочности получившей широкое признание в буржуазной историографии концепции о якобы мирном и бескровном характере этой колонизации. Изучение первоисточников, относящихся к этому этапу взаимодействия португальских колонизаторов и народов Западной Африки, показывает, что оно было отнюдь не столь мирным, как его представляли реакционные португальские историографы. Оно характеризовалось исключительно высокой степенью насилия, составлявшего альфу и омегу колониальной практики конкистадоров в отношении колонизируемых народов. В то же время изучение конкретных фактов этого этапа португальской колонизации дает в распоряжение исследователя достаточно веские аргументы, вскрывающие несостоятельность созданной буржуазной историографией легенды о том, что африканские народы якобы не оказывали сколько-нибудь существенного сопротивления этой колонизации и что установление португальского контроля было якобы очень легким и безболезненным процессом.

Уже первая европейская экспедиция, отправленная в Тропическую Африку с целью завоевания (экспедиция Паулу Диаша де Новаиша 1574—1588 гг.), со всей очевидностью показала Лиссабону, что завоевание и колонизация Африки — дело куда более трудное, чем завоевание и колонизация Бразилии. Африканцы стояли на гораздо более высокой

ступени общественного развития, чем индейцы, и в отличие от них имели развитую государственность. Там, где существовали сложившиеся государственные образования, португальское проникновение было трудноосуществимо из-за постоянного, организованного и сильного сопротивления.

Изучение источников позволяет сделать и еще один принципиально важный вывод. Сопротивление племен было эффективнее там и тогда, где и когда они выступали не в одиночку, а в союзе друг с другом. Именно в XVI в. мы стоим у истоков идеи необходимости единства в борьбе против колонизаторов. Африканцы добивались успеха в борьбе с колонизаторами в тем большей степени, чем больше реализовалась тенденция к преодолению племенного сепаратизма и к объединению сил против общего врага (вспомним хотя бы разгром португальской армии объединенными силами государств Ндонго и Матамбы в 1589—1590 гг.). Эта тенденция проявилась в большой степени позднее, в XVII в., в Анголе, Эфиопии и Юго-Восточной Африке.

БОРЬБА НАРОДА АНГОЛЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ПОД РУКОВОДСТВОМ НЗИНГИ МБАНДИ НГОЛЫ

На протяжении почти пятивековой истории португальского колониального господства в Анголе народ этой страны не прекращал борьбы за свободу.

Одна из самых славных страниц борьбы связана с именем замечательной дочери ангольского народа, «африканской Жанны д'Арк» — Нзинги Мбанди Нголы, возглавившей в 20-е годы XVII в. сопротивление ангольцев португальским завоевателям.

К сожалению, история 30-летней успешной борьбы ангольцев под руководством Нзинги Мбанди Нголы против иноземных захватчиков на заре португальской колонизации изучена еще слабо. Реакционная португальская историография приложила немало усилий, чтобы вытравить из памяти народов Африки самое имя Нзинги, изобразить ее как «кроважадную фурию», а возглавленное ею освободительное движение как вызванную кровожадными инстинктами войну каннибалов против христиан.

Во многих общих работах по истории Африки сведения о Нзинге либо вовсе отсутствуют, либо относятся к области скорее фантастики, чем науки. В литературе бытуют самые противоречивые суждения и сведения относительно событий, связанных с борьбой Нзинги против португальцев. Мнения авторов расходятся даже по вопросу о том, правительницей какого государства была Нзинга.

По существу, вопрос о борьбе Нзинги против португальских колонизаторов еще не подвергался серьезному научному исследованию. Между тем нам представляется, что ввиду важности изучения традиций освободительной борьбы особое научное и политическое значение приобретает задача восстановления яркой страницы истории Анголы, связанной с именем Нзинги. Эту задачу в состоянии решить совместными усилиями советские и африканские историки. В настоящей главе предпринята попытка осветить некоторые узловые вопросы в качестве шага на пути изучения этой проблемы.

Нзинга Мбанди Нтола, согласно сведениям жившего при ее дворе миссионера-капуцина Дж. Кавацци, родилась в 1582 г. и, была дочерью правителя Ндонго Нголы Килуанжи и его наложницы, от которой она и получила имя Нзинга [61, с. 494]. Как сообщает Кавацци, при ее появлении на свет расположение звезд было таково, что гороскопы не предсказывали ничего хорошего, «и их предсказания оказались очень верными».

Отец Нзинги любил ее больше других своих детей «за живой и глубокий ум, одним словом, за все то, что предвещало, что она станет в будущем великой королевой» [там же; 104, т. IV, с. 29].

Кавацци, стремившийся нарисовать весьма непривлекательный облик Нзинги, усматривает причину ее «жестокости» в том, что ее воспитательницей была злобная

женщина, настоящее «черное исчадие ада», которая-де заставила ее всосать с молоком матери сильнейшую преданность ложным божествам.

После смерти отца Нзинги (около 1617 г.)¹⁶ правителем Ндонго стал ее брат Нгола Мбанди. Угроза португальского завоевания и расширение масштабов и сферы португальской работорговли неизбежно должны были привести к войне с португальцами. Однако Нгола Мбанди опасался, что, пока он будет занят этой войной, его сестры Нзинга, Камбо и Фунжи и племянник, сын Нзинги, лишат его власти. Он решил отделаться от соперников и начал с племянника—сына Нзинги, которого, по одной версии, умертвили в чане с кипящей водой, а по другой — приложили к его глазам раскаленный кинжал. «Принцесса Нзинга поклялась, что никогда не простит этого преступления и до последнего вздоха будет искать случай отомстить» [61, с. 495]. Она попыталась поднять восстание против брата, но заговор был раскрыт, и она была сослана в отдаленную область. Подавив внутреннюю оппозицию, Нгола Мбанди двинулся с большим войском против португальцев. Эта мера носила оборонительный характер и была вызвана возросшей активностью португальцев в Анголе и особенно продвижением португальских войск вверх по р. Лукала к крепости Мбака. После того как в 1617 г. в Луанду прибыл новый губернатор Анголы — Луис Мендес де Васконселос, он и его сын Жуан Мендес де Васконселос организовывали непрерывные экспедиции в Ндонго для захвата рабов. В своих письмах королю Васконселос резко критиковал деятельность своих предшественников и констатировал, что торговля переживает упадок и рынки почти полностью перестали функционировать из-за нехватки рабов [225, с. 85].

Аналогичные цели преследовала, видимо, и экспедиция, которую возглавил Жуан Мендес де Васконселос. Португальский хронист Кадорнега рассказывает, что сын губернатора послал половину своего войска в Мбака, а с другой половиной дошел до Матамбы, разбив и обезглавив 94 африканских вождя. Один из участников экспедиции, М. С. де Фария, докладывал, что сильное сопротивление португальцы встретили в Касанже, где укрывшиеся в лесах «язычники» внезапно напали на них и захватили их караван с добычей, после чего Ж. М. де Васконселос был вынужден вернуться в Луанду. Однако, узнав о наступлении Нгола Мбанди, губернатор снова посылает своего сына в Мбака, откуда тот во главе сильной армии нападает на войско Нгола Мбанди. «Что могли поделать,— пишет Лаба,— голые, плохо вооруженные и еще хуже дисциплинированные люди против отлично вооруженных, дисциплинированных португальцев» [104, т. IV, с. 33]. Войско Нгола Мбанди было разбито, его столица Мбанза-Кабаса занята захватчиками, а королева и принцессы Камбо и Фунжи взяты в плен. Сам король¹⁷ вынужден был искать спасения на островах Киндонга на р. Кванза. Однако он сумел сохранить сильное войско, которое время от времени совершало внезапные нападения на португальцев. По словам авторов изданной Центром ангольских исследований «Истории Анголы», «португальцы выиграли войну, но не смогли оккупировать территорию» [314, с. 56].

В октябре 1621 г. Васконселоса сменил новый губернатор — Коррейя де Соуза. После его прибытия португальцы предприняли попытки возобновить с правителями Ндонго деловые контакты, которые были необходимы для нормального функционирования работорговли. Португальцы в известной мере экономически зависели от правителей Ндонго, которые могли блокировать торговые пути, закрыть невольничьи рынки и чинить другие препятствия работорговле, составлявшей основу португальской экономической активности в Африке.

¹⁶ Свидетельства, сообщаемые источниками о правителях династии Нгола, очень скудны. Некоторые данные дают основания предполагать, что отец Нзинги правил очень долго — с 1575 по 1617 г.

¹⁷ Следует оговорить, что термины «король», «королева» применяются условно, так как, разумеется, правители африканских раннефеодальных государств не могут быть идентифицированы с европейскими монархами, как это пытаются делать некоторые буржуазные авторы.

В это время португальская работорговля стала испытывать серьезные трудности. Из-за сопротивления правителей Ндонго работорговцы опасались проникать в глубинные районы. Все торговые пути в Конго, Матамбе и Касанже были перекрыты. Была прервана даже торговля с Луандой, и положение португальцев становилось день ото дня хуже.

Исходя из этого, губернатор направил двух эмиссаров к Нгола Мбанди убедить его покинуть острова и вернуться в Мбанза-Кабасу. Нгола Мбанди поставил три условия: португальцы должны эвакуировать форт Мбака, помочь ему изгнать из Ндонго Касанже и вернуть в Ндонго всех его подданных, захваченных Васконселосом. Губернатор принял эти условия и отправил соответствующий ответ Нгола Мбанди [225, с. 89].

Чтобы заключить союз с португальцами, Нгола Мбанди направил в 1621 г. в Луанду посольство, которое предложил возглавить Нэинге. Притворившись, что она забыла причиненные ей обиды, она приняла предложение брата. «Король присоединил к обычной свите принцессы большую группу сеньоров и дам, а также добавил многочисленный эскорт к ее обычной охране и дал при этом ей самые широкие полномочия». В Луанде ее встретили с почестями и даже (неслыханная честь!) салютовали из пушек [61, с. 496].

На первой же аудиенции у губернатора Нзинга поразила португальцев своим умом, находчивостью и чувством собственного достоинства. Кавацци так описывает эту встречу: «Когда ей была предоставлена аудиенция у вице-короля, она, войдя в зал, заметила, что там на самом почетном месте стояло только одно бархатное кресло, отделанное золотом, которое предназначалось для... вице-короля, а напротив него лежал очень богатый ковер и бархатные подушки... предназначенные для эфиопских (т. е. африканских.— А. Х.) владык. Не смутившись и не сказав ни слова, она сделала знак глазами одной из своих дам, которая тотчас же встала на четвереньки, подставив спину своей госпоже, которая уселась на нее, как на стул, и продолжала так сидеть, пока не кончилась аудиенция» [там же, с. 497].

Этот инцидент вызвал всеобщее изумление, но еще больше были удивлены португальцы, когда услышали, как рассуждает эта женщина, которую ожидали увидеть неграмотной, жестокой и грубой.

Во время переговоров Нзинга обнаружила незаурядный дипломатический талант. Согласно компетентному свидетельству Кавацци, «она требовала мира с достоинством, предложила прочный и постоянный союз и показала, что веские и очевидные причины делают мир столь же необходимым для португальцев, как и для пославшего ее короля. Она удивила, изумила и убедила весь Совет», и, «убежденные и побежденные ее доводами, высшие должностные лица и члены Совета почти ничего не могли возразить против ее предложений» [61, с. 497; 134, т. I, с. 232—233]. Когда же от нее потребовали, чтобы король Ндонго согласился на уплату ежегодной дани, она с достоинством заявила, что «такие чрезмерные претензии могут быть уместны в отношении народов, которые покорены силой оружия, но не в отношении могущественного народа, который добровольно ищет дружбы португальцев» [61, с. 497—498].

Нзинга добилась признания Нгола Мбанди в качестве союзного короля, имеющего равный статус с другими независимыми правителями, а не как подданного португальской короны, а также обещания помочь изгнать из Ндонго воинственные орды жага во главе с Касанже, обязавшись, в свою очередь, вернуть португальцам беглых рабов. Однако ей «е удалось убедить португальцев ликвидировать форт, который они построили в сердце Ндонго — в Мбака¹⁸.

Губернатор попытался смирить эту гордую и непокорную женщину, обратив ее в христианство. Он рассчитывал избавиться таким образом от умного и опасного врага и приобрести в ее лице могущественного союзника. «Он призвал ученых лиц, которые посвятили ее в таинства христианской веры». Итак, в 1622 г. на 40-м году жизни Нзинга

¹⁸ Утверждение Ж. Вансина о том, что договор предусматривал эвакуацию Мбака, не подтверждается источником [см. 408, с. 130].

была крещена в соборе в Луанде. На церемонии присутствовали губернатор и его жена донна Анна, именем которой и была наречена новообращенная [там же].

Фернан де Соуза, занявший пост губернатора Анголы через несколько лет после Коррейя де Соуза, в своем докладе в Лиссабон (1632) не упоминает о крещении Нзинги. Он пишет, что Коррейя де Соуза был отозван из Анголы в 1623 г. после его ссоры с иезуитами и что Нзинга приезжала в Луанду уже при его преемнике Педро де Соуза Коэлью. Но это сообщение находится в противоречии с версией Кавацци. В связи с этим Д. Бирмингэм высказывает предположение, что Нзинга ездила в Луанду дважды или была в Луанде в то время, когда Коррейя совершил свой поспешный отъезд. Оба эти предположения маловероятны. Вряд ли Нзинга могла оставаться в Луанде около двух лет. Кроме того, Кавацци говорит о губернаторе, встречавшем и провожавшем Нзингу, как об одном и том же лице и ничего не упоминает о «второй» миссии Нзинги. По нашему предположению, Фернан де Соуза спутал Нзингу с ее сестрами Камбо и Фунжи, которые, по сообщению Кавацци, в 1625 г. ездили в Луанду.

Португальцы рассчитывали, что отныне Нзинга станет, по словам Дж. Миллера, «потенциальной носительницей португальских евангелических надежд на обращение королевства Нгола в христианство и на развитие прибыльной торговли с его правителями» [342а, с. 207]. Для Нзинги же христианство было, по-видимому, лишь маневром, который маскировал ее вражду к чужеземным захватчикам.

В целом миссия Нзинги в Луанду и заключенный ею мирный договор были, несомненно, ее большим дипломатическим успехом, так как давали необходимую передышку для подготовки отпора завоевателям в условиях, когда смертельная угроза нависла над самим существованием Ндонго как государства.

По возвращении в Мбанза-Кабасу Нзинга убедила брата утвердить договор и добилась от него обещания выполнить подписанные условия. Более того, по ее совету он пригласил в Ндонго двух католических священников. Однако эти шаги, направленные на укрепление союза с португальцами, по-видимому, вызвали в стране недовольство. Даже приближенные короля говорили, что «король не должен так быстро покидать религию предков и подчиняться иностранному закону» [104, т. IV, с. 42]. Выполняя условия соглашения, Жуан Коррейя де Соуза напал на предводительствуемых Касанже жага, занимавшихся грабежом в окрестностях Луанды. Губернатор приказал войскам окружить этот район и затем, вырубая джунгли, принудить Касанже к битве в открытом поле. Войско Касанже было разбито, а сам он взят в плен и доставлен к губернатору, который, хотя и выразил восхищение его отвагой, тем не менее приказал его казнить. Остальные пленники были закованы в кандалы и отправлены в качестве рабов в Бразилию [225, с. 90].

В 1624 г. Нгола Мбанди умер¹⁹ (или был отравлен родственниками и придворными, недовольными его пропортугальской политикой)²⁰.

Нам представляется недостаточно обоснованной точка зрения авторов упоминавшейся «Истории Анголы» о том, что Нзинга приказала убить брата в связи с тем, что он не хотел уважать мирный договор и собирался продолжать военные действия против португальцев. Хотя версия об убийстве вполне допустима, его мотивы были, по-видимому, иными. Можно предполагать, что Нгола Мбанди был противником подготовки большой войны против португальцев и выступал за более тесный союз с ними. Бенту Ребелу, который был в Ндонго в момент смерти Нгола Мбанди, обвинял Нзингу в том, что она отравила брата, так как была против его политики соглашательства с португальцами [225, с. 92].

¹⁹ Дату смерти Нгола Мбанди (1627), указываемую Кавацци, следует признать ошибочной, так как она опровергается всеми остальными источниками.

²⁰ Есть и другие версии относительно смерти Нгола Мбанди. Ф. де Соуза писал в 1624 г., что Нгола покончил самоубийством [225, с. 92].

В пользу нашего предположения говорит и то, что сразу же после смерти брата Нзинга порвала и с христианством и с португальцами. Негодуя по поводу этого шага и стремясь представить Нзингу в возможно более непривлекательном свете, Кавацци писал: «Принцесса донна Анна, которая была другом португальцев только из своих особых интересов... вернувшись к своему двору в Кабасу, снова впала в жестокость. Обратившись к своим ложным божествам и выполняя их волю, она публично учинила страшную резню». Лаба добавляет: «Она знала, что принятие ею христианства пришлось не по вкусу ее народу, а она хотела завоевать у него потерянную любовь. Она делала все это, чтобы иметь возможность претендовать на корону» [61, с. 499, 501]. Прежде чем стать королевой, Нзинга приказала убить сына Нгола Мбанди, по-первых, чтобы избавиться от соперника, а во-вторых, чтобы отомстить за смерть своего сына. Так же она поступила со многими другими членами королевской фамилии.

Убедительное объяснение этим убийствам дал в своей статье «Нзинга Матамбы в новой перспективе» Дж. Миллер. Он связывает их с теми трудностями, которые ставило обычное право амбунду на пути женщины к власти. По его мнению, претензии Нзинги на королевский титул Нгола (или, по терминологии Миллера, «Нгола а Килуанжи») нарушали установившиеся нормы амбунду по меньшей мере в трех отношениях. «Во-первых,— пишет Дж. Миллер,— европейский термин „сестра" не отражал истинного положения Нзинги в глазах амбунду ввиду ее происхождения от матери, которая не являлась матерью короля. У амбунду существовали правила матрилинейного наследования, и „полусестра" от сожительницы короля вообще принадлежала к другому роду. Во-вторых, Нзинга была дочерью „невольницы", жившей при королевском дворе. Она имела, таким образом, отдаленное отношение к королевской родословной и не могла ожидать поддержки своих претензий стать королевой. В третьих, амбунду враждебно относились к женщинам, имеющим политический титул, и запрещали какой-либо женщине занимать положение „Нгола а Килуанжи"» [342а, с. 205—206].

Став десятой правительницей Ндонго [288, с. 43], Нзинга направила послание новому губернатору Анголы, Фернану де Соуза, в категорической форме потребовав у него эвакуации форта Мбака. В случае принятия этого ультиматума Нзинга обещала возобновить продажу рабов португальцам и открыть невольничьи рынки, а в случае отказа угрожала войной.

Ни один из известных нам авторов, писавших об этих событиях, не останавливается на вопросе, почему Нзинга столь быстро изменила свою политику по отношению к португальцам и уже через два года после своего крещения и заключения мирного договора сочла возможным бросить им открытый вызов. Между тем рассмотрение этого вопроса особенно рельефно по-казывает гибкость и мудрость Нзинги, обнаружившей подлинно государственный ум. Есть основания предполагать, что эти изменения в политике Нзинги были связаны с тем, что ей стало известно о затруднениях, возникших для португальцев в связи с началом голландского проникновения в Анголу.

В 1621 г. была основана голландская Вест-Индская компания, которая начала финансировать военные экспедиции в Африку.

В июне 1624 г. голландцы сожгли шесть португальских судов в бухте Луанды, а в августе предприняли новую атаку. Они вошли в контакт с правителем Конго Педру II. Об этом не могла не знать Нзинга, которая имела тесные контакты с королем Конго и многочисленных шпионов в зоне португальского владычества. Вероятно, известия о нависшей над португальцами угрозе голландского вторжения ускорили отправку ее ультиматума в Луанду.

Ф. де Соуза, понимавший, к каким опасным последствиям может привести война и с голландцами и с африканцами, в письме в Лиссабон рекомендовал принять ультиматум Нзинги. Но Лиссабон реагировал на это предложение отрицательно [225, с. 92].

Вынужденный подчиниться, губернатор оказался в весьма сложном положении. Лиссабон требовал активизации работоторговли. Между тем главные торговые пути были

отрезаны, а невольничьи рынки закрыты. Даже вожди, оставшиеся лояльными по отношению к португальцам, отказывались поставлять рабов. Многие из них так обеднели из-за непрерывного изъятия рабов, что не в состоянии были платить пошлину или посылали мальчиков и стариков вместо здоровых мужчин [там же; 408, с. 129].

Сильный и непрерывный нажим, который оказывался на вождей кланов, находившихся под контролем португальских фортов, заставил многих из них искать помощи в восточной части Ндонго. Здесь они объединили свои усилия с Нзингой, которая, избрав своей резиденцией острова Киндонга на р. Кван-за, формировала там армию и готовилась к войне против португальских захватчиков.

Понимая, что для изгнания колонизаторов необходимо единство ангольцев, Нзинга создала коалицию африканских племен и народностей. В нее вошли многие племена, жившие в бассейне Кванзы и в Кисаме, страдавшие от набегов португальцев, а также рабы, бежавшие из зоны португальской оккупации и находившие убежище у Нзинги²¹ [314, с. 57].

По свидетельству О. Даппера, рабы «бежали к ней большими толпами» [73, с. 369]. Кроме того, как видно из некоторых источников, Нзинга привлекла к себе на службу воинственных жага, издавна враждовавших с португальцами и промышлявших грабежом к югу от р. Кванза [61, с. 502]. Это дало ей возможность создать многочисленную армию.

Дж. Миллер полагает, что «две тесно связанные стратегии, доминировавшие в ее акциях в конце 1620-х годов,— союзы с „аутсайдерами" и вербовка солдат среди неимущих — искусно компенсировали слабость ее позиции во внутренней политике амбунду» [342а, с. 208]. Нам представляется, что концепция Дж. Миллера о том, что в основе деятельности Нзинги лежало желание компенсировать слабость ее позиций среди амбунду в связи с ее «некоролевским происхождением», нуждается в дополнительной аргументации. Думается, что стремление Нзинги объединить под своим руководством многие племена бассейна Кванзы и беглых рабов было вызвано не столько желанием укрепить свое положение в качестве королевы, сколько соображениями подготовки войны против португальских захватчиков.

Бегство рабов к Нзинге вызывало особенно большое беспокойство и раздражение португальских поселенцев и работорговцев. Некоторые из них жаловались, что потеряли в результате этого по 100—150 рабов. Желая вернуть рабов, они требовали начать войну против Нзинги. «Жалобы губернатору на бегство рабов, — отмечает автор хорошо документированного исследования А. А. Фелнер, — вызывались не только их потерей, но и опасностью, которую представляло увеличение сил Нзинги» за счет людей, годами живших среди португальцев и умевших обращаться с огнестрельным оружием [93, с. 219]. Под нажимом поселенцев и торговцев Ф. де Соуза послал к Нзинге двух иезуитов для переговоров о возвращении рабов, бежавших от португальцев. Но эта миссия окончилась безрезультатно. Позднее в Луанде побывало посольство Нзинги, которое вело переговоры об открытии торговли. Но оно было обвинено в подстрекательстве местных вождей перейти на сторону Нзинги и изгнано из города [там же; 225, с. 93].

В 1625 г. переговоры зашли в тупик и стало очевидным, что война неизбежна. Верные тактике «разделяй и властвуй», португальские колонизаторы решили прибегнуть к излюбленному методу — подавлять сопротивление африканцев руками самих африканцев. В качестве марионетки они использовали одного из вождей амбунду, родственника Нзинги, Ари Килуанжи²², который был соба в Пунгу-а-Ндонго. Он был вызван в форт Мбака и выдал португальцам военные планы Нзинги, которые, по его словам, включали организацию всеобщего антипортугальского восстания. Взамен за эту услугу португальцы провозгласили Ари Килуанжи королем Ндонго и подписали с ним

²¹ В числе присоединившихся к Нзинге были и африканские солдаты, обученные португальцами (кимбарес) [408, с. 135].

²² Английский исследователь Дж. Миллер полагает, что «Ари Килуанжи», как и «Нгола Килуанжи», — это не имена, а титулы представителей королевской семьи [342а, с. 208].

соглашение о снабжении его войсками и припасами при условии, что он будет вести активную войну против Нзинги [61, с. 507]. Ари Килуанжи объявил столицей государства Пунгу-а-Ндонго. Нзинга, узнав об измене Ари Килуанжи, тотчас же начала против него военные действия. Он обратился за помощью к португальцам, что дало губернатору формальный повод объявить Нзинге войну в защиту подданного португальской короны [225, с. 93].

По словам Лаба, «Ари выполнил все, что обещал. Он разбил несколько отрядов из войск Нзинги, разграбил ряд провинций, захватил много рабов, но помощь, которую он получил от португальцев, мало-помалу шла на убыль, так как, будучи довольно малоопытным политиком, он перестал действовать столь же активно, как начал. Эта пассивность испугала португальцев, опасавшихся, что это прелюдия какой-то сделки между этим правителем и королевой Нзингой и что они могут, объединившись, внезапно обрушиться на их владения» [104, т. IV, с. 68].

Возможно, в то время Ари Килуанжи действительно пытался наладить контакт с Нзингой. Он мог пойти на это после нескольких военных поражений, а также после того, как убедился в безнадежности попыток разбить усиливавшееся с каждым днем войско Нзинги и утвердить свою власть в Ндонго военным путем. Большинство соба не признавали его правителем и отказывались платить дань.

Перспектива объединения сил Нзинги и Ари Килуанжи в условиях, когда голландская угроза становилась все более реальной, настолько испугала португальцев, что они, как видно из источников, сами решили войти в контакт с Нзингой с целью найти дипломатическую форму разрешения конфликта. К Нзинге был направлен португальский офицер, облеченный полномочиями говорить от имени губернатора и Совета. Он предложил королеве заключить договор о союзе. Ей было обещано передать во владение все отобранные у нее провинции и вернуть к повиновению Ари Килуанжи. Взамен она должна была признать власть португальской короны и платить ей ежегодную небольшую дань. Это условие, означавшее, по существу, признание себя вассалом короля Португалии, по свидетельству Кавацци, «привело ее в ярость». Она заявила, что считает его оскорблением, нанесенным ей как суверенной и независимой королеве, и «что это ей могли бы предложить, будь она побеждена силой оружия, но что до этого далеко, ибо у нее есть не только хорошие войска, но и отвага, более чем достаточная, чтобы образумить врагов» [61, с. 507].

Таким образом, Нзинга отказалась пойти на сделку с колонизаторами, и они потерпели провал в своих попытках сломить ее сопротивление дипломатическими мерами.

В начале 1626 г. в Луанде был создан военный совет, на который были приглашены высшие офицеры, муниципальные советники, чиновники судебного департамента и казначейства. На совете обсуждалось «тяжелое положение колонии, непочтительность короля Конго, вызывающее неповиновение королевы Нзинги, помехи, чинимые португальской торговле вождями дембо, и обусловленная этим боязливость короля Ндонго — нашего верного вассала» [393, с. 10]. По свидетельству хрониста, было решено начать войну и организовать хорошо оснащенную военную экспедицию против Нзинги [93, с. 220; 55, т. 1, ч. 2, гл. VI]. Была сформирована большая армия, в которую кроме португальских солдат были включены также войска африканских вождей, лояльных по отношению к португальцам. 7 февраля 1626 г. эта армия во главе с опытным командиром Бенто Банья Кардозу выступила в поход. Подробное описание экспедиции мы находим у Кавацци. Он сообщает, что, двинувшись к берегам Кванзы, португальцы захватили несколько постов и 17 островов и укрепили два форта, чтобы «иметь в случае нужды место для отступления». 7 июня они достигли острова, где разбила лагерь Нзинга со своим войском. Португальцы блокировали остров, построив укрепления на берегах реки. Однако «королева хорошо использовала свое время, укрепила остров» и, атаковав один из португальских фортов, обратила в бегство его охрану, уничтожив при этом 300 человек и

ранив еще большее число, в том числе несколько португальцев. Однако при повторной атаке, когда португальские солдаты встретили их огнем из мушкетов, воинам Нзинги пришлось отступить. Ночью наступило затишье. Обе стороны вели лихорадочные работы по укреплению своих позиций. Нзинга, по свидетельству того же автора, использовала это время для того, чтобы посоветоваться с помощниками и «вызвать дух своего брата Нгола Мбанди». Этот «дух» якобы сказал ей, что «сдаться на милость португальцев — значит рисковать свободой, а бежать, уступив им немного земли,— значит сохранить возможность сразиться с ними в другой раз с большим успехом. Королева поблагодарила дух брата жертвоприношениями... и, выбрав очень темную ночь, перешла вброд реку в узком месте, где, как она заметила, у португальцев почти не было стражи, и поспешно отступила в провинцию Оакко». Португальцы, не видя людей на острове, утром переправились туда, но, не найдя там никого, бросились преследовать беглецов [61, с. 507—509].

На второй день марша они атаковали укрытый в труднодоступных скалах лагерь Нзинги и взяли в плен двух ее сестер и несколько макота. По словам португальского хрониста, «храбрая Нзинга, сумев вовремя отступить, поспешно бежала с оставшимися в живых и... была на волосок от плена», но ее спасла «энергия, не соответствующая ее слабому полу» [134, т. 1, с. 240].

Таким образом, в результате кампании 1626 г. португальцам, которые к тому времени контролировали лишь побережье, не удалось разбить войско Нзинги и сокрушить могущество королевы, которая стала грозной преградой на пути к завоеванию ими хинтерланда современной Анголы. В этой связи представляется неверным утверждение Д. Бирмингэма о том, что «Нзинга была выбита с островов Кванзы и война была успешно завершена... к концу 1626 г.» [225, с. 94].

Задача экспедиции Б. Кардозу состояла не в том, чтобы «выбить Нзингу с островов Кванзы», а в том, чтобы подорвать ее военное могущество и создать условия для безраздельного португальского контроля над внутренними районами страны.

В конце 1626 г., когда умер Ари Килуанжи, португальцы провозгласили королем Ндонго нового ставленника, который был весной 1627 г. крещен под именем дон Филипп [399а, с. 19]. Чтобы марионетка была послушной, португальские власти держали его сына в качестве заложника в Луанде, где он получил христианское имя Франсиску. Дон Филипп согласился платить португальцам дань в размере 100 рабов в год, разрешил иезуитам построить церковь в Пунгу-а-Ндонго и согласился вновь открыть невольничьи рынки. Так, в марте 1627 г. уже функционировал рынок в Мбумба-а-Кисансу, а в следующем году в Нда-ла-Кисуба [225, с. 94].

Стремясь поставить Ндонго под португальский контроль с помощью марионеточного монарха, губернатор Фернан де Соуза столкнулся с большими трудностями, которые были связаны не только с постоянной угрозой, исходившей от Нзинги, но и с оппозицией местных вождей. Многие из них отказывались признать королем человека, который, как они уверяли, был сыном раба. Они утверждали, что такой король не будет эффективен как «колдун, вызывающий дождь», и навлечет на Ндонго ужасные засухи. Епископ Луанды рекомендовал заменить дона Филиппа, но иезуиты и работоторговцы поддерживали монарха, так как он регулярно платил дань. Губернатор Ф. де Соуза предлагал заменить дона Филиппа одной из сестер Нзинги — Камбо или Фунжи, находившихся в плену у португальцев [там же].

Установление португальского контроля над побережьем, сопровождавшееся резким увеличением работоторговли, опустошительные набеги «помбейруш» (охотников за рабами) на африканские селения, а также недовольство многих вождей правителем Ндонго явились главными причинами массовой миграции населения. Многочисленные племена двинулись на северо-восток, где они присоединились к Нзинге, число сторонников которой стало быстро расти. По свидетельству современников, Ндонго лежало в руинах и было совершенно разорено. «Королевство Ангола (Ндонго)... очень

обширное,— сообщал папе в 1640 г. португальский епископ Конго и Анголы.— Одно время оно было богатым» [72, с. 511].

Спасаясь от террора колонизаторов, воинственные орды жага под руководством вождя из династии Касанже двинулись из зоны португальского владычества на восток. В конце 20-х годов XVII в. жага достигли долины между реками Луи и Кванго, где и было основано примитивное феодальное государство Имбангала, или Касанже. Это государство достигло большой степени могущества и просуществовало на западном берегу р. Кванго вплоть до середины XIX в., когда его посетил португальский путешественник Невес [113, с. 106—108].

Когда Касанже привел своих людей в долину Кванго, укрепить власть здесь ему помог сподвижник Нзинги Нгонга Мбанди, приведший большое войско. Сохранившаяся до наших дней народная легенда гласит, что наиболее упорное сопротивление вторжению жага оказал вождь Кимбала, который сумел захватить в плен самого Касанже. Жена Касанже, бывшая родом из Либоло, попросила помощи у своих двух братьев. Вместе с Нгонга Мбанди они пригласили для переговоров вождя Кимбала и убили его. В благодарность за свое спасение Касанже установил новый порядок наследования трона: он должен был переходить по очереди к члену его собственной семьи, затем к члену семьи Нгонга Мбанди и, наконец, к членам семьи братьев жены [225, с. 98]. Помощь Нгонга Мбанди, по-видимому, способствовала установлению союзнических отношений между Касанже и Нзингой.

Опираясь на союз и помощь могущественного вождя и превосходство своей военной организации, Нзинга решила предпринять завоевание государства Матамба к северо-востоку от Ндонго. Для осуществления этого плана Нзинга сформировала сильное войско, причем основу его составили, видимо, большие отряды завербованных ею жага. Для того чтобы завоевать авторитет и популярность среди жага, Нзинга, по-видимому, приняла их образ жизни и обычаи, в том числе и каннибализм. Буржуазные историки всячески подчеркивают этот последний момент, чтобы опорочить Нзингу и ее сторонников. Однако обычай есть человеческое мясо практиковался, видимо, в отношении врагов как особый вид мести. Как правильно отмечает Бир-мингэм, он был «скорее формой ритуала, чем гастрономической необходимостью».

Жага наилучшим образом удовлетворяли требованиям Нзинги, которая считала главной целью своей жизни изгнание португальских захватчиков. Жага были храбрыми, выносливыми и в высшей степени мобильными воинами. К тому же они, как и Нзинга, питали непримиримую ненависть к португальцам. Нзинге, по-видимому, очень импонировали не только их храбрость, военный опыт и враждебное отношение к ее собственным врагам, но и высокое положение, которое у них занимали женщины, некоторые из которых удостоивались титула «тембанза» (предводитель) [342а, с. 209]. Этот титул был дарован Нзинге вождем жага Каза после символической церемонии, метафорически именуемой амбунду «женитьбой» и воспринятой в качестве таковой в буквальном смысле слова португальцами. Приняв титул «тембанза», Нзинга стала готовить армию жага к предстоящим сражениям с европейцами и в то же время требовала от сопровождавших ее соплеменников-амбунду овладения военной тактикой жага. С другой стороны, союз с вождями жага, которые полностью контролировали южный берег Кванзы, давал ей безопасное убежище вблизи жизненных центров Ндонго, куда португальские войска не смели проникнуть. Острова Киндонга на средней Кванзе стали ее любимым убежищем, куда она всегда отступала в периоды военных неудач и откуда она организовывала многочисленные экспедиции против португальцев [там же].

В 1629 или 1630 г. Нзинга во главе большой и хорошо обученной армии двинулась на восток. Поход Нзинги от островов Кванзы к Матамбе продолжался, по-видимому, несколько лет. «Длинные вереницы женщин, детей, стариков, скот и обозы медленно продвигались через равнины и горы» [399а, с. 31].

Нзинга вторглась в Матамбу и захватила покинутую жителями столицу Макариаса. Старый правитель Матамбы Каломбо умер незадолго до этого нападения. Нзинге удалось

захватить в плен его дочь Муонго и внучку, которых она вначале приказала заклеить каленым железом как рабынь, но затем, раскаявшись, осыпала Муонго почестями и дала ей титул сестры [61, с. 509—510]. Завоевание Матамбы имело место, вероятно, между 1630 и 1635 гг.

Существующие источники дают возможность восстановить лишь некоторые черты политической и социальной организации государства Матамба. Наибольшую ценность в этом отношении представляет, несомненно, книга Кавацци.

Как можно заключить из его описания, созданное Нзингой государственное образование представляло собой военно-политический союз племен, объединенных общими задачами и единым централизованным руководством. Ломка родо-племенных связей как следствие войны с португальскими колонизаторами и широкого развития работорговли, необходимость объединения перед лицом общих врагов, массовые миграции населения, вызванные угрозой порабощения,— все это создало необходимые условия для возникновения на этой основе примитивной государственности, получившей форму раннефеодальной монархии.

Феодальные отношения сочетались здесь с сильными пережитками первобытнообщинных и широко развитым рабовладельческим укладом. Политическая организация королевства базировалась на принципе вассалитета и представляла собой феодальную пирамиду, на вершине которой стояла королева. На нижних ступенях общественной иерархии наряду с рабами находились крестьяне, несшие бремя личной и поземельной зависимости разных градаций.

По свидетельству Кавацци, «все подданные государства, мужчины и женщины, в силу непререкаемого закона были обязаны лично три раза в неделю возделывать земли королевы» [61, с. 574; 104, т. IV, с. 270].

Таким образом, королева, по-видимому, была крупным земельным собственником и верховным сеньором, а ее подданные, по существу, были вассалами, лично-зависимыми от нее и обязанными выплачивать ренту в форме отработок. Королева выступала как владыка над жизнью и смертью своих подданных, считавшихся ее «рабами», а также как верховная собственница всего, что они имели.

Господствующий класс составляли крупные собственники, в число которых входили родственники и ближайшее окружение Нзинги, а также правители территориальных округов и местные вожди. Королевский двор Нзинги отличался необычайной пышностью.

Кавацци утверждает, что «двор королевы был столь же многолюден, как королевские дворы в Европе. Он состоял из лиц, достоинства и обязанности которых давали им право считаться благородными» [61, с. 578]. Знатность в королевстве Нзинги определялась не происхождением, а богатством, зависевшим от количества рабов.

Важной особенностью этого государства было весьма высокое общественное положение женщин, сохранение пережитков матриархальной родовой организации. Это проявлялось не только в том, что во главе государства стояла женщина, но и в том, что многие высшие придворные должности также занимали женщины. По свидетельству Кавацци, Нзинга, придерживаясь обычаев жага, назначала на каждую должность мужчину и женщину. Правда, согласно некоторым источникам, обычаи жага не разрешали женщине править в качестве верховного вождя. Нзинга выходила из положения довольно любопытным способом: она облачалась в мужскую одежду, а ее окружение составляли 50 или 60 юношей, одетых как женщины-наложницы.

Автор вышедших в 1740 г. «Исторических, политических и литературных мемуаров» Оливейра сообщает: «Она (Нзинга.— А. Х.) держала 50 или 60 молодых людей, которым она дала

женскую одежду и женские имена, в то время как она сама носила имя и одежду мужчины для того, чтобы командовать своей армией с большим авторитетом» [116, с. 320]. Однако Кавацци сообщает, что ей прислуживали 300 женщин, которые, сменяя друг друга, «не отходили от ее персоны».

Женщины Матамбы отличались воинственностью, силой и отвагой. Они учились пользоваться оружием и часто устраивали даже нечто вроде женских рыцарских турниров. При этом «дамы во главе с королевой выходили одетые и вооруженные как амазонки. Они устраивали сражение, в котором королева, хотя и обремененная более чем 60 годами, обнаруживала ту же храбрость, силу, ловкость и проворство, которые она имела в 25 лет» 1[104, т. IV, с. 248].

Особенно торжественной церемонией был обед королевы. Обычно она ела, сидя на циновке и беря мясо из блюда рукой. Но в последние годы жизни Нзинга часто ела по-европейски, сидя на стуле за столом, сервированным серебряной посудой. Во время трапезы она беседовала с придворными дамами и приближенными, давая им куски мяса, «которые те принимали с уважением». Кавацци уверял, что однажды он насчитал 60 блюд. К его удивлению, самыми утонченными деликатесами считались ящерицы, кузнечики, сверчки и особенно жареные мыши. Во время трапезы Нзинга задавала своим приближенным вопросы, «в которых обнаруживала живость ума». По словам Кавацци, «поскольку [Нзинга] всегда имела шпионов, которые уведомляли обо всем, что происходило, часто бывало, что ей было известно то, что держалось в строгом секрете, так что подданные были убеждены, что она проникает в тайны сердец».

При королеве был совет, выполнявший функции правительства и высшего военного и религиозного органа, а также функции суда, но многие важные судебные дела разбирала сама Нзинга. Нзинга подвергала очень жестоким наказаниям лиц простого звания: за малейшие проступки им перерезали горло или бросали их на съедение диким зверям. В отношении же знатных лиц такие наказания применялись редко.

Как свидетельствует Кавацци, у королевы был свой метод их наказывать. Часто «один ее хмурый или сердитый взгляд доставлял им большее страдание, чем если бы их жгли на костре» [61, с. 574-575, 579]. «Больше всего на свете,— добавляет Лаба,— они боялись впасть в немилость своей госпожи, которая могла в любой момент превратить самое большое состояние в ничто, а его обладателей низвести до положения рабов».

Государство Матамба отличалось сильной централизацией управления и абсолютной властью монарха над всей территорией страны. Такая редкая для африканских государств того времени централизация достигалась не только военной силой, но и с помощью хорошо налаженной связи между столицей и отдельными районами страны. Для этого использовались молодые здоровые рабы — скороходы, которых размещали по всей трассе как перекладных лошадей, и они передвигались, неся в гамаках знатных особ или письма, проворно передавая один другому свою ношу [61, с. 576].

Образование в 1630-х годах двух сильных в военном отношении государств — Касанже и Матамбы существенно изменило баланс политических и военных сил в борьбе за Анголу. Португальские колонизаторы, которые путем установления контроля над Ндонго рассчитывали покончить с африканской государственностью в этом районе, неожиданно оказались лицом к лицу с могущественной коалицией двух вновь созданных государств — Касанже и Матамбы. К антипортугальской коалиции примкнули Конго, племена, жившие в Кисаме, и племена дембо. Во главе этого союза встала грозная для португальцев королева Нзинга, планы которой состояли в том, чтобы, укрепившись в Матамбе и создав там сильную армию, попытаться выбить португальцев из Ндонго.

В то же время Касанже и Матамба превратились в крупные работорговые центры, что подрывало португальскую торговлю рабами.

Став королевой Матамбы, Нзинга тотчас же заблокировала португальские работорговые пути, связывавшие Луанду через Ндонго и районы, лежавшие к югу от Матамбы, с государством Касанже. Расширив государство Матамба к югу и подвергая

постоянным нападениям работорговцев, Нзинга закрыла для них доступ к богатым источникам рабов в бассейне р. Кванго. Это вызвало крайнее недовольство не только португальцев, но и правителя Касанже, который, будучи изолирован от своих торговых партнеров на побережье, организовывал рейды в Матамбу в безуспешных попытках воспрепятствовать росту политического и военного могущества Нзинги [342а, с. 211].

После завоевания Нзингой Матамбы начинается новый этап возглавленной ею борьбы ангольского народа против португальских захватчиков. Нзинга предприняла наступление на Ндонго. Она, как пишет Кавацци, «повела свою армию к границам португальцев и атаковала их крепость» [61, с. 576, 510]. Ее войско приблизилось к форту Мбака, и губернатор был вынужден послать отряд, чтобы отбить натиск африканцев [55, т. 1, с. 193—194]. Но Нзинге пришлось поспешно вернуться в Матамбу, так как Касанже, воспользовавшись ее отсутствием, вторгся в Матамбу и подверг ее полному опустошению, уничтожая деревни, урожаи, стада и жителей. Тогда королева «приказала войскам двигаться быстрым маршем, надеясь встретить Касанже и разбить его... так как видела, в каком отчаянии были ее люди, узнав, что они потеряли жен, детей и имущество» [104, т. IV, с. 75—76]. Однако Касанже сумел уйти на свою территорию, угнав из Матамбы множество жителей, которые были обращены в рабство.

18 октября 1639 г. в Луанду прибыл новый португальский губернатор — Педру Сезар де Менезис. Он привез с собой свежие подкрепления. Среди этих солдат был Оливейра Кадорнега, который впоследствии написал хронику ангольских войн, продолжавшихся в течение последующих 40 лет.

Уступая требованиям белых поселенцев и работорговцев, губернатор вступил в переговоры с Нзингой о возвращении беглых рабов их прежним хозяевам. Королева прислала в Луанду посольство, привезшее подарки губернатору, главному судье и епископу, а также нескольких беглых рабов, которые, однако, были столь стары, что никто не мог припомнить их хозяев. Вероятно, целью Нзинги при отправке этого посольства было получить сведения о силе вновь прибывших белых войск, чтобы перепроверить и дополнить информацию, присланную ей, как сообщает Кадорнега, ее сестрой Фунжи, находившейся в неволе в Луанде [55, т. 1, с. 209]. В свою очередь, губернатор направил священника Антонио Коэлью и офицера Гаспара Боржия для переговоров с Касанже и Нзингой²³. Эта миссия была вызвана, видимо, опасениями португальцев, что разногласия между Нзингой и Касанже будут улажены и, объединив свои силы, они вместе выступят против захватчиков. Колонизаторы, по-видимому, рассчитывали заключить с одним из них сепаратный мир и после этого разбить их поодиночке. Кроме того, потерпев неудачу в достижении своей главной цели — превращении Ндонго в марионеточное работорговое государство, португальцы нуждались в новых торговых партнерах и новых источниках получения рабов.

Касанже принял португальских посланцев очень радушно и заявил о желании «жить в мире и с португальцами и с королевой Нзингой, если она сложит оружие и признает его претензии на королевство Матамба» [61, с. 511].

Нзинга встретила посланцев губернатора менее любезно. По свидетельству Кавацци, выслушав их предложения, «она отвечала надменно и в угрожающем тоне и заключила свою речь словами, что ее достоинство требует начать войну и что она не опустит оружия, пока не будут исчерпаны возможности, которые можно ожидать от силы оружия». Когда послы напомнили ей, что она была христианкой, Нзинга ответила, что это должны помнить прежде всего португальцы, ибо они сами виноваты в том, что она отделилась от их религии. Когда ей предложили стать союзником Португалии и принять милость и дружбу португальского короля, Нзинга, которая, как пишет Кавацци, «была полна ума и превосходно владела искусством иронии, ответила, что она прекрасно знает силы и доблесть своих врагов и желала бы иметь честь быть союзницей португальской

²³ Д. Бирмингэм пишет лишь об одном Гаспаре Боржия, но Кавацци упоминает двух посланцев губернатора.

короны... но считает справедливым добиваться или строго по суду, или с оружием в руках удовлетворения своих претензий на провинции, которыми мирно владели ее предки» [там же]. Таким образом Нзинга дала понять, что никогда не смирится с потерей Ндонго и готова отстаивать права ангольцев с оружием в руках. После шести месяцев бесполезных переговоров Гаспар Боржия вернулся в Луанду, оставив в Матамбе священника Коэлью [там же, с. 221].

В это время над португальскими колонизаторами в Африке нависла страшная угроза. В 1640 г. окончилось 60-летнее господство Испании над Португалией. Отделившись от Испании, Португалия хотела положить конец враждебным отношениям с голландцами, которые, пользуясь своим превосходством в людских и экономических ресурсах, а также тем, что португальский флот жестоко пострадал в результате участия в «Непобедимой армаде» короля Филиппа II Испанского (1588 г.), пытались вытеснить португальцев из их владений в Азии, Африке и Америке [254, с. 10]. К 1640 г. голландцы овладели обширной территорией на северо-востоке Бразилии. Для обеспечения рабочей силой голландских плантаций в Пернамбуко нужны были рабы. Влиятельные круги требовали от принца Морица Нассау организации экспедиции для захвата Сан-Томе, Луанды и Беягелы, чтобы установить голландский контроль над западноафриканским рынком рабов и в то же время лишить притока рабов португальскую Бразилию [281, с. 65]. Голландия оказалась перед дилеммой: с одной стороны, признать независимость Португалии значило создать трудности для своего смертельного врага — Испании, а с другой — голландская Вест-Индская компания требовала продолжать нажим на португальские владения.

В мае 1641 г. голландская флотилия из 21 судна с 3 тыс. солдат на борту отплыла из Ресифи в Анголу. После десяти недель очень трудного перехода через Атлантический океан 23 августа голландский флот появился у входа в гавань Луанды. 25 августа голландцы внезапно атаковали город. Португальцы в панике бежали, и, по словам современника этих событий, «голландцы вошли в Луанду без особых помех, не считая сопротивления нескольких солдат и крестьян» [111, с. 298]., обнаружив, по словам одного из победителей, «великий и прекрасный город, насчитывающий около 5000 больших и красивых каменных домов... кроме того, пять замков и семь батарей, где было около 130 пушек и 60 ружей» [234, с. 240]. В гавани были захвачены 20 кораблей. Один из участников голландской экспедиции писал: «Поразительно, что они столь легко сдали этот прекрасный город с неприступными фортами, который имел огромное значение для их короля, так как отсюда отправлялись все негры и черные мавры, в которых они нуждаются и используют во всех домах. Поскольку теперь это место в наших руках, Испания и Португалия сами будут иметь большую нужду в неграх. Это центр огромной торговли, так много значившей для короля Испании» [там же, с. 241]. Португальские войска из Луанды во главе с губернатором отступили в Массангано [281, с. 65].

В декабре голландская флотилия захватила крепость Сан-Филиппи-де-Бенгела. Португальский гарнизон бежал в джунгли, где многие погибли от голода. В этот момент для оказавшихся и без того в трудном положении португальских колонизаторов возникли новые трудности. Распрями между португальцами и голландцами не преминула воспользоваться Нэинга. Как пишет английский историк Д. Свитмэн, «Нэинга доверяла голландцам не больше, чем португальцам, но если они могут быть ей полезны, она должна их использовать» [399а, с. 34]. По словам Кавацци, Нэинга решила, что «наступил час отмщения и что она может рассчитаться с португальцами». Она направила послов к голландцам, предложив им заключить союз против португальцев. Те с радостью приняли это предложение. К этому союзу присоединился король Конго, который уже давно был в контакте с голландцами. Таким образом, португальцы оказались перед перспективой войны на нескольких фронтах. Чтобы противостоять возникшей против них коалиции, португальцы могли рассчитывать на поддержку только двух, и притом довольно слабых, союзников: дона Филиппа и правителя Касанже [61, с. 512].

Для того чтобы установить более тесное сотрудничество с голландцами, Нзинга перенесла свою резиденцию из Матамбы на запад — к р. Данде, ближе к границам Конго. По ее просьбе европейские союзники предоставили в ее распоряжение отряд из 300 голландских солдат [234, с. 228].

Офицер, командовавший этим отрядом в 1646 г., описывал ее как «хитрую, гордую и своенравную женщину, столь пристрастившуюся к оружию, что она едва ли занимается чем-либо другим, и вместе с тем столь великодушную, что она никогда не причиняла вреда португальцу, если он был пощажен, и подобным же образом распорядилась всеми своими рабами и солдатами» [там же].

Отряды Нзинги атаковали форт Массангано, но безуспешно. Португальцы захватили много пленных. В их руки попали также письма короля Конго, свидетельствующие о его враждебности к португальцам и приветствующие успехи Нзинги в борьбе с ними. Поражение не обескуражило Нзингу. Она поклялась освободить страну и, будучи искусной и храброй военачальницей, сумела нанести ряд чувствительных поражений португальским войскам.

Совместные военные экспедиции Нзинги и голландцев всегда оказывались успешными, за исключением единственного поражения в 1646 г. В этот период Нзинга установила почти безраздельный политический контроль не только над значительной частью побережья, но и над обширными областями хинтерланда, а также над основными работорговыми путями, идущими от Луанды в глубь страны. Нзинга отблагодарила своих голландских союзников, продавая им много рабов. Голландские источники сообщают, что в 1640-х годах голландцы вывезли из Луанды не менее 13 тыс. рабов [342, с. 211]. В то же время монопольный контроль над работорговлей принес Нзинге огромные богатства, что позволило ей создать сильную армию и укрепить обороноспособность Матамбы. Значительные доходы содействовали быстрому обогащению эксплуататорской верхушки государства Матамба.

Колонизаторы были выбиты из фортов Мбака, Камбамбе и Мушима, и единственным фортом, который еще оставался в их руках, был Массангано. Войска Нзинги снова атаковали форт Массангано, где находились основные силы португальцев, разгромили несколько португальских колонн, спешивших на выручку к осажденным [314, с. 58].

Военным успехам африканцев в этот период в немалой степени способствовало то обстоятельство, что с помощью голландцев многие из них научились пользоваться огнестрельным оружием и порохом, что намного увеличило боеспособность армии Нзинги [303, т. III, с. 66].

Неудачно для португальцев протекали военные действия и с голландцами. В 1643 г. губернатор Менезис пытался внезапной атакой вернуть Луанду, но войска португальцев были рассеяны и 200 человек, включая самого губернатора, взяты в плен [281, с. 66]. Португалия, вовлеченная в войну с Испанией, была не в состоянии помочь своей африканской колонии. Поэтому в 1644 г. Совет по заморским владениям обратился с призывом к Бразилии оказать помощь в борьбе с голландцами. Этот призыв был встречен с пониманием португальскими поселенцами в Бразилии, интересам которых голландское вторжение в Анголу нанесло сильный удар.

В 1645 г. из Баии была отправлена военная экспедиция, высадившаяся в Кикомбу (в 100 милях к югу от Луанды). Однако по дороге в Массангано она была атакована отрядами жага и разбита. Вторая экспедиция отплыла в Анголу в том же году и прибыла в Массангано как раз в то время, когда крепость подвергалась атакам Нзинги [там же]. К этому времени португальцам удалось добиться важного дипломатического успеха. Они сумели склонить на свою сторону Касанже и заключить с ним соглашение, воспользовавшись для этого не только общими интересами в работорговле, но и враждебностью Касанже к Нзинге как главной сопернице в борьбе за власть и за

монополию на торговлю рабами в глубинных районах страны. Отношения между португальцами и Касанже стали настолько дружественными, что в официальной португальской переписке его стали называть «наш жага» [224, с. 35].

Несмотря на временные неудачи, Нзинга не оставляла намерения овладеть последним оплотом своих врагов — Массангано. Она тщательно готовилась к решительному штурму. Особое значение Нзинга придавала сбору разведывательной информации. Если верить Кавацци, она имела осведомителей в Массангано даже среди португальцев. Важные сведения о численности войск в крепости пересылала ей сестра Фунжи, которой «из уважения перед ее происхождением, было разрешено свободно ходить по всему городу» [61, с. 513].

Фунжи, по-видимому, была отважной и умной женщиной, достойной своей знаменитой сестры. Будучи в плену у португальцев, она попыталась организовать заговор, разыскала недовольных и с «помощью подарков и обещаний убедила их захватить одни из ворот крепости, чтобы впустить войска Нзинги». Однако заговор был раскрыт, Фунжи обезглавлена, а ее труп был выброшен в реку [там же].

В 1647—1648 гг. объединенные войска Нзинги и голландцев нанесли ряд тяжелых поражений португальцам. В октябре 1647 г. голландский отряд во главе с Оуманом с помощью воинов Нзинги уничтожил большую португальскую колонну под командованием одного из опытейших военачальников — Г. Б. Мадурейра. 1 августа 1648 г. голландские войска численностью 225 солдат под командованием начальника гарнизона Луанды П. Петерзоона с помощью африканских войск, предоставленных Нзингой я королем Конго, разбили португальский отряд в 120 человек. В результате этих тяжелых поражений казалось, что дни португальских захватчиков в Анголе сочтены. Голландцы и их союзники стали готовиться к решительному штурму Массангано, который должен был стать заключительным аккордом их наступления. Однако им не удалось взять Массангано: из Бразилии прибыл флот во главе с новым губернатором Анголы — Салвадором де Са.

Салвадор де Са (богатый бразильский землевладелец, был губернатором Рио-де-Жанейро и командовал бразильским флотом во время кампании против голландцев в Пернамбуко [281, с. 66]) был назначен на этот пост декретом короля Португалии Жуана IV от 8 апреля 1647 г. Согласно этому декрету Салвадор де Са получил в Лиссабоне два королевских галеона и несколько судов, зафрахтованных у частных владельцев. Эти суда должны были доставить в Африку подкрепление в 600 солдат, половину из которых следовало набрать в Португалии и половину — на Мадейре и Азорских островах [234, с. 243]. Этим войскам, по словам историка XIX в. Кунья Матуша, предстояло иметь дело «с лучшими солдатами Европы — воинами принцев Оранского и Нассау, полчищами негров-жага во главе с героической королевой Анной Зинга и войском короля Конго» [267, с. 272].

В то время, когда Салвадор де Са формировал экспедиционную армию в Португалии, было получено известие о том, что голландцы высадились около Баии. Ввиду этого Салвадору де Са было предписано направиться со своей экспедицией сначала в Бразилию помочь отразить голландские атаки, а уже оттуда двинуться в Анголу.

Разбив голландцев в Бразилии, Салвадор де Са созвал в Рио-де-Жанейро совет высших должностных лиц. По свидетельству современника, губернатор заявил на совете, что, даже если не удастся выбить голландцев из фортов Анголы, можно построить новый форт в бухте Кикомбу и «это откроет путь для удобной торговли неграми, в которой так нуждается Бразилия». По-видимому, этот аргумент произвел должное впечатление на бразильских плантаторов и работоторговцев, ибо, по данным того же источника, добровольные пожертвования на экспедицию составили 55 тыс. крузадо [111, с. 676].

В начале августа 1648 г. флот Сальвадора де Са с 900 солдатами на борту появился в Кикомбу. Командующий направил в Массангано небольшой отряд с инструкциями, предписывающими гарнизону покинуть форт «двигаться на соединение с ним для

совместного штурма Луанды. Этот отряд был захвачен племенами, враждебно настроенными к португальцам, которые передали пленников и письма голландцам, узнавшим, таким образом, не только о прибытии Салвадора де Са, но и о его планах [234, с. 263].

12 августа флот Салвадора де Са появился в бухте Луанды. От захваченного рыбака португальцы узнали, что большой отряд голландских солдат во главе с П. Петерзоном покинул город и вместе с войсками Нзинги и короля Конго отправился к Массангано и что оставшийся в Луанде гарнизон насчитывает 250 солдат.

Ободренный этими известиями, Салвадор де Са послал на берег парламентариев с требованиями о сдаче. Защитники Луанды просили дать им восемь дней на размышления, но им было дано только три дня. Голландцы использовали это время для сооружения оборонительных укреплений на холме Морро, работая и днем и ночью за укрытиями, не дававшими возможность их видеть. Они направили гонца к Петерзону, прося его срочно вернуться вместе с войсками Нзинги и короля Конго. В ночь на 15 августа Салвадор де Са высадился со своими людьми на берег. При этом он прибег к хитроумному приему: многочисленные манекены были поставлены на судах и перевозились на лодках вдоль берега, чтобы создать впечатление, что португальцев больше, чем было на самом деле [там же, с. 265]. В течение трех дней Салвадор де Са не начинал штурма, ожидая прибытия войск из Массангано. Он не знал, что его посланцы перехвачены и что объединенное войско голландцев, Нзинги и короля Конго за две недели до этого нанесло сокрушительное поражение его соотечественникам.

По свидетельству монаха Симау, Салвадор де Са принял решение начать штурм Луанды, так как в любую минуту на помощь голландцам могла прибыть колонна Петерзона. В ночь на 18 августа началась атака. Голландцы защищались стойко. Они зажигали нечто вроде осветительных ракет, чтобы видеть атакующих, и метко поражали их огнем из мушкетов. В результате атакующие потеряли 150 солдат, а потери осажденных были ничтожны (всего лишь трое убитых и семь-восемь раненых). Однако через несколько часов, к удивлению португальцев, голландцы вывесили белый флаг и объявили о готовности сдаться, если им будут гарантированы благоприятные условия.

21 августа был подписан мирный договор. Голландцы обязывались эвакуировать колонию, взяв с собой свою собственность. Рабы, принадлежавшие Вест-Индской компании, могли быть по желанию либо взяты с собой, либо проданы. Голландцы могли отплыть с военными почестями, барабанным боем и с развевающимися знаменами. Примерно 100 солдат французского и немецкого происхождения могли при желании перейти на службу к португальцам.

Условия были пунктуально выполнены, и 24 августа 1648 г., ровно через семь лет после своего появления в этом порту, более тысячи голландцев покинули Луанду [там же, с. 268]. Неописуемой была радость португальцев, осажденных в Массангано, когда они узнали о капитуляции голландцев. О. Кадорнега, который был одним из осажденных, писал, что они вели себя «скорее как безумцы, чем как разумные существа».

Нзинга, войско которой, по некоторым сведениям, насчитывало к этому времени 3 тыс. воинов, убеждала Петерзона продолжать борьбу до победного конца. Но голландцы (уже не в первый раз) показали себя как крайне ненадежные и трусливые союзники. В этом убеждает ценное свидетельство, которое мы находим в написанной по горячим следам этих событий книге Л. де Менезиша: «Голландцы не захотели нарушать условий капитуляции, хотя их к этому побуждали королева Зинга и знатные вассалы короля Конго. Они... покинули негров, которые решили не принимать капитуляции. Они расстались с взаимными оскорблениями» [111, с. 682]. Таким образом, потерпев поражение в борьбе за Анголу от более сильного колониального соперника, голландцы, не задумываясь, оставили африканцев на произвол судьбы.

Относительно причин неожиданной капитуляции голландцев в Луанде выдвигалось много гипотез. Одни объясняют ее тем, что во время штурма разорвалась

большая голландская пушка, другие — нехваткой гарнизона для защиты укреплений, трети — численным превосходством португальцев. Наиболее вероятным кажется объяснение К. Боксера, который, признавая влияние всех этих факторов, главной причиной считает усталость голландцев от затянувшейся войны [234, с. 269].

Одержав победу в борьбе с колониальными соперниками в Африке, португальские колонизаторы незамедлительно перешли к репрессиям против африканских правителей, помогавших голландцам. Основной удар был направлен против королевы Матамбы Нзинги и короля Конго Гарсия Афонсу II.

Военная помощь короля Конго голландцам и его тесные связи с Нзингой были хорошо известны [408, с. 137]. Салвадор де Са заставил его подписать унижительный договор: король Конго должен был выдать как контрибуцию около тысячи рабов, португальский суверенитет был распространен до р. Данде и в случае обнаружения золотых рудников контроль над ними передавался Португалии. В качестве гарантии выполнения договора промыслы раковин-нзимбу временно конфисковывались португальцами. Король Конго должен был отказаться от всех союзов, которые он заключал с врагами португальской короны, и обязывался дать полную свободу миссионерам, деятельностью которых руководил Лиссабон.

Король Конго должен был послать в Луанду одного из своих сыновей или близких родственников как заложника. Португальцы получили право построить крепость в порте Пинда. Все суда, шедшие из Европы в Конго, должны были предварительно заходить в Луанду. Королю запрещалось «укрывать в своих землях королеву Нзингу или кого-либо из ее подданных». Король дал клятву, что будет выполнять условия договора, в противном случае он мог быть лишен трона [118 с 200—202, 230—231].

Этот договор лишь усилил враждебность жителей Конго к португальским захватчикам, стремившимся навязать им еще большую, чем раньше, зависимость.

Когда после смерти Гарсии Афонсу II (1663) королем Конго стал Антониу I, произошел новый открытый конфликт (предлогом явился отказ передать португальцам золотые рудники, которые, как предполагали, существовали в Конго). Португальское войско из 2 тыс. солдат, 150 поселенцев и 100 африканских мушкетеров вторглось в Конго. В Конго была собрана огромная армия лучников и 190 мушкетеров во главе с 19 португальцами, жившими в Конго. Решительная битва произошла 29 октября 1665 г. у Амбуила. Антониу I был разбит, и его голова была триумфально провезена по улицам Луанды. Конго перестало существовать как великая африканская держава [224 с 36—37; 393].

Наряду с королем Конго объектом репрессий португальцев стала также Нзинга. Покинутая союзниками, она вернулась с немногими оставшимися верными ей людьми в Матамбу. Португальцы хотели навязать ей столь же унижительный договор, что и королю Конго, а также заставить ее выполнять функции партнера в торговле рабами. С этой целью к ней был послан Руи Пегато с письмами от короля Португалии и от Салвадора де Са [61, с. 520].

Судя по сообщениям Кавацци, содержание этих писем сводилось к требованиям, чтобы Нзинга отказалась от обычаев жага и снова приняла христианство, запретила язычество в Матамбе, возобновила поставку рабов для продажи португальцам и разрешила въезд в страну католическим миссионерам.

Нзинга понимала, что при создавшейся ситуации она должна пойти на уступки, но отнюдь не желала согласиться на безоговорочную капитуляцию. За свое «возвращение в лоно христианской религии» она потребовала вернуть ее сестру Камбо, которая много лет была в плену. Губернатор согласился при условии, что Нзинга даст ему 200 рабов. Наконец сделка состоялась. Для дальнейших переговоров к Нзинге были направлены два миссионера, которые в 1655 г. добились ее возвращения в лоно христианской церкви [см. 184].

Королева объявила новые законы, запрещавшие традиционные культы. Желая убедить португальцев, что она порвала с этими культами и снова стала правоверной христианкой, она даже сочеталась в церкви христианским браком с одним из подданных, дав ему в качестве приданого 500 рабов. После этого обычай многожества уступил место моногамии, и, как пишет Лаба, «женщины должны были также довольствоваться только одним мужем, и это их устраивало, ввиду того что и мужчины должны были довольствоваться только одной женщиной» [104, т. IV, с. 145].

В 1656 г. губернатор созвал в Луанде совет, на котором было решено подписать с Нзингой договор. Согласно намеренным условиям этого договора она должна была платить португальской короне ежегодную дань, возобновить продажу рабов португальцам, не притеснять никого из вождей — вассалов короля Португалии, «даже если в прежних войнах они нанесли ущерб королевству Матамба», вернуть беглых рабов, передать в руки губернатора вождя жага Каланда и, наконец, дать клятву, что «будет другом друзей и врагом врагов португальцев» [61, с. 538].

Эти предложения были направлены Нзинге, которая, сознавая печальную необходимость заключения мирного договора с португальцами, относилась к нему как к «неизбежному злу». Но она не хотела заключать договор на таких унижительных условиях и категорически отказалась признать себя вассалом лиссабонского монарха.

В это время, как сообщает Кавацци, Нзинга «заболела сильной лихорадкой с воспалением в горле», и два миссионера не покидали ее. Есть основания предполагать, что эти миссионеры были шпионами португальского губернатора. Возможно, они внушали больной Нзинге, что ее болезнь — «божья кара» за отказ принять условия договора. Наше предположение, что монах Антуан де Гае и его помощник были шпионами губернатора, подтверждается имеющимися в источниках упоминаниями о том, что «вице-король (губернатор.— А. Х.) был близким другом отца Антуана и состоял с ним в тесной переписке и именно он советовал основательно выяснить настроения королевы и ее народа» [104, т. IV, с. 162]. Ясно, что, будучи близким другом губернатора, отец Антуан выполнял его прямые инструкции. Видимо, именно вследствие этой психологической обработки Нзинга, находясь в тяжелом физическом и моральном состоянии, дала согласие на заключение мира. Однако она, несмотря на увещания монаха, наотрез отказалась принять самое унижительное условие — об уплате ежегодной дани, что означало бы признание ею вассальной зависимости от Лиссабона. В этом вопросе португальцам пришлось отступить и пойти на определенные уступки. В апреле 1657 г. был подписан мирный договор, состоявший из трех пунктов: р. Лукала должна служить постоянной границей между Матамбой и Анголой; оба государства больше не будут давать убежище беглым рабам, а будут тотчас же возвращать их владельцам. Должны быть возвращены рабы и пленные, захваченные во время последней войны; королева полностью освобождается от какой-либо дани [61, с. 539].

Таким образом, несмотря на усилия португальцев, Нзинга добилась более почетного мира, чем король Конго, и фактически сумела сохранить Матамбу как независимое государство. Этот момент следует особенно подчеркнуть, так как он упускается из виду буржуазными историками, писавшими о Нзинге.

О том, что власть и авторитет Нзинги остались неколебимы, свидетельствует следующее сообщение современника: «Эта королева пользуется таким почетом, что все негры этого королевства считают ее королевой и, хотя она и побеждена в нескольких сражениях, нет ни одного негра среди побежденных, который не предпочел бы расстаться с жизнью, чем поднять на нее глаза... Она в высшей степени храбра и ходит в мужском наряде» [111, с. 685].

Португальцам договор с Нзингой обещал значительные выгоды, так как обеспечивал им возвращение беглых рабов и возобновление в будущем работоторговли. Губернатор в своих письмах в Лиссабон не забыл упомянуть об особых заслугах в этом своего личного друга Антуана де Гае и его помощника. Вскоре из Лиссабона пришел

следующий ответ: «Мы, король, шлем Вам свой привет. Мы прочли... то, что Вы сообщили касательно примирения королевы Зинги со святой церковью и с Нами, а также о ее подчинении папе благодаря стараниям миссионеров — капуцинов. Мы одобряем все сделанное Вами на службе Богу и Нам. Мы предписываем Вам поблагодарить от Нашего имени этих миссионеров за то, что они сделали и делают, проповедуя ежедневно веру в этих королевствах... Мы приказали секретарю написать от Нашего имени королеве Зинге» [104, т. IV, с. 164]. В конце 1657 г. Нзинга начала войну против вождя жага Каланда, который постоянно нарушал обещание не опустошать страну. Она двинулась с большим войском к Лукале, где разбил свой лагерь Каланда. Кавацци пишет: «Командиры, покрытые шкурами диких зверей, были вооружены луками и стрелами и держали в руках боевые топоры. Королева появилась, окруженная офицерами, украшенными перьями и несшими большие щиты. Она не допускала, чтобы другие несли за нее копья и стрелы, что служило прекраснейшим доказательством ее воинственности. Отец Антуан Гаете похвалил ее за это, на что она скромно ответила: „Я теперь стара, отец мой, и заслуживаю снисхождения. Когда я была молодой, я не уступала ни одному жага в быстроте ходьбы и в ловкости руки. Было время, когда я не боялась сразиться с 25 вооруженными белыми солдатами. Правда, я не умела пользоваться мушкетами, но для ударов мечом тоже нужны храбрость, отвага и рассудительность"». В последовавшей битве Каланда был разбит. На поле боя осталось много трупов, а 1500 человек были взяты в плен. Нзинга отправила пленного Каланду губернатору в Луанду, а сама в марте 1658 г. вернулась в Матамбу [61, с. 540].

Последние семь лет жизни она сохраняла торговые отношения с португальцами, разрешала деятельность миссионеров, которые, согнав в столицу около 20 тыс. рабов, построили там огромную церковь. Умерла Нзинга 17 декабря 1663 г. в возрасте 81 года [там же, с. 574—577]. Она правила 40 лет, из которых 31 год провела в войнах с португальскими колонизаторами и их союзниками.

Нзинга Мбанди Нгола представляет собой, несомненно, выдающуюся фигуру в истории Анголы. Оставаясь дочерью своей эпохи и своего общества, она была вместе с тем мудрой государственной деятельницей, талантливым полководцем, искусным дипломатом и неустрашимым борцом против иноземных угнетателей. «Среди всех негров, с которыми мне приходилось беседовать,— писал Кавацци,— я не встречал ни одного, который благородством души или мудростью правления превосходил бы эту королеву... В политических делах она проявляла большой ум, а в домашних — проницательность и осторожность» [там же, с. 577].

Вскоре португальцы начали наступление на внутренние районы Анголы, которое им не удавалось осуществить много лет из-за сопротивления бесстрашной амазонки, поддержанной народными массами. Разгромив в 1665 г. королевство Конго и покончив с его формальной независимостью, колонизаторы в 1671 г., захватив Пунгу-а-Ндонго, ликвидировали и государство Ндонго.

В Матамбе сопротивление захватчикам возглавила наследовавшая трон Нзинги ее сестра Камбо (христианское имя — Барбара), вышедшая замуж за сподвижника Нзинги Амона, а после ее смерти в 1673 г.— ее сын Нгола Канини (христианское имя — Франсиску Гутериш). Правитель Матамбы, а также сохранившие относительную независимость вожди хинтерлаида оказывали активное противодействие экспансии колонизаторов во внутренние районы страны и деятельности португальских работорговцев. Воспользовавшись в качестве предлога убийством одного работорговца в Либоло, губернатор послал туда в 1679 г. карательную экспедицию во главе с Луишем Лопишем де Секейрой.

Поднявшись вверх по р. Кванза, экспедиция подошла к резиденции Мбамбы Нгундзы — вождя Либоло. Окружив укрепленный лагерь Мбамбы Нгундзы, расположенный на возвышенности, португальцы предложили ему сдаться, но тот ответил решительным отказом. Когда начался штурм крепости, африканцы оказали мужественное сопротивление, но

огнестрельное оружие европейцев решило исход сражения. Колонизаторы, захватив крепость, жестоко расправились с побежденными. Они отрубили головы Мбамбе Нгундзе и его ближайшим сподвижникам [275, т. IV, с. 29—30; 364а, с. 87]. По свидетельству Планкверта, память об этих событиях до сих пор сохраняется в народных ангольских легендах, одним из героев которых является Мунамбамба (т. е. Мбамба Нгундза), обезглавленный врагами [364а, стр. 87].

Однако больше всего неприятностей в тот период доставлял португальцам Франсиску Гутериш, король Матамбы. Он не только запретил пускать португальских работорговцев на территорию Матамбы, но и приказывал нападать на помбейруш и освобождать рабов. К концу 1680 г. он настолько осмелел, что вопреки воле португальцев помог занять трон государства Касанже одному из претендентов на власть, Луишу Ндала, убив прежнего короля — союзника португальцев.

Поведение Франсиску Гутериша вызвало крайне болезненную реакцию в Лиссабоне. Губернатор Жуан да Силва-и-Соуза объявил о своем намерении примерно наказать строптивого короля Матамбы и сформировал для этой цели огромное войско из 527 европейских солдат и 40 тыс. африканских лучников. (Столь большая численность карательной экспедиции была обусловлена тем, что португальцы были хорошо осведомлены о значительных размерах и высоких боевых качествах армии Матамбы.)

В начале сентября 1681 г. войско Луиша Лопиша Секейры подошло к Католе, недалеко от столицы Матамбы.

Будучи уверены в легком успехе, португальцы пренебрегли элементарными мерами предосторожности и жестоко поплатились за это. Ночью 3 сентября африканцы проникли во вражеский лагерь, подожгли деревянные постройки и взорвали склад оружия и боеприпасов. Застигнутые врасплох португальцы, поддавшись панике, бросились бежать. Секейра, вскочив на коня, пытался увлечь своих людей в атаку, но был тотчас же пронзен роем стрел.

В битве при Католе огромное португальское войско было наголову разбито, однако в сражении погиб и король Матамбы Франсиску Гутериш [275, т. IV, с. 62—64; 364а, с. 88; 314, с. 61]. Остатки разбитого португальского войска в панике бежали в Луанду.

После смерти Франсиску Гутериша королевой Матамбы стала его сестра Вероника Гутериш. Понимая, что португальцы будут пытаться отомстить за поражение при Католе и пришлют еще большую армию, Вероника Гутериш направила в Луанду посольство для переговоров о заключении мира. 9 сентября 1683 г. посольство Матамбы было принято губернатором, который предложил подписать договор о вассалитете. Договор состоял из восьми пунктов. Второй пункт содержал требование о полной независимости государства Касанже от Матамбы. Четвертый пункт требовал от королевы Вероники обеспечения для находящихся на португальской службе помбейруш свободного прохода через Матамбу и беспрепятственного доступа к районам, находящимся вне ее королевства, а именно к земле вождей Сонсо, Клакар, Пуриамунга, Сунди, Казем, Дамба [275, т. IV, с. 70—72; 364а, с. 88]. По-видимому, Вероника Гутериш отвергла эти условия, и договор так и не был подписан.

В 1691 г. по совету и с помощью королевы Матамбы Вероники Гутериш вождь соседнего района Ндембу Амбвила поднял восстание против португальцев. Его люди стали нападать на помбейруш, разграбили церковь, запретили иностранцам появляться на своей территории. Реакция Луанды была быстрой и решительной. 4 сентября 1692 г. португальское войско во главе с Паскалем Родригишем напало на резиденцию Ндембу Амбвила. Поселение было разграблено, и тысячи жителей угнаны в рабство. Однако самому Ндембу Амбвила удалось бежать. Он нашел убежище у вождя Ндамби Нгонга.

В январе 1693 г. после перерыва, вызванного сезоном дождей, португальское войско во главе с новым командующим, Баптистой да Майя, двинулось к резиденции Ндамби Нгонга, уничтожая все на своем пути и обращая в рабство жителей, которых удавалось захватить живыми.

Во время этого кровавого марша конкистадоры сожгли на своем пути 150 деревень и обратили в рабство несколько тысяч африканцев [364а, с. 89—90].

Португальское войско подошло к Китеке, откуда командующий послал эмиссаров к Ндамби Нгонга, требуя выдачи Ндембу Амбвила. После отказа Ндамби Нгонга португальцы снова вторглись в земли Ндембу Амбвила, уничтожая все, что там еще можно было уничтожить. После этого португальское войско вернулось в Мбака [275, т. IV, с. 153—157; 364а, с. 90].

Лишь в самом конце XVII в. сопротивление Матамбы и соседних племен было сломлено, и колонизаторы поставили страну под свой политический и военный контроль.

Длительная борьба народов юго-западной части Африки за свободу надолго приостановила продвижение португальских колонизаторов и задержала захват ими глубинных районов Анголы. Лишь к концу XVII в. португальцы возобновили наступление в глубь континента, но вплоть до XIX в. сопротивление африканского населения не давало им возможности эффективно контролировать глубинные районы страны.

Память о борьбе африканцев против колонизаторов под руководством легендарной Нзинги и других выдающихся вождей Анголы свято хранится ангольским народом и вдохновляет его в борьбе за светлое будущее своей родины.

ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА СУАХИЛИ И ПОРТУГАЛЬСКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ В XVI в.

Первое знакомство европейцев с Юго-Восточной Африкой произошло в 1487 г., когда португалец Ковильян посетил Софалу и услышал от проживавших там арабов о существовании богатейших золотых рудников. Эти сведения, сообщенные Ко-вильяном в Лиссабон, были одной из причин отправки экспедиции Васко да Гамы, который, обогнув Африку с юга, в 1498 г. нашел новый путь к Индии, который был крайне необходим португальцам, так как старый сухопутный путь был блокирован турками, захватившими в 1453 г. Константинополь. В 1498 г., будучи в Восточной Африке по пути в Индию, Васко да Гама увидел процветающий город Малинди, правитель которого устроил да Гаме хороший прием и оказал ему помощь [43, дек. 1, кн. IV, с. 149—152]. Относительно причин столь радушного приема дает ясное представление следующее свидетельство Жуана де Барруша: «Все это король очень оценил, а еще больше, когда Васко да Гама сказал ему, что король, его сеньор, имеет такую артиллерию и такие большие корабли, что они могут покрыть моря Индии и что они могут ему помочь против его врагов, потому что король сообразил, что таким путем он малой ценой приобрел для своих нужд могущественного короля» [там же, с. 151]. Таким образом, на правителя Малинди произвела соответствующее впечатление мощь португальского флота и артиллерии, и он решил, что гораздо безопаснее и выгоднее иметь Португалию другом, чем врагом, надеясь использовать ее в борьбе против своего давнего врага—правителя Момбасы.

В 1499 г. Васко да Гама вернулся в Португалию и рассказал о своих великих открытиях. Королевский двор понял их важность и немедленно приступил к колонизации вновь открытых земель. Как нам представляется, начало колонизации Восточной Африки было ускорено письмом офицера Диогу де Алкасова королю Мануэлу от 20 ноября 1506 г. В этом письме он касается вопроса, больше всего интересовавшего и волновавшего алчного португальского монарха,— вопроса о золоте. Он сообщает, что в королевстве, называемом Веаланга, есть золото, которое арабы вывозят через Софалу; описывает метод разработки золотых рудников, сообщает места, куда его вывозят. В письме Алкасовы содержатся интересные сведения об истории «королевства» Веаланга, о войнах, которые оно вело с соседними племенами из-за золота, и приводятся некоторые данные о положении дел в Момбасе и Кильве [82, т. I, док. 47. с. 389—399].

Письмо Алкасова разожгло аппетиты лиссабонского двора и в значительной степени способствовало повышению его интереса к восточному берегу континента. Сведения, сообщенные Алкасовой, были подтверждены в письме Дуарти де Лемоса (30.1X. 1508), в котором он сообщал, что «в этой стране много золота» [33, с. 203].

С этого времени Индийский океан стал ареной соперничества между португальцами и арабами, принявшего форму ожесточенной вооруженной борьбы за монополию на международную торговлю специями и тканями из Индии, за обладание основными коммуникациями, портами, наиболее удобными путями для судоходства, а также за африканское золото. Португальский королевский двор довольно быстро пришел к пониманию того факта, что конечный результат в борьбе с арабами за обладание монополией на торговлю с Востоком в значительной степени зависит от того, в чьих руках будет находиться восточное побережье Африки. Кроме того, Восточная Африка имела большое стратегическое значение как удобный плацдарм для наступления на бассейн Индийского океана.

Еще в 1504 г. в Лиссабоне был в основных чертах разработан план, предусматривавший захват некоторых важных пунктов на восточноафриканском берегу. Действительные экономические и стратегические цели планировавшейся военной акции португальский королевский двор со свойственным ему лицемерием и ханжеством, как всегда, пытался прикрыть религиозными мотивами. В 1505 г. король Мануэл издал указ, предписывающий изгнать мусульманских торговцев Софалы, «ибо они враги нашей святой католической веры и мы ведем с ними постоянную войну».

В 1505 г. король направил письмо первому вице-королю Индии Франсиску Алмейде, предписывая ему двинуться в Восточную Африку. Эта инструкция от 5 марта 1505 г. представляет собой один из ценнейших документов для изучения целей и характера португальской колонизации Восточной Африки. В ней содержится детальный план оккупации всех главных стратегических пунктов в Индийском океане. Кроме крепостей в Софале и Кильве, которые должны были обеспечить португальский контроль над торговлей золотом, планировалось также строительство крепостей в Красном море с целью блокировать проливы для арабского судоходства, а в Квилоне и Анжидива для обеспечения контроля над торговлей пряностями. Инструкция не оставляет никаких сомнений относительно истинных целей Португалии на Востоке.

Говоря о планируемой операции по захвату Кильвы, король пишет: «Вы должны лишь постараться захватить богатства этого места, а именно золото и товары, и, поскольку мы уверены, что тамошние король и купцы имеют огромные богатства, мы поручаем вам позаботиться, чтобы все это было, сохранено, а все, что будет захвачено, должно быть передано нашему фактору на борту вашего судна так же, как мы приказали вам сделать в отношении Софалы» [82, т. I, док. 18, с. 197].

В отношении арабских купцов Алмейде предписывалось проводить бескомпромиссно жесткий курс: «Вы должны впредь захватывать всех маврских купцов... и все золото и товары, которые при них найдете. Этим вы окажете нам ценную услугу, а этих мавров сделайте невольниками... [Из них] отберите 10—12 самых знатных и, да будет на то воля господня, пошлите к нам первым же рейсом, а других оставьте служить в крепости». Продажа оружия маврам была строжайшим образом запрещена. Регименто содержит также огромное количество фиксированных правил и предписаний, касающихся не только восточноафриканской, но и восточной торговли, обязанностей факторов и матросов, их торговых привилегий, а также торговых операций, учета и самых различных аспектов политической и экономической структуры, которую Португалия предполагала создать в бассейне Индийского океана [там же, с. 179—261].

Выполняя приказ, Алмейда с флотом из 20 кораблей подошел к восточноафриканскому побережью и 22 июля 1505 г. вошел с восемью кораблями в гавань Кильвы. Вот как описывал последовавшие затем события один из очевидцев: «Тотчас по прибытии командующий Франсиску де Алмейда послал дону Ажута Венезиану, чтобы

позвать короля (султана.— А. Х.). Тот с извинениями отказался идти, но послал тодарки. На следующий день командующий приказал кораблям привести артиллерию в полную готовность. Капитаны в своей лучшей одежде и при полном вооружении поплыли в лодках в надежде, что король решит выйти. Тот, однако, прислал письмо, чтобы сообщить, что он не может прийти, так как у него гости, но что, если нужно, он пошлет дань королю Португалии. Это письмо было доставлено группой из пяти мавров, которые были немедленно схвачены... На рассвете 24 июля все поплыли в лодках к берегу. Первым высадился на берег командующий, за ним последовали другие. Они двинулись прямо к королевскому дворцу, и по дороге только тем маврам, которые не сражались, была сохранена жизнь».

Маврами португальцы называли тех, кто исповедовал ислам от Марокко до Индонезии, независимо от цвета кожи, а также от секты мусульманства (сунниты, шииты и т. д.).

По свидетельству Барруша, Алмейда низложил султана Абрахама, который бежал в глубинные районы, и поставил на его место марионеточного правителя Мухаммеда Анкони [43, дек. 1, кн. III, с. 323—328], который был в свое время свергнут и которому португальцы, таким образом, помогли вернуть трон. Дамьян де Гоиш так описывал эти события: «Алмейда послал к нему [Мухаммеду] сказать, что он намерен сделать его королем Кильвы и что он может вернуться и со своей стороны сказать всем, кто бежал, что он им разрешает вернуться и будет обращаться с ними справедливо как с вассалами короля Португалии... Махамед (sic) проехал на красивой лошади, а все другие шли пешком, причем впереди шел Гаопар, крича громким голосом по-арабски: „Это ваш король, которому вы должны повиноваться от имени короля Португалии дона Мануэла, нашего сеньора, вассалами которого вы являетесь". Так он проехал по всем главным улицам города, пока не подъехал к крепости... где дон Франсиску д'Алмейда на виду у всего народа и знати этого города водрузил ему на голову золотую корону, которую вез для короля Кочина, провозгласив его королем королевства Кильва, а тот присягнул по своему закону быть верным королям Португалии и быть их вассалом и платить дань» [96, т. II, с. 7—8]. После этого Кильва была отдана на разграбление португальским солдатам. Для того чтобы укрепить португальские позиции в этом районе, Алмейда построил в Кильве форт. Он был укреплен несколькими бастионами, снабженными бомбардами, и имел гарнизон из 80 солдат, командовать которым Алмейда поручил Перу Фогасу. Все дома вокруг португальского форта, по свидетельству очевидца, были «сровнены с землей» [82, т. I, док. 71, с. 527]. Докладывая о своем успехе королю и сознательно сгущая краски, чтобы увеличить в глазах монарха значение своих заслуг, Алмейда писал: «Сеньор, из всех мест в мире, которые я знаю, Кильва имеет самую лучшую гавань и самую прекрасную землю... Остров тянется на две лиги в длину и менее чем на одну — в ширину... Там, сеньор, мы построили крепость, и я бы отдал несколько лет своей жизни, если бы это было возможно, за то, чтобы Ваше Величество ее увидело, ибо она столь сильна, что ее не смог бы взять даже французский король. Там имеются прекрасные жилые дома, в которых можно разместить вдвое больше людей, чем там находятся сейчас» [там же, док. 31, с. 327—328]. Кильва оставалась резиденцией португальских командующих до 1509 г., когда было решено перевести штаб-квартиру и гарнизон в Софалу [319, с. 99—100].

После захвата и разграбления Кильвы Ф. Алмейда с эскадрой из 11 судов отплыл 9 августа 1505 г. в Момбасу. По свидетельству Дамьяеа де Гоиша, он «направил через одного из лоцманов-мавров послание королю Момбасы, что он прибыл не для того, чтобы вести войну, а для того, чтобы привести его к повиновению королю Португалии, своего господина, дружба с которым, если он ее пожелает, даст ему почет и любовь, которые она дает многим королям и сеньорам Африки и Индии, его вассалам и друзьям... [В то же время Алмейда] приказал взять языка. [Взятый в плен мавр], упав к его ногам, рассказал,

что король Момбасы, получив известие о взятии Кильвы, начал готовиться и что для этого в городе уже четыре тысячи солдат и много артиллерии, установленной на стенах и башнях, и что кроме этих людей он ожидает еще две тысячи человек... На другой день Алмейда приказал поджечь город с двух сторон, отчего загорелось несколько домов, причем его намерением было взять город штурмом прежде, чем его уничтожит огонь» [96, т. II, с. 10]. Вот как описывает эти и последовавшие события один из участников экспедиции: «Мавры Момбасы построили форт со многими пушками у входа в гавань, который очень узок. Когда мы вошли, первый корабль, которым командовал Гонсалу де Пайва... был обстрелян маврами с обеих сторон. Мы тотчас ответили на огонь, и с такой интенсивностью, что в их крепости загорелся порох... Мавры побежали, позволив таким образом всему флоту войти и встать на якорь перед городом... Город был обстрелян из всех пушек, но и оттуда на наш огонь ответили пушки. Когда командующий высадился на берег, он захватил одного мавра, который оказался членом королевской семьи, и получил от него хорошую информацию... 15 августа командующий разместил восемь судов с одной стороны Момбасы и три судна во главе со своим сыном Лоуренсу де Алмейдой — с другой... и приказал начать высадку, как только будет дан сигнал из большого орудия. Все ждали в спущенных на воду лодках; когда выстрел раздался, все тотчас бросились на берег, соблюдая при этом хороший порядок. Лучники и канониры двигались впереди, поднимаясь в город по крутому склону. Когда они вошли, то обнаружили, что некоторые дома были покинуты... Командующий направился прямо к королевскому дворцу: его вел мавр, захваченный накануне. Когда командующий прибыл во дворец, капитан Бермудес тотчас поднялся наверх и вывесил наш флаг, восклицая: „Португалия, Португалия!!!“ По дороге туда было убито много мавров. Они увидели оттуда примерно 60 мавров, покидавших город, одетых в роскошные халаты и тюрбаны. Говорили, что король был среди них» [95, док. 22. с. 108—109; 82, т. I, док. 71].

Источники не оставляют сомнений в том, что жители Момбасы, имевшие в своем распоряжении лишь самое примитивное оружие, тем не менее оказали массовое и героическое сопротивление вооруженным по последнему слову тогдашней техники конкистадорам [43, дек. 1, гл. VIII, с. 332—336]. Так, очевидец и участник этих событий свидетельствует о том, что, когда португальцы, прежде чем начать штурм крепости, попытались поджечь город, «мавры вышли и встретили их стрелами и камнями, которые обрушились на них как град» [82, т. I, док. 71, с. 531].

По свидетельству Гонта, португальцы, «проходя по улицам, понесли большой урон от камней, дротиков и копий, которые бросали мужчины и женщины из окон и террас домов в таком количестве, что наши вынуждены были прятаться под балконами... и из-под них стреляли в тех, кто был в окнах и террасах» [96, т. II, с. 11].

Взятие Момбасы сопровождалось страшными жестокостями озверевших колонизаторов. По свидетельству Барруша, во время этой кровавой бойни португальцы убили «1530 мавров и 200 из более чем тысячи невольников, которых они захватили потом при грабеже города» [43, дек. 1, гл. VIII, с. 334]. Примерно такие же данные о количестве жертв при штурме города приводит другой очевидец событий, который пишет, что «на улицах и в домах было много трупов, коих, как говорят, насчитывалось 1500»²⁴ [82, т. I, док. 71, с. 535]. В то же время сами португальцы потеряли всего: по Гоишу — пять, а по Баррушу — четыре человека убитыми и немногим более 70 ранеными.

Следуя традиции португальских конкистадоров, Ф. Алмейда приказал разграбить город, причем, по словам очевидца, «каждый должен был нести на свой корабль все что найдет, с тем чтобы позже, когда будет раздел добычи, каждый получил одну двадцатую того, что им было принесено. То же правило было установлено для золота, серебра и жемчуга. Тогда все бросились грабить город и обыскивать дома, выламывая двери топорами и железными ломками. В городе было много хлопчатобумажной одежды для Софалы,

²⁴ Гоиш тоже пишет, что было убито 1500 и взято в рабство 200 человек, «в том числе много белых и красивых женщин, которые были отобраны из более чем двух тысяч взятых в плен» [96, т. II, с. 13].

так как это место снабжает одеждой весь берег. Командующий взял себе большую долю товаров, предназначенных для Софалы. Было захвачено большое количество дорогого шелка и расшитой золотом одежды и ковров. Один из них, не имеющий себе равных по красоте, был отправлен королю Португалии вместе с другими драгоценностями... Утром 16 августа они снова грабили город, но, так как люди устали от сражения и от отсутствия сна, многое было оставлено... Они также увезли провизию, рис, мед, масло, маис, бесчисленное число верблюдов, скота и даже двух слонов» [95, док. 22, с. 110].

Не довольствуясь кровавой резней и варварским грабежом Момбасы, Алмейда «после двух дней пребывания в городе, решив на третий день уйти, приказал предать город огню со многих сторон и поскольку дома стояли тесно прижатые друг к другу, пламя разгорелось так быстро, что когда он отплывал, дым и языки огня настолько отравили воздух, что невозможно было дышать» [43, дек. 1, кн. VIII, гл. 8, с. 335].

Яркое описание этой трагедии мы находим в письме султана Момбасы, которое он направил сразу же после этих событий султану Малияди: «Да хранит тебя Бог, саид Али. Сообщаю тебе, что здесь прошел великий господин, выжигающий огнем. Он ворвался в город с такой яростью и жестокостью, что не пощадил никого, ни женщин, ни молодых, ни старых, ни детей, как бы малы они ни были. Никто не спасся, кроме тех, кто убежал. Не только людей они убивали и сжигали, но даже птиц в небе они сбивали на землю. Зловоние от мертвых таково, что я не решаюсь войти в город. Невозможно установить или подсчитать, какие огромнейшие богатства они взяли из этого города. Я счел нужным сообщить тебе эти печальные новости, чтобы ты «мог позаботиться о своей безопасности» [82, т. 1, док. 71, с. 537].

Мы приводим так много выдержек из источников потому, что в современной буржуазной исторической литературе существует стремление преуменьшить масштабы и значение ущерба, который был нанесен народам Африки, Азии и Латинской Америки португальской колониальной экспансией и представить в искаженном свете ее последствия для исторических судеб этих народов. В частности, реакционными историографами предпринимаются попытки преуменьшить масштабы к последствия разрушения португальцами процветающих городов-государств суахили на восточноафриканском побережье в начале XVI в. Так, С. Р. Боксер и С. Азеведу в своей книге «Форт Жесус и португальцы в Момбасе» всем ходом изложения и с помощью тенденциозно поданных фактов и аргументов стремятся подвести читателя к мысли о том, что колонизаторы не должны нести бремя исторической ответственности за разрушение африканских цивилизаций в Восточной Африке, поскольку, дескать, их опустошительные набеги ничем, в сущности, не отличались от опустошительных набегов и войн, которые вели друг с другом сами африканцы. Развивая этот тезис, эти авторы дают понять, что португальцы не более виновны перед историей, чем сами африканцы, ибо они не были единственной разрушительной силой в Восточной Африке в XVI и XVII вв., и утверждают, что упадок суахилийских городов не был полностью их делом, ибо «еще до их прибытия соперничество среди суахилийских государств, нашествия племен из Центральной и Северо-Восточной Африки нанесли даже более жестокие удары по поселениям суахили, чем португальское разграбление Кильвы и Момбасы» [242, с. 19].

Эти утверждения реакционных историографов находятся в противоречии с исторической реальностью. Именно португальские колонизаторы нанесли смертельную рану африканским цивилизациям, существовавшим в зоне их экспансии. В частности, на них история должна возложить ответственность за разрушение и уничтожение своеобразных городов-государств суахили, находившихся на весьма высоком уровне социально-экономического и политического развития, а также за искусственный разрыв исторически сложившихся связей между народами Африки и Азии.

В 1505 г. португальский флот во главе с Перу Фогасой получил приказ осуществлять блокаду арабского торгового судоходства вдоль восточноафриканского

побережья вплоть до Софалы. Этот флот блокировал район Мозамбика — Софалы, стараясь помешать арабской торговле.

Еще в королевском режименто вице-королю Франсиску Алмейде подчеркивалась необходимость строительства крепостей в разных местах и предписывалось приравнять гарнизоны крепостей в жалованье и привилегиях с экипажами военных судов [82, т. I, док. 18, с. 179—261]. Инструкцией предусматривалось, в частности, строительство форта в Софале. Это должно было, по расчетам королевских советников, нанести удар по арабской торговле в Восточной Африке и поставить торговлю золотом под португальский контроль. «И там весь флот сможет бросать якорь в полной безопасности,— писал король,— а этих мавров вы сделаете невольниками, но туземцев этой страны, их рабов и собственность не трогайте... расскажите им, что, обращая в неволю мавров и забирая их собственность, мы делаем это по той причине, что они враги нашей святой католической веры» [там же, с. 181]. Выполняя этот приказ, Перу де Анайя, назначенный комендантом Софалы, вступил в переговоры с султаном Софалы, добиваясь его согласия на строительство в городе португальской фактории и крепости. Опасаясь, как бы его не постигла судьба правителей других суахилийских городов, султан Софалы принял это предложение. Определенную роль здесь, видимо, сыграли посулы и подарки, на которые не скупилась колонизаторы. В сохранившемся приказе Перу де Анайи перечисляются эти подарки, среди которых фигурирует позолоченный кожаный ковер, мавританский плащ, медные котелки из Германии, коралловые и янтарные бусы, венецианские стеклянные бусы, английские и португальские скатерти и т. п. [82, т. I, док. 23, с. 299]. Заручившись согласием султана, португальцы построили в Софале крепость и основали факторию.

В военно-экономической системе, созданной Португалией в Восточной Африке, Софале отводилось особое место. Она должна была стать не только главным портом для вывоза африканского золота, но также и главной военной крепостью для защиты этой торговли от соперников — арабов. «Это истинная правда, сеньор,— писал королю в декабре 1506 г. Перу Фогаса,— что Софала относится и всегда будет относиться к лучшему из того, что Ваше Величество здесь имеет» [там же, док. 116, с. 757].

Почти тотчас же после основания португальцами торговой фактории и форта в Софале (1505) там вспыхнуло восстание мусульманского населения. Местные арабы и народность ка-ранга под руководством вождя Мокондо, доведенные до отчаяния произволом и насилием португальских властей, предприняли попытку разрушить форт. Но гарнизон, во главе которого стояли Перу де Анайя и Мануэл Фернандиш, подавил восстание [327, кн. III, с. 32].

Португальцы стремились укрепиться на восточном побережье прежде всего, чтобы монополизировать торговлю золотом. Для этого им нужно было устранить конкурентов — арабов, выступавших в качестве торговцев-посредников, и самим вступить в прямой контакт с жителями хинтерланда, привозившими золото в прибрежные порты. Однако усилия португальцев принесли на первых порах лишь частичный успех. Арабы обосновались в Восточной Африке слишком давно и были слишком многочисленны, чтобы их можно было легко одолеть с теми незначительными военными силами, которыми располагали тогда португальцы. Один из португальских военачальников писал королю в 1511 г., что, «по его мнению, мавров Софалы не следует выгонять, а лучше оставить их в покое и позволить им посещать дома кафров. И что требуется много людей, чтобы изгнать мавров. И что даже если они будут изгнаны, от этого ничего не изменится, ибо он узнал, что в стране Мономотапы находятся более 10 000 мавров, которые там всюду бывают, и изгнать их невозможно» [82, т. III, док. 3, с. 16]. Дела у португальцев складывались неудачно еще и потому, что происходивший в это время распад империи Мономотапы привел к частым межплеменным войнам, которые мешали притоку золота из хинтерланда к побережью [235, с. 33].

Несмотря на подавление восстания в Софале, арабская угроза для португальского присутствия в Восточной Африке не только продолжала существовать, но и

увеличивалась с каждым днем. Арабы мешали транспортировке золота из глубинных районов в португальскую факторию в Софале и с помощью местных вождей неоднократно прерывали этот поток золота, непрерывное функционирование которого было главным предметом забот португальских властей.

Стремясь укрепить свои позиции в борьбе с арабами и обеспечить за собой контроль над торговыми путями, связывающими Европу с Азией, португальские колонизаторы предприняли в начале XVI в. строительство широкой цепи фортов вдоль восточноафриканского побережья. В 1508 г. была построена крепость Мозамбик, а несколько позже — крепости Моссуриси, Сан-Лоренсу, Санту-Антониу, Сан-Жуан-до-Ибо, Носса-Сеньора-да-Консейсан, Сан-Жуан-да-Боа-Виста и др. [344, с. 76].

Цепь португальских фортов в первые десятилетия XVI -в. протянулась вдоль всего восточноафриканского побережья, проходя по береговой линии современных Кении, Танзании и Мозамбика. Главными целями создания этой системы укрепленных фортов были захват плацдармов для дальнейшей экспансии на восток, получение доступа к восточноафриканскому золоту и установление контроля над великим восточным торговым путем, проходившим через Красное море и контролируемым арабами, чтобы заменить его морским путем вокруг Африки, контролируемым португальцами. Португальцы, таким образом, прилагали максимальные усилия, для того чтобы заблокировать арабскую торговлю и сохранить в своих руках морской путь вокруг Африки, что не только давало им полную монополию на торговлю с Востоком, но и освобождало от тяжелых пошлин, налагаемых на контролируемую арабами торговлю на Ближнем Востоке. Поскольку оккупация Восточной Африки была подчинена этим главным задачам, Лиссабон, учитывая недостаток материальных и людских ресурсов, сознательно стремился ограничить ее только стратегически важными пунктами вдоль побережья, избегая распространения экспансии на внутренние районы континента. Кроме того, португальцев интересовали на побережье удобные порты и гавани, через которые можно было бы вывозить из Африки золото, слоновую кость и другие ценные товары. Поэтому они основательно «прочесывали» восточно-африканское побережье, не намереваясь, по выражению одного современного историка, «оставить хоть одну гавань непосещенной и хоть один камень неперевернутым» [413, с. 237].

Наряду с оккупацией ряда пунктов на побережье в начале XVI в. португальцы захватывают также прибрежные острова Занзибар и Пемба. Еще в 1503 г. одно из судов флотилии, имевшей задачей чинить препятствия арабскому судоходству, которым командовал Раваску Маркиш, наткнулось на острова, которые он назвал «Земзибар». Двигаясь на север между Занзибаром и материком, Раваску захватил и ограбил 20 богатых судов, нагруженных слоновой костью, шелком, рисом и т. д. После этого он обогнул остров и вошел в порт, где стояло на якоре множество арабских судов [43, дек. I, кн. VII, гл. 4, с. 270]. По свидетельству Барруша, султан Занзибара, разгневанный бесчинствами португальских пиратов, пытался захватить чужеземное судно, послав против него войско в четыре тысячи человек во главе со своим сыном, но занзибарцы были рассеяны огнем корабельных пушек [там же, с. 271]. Султан вынужден был просить мира. Как сообщает Барруш, португальцы «увидели мавра, бежавшего с водруженным на шест знаменем, на котором были изображены королевские гербы Португалии, и кричавшего по-арабски: „Мир! Мир! Мир!“ Когда он [Раваску] узнал знамя, то, поскольку он видел священную и достойную почитания вещь, он снял с головы шлем и встал на колени, низко кланяясь, как если бы он видел своего короля, что повторили и все другие, бывшие с ним» [там же].

Мир был заключен на борту португальского судна. Султан вынужден был признать себя вассалом короля Португалии и обязался ежегодно платить дань в 100 миткалей золота и 30 баранов капитану Раваску, «который будет за ними приезжать». Такая тяжелая дань была наложена на султана, по словам Барруша, «не только потому, что тот стал вассалом короля дона Мануэла», но «и за то, что прятал у себя знамя с королевскими

гербами Португалии, которое (по словам занзибарцев) Жуан да Нава дал племяннику короля Мелинды для беспрепятственных плаваний» [там же, с. 272].

Это был один из ярких примеров режима морских захватов, которые в ту эпоху были обычной нормой международных отношений и которые колонизаторы считали столь же естественными, как и право на войну. В захваченных ими районах восточно-африканского побережья и на прибрежных островах португальцы ввели режим ничем не ограниченного произвола, насилия и разбоя. Даже дружественно настроенный к португальцам «союзник» короля Португалии султан Малинди по имени Али вынужден был пожаловаться ему в одном из писем: «Наша преданность вам... столь велика, что вряд ли можно найти такую другую в мире в наши дни... Когда мы видим ваших людей, мы готовы носить их на головах, но их дела и слова в отношении нас грубы, они плохо относятся к тем, кто приезжает в наш порт, и даже захватывают их... ваши люди захватывают здесь много тканей и товаров мавров и индийцев и отняли у них 9500 рулонов ткани» [82, т. VI, с. 46]. В другом письме Али сообщал: два португальских судна «прибыли в порт Малинди, и [португальцы] начали его разорять, давать взятки и захватывать ткани... А когда мы потребовали, чтобы они прекратили делать такие вещи, они ответили: „Нам повелел так делать король“». Они захватили суда, направлявшиеся в Малинди, и избili матросов, «причинив им огромный вред» [там же].

Местное население—суахили — было лишено элементарных человеческих прав, подвергалось непрерывным унижениям, насилиям и грабежам, для которых использовались самые нелепые поводы.

В этой связи весьма характерно следующее свидетельство португальского хрониста Ж. душ Сантуша. «Если цыпленок, принадлежащий мавру, — рассказывает Ж. душ Сантуш, — забрел в жилище христианина и этот мавр спросит о нем, христианин отвечает, что цыпленок пришел в его дом, так как хочет стать христианином, и поэтому он не может его вернуть. С помощью того же метода грабежа они берут коз и свиней, которых мавры выращивают для продажи португальцам. Если христианин, перешагнувший порог дома мавра, случайно ушибется или споткнется о камень или причинит себе иной вред, несчастный мавр или мавританская женщина, которым принадлежит жилище, должны полностью возместить этот ущерб тканями, курами или мешками риса, по желанию этого христианина» [131, гл. XI].

В 1508 г. лиссабонский двор назначил Дуарти де Лемоса губернатором провинций Эфиопия и Аравия. С 1509 г. резиденцией губернатора стала Софала. Исходя из признания султаном Занзибара своего вассалитета в отношении короля Португалии, де Лемос выехал для сбора дани с островов Занзибар, Пемба и Мафия. Мафия подчинилась, но жители Пембы, уничтожив урожай и ничего не оставив в своих домах, бежали в Момбасу. Отчаянное сопротивление португальцам оказали жители города Занзибара, но город был захвачен и, как обычно, отдан на разграбление солдатам. Султан Мвени Мкуу отступил на север, а население бежало в леса, после того как, по словам современника, значительная часть «была изрублена на куски остро отточенными мечами наших людей» [319, с. 100].

2 февраля 1509 г. у острова Диу вице-король Ф. де Алмейда разбил объединенный флот Египта и султана Гуджарата. Его победа обеспечила Португалии морское превосходство в Индийском океане на целое столетие. В ее руках оказалось господство над торговлей Индийского океана. Мусульманская торговля была подорвана, а мелкие индийские государства признали себя вассалами португальского короля. По словам американского историка Р. Чилкоута, португальцы «взялись за решение задачи по созданию империи» [254, с. 5].

Сменивший Ф. Алмейду Афонсу де Албукерки непосредственно приступил к решению этой задачи. В 1510 г. он захватил Гоа, ставшее столицей восточных владений Португалии. Через год Албукерки овладел Малаккой, а затем захватил контроль над торговлей в Красном море. В 1513 г. его флот был разбит у Адена, но через два года

незадолго до своей смерти грозный португальский завоеватель захватил Ормуз, где построил сильный форт.

Албукерки придавал особо важное значение захвату бассейна Красного моря, так как таким путем он надеялся перехватить у арабов торговлю, которую они осуществляли через Ближний Восток между Индией и Европой.

Когда флот Албукерки в 1513 г. вступил в Красное море, Албукерки направил королю депешу, в которой писал: «Что я думаю о Красном море и о моем вступлении туда, так это то, что Ваше Величество нанесло потомкам Мухаммеда самый сильный удар из всех, какие им были нанесены за сто лет, ибо Вы задели за живое и очень глубоко всю их самонадеянность... Я также думаю, что если Вы станете сильным в Красном море, то Вы будете иметь в руках все богатства мира и будете получать от пряностей и товаров этих мест столь огромную сумму, что я не осмеливаюсь даже ее назвать. Потом Вы увидите, что через Каир в Индию из этих мест не выйдет ни один товар, кроме тех, которые повезут Ваши суда, и это даст такие огромные деньги, что я боюсь о них говорить, когда вижу, какой спрос в Индии на здешние товары» [82, т. III, док. 85, с. 498].

Претворяя в жизнь свой план захвата Красноморского бассейна с целью задушить арабскую торговлю, связывающую Индию и Юго-Восточную Азию с Европой, Албукерки произвел опустошительные набеги на города, расположенные на Сомалийском побережье, служившие перевалочными пунктами и базами снабжения для арабских купцов.

Народ Сомали, первое знакомство которого с европейцами произошло под грохот орудийных залпов эскадры Васко да Гамы, обстрелявшей в 1499 г. г. Могадिशю, несколько лет спустя опять подвергся новому насилию со стороны другого завоевателя—Аффонсу де Албукерки. В это время на территории Сомалийского полуострова существовали довольно сильные султанаты: Зейла (Адал), Ифат, Хадья и др. [186, с. 5—6].

Португальские конкистадоры разрушили эти цветущие и многолюдные города. Вот как описываются эти события в одном из сохранившихся документов: «Албукерки подошел к проливам Мекки, командуя шестью кораблями... и прибыл в расположенный на материке город под названием Брва. С помощью оружия он вошел туда, убив много мавров и похитив великие богатства, которые их владельцы и не пытались спасти, думая лишь о том, как бы защитить себя и своих женщин, которые были очень богаты и элегантны и имели по семь-восемь браслетов на каждой руке и столько же на ногах, причем браслеты были очень толстыми и ценными. Это дало повод для великой жестокости, ибо люди, более ослепленные алчностью, чем побуждаемые милосердием, чтобы не тратить время, отрубали им руки, ноги и уши, где они носили драгоценности, без какой-либо мысли о жалости... Женщины брели по улицам, обливаясь слезами и кровью. Другие бежали с детьми на руках, не находя убежища. Многие из них защищались. После того как было приказано сжечь город дотла, что и было сделано, [португальцы] двинулись против другого города, называемого Могадिशю... Уйдя оттуда, они прибыли в Сокотру... Христиане вошли и взяли крепость, где не уцелел ни один мавр, так как они предпочитали умереть, чем сдаться и спасти свою жизнь... и победители сделались хозяевами страны. Когда окончилась зима, испанцы (португальцы.— А. Х.) двинулись против города Ормуз во главе с А. Албукерки... завоевали и захватили его» [82, т. III, док. 106, с. 624—628].

Однако с самого начала колониальной экспансии в этом районе непрошеным пришельцам пришлось столкнуться с сопротивлением свободолюбивого сомалийского народа. В 1506 г. г. Брва мужественно защищался, выставив против португальцев армию в 6 тыс. воинов, вооруженных копьями. «Их сопротивление было столь упорным,— пишет английский историк Р. Куплэнд,— что, прежде чем город был взят, было убито более 40 и ранено более 60 португальцев. Захватчики оставили его, превратив, как и Момбасу, в разграбленные и тлеющие руины» [265, с. 46].

Одновременно португальцы укрепляли свое владычество над африканскими территориями. Исключительно важное стратегическое значение в вынашиваемых в Лиссабоне планах создания всемирной колониальной империи придавалось Восточной

Африке, где португальцы создали сильные и хорошо укрепленные опорные пункты в Софале, Кильве, Момбасе и на о-ве Мозамбик.

Самым важным звеном в системе португальских укрепленных пунктов в Восточной Африке был остров Мозамбик. Основанная в 1508 г. крепость на острове стала играть роль главного бастиона португальского колониального владычества к югу от мыса Делгадо. Со временем остров Мозамбик превратился и в административно-политический центр португальских колониальных владений в Восточной Африке. Это было связано в первую очередь с его экономическим значением. Здесь находился порт, наиболее часто посещаемый индийскими и другими азиатскими купцами и близко расположенный к арабским городам на севере. Кроме того, именно сюда стекались золото и слоновая кость из Софалы, которые в Мозамбике перегружались на суда, идущие в Индию. В гавани Мозамбика постоянно стояли на якоре корабли из Индии и Португалии. «Через порт проезжали вице-короли, преступники, поэты, случайные иностранные визитеры, все, влекомые на восток соблазном неожиданной удачи. Порт острова процветал как склад людей и товаров и превратился в центр местной торговли, из которой португальцы в Индийском океане извлекали больше прибыли, чем из торговли между Востоком и метрополией» [281, с. 33].

В марте 1509 г. из Португалии в Восточную Африку вышла эскадра во главе с маршалом Т. Коутинью, которая прибыла в порт Мозамбик 25 августа [43, дек. II, кн. III, гл. IX]. В числе офицеров этой эскадры был будущий знаменитый португальский конкистадор Антониу де Салданья, которому было поручено принять на себя командование гарнизоном Софалы, а также всей капитанией²⁵ Софалы. «Пожалование капитании Софалы Антониу де Салданье было своего рода премией за оказанные услуги, так как Софала тогда рассматривалась как источник золота и очень важный торговый центр», — пишет португальский историк А. Лобату [330, с. 29]. Салданья вез с собой королевское письмо, содержащее инструкции и подтверждавшее его полномочия как капитана Софалы. Вступив на эту должность, Салданья совершил поездку на о-в Мозамбик (в июне 1510 — марте 1511 г.), а в июле 1511—марте 1512 г. он выезжал из Софалы в Ангоше. Экспедиция Салданьи в Ангоше была связана с тем обстоятельством, что этот остров стал центром арабской торговли. Изгнанные португальцами из большинства прибрежных городов, арабские негоданты перенесли торговлю в Ангоше, где не было португальцев и где они пользовались покровительством шейха, имевшего относительно сильную армию и флот. В представленном королю Мануэлу I отчете о письмах Салданьи читаем: «Он говорит... что узнал, что вся торговля проходит через Ангоше и что товары везут оттуда к Маена (р. Замбези.— А. Х.)... Там находится большое поселение, где все кафрские и маврские купцы страны собираются вместе, торгуют и устраивают свои рынки и что объем этой торговли очень велик» [82, т. III, док. 3, с. 14]. Салданья предложил план подавления арабской торговли в Ангоше. Согласно этому плану португальская эскадра из нескольких каравелл должна была круглый год находиться неподалеку от Ангоше, чтобы заблокировать остров и не выпускать оттуда арабские торговые суда [там же, с. 16]. Этот план, по-видимому, был принят королевским двором, и Салданья возглавил эскадру, снаряженную для его реализации.

Во время экспедиции Салданьи в Ангоше, в его отсутствие в Софале произошли события, доставившие португальцам серьезные неприятности. Еще в июне 1511 г. эмир Софалы Молид, доведенный до крайности самоуправством и произволом португальских властей и не желая больше терпеть от них унижений и обид, ушел из Софалы и нашел убежище в Пандене. Салданье сообщили о бегстве эмира, но он не придал ему особого значения и отплыл в Ангоше. Прошло два месяца, а Молид не возвращался в Софалу. Положение для португальцев осложнялось тем, что по приказу Молида купцы перестали привозить в Софалу золото из глубинных районов. В связи с этим португальские власти

²⁵ Капитании — административно-территориальные округа в португальских колониях (см. гл. III).

стали принимать меры для возвращения Молида, завязав с ним переписку и требуя вернуться под угрозой избрания нового эмира. Когда эти угрозы не возымели действия, фактор Софалы приказал созвать знатных людей эмирата, которые под сильным нажимом избрали эмиром угодного португальцам племянника Молида шейха Киумбе. Тогда Молид, заключив союз с соседними шейхами, поднял восстание. По выражению хрониста, «восстала вся земля» [330, с. 29]. Повстанцы организовали блокаду Софалы: 6 сентября 1511 г. была полностью перерезана связь города с внутренними районами с целью помешать подвозу продовольствия, парализовать торговлю, вызвать голод и таким путем принудить небольшой гарнизон к сдаче.

Критическая ситуация, создавшаяся в Софале, обсуждалась на специально созванном совете офицеров. Было решено любой ценой захватить или убить Молида. Для этого в ночь на 8 сентября из Софалы в Буси были отправлены два небольших судна с 24 солдатами на борту. На рассвете они атаковали дом, в котором жил Молид, и схватили его. Когда на помощь эмиру бросились его сподвижники, португальцы убили своего грозного противника. Через два дня португальцы утвердили решение знатных людей эмирата и провозгласили новым эмиром Киумбе, который стал послушным исполнителем их воли [там же, с. 36].

Об убийстве Молида был уведомлен находившийся в Ангоше Салданья, который, в свою очередь, сообщил об этом Афонсу де Албукерки. Вице-король Индии приказал Салданье немедленно взять Антоше, население которого было враждебно настроено к португальцам и отказывалось продавать им продовольствие. Салданья подготовил на о-ве Мозамбик два судна с 60 солдатами на борту и повел их на штурм Антоше. Но арабы были предупреждены об этом и нанесли удар первыми. На португальцев обрушилось большое войско, состоявшее из 1200 африканцев и арабов. Салданья поджег город и отступил, потеряв несколько человек. Не сумев покорить Ангоше, Салданья увеличил гарнизон Мозамбика с 12 до 35 человек [там же, с. 37].

В апреле 1528 г. из Лиссабона вышла эскадра из 11 судов под командованием Ж. Нунью да Кунья. Она направлялась в Индию, где Нунью да Кунья должен был занять пост вице-короля. Через несколько месяцев плавания эскадра достигла Занзибара, где высадила на берег 200 больных и раненых, которым было приказано следовать в Малинди, как только они почувствуют себя лучше. Из-за отсутствия благоприятного ветра Нунью да Кунья прошел к Момбасе, где просил у султана разрешения на зимовку. Султан разрешил португальцам зимовать в Момбасе, но запретил им высаживаться на берег. Нунью да Кунья ответил, что его людям необходимо высадиться и жить в домах на берегу. Тогда по приказу султана португальские корабли были обстреляны из пушек. В ответ на это Нунью да Кунья начал готовиться к штурму крепости. Узнав об этом, султан сильно укрепил вход в устье реки и ввел в город 600 лучников. Нунью да Кунья под покровом ночи подвел свои суда к городу, обстрелял его из пушек и утром произвел высадку всех своих 800 солдат, начавших штурм крепости. Не будучи в состоянии сопротивляться превосходящим силам португальцев, султан Момбасы бежал из города, который был взят и разграблен. Позже султан вынужден был заключить унижительное соглашение с Нунью да Кунья, согласившись уплатить большой выкуп за город и стать данником португальского короля. Когда султану стало ясно, что португальцы не смогут остаться в Момбасе из-за нездорового климата, он прекратил платить выкуп. Тогда Нунью да Кунья сжег город и отплыл в Малинди [271, т. 1, с. 395—396].

С разгромом Момбасы португальское господство утвердилось вдоль всего восточноафриканского побережья, которое стало одним из четырех губернаторств, подчиненных вице-королю Индии (другими были Малакка, Ормуз и Цейлон) [319, с. 101]. Начиная с этого времени почти все арабские султаны и шейхи — прежние хозяева прибрежных восточноафриканских городов вынуждены были признать себя вассалами короля Португалии.

За исключением султана Малинди, суверенитет которого признавался и который пользовался привилегированным статусом как союзник португальской короны, все другие правители побережья от Брава (на территории нынешнего Сомали) до Софалы (Мозамбик), а также островов Занзибар, Пемба, Мафия либо приняли статус вассалов-данников португальской короны, либо их государства оказались на положении колоний, обреченных на ничем не ограниченный произвол завоевателей. Этой участи сумели избежать только Могадишо, Коморские, Маскаренские острова и Мадагаскар [397].

В начале XVI в. португальцам удалось утвердиться также на западном и восточном побережьях Аравийского полуострова. Маскат и Ормуз были ими разграблены и оккупированы.

Разгром португальцами огромного мусульманского флота в битве при Диу в 1509 г. окончательно решил вопрос о том, кто будет в XVI в. хозяином Индийского океана. Весь торговый путь от Лиссабона до Малаккского пролива оказался в руках португальцев.

В то же время был нанесен решающий удар по могуществу арабских купцов, которые в течение многих лет держали в своих руках монополию на торговлю в бассейне Индийского океана. Существовавший в течение ряда веков арабский контроль над побережьями и водами Индийского океана перешел в европейские руки. Арабы упорно отстаивали свои права на торговлю, но, после того как они потерпели поражение, португальцы не захотели уступить им даже маленькой доли участия в восточной торговле. Как писал известный исследователь истории Восточной Африки Р. Куплэнд, «португальцы на Востоке, как это часто отмечалось, были неумолимо агрессивны и нетерпимы. В Восточной Африке, как и всюду, не было и речи о мире или сотрудничестве с другими оккупантами... Они стремились получить лишь для себя столько торговли в Индийском океане, сколько могло обеспечить им их превосходство в силе» [265, с. 48].

Португальская колонизация имела для городов-государств суахили катастрофические последствия. Арабская торговля была прервана. Лишенные средств к существованию арабские и индийские купцы бежали на Мадагаскар или в Северо-Восточную Африку. Эмиграция из Кильвы приняла такие масштабы, что колонизаторы вынуждены были временно снять запрет на арабскую торговлю с хинтерландом. Но вскоре из Лиссабона последовал строгий приказ соблюдать монополию торговли. Когда в 1509 г. португальский гарнизон ушел из Кильвы в Мозамбик, город уже настолько обезлюдел, что не было никакой надежды на его восстановление [там же, с. 49]. Экономическое возрождение Кильвы стало возможным лишь значительно позже в связи с расцветом работоторговли, когда она стала одним из центров экспорта «живого товара». Такая же судьба постигла Софалу и Мозамбик, которые утратили свое прежнее экономическое значение как центры арабской торговли, став колониями Португалии.

Португальцы, вытеснив арабов, стали посредниками в торговле внутренних районов Африки с бассейном Индийского океана, импортируя миткаль и бусы из Индии и обменивая их на золото, слоновую кость и рабов. Однако долгое время португальская торговля имела меньшие масштабы, чем существовавшая до нее арабская. Арабы посылали караваны далеко в глубь континента, португальцы же, не имея опыта в африканской торговле, не делали этого, ограничиваясь долгое время коммерческими операциями в своих прибрежных фортах и факториях. Есть сведения, что до португальского завоевания ежегодный экспорт золота из Софалы превышал 1 млн. миткалей (около 600 тыс. ф. ст.), в то время как в первые годы португальского контроля он «был в 100 раз меньше. Например, за восемь месяцев 1513 г. он составил лишь 6—7 тыс. миткалей (около 4 тыс. ф. ст.), причем лишь $\frac{1}{12}$ его часть была получена от африканских торговцев из хинтерланда [265, с. 50; 397, с. 99—100].

В Лиссабоне стали открыто выражать недовольство скудным поступлением золота из Восточной Африки и требовали энергичного проникновения в район золотых рудников.

Нанеся сокрушительный удар по военному и торговому могуществу арабов, Португалия открыла себе путь к «африканскому Эльдорадо» — к легендарной и таинственной стране Мономотапе.

ЭКСПАНСИЯ ПОРТУГАЛИИ В БАССЕЙНЕ ЗАМБЕЗИ. ПОРТУГАЛЬЦЫ И МОНОМОТАПА

Особое место в истории героической борьбы африканских народов против португальской колонизации занимает государство Мономотапа — «крепкий орешек» для колонизаторов. О прошлом этой страны известно пока очень мало. Что касается почти двухвековой героической борьбы Мономотапы против португальской экспансии, то многие буржуазные историки преуменьшают ее значение, описывая лишь как случайный живописный эпизод африканской истории.

Между тем опубликованные архивные документы, португальские хроники, описания путешественников и другие источники дают возможность воссоздать объективную историю этой борьбы. Мономотапа — одно из немногих ранних африканских государств, о котором мы располагаем письменными документами. Хотя эти документы не столь многочисленны, а главное, не столь точны, как документы о государстве Конго, все же они дают в руки исследователя ключ к разгадке «тайны Мономотапы».

Они рисуют чрезвычайно богатую событиями и полную драматизма историю государства Мономотапа, историю, в которой были (разумеется, с поправкой на эпоху) свои Наполеоны, Талейраны, Фуше, а также Лавали и Петэны.

Вместе с тем очищенная от напластований лжи и фальсификаций подлинная история Мономотапы служит убедительным опровержением получившей широкое распространение в буржуазной историографии легенды о том, что будто бы подчинение африканцев португальскому господству было добровольным, а не вынужденным актом и что они без сопротивления смирились со своей судьбой.

***

С начала XVI в. португальцы, привлеченные слухами о баснословных богатствах Мономотапы, начали медленное, но упорное продвижение в глубь страны.

Прежде всего они вошли в контакт с вождями кланов и племен, проживавших в непосредственном соседстве с ними. Особенно много усилий португальцы приложили для того, чтобы привлечь на свою сторону враждовавшего с Мономотапой вождя Иньямунду, владения которого находились рядом с Софалой. Вначале Иньямунда, нуждавшийся в поддержке для борьбы против Мономотапы, охотно сотрудничал с португальцами.

Капитан Софалы Кростован де Тавора сообщал королю в 1518 г.: «Я укротил одного кафра — крупного сеньора по имени Иньямунда, который раньше был очень враждебен к Софале, а теперь стал человеком, приносящим Вашему Величеству наибольшую прибыль в фактории. Он присылает в крепость множество быков и коров и снабжает ее провизией лучше, чем кто-либо из королей мавров» [82, т. VI, док. 1, с. 4].

Однако жадность, коварство и хищническая политика колонизаторов вскоре оттолкнули от них Иньямунду, и из союзника он превратился в грозного врага. Он заблокировал торговые пути между Софалой и хинтерландом, прекратив доступ в крепость золота.

Один из местных чиновников сообщал королю в июле 1518 г.: «Он (Иньямунда.—Л. Х.) был хорошим соседом и пропускал в факторию очень много золота, а теперь... когда он знает действительные возможности капитана Софалы, при мысли о нем он разражается смехом и

блокирует все пути... Он задерживает послов и даже убивает их. Так он поступил с Франсиску де Пайвой, а теперь — с послом, которого направил Д. Лопу» [82, т V док 73 с. 568].

Конфликт с Иньямундой, по-видимому, был очень затяжным, так как в письме Л. де Алмейды королю, написанном в августе 1527 г., мы читаем: «После моего прибытия в Софалу я нашел страну малонаселенной, а пути захваченными Иньямундой, так что никто не мог ни выйти из крепости, ни войти в нее. Я получил от Иньямунды послание о том, что пути будут открыты только для мавров Софалы... Даже сейчас кафры не приходят сюда торговать, как они делали это в прошлом». В своем письме этот информатор приходит к следующему выводу: «Пока Иньямунда жив, Ваше Величество не сможет получать прибыль от Софалы» [82, т. VI, док. 23, с. 276—277],

К сожалению, опубликованные источники не дают возможности в полной мере восстановить историю борьбы португальцев за выход к золотоносным землям Мономотапы. Можно лишь утверждать, что на протяжении всей первой половины XVI в. португальские администраторы, солдаты, миссионеры и торговцы активно вмешивались в политическую и экономическую жизнь этого района, стремясь всеми средствами подавить арабскую торговлю и добиться португальской торговой монополии, а также всячески поддерживая сепаратистские движения, которые привели к уменьшению и ослаблению империи Мономотапа. К середине века им удалось уже добиться существенных результатов в ходе своего наступления на хинтерланд. Они построили на правом берегу Замбези форты Сена (1530 г.) и Тете (1537 г.) и не только вошли в непосредственный контакт с Мономотапой, но и постепенно включили ее в сферу своего политического, идеологического и экономического влияния. Огромную роль в этом деле сыграли миссионеры-иезуиты. Португальские колонизаторы всегда придавали духовному закабалению африканских народов не меньшее значение, чем их политическому и военному подчинению.

Начиная с 1506 г. в Софале и Мозамбике появились первые священники и представители религиозных орденов, приехавшие из Португалии. На протяжении всего XVI в. португальская колонизация прибрежных и глубинных районов Восточной Африки шла как бы «двумя эшелонами». Вслед за солдатами и купцами, медленно продвигавшимися вверх по Замбези, шел «второй эшелон» — духовные пастыри.

Однако португальская колониальная экспансия вызвала активное противодействие, с одной стороны, местных народностей и племен—каранга, розви, маника, батонга и др., а с другой — арабских купцов, не желавших лишаться огромных доходов от прибыльной торговли с Мономотапой. Португальско-арабская борьба за Юго-Восточную Африку принимала подчас очень острые формы. Она выливалась в вооруженные столкновения, интриги, заговоры, грабежи и убийства.

Португальские колонизаторы видели большую опасность не только в экономической роли арабов, но и в духовном и политическом влиянии ислама, который представлял собой серьезную идеологическую и политическую силу противодействия португальской колонизации. Арабизированные и исламизированные слои населения было очень трудно, а чаще — невозможно интегрировать в созданную европейцами колониальную общественную структуру.

В 1560 г. в Мозамбик прибыл иезуит Гонсалу да Силвейра, которому было суждено стать самым знаменитым из всех католических миссионеров в Юго-Восточной Африке.

Он родился в Алмейрима, где тогда находился королевский двор, при котором служил в качестве главного королевского телохранителя его отец. Получив религиозное воспитание, Силвейра стал фанатичным и активным членом ордена иезуитов [118а, с. 14—15]. Обуреваемый жадной жаждой обращать на истинный путь «погрязших в языческих заблуждениях», Силвейра в 1556 г. покинул Лиссабон, где имел репутацию одного из самых красноречивых проповедников. Во время своего путешествия на восток он услышал о Мономотапе и, находясь в Индии, начал добиваться разрешения возглавить миссионерскую миссию в эту «духовно пустынную землю». Получив

долгожданное разрешение, Силвейра вместе с двумя другими иезуитами, Андре Фернандишем и Андришем да Коштой, прибыл на о-в Мозамбик. Это путешествие подробно описано в письмах самого Гонсалу да Силвейры и его спутников, хранящихся в библиотеке АН в Лиссабоне и изданных Пайва-и-Пона в 1892 г. [там же]. Как видно из этих источников, пренебрегая предупреждениями колониальных чиновников, иезуиты перебрались на материк и провели семь недель в краале одного вождя в районе Келимане, где обратили в христианство этого вождя и 500 его подданных. После этого, оставив двух своих спутников-иезуитов продолжать работу в основанной им миссии, Силвейра поднялся вверх по Замбези и в конце 1560 г. прибыл в Зимбабве. Здесь проповедник сразу же рьяно взялся за работу, обнаружив истинно иезуитскую изобретательность. При посредничестве Антониу Канаду, который жил при дворе могущественного африканского правителя, он получил аудиенцию у монамотаны и с первой же беседы начал готовить его обращение в христианство [там же, с. 15].

В докладе о путешествии отца Гонсалу, составленном иезуитской коллегией в Гоа (1561) [137, т. II, с. 104—115], мы читаем: «Монамотапа послал Гонсалу Силвейре большую сумму в золоте, много коров и людей служить ему, так как португальцы сказали ему, что этот падре очень знатен и является одним из главных лиц в Индии. Но падре с великой скромностью и благодарностью за такую щедрость вернул королю его подарки». Дальше в этом документе идет многозначительная фраза, которая показывает, что монамотапа имел уже порядочный опыт общения с колонизаторами и хорошо изучил их разбойнические нравы. «Король был изумлен, увидев среди португальцев человека, который не хотел золота, провизии или людей, которые бы ему служили» [там же, с. 108].

Завоевав таким образом расположение этого правителя, хитрый иезуит с находчивостью опытного шарлатана тотчас же изобретает еще более эффектный, чисто театральный трюк, рассчитанный на то, чтобы окончательно сделать монамотапу своим духовным пленником: «Однажды, когда он служил мессу, несколько знатных лиц королевства проходили мимо дверей и увидели на алтаре очень красивое изображение нашей мадонны, которое падре привез с собой. Они пошли к королю и рассказали, что падре имеет музинга, то есть очень красивую женщину, в своем доме и что его следует спросить об этом. Король направил ему письмо, в котором написал, что ему рассказали, что падре имеет женщину и... что он очень хочет ее видеть. Падре завернул картину в роскошные ткани и принес к королю, но, прежде чем показать ее, сообщил ему через переводчика, что эта дама — божья мать и что все короли и императоры мира — ее слуги. Таким образом подготовив его и увеличив его желание увидеть ее, он приоткрыл картину и показал ее королю и его матери, которые были в восторге... Король попросил падре дать ему эту даму» [там же, с. 109]. Действуя столь ловко, оборотистый монах быстро шел к цели: примерно через 25 дней после прибытия в страну ему удалось обратить в христианство монамотапу, его мать и знатнейших людей королевства [там же]. Деятельность Г. Силвейры вызывала растущее беспокойство арабских купцов, которые опасались, что, став христианином, монамотапа запретит им торговать и будет продавать золото португальцам. Арабы убедили монамотапу, что Силвейра — колдун и португальский шпион, «наговорив ему столь много, что он приказал предать его смерти в тот же день».

Смерть Силвейры произвела огромное впечатление не только в Лиссабоне, но и во всем католическом мире. По словам Дж. Даффи, «на короткое время внимание Рима и Лиссабона было сосредоточено на далекой африканской реке» [281, с. 107]. Пожалуй, ни одно событие в Африке в течение второй половины XVI в. не привлекло внимание Европы в такой степени, как убийство иезуита Силвейры. Обстоятельства его смерти широко комментировались, особенно в сочинениях отцов Общества Иисуса [373, с. 101]. Великий португальский поэт Камознс посвятил этому событию несколько строк в одном из своих сонетов [57, т. II, с. 19].

Убийство миссионеров в Африке не было исключительным или даже редким событием. Почему же в таком случае именно убийство Силвейры, а не какого-либо

другого миссионера вызвало столь большой резонанс во всей католической Европе? Есть все основания думать, что шумиха вокруг смерти этого иезуита искусственно раздувалась Лиссабоном, так как она давала превосходный предлог для прямого военного вмешательства в дела Мономотапы и установления своего контроля над вожаками золотыми рудниками.

Из документов можно установить, что сразу же, как только известие о гибели иезуита достигло Лиссабона, началась подготовка военной экспедиции, официальной целью которой было наказание мономотапы за смерть Силвейры. Предстоящая война была «легализована» и объявлена «справедливой» Советом высших прелатов церкви (Mesa da consciencia).

Осуществляя свои захватнические грабительские войны, колонизаторы не забывали подводить под них морально-юридическое основание и придавать им «законный характер» с помощью изобретенной ими доктрины «справедливой войны» и прав, вытекающих из папских булл о законности проповеди Евангелия среди язычников. Лучшей иллюстрацией к этому может служить составленный упомянутым Советом документ от 23 января 1569 г.: «...Императоры Мономотапы часто убивают и грабят своих вассалов и невинных людей и чинят другие дурные дела и тиранства по самым ничтожным поводам. Они приказали убить и ограбить нескольких португальцев, которые пришли мирно торговать, а один из этих императоров приказал убить падре Гонсалу, который приехал проповедовать веру Христа от имени Короля, нашего сеньора, и как его посол, посланный вице-королем Индии... Поэтому члены Совета напоминали условия папских булл... по которым только Королю, нашему сеньору, уступается [...] торговля во всех королевствах, островах и провинциях, которые тянутся от мыса Нау и Бохадор до Индии... Король может и должен [...] приказывать проповедовать святое Евангелие в королевствах и владениях Мономотапы и во всех других завоеванных странах, а если кафры или другие народы завоеванных стран не захотят позволить войти этим священникам и разрешить им проповедовать Евангелие... или будут сопротивляться силой гостеприимству и торговле, которые суть общие права людей, капитаны и вассалы этого короля могут вполне справедливо принять меры обороны, делая все с желательной умеренностью». Король может также «в соответствии со своим правом, особенно в этих завоеванных королевствах и владениях, отменить тиранические законы и злосчастные и противоестественные обряды, особенно несправедливые жертвоприношения невинных, и если аргументы и мягкие средства будут безрезультатны, будет вполне справедливо начать войну и низложить королей и сеньоров, которые этому сопротивляются, и назначить других и осуществить все права справедливой войны, пока эти обряды и несправедливые убийства не будут прекращены» [373, с. 177].

В 1568 г. на португальский трон вступил в возрасте 14 лет король Себастьян. Как бы оправдывая свое прозвище «Африканец», которое он позже заработал за свою неудачную Марокканскую кампанию, юный король, обуреваемый честолюбивыми стремлениями, мечтал о создании огромных колониальных владений к югу от Замбези, растянувшихся от Индийского до Атлантического океана. В качестве первого шага для претворения в жизнь этого грандиозного плана Себастьян решил добиться доступа к золотым ресурсам Мономотапы. У него возникла идея отправить туда большую экспедиционную армию. Главная цель была исключительно практическая: захватить золотые рудники и организовать их эксплуатацию в широких масштабах, чтобы максимально пополнить оскудевшую королевскую казну. Предлогом для этой экспедиции должно было послужить убийство мономотапой Силвейры.

Выдвинутая королем идея вооруженного вмешательства вызвала оппозицию со стороны меньшинства на королевском совете. В конце концов был достигнут компромисс, который сводился к тому, что, прежде чем начать военные действия, командующий экспедицией должен вручить мономотапе ультиматум в связи с недавними грабежами и убийствами португальских подданных, не последним из которых был Гонсалу да

Силвейра. Суть этого послания составляло требование разрешить свободный въезд всем португальским торговцам и миссионерам и уплатить компенсацию за прошлые обиды. Кроме того, мономотапа должен был изгнать из своего государства арабов, так как их присутствие наносит ущерб интересам Португалии.

Командующим экспедицией король Себастьян назначил бывшего генерал-губернатора Индии Франсиску Баррету, которому были обещаны должность губернатора Мономотапы и титул «завоеватель рудников» [79, т. II, док. 29, с. 173; 271, т. II, с. 13], что, между прочим, ясно указывает на главную цель его экспедиции. В качестве советника ж Баррету был приставлен иезуит Франсиску де Монкларуш. В экспедиции принял участие также великий магистр Ордена св. Яго Васку Фернандиш Омем. В распоряжение Баррету была предоставлена тысяча добровольцев, в том числе много дворян, которым были пожалованы крупные суммы из королевской казны и обещано возобновлять эти пожалования ежегодно до тех пор, пока задача экспедиции не будет выполнена. Экспедиция была хорошо экипирована оружием, амуницией, вьючными животными и всевозможными припасами [137, т. VI, с. 357—358].

По свидетельству современника этих событий хрониста Диогу де Коуту, «ввиду новизны этой экспедиции, а также того, что ее целью было открытие золотых рудников, весь Лиссабон был приведен в волнение» [70, с. 358]. О том, какое большое значение придавал королевский двор экспедиции Баррету, свидетельствуют те огромные полномочия и невиданные привилегии, которые были даны ее руководителю. Диогу де Коуту сообщает, что «было принято решение... ежегодно, до тех пор пока завоевание не будет закончено, предоставлять ему 100 тыс. крузадо и 500 людей и что, если ему случится, плывя в Индию, встретить в море вице-короля или губернатора, те должны поднять свои флаги и зажечь огни, а в случаях, когда они могут быть вовлечены в войну, они должны командовать вместе, советуясь друг с другом. И что по его приказам чиновники казначейства Индии должны предоставлять средства для снабжения провизией его флота» [там же]. Баррету отплыл из Лиссабона в апреле 1569 г. с флотом из трех судов. Ему был дан строгий приказ не предпринимать ничего, не посоветовавшись с иезуитом Франсиску де Монкларушем. Согласно сведениям хрониста Д. де Коуту, учитывая нездоровые климатические условия в нижнем Замбези, Баррету и многие участники экспедиции предлагали идти к рудникам сушей из Софалы. Монкларуш же настаивал на том, чтобы двигаться вверх по р. Замбези. В связи с возникшими разногласиями Баррету созвал совещание высших командиров, на котором, по свидетельству хрониста, заявил, что «он имеет инструкции не предпринимать шагов в отношении завоевания рудников, не советуясь с отцом Франсиску Монкларушем, который при этом присутствовал» [там же, с. 361—362].

По утверждению Д. де Коуту, в конце концов монах добился своего, и Баррету, помня полученный приказ, решил действовать по его совету. Эти сведения Д. де Коуту, впрочем, нельзя считать абсолютно точными. Их достоверность вызывает сомнение при сопоставлении с письмом В. Омема Луишу да Силве от 15 февраля 1576 г. [210], в котором говорится о хорошем взаимопонимании между Ф. Баррету и отцом Монкларушем. В обнаруженном сравнительно недавно другом письме В. Омема также нет никакого упоминания о разногласиях между иезуитом и Ф. Баррету [259, т. V, ч. 1, с. 93—103].

Баррету отплыл из Мозамбика со всеми своими людьми, лошадьми, ослами, верблюдами, оружием и инструментами для работы на рудниках и, поплыв вверх по р. Куама (Замбези), достиг Сены. Здесь в ноябре 1569 г. он разбил лагерь. С началом ранних дождей многие из его людей заболели малярией. Португальцы заподозрили живших неподалеку арабов в том, что они отравили продукты²⁶ [70, с. 364—369].

²⁶ Диогу де Коуту, который был участником этих событий, склонен считать, что такое отравление имело место. Он пишет: «Так как мавры никогда не будут друзьями христиан, как только они узнали, что цель губернатора — открыть рудники, вследствие чего они потеряют свою торговлю, они решили

Баррету «приказал им тайно окружить мавританскую деревню... они убивали всех, кто попадался им на пути, а главных людей взяли в плен» [там же, с. 370]. Как свидетельствует Д. де Коуту, португальцы ежедневно привязывали пленных «попарно к жерлам больших пушек, которые разрывали их на куски, чтобы вселить ужас в других». Единственное исключение они сделали для одного араба, пожелавшего принять христианство. К нему было проявлено «снисхождение»: вышеописанная казнь была «великодушно» заменена... повешением [там же, с. 372].

Но после этой зверской расправы смертность среди португальцев не только не уменьшилась, но продолжала возрастать. Между тем Баррету послал своего эмиссара с охраной к мономотапе, чтобы получить его разрешение наказать вождя племени монгас, который восстал, а затем пройти в район рудников в Манике. Первое требование было лишь предлогом для второго. Пройдя 150 миль до резиденции мономотапы и действуя согласно полученным инструкциям, посланец, как сообщает Д. де Коуту, «в день, когда должен был получить аудиенцию, направил какого-то португальца со стулом и ковром, которые были помещены напротив трона мономотапы и близко от него, после чего посол вошел со всеми португальцами, которые были (вопреки принятому в Зимбабве этикету.— А. Х.) одеты, обуты и с оружием» [там же, с. 372—373]. Посол вернулся в Сену, сообщив, что мономотапа не только согласился удовлетворить требования Баррету, но и предложил ему 100 тыс. человек, но Баррету отказался от этой помощи, так как, видимо, опасался, что это может помешать его планам [там же].

Получив радостное известие, Баррету с 500 оставшимися в живых мушкетерами и 23 лошадьми двинулся «а юг. Ему предстояло пройти через княжество Китеве, владыка которого был в полувассальной зависимости от Мономотапы. По свидетельству Сантуша, Баррету пришлось вести «великие и жестокие войны с Китеве, королем земель между Софалой и Маникой, ибо тот постоянно старался помешать ему пройти к упомянутым рудникам, расположенным в королевстве одного из его соседей по имени Чиканга, а губернатор не мог достигнуть рудников, не пройдя через все королевство Китеве... Причиной его отказа было отчасти нежелание, чтобы португальцы имели дела и торговлю с его врагом Чиканга и доставляли в его страну много тканей и бус для обмена их на золото из его рудников, благодаря чему тот мог стать богатым и могущественным... а отчасти нежелание, чтобы португальцы получили сведения о его стране, пересекая все его королевство» [131, с. 217].

Правитель Китеве оказал упорное сопротивление португальской армии. По свидетельству Сантуша, он дал им «много сражений, дерясь против португальцев очень храбро и доставляя Баррету много трудностей» [там же].

Вооруженные лишь дротиками и стрелами, африканцы сознавали превосходство огнестрельного оружия европейцев. Не будучи в состоянии противостоять этому оружию в открытом бою, они прибегли к тактике пассивного сопротивления. Они стали прятать на пути следования португальцев все съестные припасы и уходить из своих деревень в леса. «Так, страдая от голода и постоянной войны, с оружием на плечах, португальцы добрались до города... где жил Китеве, который, услышав об их прибытии, бежал к бывшим поблизости высоким горам со своими женами и большинством людей этого города, взяв их как свою охрану, так что, когда Франсиску Баррету достиг города, он встретил лишь слабое сопротивление и, предав город огню, сжег его большую часть» [там же, с. 218].

постепенно убить всех наших людей с помощью яда. Для этого, когда прибыл губернатор, они прикинулись очень гостеприимными и добрыми и часто угощали наших людей и на банкетах они добавляли в пищу яд, который давал эффект спустя долгое время. В сочельник они пригласили многих дворян и командиров на легкий ужин, для которого приготовили много конфет, и в том числе отличный мармелад, в который положили яд, зная, что наши люди очень любят это лакомство» [70, с. 370]. Эта версия де Коуту представляется сомнительной, особенно учитывая его упоминание об «эффекте спустя долгое время», а также то обстоятельство, что смертность среди португальцев не сократилась и после расправы над арабами.

Совершив этот традиционный мрачный церемониал португальских колонизаторов, Баррету с оставшимся войском устремился к главной цели своего предприятия — к району Маника, где были расположены заветные золотые рудники. Правитель княжества Чиканга встретил его очень радушно. По свидетельству Сантуша, он послал Баррету множество коров и других даров и поручил сказать ему, что «он в восторге видеть его в своем королевстве» [там же].

Баррету поблагодарил за гостеприимную встречу и послал правителю множество тканей и бус. Воспользовавшись гостеприимством и излишней доверчивостью этого вождя, Баррету сумел навязать ему соглашение, по которому португальцы впредь получали право беспрепятственного въезда в Манику и могли свободно обменивать свои товары на золото [там же]. Заключив столь выгодный договор, колонизаторы были уверены, что сумеют быстро прибрать к рукам золотые рудники, но их ждало разочарование, которое современник этих событий Сантуш описал следующим образом: «Когда португальцы оказались в стране золота, они думали, что тотчас же смогут наполнить им мешки и унести столько, сколько найдут, но когда они провели несколько дней около рудников и увидели, с какими трудностями, трудом и риском для жизни кафры извлекают его из недр земли и скал, их надежды были развеяны» [там же]. После этого Баррету решил вернуться в Софалу, пройдя тем же путем, каким пришел в Манику, и готовился к новым сражениям с владыкой Китеве. Однако на этот раз правитель Китеве не рискнул оказать сопротивление европейцам, а счел за лучшее послать Баррету предложение о мире, «которое тот принял с большой радостью, желая обеспечить этот путь для торговцев из Софалы». Согласно договору капитан Софалы должен был впредь давать Китеве ежегодно 200 кусков ткани, а взамен тот разрешил португальцам свободный проход через свои земли в «королевство» Чиканга [там же, с. 219].

После похода в Манику Баррету направился со своим войском в Чикоа, где, по слухам, находились серебряные рудники. Для этого ему предстояло пройти через земли монгас (вассалов мономотапы), которые, по словам Сантуша, были «расположены на южном берегу реки (Замбези), как и Сена и Тете».

Сантуш описывает монгас как «черных язычников, очень храбрых и самых воинственных из всех племен, которые жили тогда на этих реках, и поэтому они доставили великие трудности нашим завоевателям, с которыми у них было множество битв» [там же, с. 263]. По мнению некоторых исследователей, монгас были предками народности шона.

В боях с португальскими завоевателями монгас проявляли исключительное упорство и мужество. Особенно тяжелый характер носила трехдневная битва с монгас в июле 1572 г. к югу от Замбези между Сенной и Тете. Благодаря мушкетам, аркебузам и пушке 600 португальцев, поддержанных 200 африканцами, сумели нанести поражение 10—12 тыс. монгас, вооруженных луками, копьями и топорами [310].

Сантуш рассказывает, что перед сражением из рядов африканцев вперед вышла старая женщина, которая, бросив горсть пыли в сторону португальцев, заявила, что ослепит их всех, после чего их легко будет разбить и взять в плен. Благодаря этому обещанию колдуньи африканцы двинулись настолько уверенные в победе, что взяли с собой веревки, чтобы связать португальцев, как овец. Однако выстрелом из фальконета эта женщина была убита. «За это губернатор снял с шеи цепочку с талисманом и надел ее на шею главному канониру... Кафры же были крайне удивлены неожиданным событием и опечалены смертью своей колдуньи, на которую очень надеялись. Однако они были не так напуганы, чтобы оставить битву, но, наоборот, начали ее и сражались очень храбро» [131, с. 264].

Описание этого инцидента мы находим и у Д. де Коуту, который подтверждает, что гибель колдуньи «не помешала кафрам обрушиться на наших людей... с неистовыми

криками и воплями, размахивая своими мечами и дротиками, которые они называют помберас» [70, с. 376].

Баррету приказал подпустить наступающих плотными рядами монгас поближе, а затем с близкого расстояния открыть по ним огонь из фальконетов и ружей. По словам де Коуту, «этим залпом было убито столько людей, что поле покрылось трупами, а когда дым рассеялся, кавалерия и пехота атаковали приведенную в замешательство толпу кафров. Их рубили до тех пор, пока они не отступили, оставив на поле боя более шести тысяч трупов, не считая многих умерших в пути» [70, с. 377].

Второй бой два дня спустя был еще более яростным. Монгас использовали боевой порядок в виде полумесяца, который позже применяли и сделали знаменитым зулусы в борьбе с англичанами. Это принесло монгас блистательную победу. В третьем бою португальцы, число которых было значительно уменьшено войной и болезнями (главным образом сонной болезнью, вызываемой мухой цеце), были вынуждены защищаться за частоколом, затем отступить в Сену. Огромная армия, с которой Баррету начинал свою экспедицию, теперь уменьшилась до 180 человек. Это были уже не прежние блиставшие выправкой и верящие в легкий успех сытые и самонадеянные солдаты, а истощенные, больные, голодные люди, не думающие ни о чем другом, как только поскорее выбраться из «проклятого африканского ада». Через две недели после возвращения в Сену в мае 1573 г. Баррету заболел и умер от малярии. Его преемник Васку Фернандиш Омем, действуя в соответствии с особыми инструкциями, которые следовало вскрыть только в случае смерти Баррету, и советами иезуита Монкларуша, погрузил остатки разбитого войска на корабли и отплыл в Европу [83, с. 132; 281, с. 38].

Итак, первый этап войны Португалии против Мономотапы (1569—1573) закончился бесславно для португальцев. Колонизаторы на горьком опыте убедились, что захват золотых рудников — задача гораздо более трудная, чем они предполагали. По словам историка Даффи, «старый солдат Омем испытывал жгучую боль от толков по поводу провала знаменитой экспедиции» [281, с. 38]. Собрав новую армию более чем из 400 солдат, Омем, учитывая печальный опыт своего предшественника, решил достигнуть Маники не речным, а сухопутным путем.

В августе 1574 г. он отплыл в Софалу. Прибыв в этот порт, он направился к золотоносным землям Маники. Ему также предстояло пройти через земли вождя Китеве, который, по словам де Коуту, был «великим господином, самым могущественным из всех кафров в этих местах, за исключением мономотапы» [70, с. 387].

Чтобы задобрить этого вождя, Омем послал ему богатые подарки, прося разрешить ему пройти к рудникам. Однако правитель Китеве решительно воспротивился этому, поскольку, как сообщает источник, «он очень ценил торговлю португальцев, которая шла через Софалу и давала ему одежду и бусы, которые для этих кафров большее сокровище, чем для нас то, что собирался открыть губернатор, и он опасался, что, как только рудники будут открыты, все эти товары пойдут в королевство Чиканга, а он потеряет прибыли, получаемые от этого» [там же, с. 387—388].

Будучи не в состоянии воспрепятствовать продвижению конкистадоров силой оружия, Китеве, по свидетельству участника этих событий де Коуту, решил применить уже апробированную тактику и «приказал прятать все съестные припасы и уходить из всех краалей, где должны были пройти наши люди, а также засыпать все колодцы». Относившийся к африканцам со свойственным колонизаторам презрением, де Коуту в данном случае не может скрыть своего восхищения и изумления их изобретательностью и многозначительно добавляет: «Это показывает, что, хотя они кафры, они уж не такие варвары, чтобы не суметь использовать ту же стратегию, которую применяли короли Персии... когда в их королевство вторглись турки» [там же, с. 388]. После нескольких стычек с местными племенами Омем достиг заветной цели своей экспедиции и разбил лагерь недалеко от места, где находится современный Умтали. Здесь, как это видно из письма Омема королю, он в течение девяти дней исследовал рудники, вырыл 600 ям и

взял образцы золота в слитках и в порошке [259, т. V, ч. 1, с. 95]. Осмотрев рудники, португальцы еще раз убедились, что без применения механизированного и квалифицированного труда добыча руды будет малоэффективной. Вернувшись в Софалу, Омем затем прошел на север. Португальцы проплыли на лодках по Замбези 150 лиг, оставив позади Сену и Тете. Когда река перестала быть судоходной, они двинулись по берегу и прошли еще 150 лиг, достигнув земель, принадлежавших сашурро. Запасшись там продовольствием, экспедиция шла еще 42 дня, пока не достигла района серебряных рудников в Чикоа. Омем добился от послов мономотапы передачи этих рудников в его собственность. Однако местный вождь Манаша отказался передать ему рудники, за что был схвачен и отправлен в Мозамбик. Сам Омем так описывал эти события в письме королю: «Туда прибыли три посла от мономотапы и отдали мне во владение все эти горы Бокиза и Чикоа. Они сказали сеньору Манаша, чтобы он немедленно отдал мне ямы, из которых добывают серебро, но тот не захотел это сделать, за что я его схватил... и держал в своей палатке закованного в цепи 16 дней». Манаша отказался сообщить врагам интересовавшие их сведения [259, т. V, ч. 1, с. 102]. Тогда португальцы предприняли интенсивные поиски серебряных рудников. Сантуш сообщает по этому поводу следующее: «Ни один кафр не осмеливался указать точное местонахождение рудников, ибо они очень боялись, что португальцы после открытия их отнимут у них земли и выгонят их, и потому они теперь все бежали, оставив страну португальцам, а также и для того, чтобы кто-нибудь из них не мог быть схвачен и принужден силой или пытками раскрыть тайну» [131, с. 282].

Таким образом, перед нами совершенно определенная картина массового героизма африканцев в борьбе с португальскими колонизаторами; народ Чикоа, поголовно ушедший в леса, продемонстрировал не только большую силу духа, готовность к самопожертвованию, но и высокую степень организованности. Как видно из источников, не нашлось ни одного предателя, несмотря на «обещания и щедрые подарки, которые губернатор предложил каждому, кто покажет эти рудники» [там же].

В связи с этим Сантуш рассказывает весьма любопытный случай: «Однако в стране нашелся один кафр, который, рассчитывая на выгоды, которые он мог получить... решил показать ему камни, содержащие серебро, добытые на этих рудниках, но зарытые в другом месте, уверяя, что это и было место рудников. Это решение он осуществил и однажды ночью тайно прошел к месту, где, как он знал, были рудники, и, вытащив два камня весом около четырех или пяти фунтов каждый, зарыл их на большом расстоянии от рудников». После этого «он пошел к губернатору и сказал ему, что желает тайно раскрыть ему место рудников... при условии, что он даст ему за это определенное количество тканей и бус. Губернатор с великой радостью обещал дать ему все, что он просил, и, чтобы удовлетворить его, приказал дать ему несколько кусков ткани, а также приказал собрать роту солдат и пошел с ними и с кафром к месту, где он зарыл камни... Выкопав большой кусок земли, они обнаружили камни, при виде которых португальцев охватила радость и восторг. Трубы и барабаны в лагере помогли в праздновании этого открытия. Поскольку наступили сумерки, кафр сказал губернатору, что хочет идти домой, и что, поскольку рудники уже открыты, он вернется рано утром. Губернатор позволил ему уйти, думая, что на него можно надеяться, так как он должен вернуться за тканью, в добавление к той, которую уже получил, но он никогда не вернулся» [131, с. 283].

Когда обманутый португальский губернатор понял, что его попросту оставили в дураках, он решил отказаться от попытки завладеть рудниками.

«Видя, что нет средств открыть рудники и что все кафры страны бежали с провизией и он не может оставаться там много дней из-за нехватки продуктов, он спустился вниз по реке к Сене, оставив в Чикоа 200 солдат» [там же, с. 284]. Эти солдаты, укрывшиеся за частоколом в Чикоа, оказались в необычайно трудном положении, будучи со всех сторон окружены враждебным населением, стремившимся во что бы то ни стало избавиться от ненавистных чужеземцев. «Солдаты оставались в этом месте несколько месяцев, но не нашли никого, кто бы показал им то, что они желали знать, никого, кто бы

продал им за деньги провизию, которую они просили, и потому они вынуждены были отнимать ее силой у кафров и предприняли несколько походов в окружающую страну, где захватили много провизии и коров» [там же].

Понимая, что штурм укрепленного португальского форта — дело рискованное, африканцы решили покончить со своими врагами с помощью хитрости. Они послали своих людей сказать португальцам, что, «так как они их друзья, они раскроют им место серебряных рудников, которые те так страстно желают знать, чему наши люди очень обрадовались, думая, что трудности и голод, от которых они страдали, после открытия рудников будут хорошо вознаграждены» [там же]. Оставив 40 человек для охраны форта, 150 португальцев двинулись, вслед за проводниками к высокой горе, где, как те уверяли, и находились рудники. Но как только отряд вступил в густые заросли, на него набросились спрятанные в засаде три тысячи вооруженных африканцев, «убивая и раня как можно больше». И, поскольку португальцы «были окружены зарослями, и атакованы, со всех сторон врагом и не могли сражаться в соответствующем порядке, они были почти все убиты» [там же, с. 285]. Вскоре после этого были уничтожены и остатки португальского гарнизона, находившиеся в форте.

Таким образом, попытки Баррету и Омема овладеть богатствами междуречья окончились провалом, натолкнувшись на массовое сопротивление африканских племен.

Судьба двух экспедиций убедила португальскую корону в бесполезности попыток захватить хинтерланд Юго-Восточной Африки. Вскоре после этого Восточной Африке был дан статус капитании, подчиненной вице-королю Индии [281, с. 38].

Португальцы теперь не рисковали выходить далеко за пределы своих крепостей в Тете, Сене, Мозамбике, Софале и других местах, расположенных недалеко от побережья. Но и там их жизнь не была безмятежной.

В 90-х годах XVI в. португальцам пришлось вести изнурительную войну с воинственным и свободолюбивым племенем мазимба (зимба), обитавшим вдоль северного берега Замбези, напротив форта Сены, и принадлежавшим к этнической группе марави²⁷.

Историю этой войны незаслуженно обходят молчанием буржуазные историки, хотя она может служить неотразимым аргументом против распространенной легенды о том, что африканские народы легко подчинились португальской колонизации, ибо якобы были неспособны к сколько-нибудь длительному организованному сопротивлению.

Сантуш рассказывает, что, когда он был в Сене, мазимба вторглись на территорию одного лояльного по отношению к португальцам вождя, захватили его крааль и убили многих его соплеменников. Этот вождь, бежавший под защиту португальцев в Сену, просил капитана Андре де Сантьягу о помощи. Капитан решил действовать, по-видимому, не столько из желания помочь вождю, сколько из опасения усиления мазимба, которые могли в будущем быть серьезной угрозой для форта Тете. «Поэтому, сделав все необходимые приготовления для этой войны, он выступил, взяв с собой большое число португальцев из Сены с ружьями и двумя тяжелыми пушками из форта. Прибыв к тому месту, где были мазимба, они увидели их за сильным двойным деревянным палисадом с валом и амбразурами для стрел, окруженным очень глубоким и широким рвом, за которым враги вели себя вызывающе» [131, с. 294].

Это и другие свидетельства источников дают основание полагать, что мазимба были знакомы с фортификационным искусством и были отличными военными тактиками.

Сантьягу, видя, что «предприятие будет гораздо серьезнее, чем он предполагал», и что «он привел слишком мало людей, чтобы атаковать столь сильного врага и его крепость», раскинул лагерь и послал письмо капитану Тете Чавесу. Тот поспешил на помощь с отрядом 100 человек. Однако мазимба узнали о подходе португальских

²⁷ Потомками этого племени являются современные мазимба — одно из племен, говорящих на диалекте языка ньянджа [278, с. 68].

Некоторые исследователи полагают, что название «зимба» португальцы применяли ко всякому чересчур воинственному и дикому племени.

подкреплений и решили любой ценой помешать их соединению. Они послали своих разведчиков, которые должны были вести постоянное наблюдение за колонной Чавеса и сообщать о ее маршруте. Узнав от этих агентов, что португальцы расстроили свой боевой порядок и беззаботно спят в гамаках и паланкинах, которые несут рабы, мазимба ночью под покровом темноты тайно покинули крепость «и внезапно напали на них с такой стремительностью, что в короткое время они все были убиты, ни один не остался живым. Когда они были мертвы, мазимба отрезали им ноги и руки, которые унесли на спине вместе со всем их багажом и оружием» [131, с. 295].

По свидетельству Сантуша, который сам был очевидцем этих событий, мазимба «отпраздновали победу, играя на множестве дудок и барабанов. На следующий день на рассвете они вышли из крепости. Вождь был одет в ризу... неся в левой руке золотой кубок, а в правой — дротик. Все другие зимба несли на спинах конечности португальцев и голову капитана Тете на острие длинного копья и били в барабан, который они взяли у него. Так, с громкими криками и воплями они прошли на виду у Андре де Сантьягу и всех бывших с ним португальцев и показали им все эти вещи. После этого они отступили в свою крепость, угрожая, что то, что они сделали с людьми из Тете, которые пришли на помощь их врагам, они сделают и с ними» [131, с. 296].

Эта демонстрация, проведенная мазимба, имела именно тот психологический эффект, на который они рассчитывали. Приведенные в ужас этим зрелищем, португальцы решили с наступлением ночи незаметно уйти от крепости. Однако улизнуть незамеченными им не удалось. В тот момент, когда они пытались переправиться через реку, «их услышали мазимба, которые сделали вылазку из своей крепости и обрушились на них на берегу реки. Среди убитых был и Андре де Сантьягу». Всего они убили в этих боях 130 португальцев, в том числе капитанов фортов Тете и Сена. При этом их собственные потери были ничтожными. Эти чувствительные поражения мазимба нанесли португальцам в 1592 г. После этого победоносные мазимба практически стали хозяевами обоих берегов Замбези в районе Сены, чиня препятствия португальскому судоходству и торговле. В 1593 г. капитан Мозамбика Педру де Соуза решил наказать и отогнать от Замбези это ставшее опасным для португальцев племя. Он двинулся против них во главе большого войска из 200 португальцев и 1500 африканцев. Переправившись на другой берег Замбези, он прошел сушей к крепости мазимба и разбил лагерь в том же месте, что и его неудачливый предшественник Сантьягу. Там он приказал открыть огонь из пушек по стенам крепости, но это не дало эффекта, так как они были сделаны из дерева и усилены земляным валом [131, с. 297].

Педру де Соуза, «видя, что его артиллерия не смогла поколебать вражескую стену, решил войти в крепость и взять ее штурмом и для этой цели приказал наполнить часть рва, что и было сделано, — рассказывает Сантуш, — с великими трудностями и опасностью для наших людей, так как зимба со стены ранили и убили некоторых из них стрелами. Когда часть рва была заполнена, большое число людей с топорами в руках приблизились к частоколу и начали его срубить, но зимба со стены начали лить на них столько кипящего жира и воды, что почти все были ошпарены и тяжело ранены, особенно нагие кафры, так что никто не осмеливался подойти близко к частоколу, потому что они боялись кипящего жира и из-за страха перед железными крюками, похожими на длинные гарпуны, которые зимба просовывали через амбразуры в стене, ранив и захватывая всех, кто подходил близко». Поэтому капитан приказал отступить, и остаток дня был посвящен оказанию первой помощи раненым и получившим ожоги. На следующее утро де Соуза приказал собрать сучья деревьев, из которых были сделаны огромные плетеные башни, которые он распорядился поставить напротив крепостной стены и наполнить землей, «чтобы солдаты могли на них сражаться с помощью ружей, а зимба не посмели появиться на стене и лить кипящий жир на людей, срубающих частокол» [131, с. 298].

Самонадеянный де Соуза считал, что его остроумная идея неизбежно приведет мазимба к гибели. Но изобретательному португальскому командующему трудно было

конкурировать с еще более изобретательными мазимба. На военную хитрость они ответили военной хитростью. Через своих агентов они распространили в лагере португальцев ложный слух о том, что форт Сена осажден большим войском какого-то могущественного африканского вождя и что жены и дети португальцев подвергаются там смертельной опасности. «Эта ложная информация была распространена по лагерю, и жители Сены пошли к капитану и просили его оставить осаду зимба и обратить внимание на то, что гораздо важнее, так как в противном случае они вынуждены будут вернуться домой и покинуть его» [131, с. 298—299].

Рискуя потерять все свое войско, де Соуза вынужден был согласиться на возвращение в Сену. Однако когда он снял осаду и попытался ночью бесшумно перейти на другую сторону реки, мазимба атаковали португальцев, убили многих из них и захватили обоз и артиллерию. После этого поражения де Соуза с остатками разбитой армии вернулся в Сену, а оттуда в Мозамбик.

Положение мазимба после этого значительно улучшилось, а их могущество окрепло. Одержав ряд военных побед над португальцами, мазимба почувствовали себя настолько уверенно, что решили совершить поход на северо-восток к богатым городам побережья.

Как свидетельствует Сантуш, «они вышли из своей страны и начали обрушивать свою ярость на соседей, и они пересекли все королевства Кафрии, двигаясь все время на восток». Далее Сантуш, который не избежал присущих португальцам того времени предубеждения и ненависти к мазимба, явно утрируя факты, пишет: «Они двигались через эти земли, разрушая и грабя все, что находили, и пожирая всякое живое существо... не щадя никого, за исключением кафров, которые приходили к ним и желали сопровождать в этой экспедиции и которых они принимали в свою армию».

Далее Сантуш пишет, что «они собрали более 15 тысяч воинов, с которыми они оставили опустошенными все земли, которые пересекли, так что они, видимо, были жестоким бичом и карой, которую Бог решил послать на Кафрию» [131, с. 300].

Попытки представить мазимба в виде кровожадных каннибалов скорее всего были связаны с необходимостью найти какое-то оправдание позорным поражениям, которые терпела от этого племени португальская армия, пользовавшаяся репутацией одной из лучших армий того времени.

Нельзя не заметить одну характерную особенность португальских хроник и сочинений XVI—XVII вв.: как только португальцы терпят военное поражение от какого-либо африканского племени или народа, так это племя или народ оказывается под пером португальских хронистов «племенем варваров-людоедов», с которыми невозможно сражаться, так как они едят человеческое мясо. Обвинение в людоедстве происходило, по-видимому, не столько из реальных фактов, сколько из желания спасти репутацию португальского оружия и португальской короны и попытаться найти причину поражений не в военно-тактических ошибках и просчетах португальских военачальников и мужестве и стойкости африканцев, а в физическом отвращении португальцев к антропофагам.

Некоторые источники дают повод думать, что наблюдавшееся среди ряда африканских племен людоедство было не более чем актом мести, долженствовавшим символизировать ненависть и презрение к врагу. Прав был французский просветитель XVIII в. Рейналь, который писал: «Кажется, что одно мщение приправляет пищу, противную человечеству».

Достигнув о-ва Кильва, мазимба подвергли его длительной осаде, разбив лагерь на материке и лишив остров подвоза продовольствия. После нескольких месяцев блокады один араб — предатель, желавший получить часть добычи, провел мазимба на остров по известному ему броду. Мазимба ворвались в город и начали убивать спавших и не подозревавших об измене жителей.

По данным, приводимым Сантушем, всего было убито более трех тысяч мужчин и женщин. «Они ограбили весь город Кильва, в котором нашли огромную добычу и

богатства» [там же, с. 301]. В связи с этим Сантуш рассказывает любопытный эпизод, который показывает, что мазимба были присущи почти рыцарские понятия о чести и римское благородство и ненависть к предателям. Когда город был разграблен, вождь мазимба послал за тем арабом, который показал секретный брод. Когда к нему подвели предателя и всех его родственников, «он повернулся к этому мавру и сказал: „Я не хочу, чтобы продолжало жить такое ничтожное существо, как ты, ибо ты столь жесток, что ради собственной корысти предал свою страну и своих соотечественников в руки врагов". И, повернувшись к кафрам, он сказал: „Возьмите этого ничтожного человека и всю его семью, свяжите им руки и ноги и бросьте в море на съедение рыбам, ибо не годится, чтобы кто-нибудь, принадлежащий к столь жалкой расе, остался живым". Приказ был приведен в исполнение, и этот приговор был, конечно, приговором не варвара, каким был этот человек, а мудрого человека, и он показывает, на каком основании Александр Великий сказал, что, хотя он пользовался предательством тех, кто сдавал ему города, он ненавидел предателей» [там же, с. 301—302].

Разрушив и разграбив Кильву, мазимба продолжили свой поход на север и, двигаясь вдоль побережья, захватили и подвергли разграблению Момбасу, после чего направились к Малинди. Султан Малинди был крайне встревожен известиями о приближении непобедимой армии мазимба, только что разрушившей Кильву и Момбасу. Он возлагал все свои надежды на португальский гарнизон из 30 солдат во главе с опытным капитаном Мендишем де Васконселушем. Сантуш так описывает последовавшие за этим события: «Зимба подошли к Малинди с великой наглостью и хвастовством, как люди, которые никогда не боятся никакой нации, и атаковали город с огромной стремительностью. Хотя наши солдаты убили многих из них из ружей, некоторые сумели вскарабкаться в разных местах на стену, которая была низкой, и уже почти овладели валом. Жестокая битва разгоралась со всех сторон. В это время более трех тысяч кафров, называемых моссегуэжо, друзей короля Мелинди, пришли к нему на помощь... Они атаковали зимба с тыла с такой храбростью и силой, что в короткое время помогли разбить и обратить их в бегство» [там же, с. 303]. Почти все мазимба были убиты. Только вождь и около 100 человек спаслись и, держась одной группой, вернулись в свою страну тем же путем, каким и пришли. Так были разбиты в Малинди с помощью племени моссегуэжо грозные враги португальцев — мазимба, долгое время наводившие трепет на колонизаторов. Так закончился беспрецедентный в XVI—XVII вв. в Африке поход племени мазимба от Сены до Малинди, во время которого они победоносно прошли 300 лиг (1500 км), разбивая и уничтожая встречавшихся на пути бесчисленных противников.

Наряду с мазимба другим могущественным противником португальцев в Восточной Африке в конце XVI в. было воинственное племя макуа, жившее неподалеку от о-ва Мозамбик. В 80-х годах XVI в. это племя совершало частые набеги на принадлежавшие португальцам на побережье материка плантации, сады и пальмовые рощи, опустошало их, убивая при этом многих европейцев. Напуганные набегами макуа, португальцы даже стали покидать свои фазенды на побережье. По словам Сантуша, макуа имели также обыкновение «подходить к домам и требовать ткани, пищу и вино, и, если им в этом отказывали, они забирали силой и часто сжигали дома и срубали пальмовые деревья» [там же, с. 312].

С целью положить конец набегам макуа капитан Мозамбика Нуно Велью Перейра, собрав войско в 400 человек, из которых 40 были португальцами, двинулся в 1585 г. к краалю вождя макуа по имени Мауруза. Тайно под покровом ночи переправившись на материк, португальцы напали на крааль, сожгли его и убили многих африканцев. Оставшиеся в живых макуа бежали в леса, где, собравшись вместе, решили отомстить португальцам за смерть своих соплеменников. С этой целью они устроили засаду на их обратном пути в Мозамбик. Сантуш так рассказывает об этом: «Португальцы, видя, что нечего больше делать в краале, так как он сожжен, а кафры, которые в нем жили, или сбежали, или были убиты, полагая, что нет больше опасности, отдали рабам свои ружья, а

сами залезли в гамаки, которые несли на плечах другие рабы, и так отправились в Мозамбик в отдалении друг от друга и без всякого порядка, как если бы они путешествовали в безопасности. Поджидавшие их кафры... обрушились на них с такой стремительностью и яростью, что убили всех, за исключением двух-трех португальцев и нескольких кафров, которые бежали в леса, где прятались три дня, а затем вернулись в Мозамбик с вестью о несчастье, постигшем их товарищей» [там же, с. 313].

В связи с этим Сантуш отпускает следующее многозначительное замечание, которое, несомненно, было результатом богатого и горького опыта: «Многие другие подобные катастрофы случались в этих землях с португальцами из-за великой самоуверенности и презрения, с которым они относились к кафрам» [там же].

Таким образом, даже португальский хронист, сам отнюдь не отличавшийся избытком теплых чувств к африканцам, вынужден признать, что конкистадоры часто терпели военные неудачи в борьбе с африканцами из-за своей невероятной кичливости, аристократической спеси, зараженности расовыми и сословными предрассудками и недооценки интеллектуальных возможностей африканцев. Замечание Сантуша любопытно еще и в другом отношении. Получившие не один горький урок в сражениях с африканцами, португальцы постепенно вынуждены были менять свои оценки и стали считать их серьезными и опасными противниками, отличающимися силой, ловкостью, храбростью, умом, а также необыкновенной сметливостью и находчивостью.

После разгрома войска Перейры Мауруза еще некоторое время продолжал вести ожесточенную войну против португальцев, но потом, понимая бесперспективность борьбы против имевших огнестрельное оружие европейцев, заключил с ними мир [там же, с. 313].

В начале XVII в. Мономотапа переживала внутренние трудности из-за восстаний вассально-зависимых князей против центральной власти. Правителем государства в это время был Гатси Русере (1596—1627), первый из правителей империи, власть которых зависела от европейской поддержки.

Самым ценным источником для изучения истории взаимоотношений этого правителя с португальцами является написанная Антониу Бокарро в 1630-х годах «История Индии» [137, т. III]. Бокарро был хранителем архивов в Гоа с 1631 г. и имел возможность читать все документы, которые проходили через руки вице-короля. Его «История», которая была послана в Лиссабон в 1636 г., охватывает главным образом период 1612—1617 гг., но события, связанные с мономотапой, излагаются с 1597 г. Как видно из свидетельств этого хрониста, португальцы неоднократно приходили на помощь мономотапе и при этом каждый раз стремились извлечь из этого для себя максимальные выгоды в торговле и в использовании золотых и серебряных рудников. Первый раз они помогли Гатси Русере в 1597—1599 гг., когда против него восстал вождь Чунзо, который с большим войском подошел к столице Мономотапы — Зимбабве. Чунзо послал против мономотапы две большие армии. Одна из них под руководством вождя Капампо подошла к Замбези и продвинулась до Массапа. Гатси Русере обратился за помощью к португальцам, и объединенная армия португальцев и каранга во главе с его дядей нингомаша выступила навстречу мятежному войску. Услышав об этом, Капампо начал отступать, уничтожая все продовольственные запасы на своем пути. В результате, сообщает Антониу Бокарро, «нашим людям, которые преследовали его, нечего было есть, и голод заставил их вернуться и оставить преследование врага» [137, т. III, с. 362]. Вспыльчивый и жестокий мономотапа был столь разгневан неудачей похода нингомаша, что приговорил его к смерти, хотя «тот был его дядей и вторым лицом в королевстве». Второе войско Чунзо продвинулось до р. Мотамбо и заняло позицию неподалеку от резиденции мономотапы [там же].

Командующий этим войском Чиканда послал подарок мономотапе и сообщил, что он изменит Чунзо и станет вассалом мономотапы при условии, если ему будет дано право владеть районом, который он занял. Мономотапа согласился на это, но через два года,

когда Чиканда ограбил нескольких рабов, занимавшихся торговлей по поручению своих хозяев-португальцев, война была возобновлена. Жители Сены и Тете сформировали армию, состоявшую из 75 португальцев и двух тысяч африканцев. Во главе войска етал капитан Тете Бельчиор де Араужу. К ним присоединились 30 тыс. воинов Мономотапы. Обнаружив лагерь Чиканды, в котором находилось 600 воинов, каранга и португальцы подвергли его осаде, обстреливая из кремневых ружей [там же, с. 363]. Поняв, что его положение безнадежно, Чиканда предложил сдачу при условии, что будут пощажены его люди. Мономотапа не согласился на это. Тогда ночью группа осажденных предприняла попытку вырваться из окружения, и Чиканде и нескольким его приближенным удалось ускользнуть от врагов. На следующее утро осаждающие ворвались в лагерь, убили оставшихся там воинов и захватили большую добычу.

После этого португальцы вернулись в Тете и Сену, получив благодарность мономотапы, а также разрешение свободно пересекать земли и носить оружие в его стране — привилегия, которую они не имели прежде [137, т. III, с. 364; 212, с. 30—31; 403, т. II, с. 382—383]. Узнав об этом, король Испании и Португалии Филипп потребовал подробной информации об этих событиях от вице-короля Индии.

Между тем империя Мономотапа попала в полосу острого внутреннего кризиса. Ослабление центральной власти, а также привилегии, пожалованные мономотапой европейцам, имели своим следствием целую серию новых восстаний. Многие князья, воспользовавшись как предлогом казнью нингомаша, отделились от мономотапы и заявили, что они не признают больше верховной власти правителя, который служит белым чужеземцам. Один из вождей поднял крупное восстание и овладел районом Тавара. На помощь мономотапе явился португальский отряд во главе с Франсиску де Кунья [137, т. III, с. 364]. Услышав о приближении объединенных войск португальцев и мономотапы, повстанцы бежали в крааль одного вождя, который, как они полагали, был к ним дружески настроен. Но этот вождь отказался предоставить им убежище и, отрубив голову вождю повстанцев, отослал ее мономотапе. После этого другой повстанческий командующим, человек огромной энергии и незаурядных способностей по имени Матузианье, о котором говорили, что раньше он был пастухом, стал главой инсургентов и повел войну столь искусно, что в течение нескольких лет стал хозяином почти всей страны [137, т. III, с. 365; 403, т. II, с. 384].

Многочисленные сведения об этом восстании, принявшем в 1607 г. исключительно широкие масштабы и охватившем всю страну, сообщает Бокарро. Эти сведения подтверждаются данными Б. де Резенди (около 1630 г.), который считает возмущение аборигенов следствием португальской политики аннексий, подавления и грубого вмешательства в дела местных жителей [см. 178, с. 17].

Матузианье, провозгласивший себя правителем каранга, совершал рейды на территорию вождей, лояльных по отношению к мономотапе, и блокировал торговые пути, лишив португальцев возможности получать золото и рабов из внутренних районов Мономотапы²⁸ [137, т. III, с. 365]. Поэтому на помощь мономотапе пришел богатый португальский купец из Тете Диогу Симоэнс Мадейра, который явился в Зимбабве и предложил свои услуги в борьбе против «мятежников». Инструкции, составленные в марте 1608 г., указывали на интерес короля Испании и Португалии к событиям в Юго-Восточной Африке, поскольку он «знает о значении и богатствах золотых и серебряных рудников королевства Мономотапа... Завоевание и исследование не могли быть предприняты раньше,— говорится в этом документе,— так как эта страна не была достаточно известна и из-за арабов, которые сильно мешали португальской торговле. Этим трудностей не ощущается в настоящее время, так как арабы все исчезли из этих мест, а португальцы проникли в глубинные районы, где их хорошо принимают туземцы и

²⁸ По сведениям генерал-губернатора Д. К. де Кастелбранку, которые он сообщал в докладе королю (февраль 1619 г.), «другие претенденты на это королевство лишили его (мономотапу.— А. Х.) королевской резиденции, называемой Зимбауэ» [137, т. IV, с. 64].

ведут с ними постоянную торговлю. Король Мономотапы в настоящее время очень слаб и ведет войну с соседними вождями и вассалами и очень желает союза и благосклонности португальцев, предлагая взамен серебряные рудники своей страны» [137, т. IV, с. 64].

Диогу Симознс Мадейра сформировал небольшое войско из европейцев, вооруженных аркебузами, и, одержав ряд побед над Матузианье, вернул мономотапе почти все потерянные территории. За оказанную услугу пришлось дорого заплатить. Португальцы, как всегда, воспользовались случаем, чтобы извлечь для себя максимальную выгоду из ситуации, и еще более укрепили и расширили свои политические и экономические позиции в стране.

Видимо, под их прямым нажимом мономотапа в благодарность за оказанную ценную услугу пожаловал Мадейре район Иньябанзо на правах личной собственности. Кроме того, португальцы поспешили составить документ, согласно которому мономотапа уступал королю Испании и Португалии все рудники золота, меди, железа и олова в своей стране. Все серебряные рудники были пожалованы Диогу Мадейре, который в том же документе передал их королю. Под этим документом 1 августа 1607 г. мономотапа собственноручно поставил три креста. С португальской стороны документ подписали Диогу Мадейра и португалец-нотариус [137, т. III, с. 367—370].

Это кабальное соглашение, фактически отдававшее в руки испано-португальской короны все минеральные богатства Мономотапы, было насильственно навязано африканскому правителю энергичным негоциантом и конкистадором Диогу Мадейрой. Бокарро свидетельствует, что Мадейра дал понять мономотапе, что он должен включить в договор и золотые рудники и все другие залежи минералов и что их следует подарить не ему, а королю Португалии [там же, с. 366—367]. По-видимому, для того чтобы подкрепить эти требования более убедительными аргументами и сделать их более «доходчивыми» для мономотапы, португальцы 1 августа 1607 г. устроили в его присутствии на берегу р. Мазоз парад своих войск. Это, видимо, возымело эффект, так как мономотапа в тот же день согласился подписать документ и публично объявил, что дарит королю Португалии все золотые, медные, железные и оловянные рудники своей империи. Однако действия Гатси Русере отнюдь не свидетельствовали о его полной капитуляции перед европейцами.

Изучение документов приводит к выводу, что Гатси Русере представлял собой крупную и колоритную фигуру в африканской истории, деятельность и роль которой пока еще не получили должного освещения и оценки в исторической литературе.

Мы не можем согласиться с укоренившимся в литературе традиционным взглядом на мономотапу Гатси Русере как на «коллорациониста», сотрудничавшего с завоевателями в ущерб интересам своей страны. Изучение документов привело нас сначала к необходимости взглянуть на этот вопрос по-новому и пересмотреть традиционную точку зрения, а затем к убеждению в ее ошибочности.

«Сотрудничество» Гатси Русере с португальцами действительно имело место, но оно было отнюдь не предательством интересов своего народа, а тактическим маневром со стороны умного африканского правителя. Не имея достаточных сил для вооруженного отпора завоевателям и вынужденный отбивать атаки восставших вассалов, Гатси Русере на первом этапе своих контактов с португальцами умело использовал их в своих интересах, расправляясь с их помощью с опасными соперниками. В то же время с большой долей уверенности можно предположить, что, оставаясь лояльным по отношению к португальцам, Гатси Русере рассматривал их как потенциальных противников и, не теряя времени, накапливал силы для отпора завоевателям, военную тактику и оружие которых он тщательно изучал. Подписание мономотапой кабального соглашения с португальцами обычно рассматривается буржуазными историками как триумф португальцев и полная капитуляция мономотапы. Такое традиционное изображение этого вопроса в исторической литературе нам представляется поверхностным и упрощенным.

На наш взгляд, подписание соглашения было со стороны мономотапы вовсе не предательством интересов африканского населения, а вынужденным актом с целью выиграть время, необходимое для подготовки вооруженного отпора. Последующие события показали, что мономотапа вовсе не собирался выполнять условия соглашения, которые так и остались на бумаге. По-видимому, сами португальцы догадывались, что мономотапа ведет с ними сложную игру, чтобы воспользоваться их помощью для укрепления своей власти, а потом отделаться от них. Доказательством существования у португальцев подозрений и сомнений в отношении искренности мономотапы может служить тот факт, что португальцы добивались отправки к Диогу Мадейре в качестве заложников двух сыновей мономотапы. Они должны были жить в Тете, обращены в христианство и воспитаны по-европейски²⁹ [137, т. III, с. 369; 281, с. 41].

В течение ряда лет двое из сыновей мономотапы жили в доме Диогу Мадейры, были крещены под именами Филиппа и Диогу и получили воспитание и образование под руководством монахов-доминиканцев.

Когда известие о кабальном договоре, навязанном мономотапе, достигло Мадрида, оно вызвало подлинное ликование испано-португальского королевского двора. Король Филипп III в предвкушении золота и серебра, которые, по его расчетам, должны были теперь потоком хлынуть из Африки в его казну, начал принимать спешные меры, для того чтобы столь неожиданно свалившееся на него богатство не выскользнуло из рук. Это видно из его письма-инструкции вице-королю Индии (март 1608 г.), в котором он приказывает произвести реорганизацию колониальной администрации в Восточной Африке. С этой целью в Юго-Восточную Африку был назначен капитан-жерал — высшее должностное лицо, который, в свою очередь, назначал капитанов отдельных фортов и регионов. Король повелевал построить или усилить ключевые крепости вдоль всего побережья, а также в глубинных районах. Согласно высочайшей воле, главная задача капитан-жерала должна была состоять в поисках и эксплуатации золотых и серебряных рудников. Король подчеркивал в данном письме, что хорошо знает о размерах и богатстве этих рудников, и настаивал на их скорейшей разработке [212, с. 34; 281, с. 41]. В то же время он рекомендовал, чтобы будущий капитан-жерал не вмешивался во внутренние дела верховного правителя Мономотапы, дабы не оказаться втянутым в сложные перипетии африканской политики. Сама дата этого письма (март 1608 г.) заставляет думать, что все эти чрезвычайные меры следует поставить в связь с теми выгодами, которые Мадрид надеялся получить от договора, подписанного 1 августа 1607 г.

Мономотапа, явно по наущению португальцев, решил наказать племена, помогавшие Матузианье. Одним из таких племен было племя монгас, жившее в нижнем Замбези. Выехав в этот район, мономотапа приказал казнить вождя этого племени — союзника Матузианье. По словам Бокарро, «монгас его очень оплакивали и были возмущены его казнью» [137, т. III, с. 373]. Это событие привело к началу нового восстания. Монгас соединились с Матузианье и нанесли мономотапе сильное поражение. Сам верховный правитель был ранен, а один из его сыновей убит. Монгас намеревались снова атаковать войска мономотапы на следующее утро, но отказались от своего намерения, так как узнали, что на помощь им явился посланный Диогу Мадейрой отряд португальцев [там же, с. 374], который «нашел в жалком положении наследственного вождя величайшего и самого развитого племени Южной Африки» [403, т. 2, с. 386].

Мономотапа двинулся со своей армией к р. Магида Кошена, где ждал его Матузианье. Только благодаря помощи португальцев мономотапа избежал в этом сражении полного разгрома и сумел нанести поражение Матузианье. Бокарро так описывает эту битву: «Матузианье появился со своей армией, которая состояла более чем из 20

²⁹ Этому вопросу королевский двор в Мадриде придавал исключительно большое значение. Король приказал, чтобы к мономотапе был направлен опытный миссионер — доминиканец Жуан душ Сантуш и убедил его «передать ему двух сыновей и нескольких знатных юношей» для воспитания доминиканцами [137, т. IV, с. 89—90].

тысяч человек, построенных в виде полумесяца, и в таком порядке он атаковал и окружил армию мономотапы с громкими криками и с таким грохотом барабанов и труб, что, казалось, обрушились небеса. Сам он с третью своих людей атаковал португальцев и дрался храбро, подбадривая своих людей, но его храбрость ничего ему не дала, так как он быстро был разбит португальцами и обращен в бегство. Другие две трети армии Матузианье атаковали мономотапу, и их натиск был очень силен, и, если бы португальцы не помогли там, где его люди были больше всего ослаблены, он бы наверняка потерпел поражение». Будучи ранен и потеряв много людей, Матузианье отступил в горы. Вскоре, собравшись с силами, он атаковал дворец мономотапы и проник в «апартаменты» его главной жены, которой случайно удалось бежать [137, т. III, с. 379]. На помощь мономотапе поспешил Диогу Мадейра, которому в конце концов удалось нанести окончательное поражение Матузианье. Сам Матузианье был вскоре предательски убит агентом мономотапы, и организованная оппозиция власти верховного правителя была сломлена [137, т. IV, с. 81—82].

В июле 1609 г. в Сену прибыл новый капитан-жерал — Эстефан де Атайде. Послы мономотапы потребовали подарков («куруа»), которые по традиции каждый новый португальский командующий должен был посылать правителю Мономотапы при вступлении в должность. Э. де Атайде посулил дать ткани, но не выполнил своего обещания.

После подавления восстания Матузианье мономотапа чувствовал себя достаточно сильным, чтобы отделаться от португальцев. Действия колонизаторов, которые хищнически грабили страну, их неумная алчность, жестокость и необузданный произвол вызывали всеобщую ненависть к ним.

Отказ платить «куруа» был, несомненно, не причиной, а поводом открытого выступления мономотапы против португальцев, к которому он готовился, очевидно, уже давно. Мы полагаем, что правление Гатси Русере может быть разделено на два этапа, тесно связанных между собой: 1596—1609 гг. — период внешней лояльности мономотапы по отношению к португальцам, используемой для укрепления своего политического и военного могущества; 1609—1627 гг. — период сопротивления европейским захватчикам.

1609 год стал тем рубежом, когда Гатси Русере перешел от накопления сил к качественно новому курсу своей политики — открытой борьбе против колонизаторов. Дополнительный свет на этот вопрос проливает Бокарро, согласно которому «мономотапа, видя, что Диогу Карвалью (Мадейра) не посылает ему товары, которые он обещал за рудники, и не говорит больше о них, и не платит ему куруа, которую он был обязан платить, и что купцы свободно пересекают его земли, покупая его золото и не платя ему за свои права, приказал отнять у них все товары и ткани, которыми они торговали в его землях. Это было сделано по всему его королевству, было захвачено много собственности и несколько португальцев, и их кафры-торговцы, пытавшиеся сопротивляться этому грабежу, были убиты. Этот захват, который приказал провести король, кафры называют „эмпата“» [там же, т. III, с. 384]. Конфискацией португальской собственности, проведенной по всей стране, и убийством нескольких купцов мономотапа бросил открытый вызов португальцам, решив пресечь их произвол и избавиться от их контроля. Тогда Атайде начал войну против Мономотапы, получив поддержку со стороны португальских офицеров, которым военные действия сулили рабов, золото и другую добычу. Отряд под командованием Атайде, состоявший из 125 солдат, был слишком мал для такого предприятия, но командир надеялся получить помощь от племен, враждебных мономотапе. Атайде начал активно готовиться к боям, приказав построить форт, огороженный двойным частоколом, получивший название Санту-Эстефан, который должен был стать базой для операций против мономотапы. В это время в Лиссабон пришло известие о том, что в Голландии, готовится отплыть в Индию сильный флот. 10 октября 1611 г. король издал инструкцию о том, что капитан-жерал должен срочно усилить гарнизон Мозамбика, который тогда состоял всего из 25 солдат [там же, с. 386].

Получив этот приказ, Атайде в марте 1612 г. со своим отрядом отправился из Тете в Мозамбик, откуда смог вернуться только через семь месяцев.

Мономотала отправил послов к Атайде повторить свое обещание отдать рудники Чикоа, если Атайде уплатит куруа, но капитан-жерал отказался даже принять послов. Этот отказ уплатить куруа следует объяснить тем, что, по-видимому, стоявшие во главе войска португальские офицеры в отличие от португальских купцов были заинтересованы в войне, так как она сулила им рабов, золото и другую добычу, в то время как состояние мира и мирная торговля не давали им практически ничего. «Вина за эти ошибки,— таинственно сообщает Бокарро,— ложилась не столько на дон Эстевана, сколько на некоторых лиц, которые были с ним и которые советовали ему искать с мономотапой не мира, а войны, ибо за счет войны они существовали и богатели, и дон Эстеван погиб» [там же].

В июле 1613 г. из Мадрида пришел приказ об отставке Э. де Атайде. Он сложил с себя командование и отправился в Индию, но по дороге, в Мозамбике, умер, оставив собственность в золоте, слоновой кости и т. п. стоимостью 110 тыс. крузадо³⁰ [там же].

Преемником Атайде стал Диогу Мадейра. Мадейре пришлось вести тяжелую борьбу против восставшего вождя Чомбе, «вассала форта Сена», восьмитысячное войско которого имело 150 кремневых ружей и мушкетов и две пушки, стрелявшие камнями. Это восстание примечательно в том отношении, что оно может считаться началом нового этапа в истории африканского сопротивления, который характеризуется потерей португальцами монополии на использование огнестрельного оружия.

В начале 1614 г. Мадейра получил письмо от мономотапы, в котором тот писал, что если Мадейра пришлет ему товаров на 4 тыс. крузадо, которые обычно дарили ему вступающие на должность капитан-жерала, то сможет взять себе серебряные рудники Чикоа. Мадейра тотчас же послал требуемые товары. Взамен правитель каранга прислал человека, который должен был передать ему рудники. 15 апреля 1614 г. Мадейра вышел из Тете с сотней португальских солдат, с 600 воинами-банту и многочисленными рабами, несшими имущество и съестные припасы. 8 мая экспедиция достигла Чикоа, где Мадейра построил форт, названный им Сан-Мигел [137, т. IV, с. 148]. Посланец мономотапы не смог или (что более вероятно) не захотел указать местонахождение рудников, а вождь Чикоа бежал, как только стала известна цель экспедиции. По требованию Мадейры мономотапа прислал другого человека, по имени Черема. Когда Мадейра спросил его о местонахождении рудников, Черема «притворился, что ничего не знает о них, и сказал, что, когда ему нужно серебро, он приносит в жертву овец и куриц, которых они называют „музимос“, и потом во сне они указывают ему, где находится серебро» [137, т. III, с. 399]. Несмотря на подарки и увещевания, Черема показал только отдельные потерянные куски руды, но не сказал, где находятся сами рудники. Мадейра приказал жестоко избить его и бросить в тюрьму и «охранять так, чтобы ни один кафр не мог говорить с ним» [там же, с. 400]. Тогда Черема попросил о встрече с Мадейрой и сказал, что он не показывает рудники «из страха перед мономотапой, который, хотя и послал его показать их, тайно приказал ему не делать этого» [там же].

Из-за отсутствия достаточного количества провизии Мадейра и его войско не могли долго находиться в Чикоа и 24 июня 1614 г., покинув этот край, прибыли в Сену. Там Мадейра получил инструкцию от короля отправить солдат в Мозамбик из-за угрозы голландского нападения. Выполнив этот приказ и не будучи в состоянии вести войну против мономотапы, Мадейра решил задобрить его подарками, послав ткани и шелковое знамя. Он вернул мономотапе его сына Филиппа (Диогу остался в Тете, причем так преуспел в богословии, что помогал священнику вести службу в церкви [137, т. III, с. 372]). Филипп вернулся к отцу в португальском костюме. Тот приказал ему тотчас же

³⁰ Королевский приказ от 8 марта 1613 г. требовал, чтобы дон Эстеван, который не выполнил условия контракта с вице-королем, возместил убытки, причиненные им королевской казне, для чего предписывалось сделать инвентарную опись всех принадлежащих ему товаров [137, т. IV, с. 99—100]. Другой приказ от 17 февраля 1614 г. требовал его ареста и отправки в Португалию [там же, с. 119].

переодеться в традиционную одежду каранга. Позднее Филипп, преследовавший свои цели, бежал к португальцам в Тете, где Мадейра принял его как родного сына и даже подарил ему одно из своих поместий [там же, с. 406—408]. Взбешенный изменой сына, мономотапа обещал награду всякому, кто убьет предателя. Он принял решение начать войну против португальцев. По словам Е. Аксельсона, «главной причиной этого решения мономотапы было, конечно, его нежелание отдать Чикоа. Отказ португальцев платить куруа... разрушил веру в них у мономотапы. Посольства Мадейры и укрытие Мадейрой Филиппа были афронтом к нему как к отцу и верховному вождю. Убийство одного туземца в Чикоа было последней каплей» [212, с. 45].

18 марта 1615 г. войска мономотапы атаковали форт Сан-Мигел. На осажденных обрушился град стрел, «большинство из которых были отравленными и которые посылались с такой силой, что многие из них разбивали на куски балки в крепостной стене» [137, т. III, с. 410]. Штурм продолжался два дня. 20 марта в Сан-Мигел прибыл Диогу Мадейра с подкреплением, и войска мономотапы вынуждены были отступить. Но Мадейра понимал, что выдержать длительную войну против мономотапы с имеющимися силами он не сможет. Поэтому он предпринимает активные шаги с целью заинтересовать Мадрид в своем предприятии, чтобы получить достаточную помощь. Такую заинтересованность алчный королевский двор, как хорошо понимал Мадейра, мог проявить только в одном случае — если он увидит блеск благородных металлов.

В феврале 1616 г. Мадейра направил в Европу двух эмиссаров, которые несли с собой несколько показанных Черемой кусков серебряной руды. Один из них, монах Франсиску д'Авелар, достиг Гоа и, вручив доклад вице-королю Индии, проследовал в Лиссабон, а оттуда в Мадрид, где привезенные им образцы руды и документы, подтверждающие, что они найдены в Чикоа, вызвали шумное ликование королевского двора [там же, с. 412—413].

«Известия о том, что найдено серебро,— писал по этому поводу Бокарро,— вызвали великую радость и во дворе и во всей Португалии, и с достаточным на то основанием, ибо благодаря открытию и завоеванию серебряных рудников, которые, как говорят, существуют на территории мономотапы, королевство Португалия будет гораздо богаче, чем теперь, ибо эти рудники очень многочисленны» [137, т. III, с. 413].

Сам доклад Диогу Мадейры не сохранился. Однако в нашем распоряжении имеется любопытный документ — отчет о заседании Совета по делам заморских владений, на котором обсуждались известия, принесенные посланцем Мадейры [79, т. II, док. 29, с. 176]. Этот документ дает возможность судить и о содержании доклада Мадейры и об устной информации, сообщенной его посланцем в Лиссабоне и Мадриде. По-видимому, излагая эти сведения, документ констатирует, что в Юго-Восточной Африке имеется много различных металлов — золота, меди, железа и свинца. В то же время в документе отмечается, что «солдаты умирают от голода, так как съестные припасы продаются по очень высокой цене... многие чувствуют себя очень плохо из-за климата». Далее излагается по сути дела стратегический и тактический план колонизации Юго-Восточной Африки, авторство которого, несомненно, принадлежит Диогу Мадейре. «Опытные люди считают,— говорится в документе,— что завоевание следует проводить с небольшим числом людей и с большим количеством тканей и что с их помощью можно вести войну лучше, чем с оружием (и это мнение разделяет и Диогу Симоэнс Мадейра)... Достаточно дать подарки вождям, чтобы они отказались от оружия. Опытные люди считают, что самое большее нужно 200 хороших солдат и что, если их хорошо вооружить аркебузами, этого будет достаточно для власти над всей Мономотапой, как показал опыт Диогу Симоэнса... с двумястами португальцами можно пройти все земли Мономотапы» [там же, с. 177]. Этот документ, на наш взгляд, примечателен в двух отношениях. Во-первых, он не оставляет камня на камне от теорий тех португальских и других буржуазных историков, которые пытаются доказать, будто целью португальской колониальной политики было

заключение дружественных и равноправных союзов с Мономотапой и другими ранними африканскими государствами. Совет по делам заморских владений прямо и недвусмысленно говорит о мерах, необходимых для установления португальской «власти над всей Мономотапой». Во-вторых, в этом документе раскрывается подлинный смысл так называемого торгового обмена, который вели португальские колонизаторы с африканскими вождями и на который любят ссылаться апологеты колонизации как на пример «гуманных и равноправных отношений португальцев с туземными племенами». Как видно из этого документа, широко практиковавшаяся португальцами торговля тканями, а также их подарки вождям в виде различных тканей были вовсе не актами гуманности и доброжелательства, а хитрой и коварной тактикой, рассчитанной на то, чтобы задобрить и подкупить родо-племенную верхушку, а затем навязать свою власть всему племени или народу. Считая, что «с помощью тканей можно вести войну лучше, чем с оружием», они рассматривали торговлю не как самоцель, а лишь как тактическое средство в борьбе за установление своего монопольного господства.

В 1619 г. в Тете прибыл снова назначенный капитан-жералом Нуно Алвариш Перейра с инструкциями короля Филиппа сохранять хорошие отношения с мономотапой и продолжать поиски золотых, серебряных и медных рудников³¹. На нового капитан-жерала возлагалась задача — захватить столь желанные рудники. Перейре предписывалось «приступить к завоеванию с [достаточным] числом дисциплинированных солдат, привыкших к климату Мономотапы, обменяв для этого солдат, посланных из Лиссабона, на солдат, находящихся в крепости Мозамбик».

Однако все усилия конкистадоров завладеть рудниками наталкивались на упорный отказ жителей страны открыть их местонахождение. Эти неудачи приводили королевский двор в такое отчаяние, что он даже хотел прекратить свою колониальную экспансию в этом районе. Так, в марте 1622 г. король писал: «Принимая во внимание незначительность успеха, полученного от мер, принятых до сих пор для открытия точного местонахождения серебряных рудников Мономотапы... я приказываю прекратить завоевание» [137, т. IV, с. 172—173].

Из письма короля от 31 апреля 1631 г. видно, что и в это время португальцам еще не удалось обнаружить серебряных и медных рудников, которые они так упорно и тщетно искали [137, т. IV, с. 216].

Буржуазные историки обходят молчанием тот поразительный исторический факт, что в течение многих десятилетий народ Мономотапы, несмотря на всевозможные ухищрения колонизаторов, отражал их посягательства. Эпопея героической и полной актами самопожертвования борьбы аборигенов за спасение природных богатств своей страны должна быть яркими буквами вписана в историю борьбы народов Африки против колониализма.

В 1627 г. мономотапой стал сын Гатси Русере — Капранзине. В ноябре 1628 г. Перейра направил к нему своего эмиссара Жерониму де Барруша, но новый мономотапа приказал убить посла и объявил «эмпата» (конфискацию имущества европейцев) по всей стране³² [137, т. II, с. 414—415]. Некоторые историки объясняли эти акции мономотапы отсутствием или недостаточностью подарка, который прислал ему Перейра. Это объяснение представляется малоубедительным. В действительности мономотапа был обеспокоен растущей активностью португальцев, и их упорными попытками завладеть рудниками и установить контроль над его страной. Это беспокойство не осталось незамеченным

³¹ Причину этого вторичного назначения Филипп сформулировал в письме вице-королю (10 марта 1618 г.) в следующих словах: «А так как дон Нуно Алвариш Перейра, член моего совета, который в настоящее время является губернатором Цейлона, обладает способностями, необходимыми для такого важного предприятия, и имеет опыт в делах Мозамбика и рек, я счел целесообразным назначить его губернатором и завоевателем рудников» [там же, с. 131].

³² По другим сведениям, это произошло в 1627 г.

португальцами. Они склонны были объяснить его тем, что, как говорится в одном документе того времени, «его [мономотапы] колдуны, которых он часто использовал, заставили его думать, что открытие этого серебра будет погибелью для его империи» [79, т. II, док. 29, с. 173]. Если свидетельство этого документа соответствует действительности, то, как мы видим, «колдунам» мономотапы отнюдь нельзя отказать в дальновидности и политическом чутье. Как бы то ни было, мономотапа Капранзине принял смелое решение оказать вооруженное сопротивление захватчикам. Во главе большого войска мономотапа атаковал форты Массапа и Луанзе. По свидетельству современника, капитан форта Массапа «спрятался со своими неграми в домах, где они жили, и, когда император (т. е. мономотапа.— А. Х.) послал позвать его, он отказался пойти и защищался до ночи. Затем почти чудом ему удалось улизнуть неузнанным благодаря сильной грозе... Он послал предупреждение всем португальцам, рассеянным по стране макаранга, чтобы они отступили в форты... укрепились и подготовились к обороне» [137, т. II, с. 415].

Португальцы в Сене и Тете сформировали войско из 250 европейцев и 15 тыс. африканцев и двинулись на помощь своим осажденным соотечественникам. Решительная битва произошла около Луанзе в декабре 1628 г. Капранзине был разбит, и португальцы преследовали его до Зимбабве.

Подробности этих событий помогает восстановить дошедшее до нас письмо, отправленное в Рим 2 февраля 1630 г. монахом Луи, который, по-видимому, играл в них заметную роль. Он писал: «Я пошел в Сену и получил от ее капитана и жителей необходимые подкрепления и двинулся с ними в Алвауре.. и, не найдя там врага, мы пошли в Массапа, где обнаружили армию императора, насчитывавшую 100 тысяч человек, в то время как наших было не более 15 тысяч. Несмотря на это неравенство сил, уповая на помощь Бога, наша маленькая армия атаковала эту великую армию и с Божьей помощью обратила ее в бегство. Одержав эту победу, мы двинулись с нашей армией к Зимбабве, где находится двор, и там я построил маленькую церковь и воздвиг крест» [там же, с. 427]. Как видно из документов, второе поражение Капранзине было нанесено в мае 1629 г., после чего он был объявлен низложенным. Португальцы провозгласили новым мономотапой своего ставленника Мануза³³ — дядю Капранзине [там же, с. 429]. Как говорится в одном официальном документе того времени, Мануза «был поставлен у власти португальцами от имени и как вассал их короля и принял и гарантировал все условия, которые португальцы сочли подходящими для славы Евангелия и короны Португалии» [там же]. 24 мая 1629 г. португальцы заставили Мануза подписать кабальный договор, в котором он признал себя вассалом короля Португалии. Согласно этому договору мономотапа давал португальцам разрешение на то, чего они больше всего домогались,— искать и эксплуатировать рудники драгоценных металлов. Он обязался также в течение года изгнать из страны всех мусульман, а затем разрешить португальцам убивать их и конфисковывать их имущество. Он отказался от своих претензий на земли, подчиненные капитану Тете, и сам обязался посылать три куска золота каждому новому капитану Мозамбика. Миссионерам было позволено строить церкви и соборы по всей стране и обращать в христианство «всех, кто захочет принять святое крещение». Мономотапа освободил португальских послов от унижительных церемоний, обязался обращаться с капитаном Тете с великим уважением и допускать его к себе в любое время и без подарка, открыть страну для португальских торговцев и не укрывать беглых рабов [137, т. II, с. 406—407; т. IV, с. 224].

Через восемь месяцев после подписания этого кабального договора Мануза согласился исповедовать христианство и был крещен викарием Тете, получив христианское имя Филипп [там же].

Договор, заключенный с марионеточным правителем, получил полное одобрение мадридского двора. Как пишет историк Даффи, «в первый раз в истории колонии

³³ Согласно другим источникам, имя марионеточного мономотапы было Мавура, а по третьим,— Манура.

португальцы добились нелегкого господства над большей частью племен макаранга» [281, с. 46].

Приветствуя пропортугальскую ориентацию нового мономотапы, король Филипп IV направил ему в апреле 1631 г. письмо, в котором писал: «Мои вице-короли Государства Индии также написали мне... что просветленный истинным светом Святого Духа вы пришли к познанию нашей святой католической веры и приняли святое крещение, каковое есть главное сокровище и начало счастья в этой и вечной жизни, и что вы стали моим вассалом и собираетесь сохранить эти намерения и продолжать дружеские связи с Государством Индии, предлагая необходимую помощь и покровительство для открытия рудников. Я считаю нужным сообщить вам, что я получил огромное удовлетворение от всего этого» [137, т. IV, с. 224].

Само собой разумеется, что «огромное удовлетворение» короля было связано не столько с перспективой «вечной жизни» для мономоталы, сколько с перспективой открытия и захвата рудников, о которых он упоминает только вскользь. Между тем именно они, а не «святое крещение», были главным сокровищем в его глазах. По мнению короля, наконец-то пришло время, когда баснословные богатства страны каранга будут в его распоряжении.

В своей, так сказать, «внутренней» корреспонденции король и его приближенные были куда откровеннее. Так, вице-король граф Линьяриш сообщал королю в январе 1630 г. о своем решении сдать в аренду «конкисту на реках Куамы» (т. е. земли Мономотапы) «как для того, чтобы поддержать этого короля (Манузу)... так и для того, чтобы попытаться завладеть всеми богатствами этой страны, а если удастся, и уничтожить мавров, которые там очень опасны для интересов Вашего Величества» [39, док. 127, с. 399].

В апреле 1631 г. король направил вице-королю Индии инструкции принять меры для открытия и разработки золотых, серебряных и медных рудников. Кроме того, вице-королю предписывалось позаботиться, чтобы была построена надежная крепость в центре страны и чтобы были укреплены устья рек Келимане и Луабо. Три куска золота, которые обязался посылать мономотапа, предписывалось отправлять в Мадрид королю.

«Зная, что одно из главных условий договора, заключенного с мономотапой, когда мои капитаны поставили его во владение этим королевством,— откровенно писал король, называя вещи своими именами,— состояло в том, что он должен быть моим вассалом и давать по три куска золота капитанам Мозамбика и что они должны посылать ему взамен какой-либо подарок, считаю нужным сообщить вам, что, поскольку эти три куска золота даются как знак подчинения и вассалитета, следует представлять мне лично эту дань» [137, т. IV, с. 216—221].

Между тем Капранзине, оправившись от поражения, не оставил намерений изгнать европейцев. К 1631 г. он объединил под своими знаменами большое число враждебно настроенных к португальцам вождей, включая верховного вождя Маники.

Освободительная война, начатая против португальцев народом каранга под руководством Капранзине, которая, как и многие другие антипортугальские движения, обходится полным молчанием буржуазными историками, заслуживает внимания не только благодаря широким масштабам, которые она приняла, но и как замечательное свидетельство солидарности различных племен и растущей среди них тенденции к консолидации своих сил в общей борьбе против завоевателей.

В результате нескольких сражений было убито от 300 до 400 португальцев. Гарнизоны осажденных фортов Сена и Тете составляли всего соответственно 13 и 20 португальцев. В 1632 г. на помощь осажденным в этих фортах пришел капитан Мозамбика Соуза де Менезиш во главе войска из 300 португальцев и 12 тыс. африканцев, который и нанес Капранзине решающее поражение [310, с. 572]. По словам Даффи, «Лиссабон был окрылен добрыми новостями и упрямо возродил планы эксплуатации неоткрытых рудников, но все попытки были бессистемными и, как всегда, безуспешными.

Первым практическим результатом того, что они имели марионеточного мономотапу, была энергичная экспансия миссионерской активности и крах африканского сопротивления. Отдельные португальцы с помощью подарков или подкупов, а также взяток и угроз смогли овладеть великими путями на Замбези» [281, с. 47].

Еще к концу XVI в. португальцы окончательно вытеснили арабских купцов как из бассейна Замбези, так и с побережья Индийского океана. С помощью своей марионетки-мономотапы португальцы открыли на Замбези ряд факторий, установив монополию на торговлю в этом районе. Образовался контролируемый ими единый торговый район Марамука. Здесь, а также в построенных ими в XVII в. факториях и фортах Бокото, Тафуна, Читомборвизи, Хвангва, Дамбараре португальские купцы вели оживленную торговлю с африканцами [199, с. 215].

В марте 1633 г. в Восточную Африку были отправлены две каравеллы под командованием Жуана да Кошта [137, т. IV, с. 237]. Они везли 23 специалиста по горнорудному делу во главе с Видес-и-Албарадо, который до этого работал на золотых рудниках в Перу. Ознакомившись с положением на месте и расспросив местных жителей, Албарадо заявил в отчете королю, что земли каранга и Маника богаты золотом и серебром и что, если рудники будут правильно эксплуатироваться, «Ваше Величество может иметь от них больше дохода, чем от всех Индий, принадлежащих Кастилии» [там же]. Для этого Албарадо предлагал заселить «эту огромную и богатую страну» европейцами, ибо в то время там было всего лишь 200 португальцев. По его мнению, необходимо было организовать иммиграцию, объявить свободу торговли и учредить таможи. Албарадо предложил послать в Восточную Африку тысячу женатых мужчин с семьями. Это число, по его мнению, было достаточным, чтобы отвоевать страну у «диких племен». «Этим землям не нужно больше ничего, и благодаря этому Ваше Величество станет владыкой мира, как Вы того заслуживаете» [212, с. 99].

Кроме того, он предложил послать в эти места 50 или 60 миссионеров-францисканцев, «так как там нет ни одного туземца, который был бы настоящим христианином, а те немногие, которые были крещены, имеют по три или четыре жены» [там же]. В другом письме Албарадо утверждал, что ни в Новой Испании, ни в Перу нет рудников, которые могли бы сравниться с рудниками Мономотапы. Для подтверждения своих заявлений он послал королю слитки золота, серебра, меди и олова. Это событие, которому португальцы придавали исключительно большое значение, зафиксировано в ряде источников. Так, в хронике, составленной в 1634—1635 гг. Б. де Резенди, мы читаем: «Вплоть до настоящего времени на территории Его Величества не было найдено никаких золотых или серебряных рудников. И только в нынешнем 1634 г., когда было обнаружено, что в землях макаранга имеются серебряные рудники, которые находятся меньше чем на расстоянии пушечного выстрела от Сены, взятые из них образцы были посланы Его Величеству» [137, т. II, с. 411].

Однако доклады Албарадо и посланные им драгоценности не достигли Мадрида. В северной Атлантике везший их Жуан да Кошта подвергся нападению корсаров и выбросил за борт документы и слитки. Все же он добрался до Мадрида и устно изложил информацию и предложения Албарадо. План Албарадо вызвал большой интерес королевского двора. В Португалии спешно был созван Государственный совет и Совет по делам казны, чтобы обсудить эти известия. Было решено послать подкрепление на Замбези, так как существовало опасение, что голландцы или англичане попытаются завладеть этим богатым районом. Было решено также построить там укрепленные форты из камня и извести, отправить большое количество тканей, а также послать на Замбези рудокопов, врачей и цирюльников. Кроме того, дважды в год туда должны были направляться две каравеллы с подкреплениями и товарами, которые могли везти обратно золото, слоновую кость и рабов. Предполагалось, что первые каравеллы выйдут в августе 1634 г.

Однако голландско-португальская война в Бразилии и войны в Индии помешали осуществить это намерение. К тому же от Албарадо стали приходить известия, что он не может установить точное местонахождение золотых рудников. Эти сообщения были, видимо, решающим фактором, заставившим королевский двор отказаться от плана Албарадо. Вице-король Индии: приказал приостановить работы по укреплению Келимане и Луабо. 27 марта 1637 г. Государственный совет Португалии рекомендовал направлять поселенцев не в земли Мономотапы, а в Индию [212, с. 113—114].

В 1652 г. после 22 лет правления, в течение которых он был послушным орудием в руках португальских хозяев, умер Мануза. Законный наследник трона мономотапы — сын Капранзине задолго до этого был вывезен португальцами в Гоа, где был воспитан доминиканцами. Он умер там, будучи викарием собора св. Варвары и обладателем диплома мастера теологии. Португальцы провозгласили новым мономотапой сына Манузы. Они убедили его и его жену принять христианство, и в августе 1652г. он был крещен под именем Домингуш.

В девятитомной коллекции документов, составленной Тилом, имеется подписанное самим Домингушем «Свидетельство» о его крещении. В нем мы читаем: «Мы повелели монаху Джованни де Мело крестить нас и нашу супругу-королеву. Монах Салвадор из Розари был нашим крестным отцом и нарек нас именем Домингуш... а королеву — именем дона Луиза. Затем мы приказали креститься двум знатнейшим лицам нашего королевства» [137, т. II, с. 443—444].

Монахи поспешили сообщить о своем успехе в Португалию, и это событие с огромной помпой было отпраздновано в Лиссабоне и в Риме. Однако радость была преждевременной, так как Домингуш вскоре умер. Он оставил двух сыновей: старший симпатизировал португальцам и христианской церкви, но младший собирал своих сторонников, чтобы избавить страну от контроля чужеземцев. Португальцы, разумеется, объявили верховным вождем старшего сына, но он вскоре был убит своими подданными, недовольными его зависимостью от португальцев (1658 г.). Португальцы посадили на престол одного из его родственников, казавшегося им безопасным, но новый правитель обнаружил самостоятельность, которая пришлась им не по душе. Он отказывался выполнять приказы и, хотя формально был христианином, тайно соблюдал языческие культы. Для того чтобы привести к повиновению строптивого мономотапу, португальцы решили прибегнуть к демонстрации военной мощи. В Восточную Африку был послан Каэтану де Мелу да Кастру, назначенный губернатором Мозамбика и капитан-жералом, с 40 солдатами и 50 новыми поселенцами. По словам Е. Аксельсона, в Португалии все еще рассматривали междуречье «как пещеру Аладина, способную давать неслыханные сокровища, если только будет найдено магическое слово» [212, с. 137].

Удерживая под своим контролем побережье протяженностью 2100 миль и ряд фортов и факторий на морском побережье и на р. Замбези, португальцы с помощью политических интриг, подкупов и угроз стремились ослабить власть мономотапы, провоцируя и разжигая междоусобные войны. Иногда они поднимали на войну против мономотапы вождей отдельных племен и кланов, иногда подстрекали верховного правителя выступить против того или иного вождя племени, мешавшего продвижению португальцев в глубь страны.

Хотя португальцам еще удавалось сажать на трон в Зимбабве своих марионеток, в стране нарастало антипортугальское движение, которое, как лесной пожар, охватывало все новые и новые районы [137, т. II, с. 443—444].

Вскоре колонизаторам пришлось иметь дело с человеком, которому было суждено положить конец португальскому засилью в Мономотапе. Имя этого человека — Чангамире Домбо — сейчас незаслуженно забыто, хотя оно должно занять свое место в ряду самых выдающихся фигур в истории Африки. Чангамире Домбо происходил из династии вождей племени розви — давнего соперника каранга. Мономотапа пожаловал ему земли, соседние с «королевством» Бутуа. Чангамире начал войну против Бутуа и

овладел этим «королевством». Провозгласив себя правителем Бутуа, Чангамире начал вооруженную борьбу против ненавистных ему европейцев. Ему тайно помогал и мономотапа, не решившийся, однако, на открытое выступление против португальцев. В борьбе против чужеземцев Чангамире опирался на поддержку подавляющего большинства коренного населения.

Португальские колонизаторы, уверенные в полной безнаказанности благодаря обладанию огнестрельным оружием, грабили, убивали и обращали в рабство местное население. При этом среди них функции были четко распределены: солдаты убивали, торговцы покупали и перепродавали родственников и имущество убитых, священники отпускали грехи солдатам и купцам, и все вместе они наживали огромные богатства на продаже в рабство десятков тысяч африканцев. На эти деньги солдаты и офицеры покупали себе новых рабов, строили новые форты и укрепления, священники возводили новые церкви и монастыри, торговцы покупали новые корабли и обзаводились собственными войсками. Известно немало случаев, когда торговцы строили даже свои небольшие частные форты, охраняемые отрядами рабов и наемников. Мономотапа признавал, что португальские торговцы «причиняют огромный вред туземцам, убивая одних, рая других, воруя их сыновей и дочерей, а также коров из их стад, так что каждый день я получаю жалобы на это» [212, с. 125]. Особенно дикий произвол чинили португальские колонизаторы в Манике и других районах добычи золота. Они прибегали к изощренным пыткам, чтобы заставить местных жителей указывать, где находятся рудники. Но чаще всего их усилия были тщетными: обычно они не могли получить нужных им сведений. Многие аборигены бежали из этих районов, которые вскоре почти обезлюдели.

Насилие и произвол португальцев повсюду вызывали чувства негодования и ненависти. В конце XVII в. эти чувства нашли выход в вооруженном восстании Чангамире против португальского господства. Накопившееся возмущение вызвало взрыв, против которого оказались беспомощными и более совершенное оружие, и военная организация европейцев. По словам Е. Аксельсона, «волна общего чувства преодолела даже страх туземцев перед превосходством португальцев в оружии, и последние... были вдребезги разбиты» [там же, с. 194].

Первая битва между Чангамире и португальцами произошла в 1684 г. у Маунгве. Она продолжалась целый день. Воины Чангамире многократно атаковали оборонявшихся португальцев. Хотя африканцы несли тяжелые потери, они вновь и вновь бесстрашно бросались на врага. Африканским лучникам нелегко было противостоять европейским мушкетам и аркебузам, но слабость своего оружия они восполняли необыкновенной силой духа и отвагой. Наступила ночь, а битва все продолжалась. Португальцы спешно укрепляли свой лагерь. Тогда Чангамире прибег к военной хитрости, свидетельствовавшей о его незаурядном полководческом даровании. Он приказал разжечь костры в разных местах на значительном расстоянии друг от друга. В португальском лагере решили, что это лагерные огни вновь прибывших подкреплений противника. Среди африканских войск в португальском лагере началась паника, и многие африканские рекруты бежали. За ними вынуждены были последовать и португальцы. Уловка Чангамире принесла ему успех [там же, с. 179]. На сторону африканского вождя переходили все новые и новые племена, и его силы быстро увеличивались. Вскоре под его контролем оказалась вся северная часть современной Родезии.

Португальцы были вынуждены перейти к обороне. Вокруг Сены и Тете спешно возводились крепостные стены. В феврале 1687 г. Совет по делам заморских владений рекомендовал отправить значительное число солдат в форт Мозамбик, «ибо эта крепость — единственный якорь спасения» [там же, с. 180]. В начале 90-х годов XVII в. умер мономотапа Мукомбве и его место занял его брат Ньякамбино. Он пошел на открытый союз с Чангамире и посоветовал ему атаковать португальские форты. Опираясь на военную и моральную поддержку мономотапы, Чангамире в ноябре 1693 г. внезапно

напал на форт Дамбараре. Застигнутые врасплох португальцы не смогли оказать сопротивления и были уничтожены.

Это страшное поражение повергло португальцев в отчаяние. В поисках выхода они направили специальный отряд в Зимбабве с целью убить мятежного мономотапу. Однако отряд встретил у резиденции вождя столь многочисленную охрану, что в панике бежал, преследуемый африканцами. Между тем войска Чангамире заняли почти все земли каранга, блокировав португальские форты Сена и Тете. Не успев возвести крепостные стены вокруг города, жители Сены расставили вооруженные патрули на улицах и поставили пушки у городских ворот.

Войска Чангамире освободили от португальцев Манику. Португальские торговцы и резиденты бежали в Софалу. Лишь внезапная кончина Чангамире Домбо в 1695 г. несколько изменила положение. По-видимому, он был умерщвлен наемниками португальцев. Несмотря на смерть Чангамире, поднятое им восстание нанесло сокрушительный удар по португальским позициям в Восточной Африке. Оно положило конец португальскому политическому влиянию за пределами нынешних границ Мозамбика.

Восстание Чангамире Домбо подорвало также и могущество Мономотапы. Некогда великая «империя» потеряла свое былое значение [254, с. 113, 204].

В результате португальской колониальной экспансии и междоусобных войн народ каранга оказался раздробленным. С этого времени каждое племя стало рассматривать себя как независимое. Практически португальская экспансия была главной причиной распада государства Мономотапа, завершившегося в начале XVIII в. Мономотапа сохранил лишь маленький район к западу от Тете. Его власть стала пустой фикцией.

Огромная территория между Замбези и Северным Трансваалем оказалась под властью династии Чангамире, которая правила здесь почти до середины XIX в.

История Мономотапы дает убедительное свидетельство того, что там, где существовали развитые и прочные общественные организмы, они оказались для португальцев серьезной преградой на пути проникновения во внутренние районы. В этих случаях португальская колонизация в течение ряда веков ограничивалась исключительно прибрежными районами.

В течение долгого времени португальские колонизаторы не могли установить полный политический и идеологический контроль над государством Мономотапа. Борьба с народом каранга на протяжении почти двух веков стоила им таких огромных материальных и людских потерь, что это сопротивление можно рассматривать как один из факторов, обусловивших последующее крушение португальского колониального могущества в Восточной Африке и потерю португальцами всех владений за пределами современного Мозамбика. За государством Мономотапа должна быть признана, в частности, та историческая заслуга, что оно нанесло португальской колониальной империи серьезный удар в одном из жизненно важных для нее районов. Народ каранга совершил замечательный подвиг, проявив лучшие качества африканцев — несгибаемое мужество, силу духа и неукротимую страсть к свободе. В упорных сражениях с колонизаторами формировались традиции освободительной борьбы, которые, подобно эстафете, передавались затем от одного поколения к другому. Эти славные традиции вдохновляют ныне африканские народы в их борьбе с империалистическими угнетателями.

ГЛАВА III

ПОРТУГАЛЬСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ В ЭПОХУ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ И РАННЕГО КАПИТАЛИЗМА

АДМИНИСТРАЦИЯ, ФИНАНСЫ, АРМИЯ

Методы управления и организации колоний разрабатывались португальскими захватчиками на протяжении веков. При этом следует отметить, что, хотя Португалии принадлежит сомнительная честь создания первой колониальной системы нового времени, эта система имела несомненную генетическую связь с колониальными системами античности и средневековья. Хотя вопрос о «генеалогическом древе» колониализма заслуживает специального изучения, даже беглое знакомство с относящимися к нему историческими документами позволяет высказать предположение о том, что португальская колониальная доктрина и практика включали в себя ряд элементов, заимствованных у колонизаторов более ранних эпох, и прежде всего у древних римлян, арабов, генуэзцев и венецианцев.

Так, например, у древнеримских колонизаторов португальцы заимствовали метод создания цепи укрепленных форпостов, позволявший эффективно контролировать обширные территории, а также элементы римской системы косвенного управления, при которой часть функций управления завоеванной территорией сохранялась за местными традиционными властями. У арабов португальцы заимствовали методы ведения торговли (в частности, бартерный обмен золотом и слоновой костью у африканцев за безделушки и ткани, вывозимые из Индии), а также методы духовной колонизации с помощью насильственно навязываемой религиозной доктрины.

У Венеции Португалия перехватила после открытия морского пути в Индию исключительно прибыльную торговлю пряностями, а у Генуи заимствовала методы торговли, в большей степени свойственные новому времени, когда решающим фактором стала масса товаров, а не их исключительность.

Португальская административная система управления колониями, продержавшаяся почти без изменений вплоть до начала XIX в., окончательно сложилась лишь к середине XVII в. Была найдена та искомая форма колониального управления, которая обеспечивала Португалии получение максимальных выгод от своих заморских колоний. Сложный механизм административного управления колониями был приведен в точное соответствие с интересами господствующего класса метрополии, в руках которого были сосредоточены все основные рычаги и приводные ремни колониального административного аппарата.

Система колониального управления была построена так, чтобы гарантировать португальской знати исключительное обладание всеми богатствами колоний в Азии, Африке и Южной Америке. В основу этой системы, как и феодально-абсолютистского политического режима метрополии, был положен принцип бюрократического централизма.

Что касается владений Португалии в Африке, то до правления Жуана II (1481 — 1495) они управлялись не королем, а принцами крови и считались их феодальными владениями (апанажем). Однако за королем сохранялось право судить преступников за наиболее тяжкие преступления.

До середины XV в. принц Энрике имел, по существу, исключительное право португальской колонизации. Он был губернатором Сеуты и донатарием островов Мадейра (1433), а также большей части Азорских островов. Он получил монопольное право на торговлю Аргена и Канарских островов (1443). Будучи магистром Ордена Христа, он добился от папы духовной юрисдикции на все португальские владения [33, с. 14, 22]. Соединение принцем Энрике в своих руках светской и духовной власти обеспечило ему огромный авторитет и могущество, так как в ту эпоху духовенство имело многочисленные привилегии и пользовалось колоссальным влиянием.

В 1450 г. король Афонсу V лично занялся управлением Сеуты, но управление другими заморскими владениями было оставлено принцу Энрике или поручено другим принцам крови (герцогу Брагансу, инфанту Фернанду и др.). Португальские короли начали активно заниматься колониальными делами лишь после того, как были основаны первые португальские поселения в Гвинее и в Индии и когда работоторговля и торговля пряностями стали приносить огромные доходы.

Поняв, какие выгоды сулит организованная в широком масштабе эксплуатация человеческих и природных ресурсов колоний, португальский королевский двор отказался от системы донатариев и взял на себя политическое и экономическое руководство заморскими владениями.

До 1580 г. в Португалии не было ни совета, ни министерства, уполномоченного осуществлять централизованное управление колониями, готовить королевские указы и следить за их исполнением. Короли Ависской династии, после того как они сломили при Жуане II последнее сопротивление крупной аристократии, не хотели больше иметь какие-либо советы или другие политические институты, которые в какой-то степени могли бы ограничивать их власть. Кортесы больше не созывались, а Государственный совет, члены которого назначались королем, превратился к концу XV в. в чисто символический орган управления, имевший почетные функции. Вся власть была сконцентрирована в руках короля и осуществлялась от его имени людьми, которым он выразил свое доверие. Управление колониями, как и управление королевством, практически осуществляли канцлер, казначей, королевские секретари и т. д. [326, с. 81—82].

Только управление финансами еще в 1516 г. подверглось реформе, состоявшей в учреждении должностей инспекторов финансов (*vedores da fazenda*). Эти чиновники ведали финансами как самой метрополии, так и заморских территорий в Африке и Азии. Они вели учет всех доходов и расходов королевской казны, заключали контракты от имени короля и следили за точностью их исполнения. Их власть распространялась на фактории, занимавшиеся торговлей (в том числе и «живым товаром»), так называемую «Каса да Гинэ» (переименованную в 1482 г. в «Каса да Мина», а позже в «Каса да Индия») — агентство, готовившее грузы, предназначенные для Африки и Индии, и продававшее поступившие оттуда колониальные товары в пользу королевской казны.

Масштабы колониальных дел, которые были в компетенции инспекторов финансов, были весьма значительны, так как на протяжении всего XVI в. королевское правительство занималось главным образом торговой эксплуатацией Индии [там же, с. 83].

Как отмечает бельгийский историк Ш. Данной, «вследствие превалирования торговой политики заведование финансами составляло в XVI в. важнейшую отрасль колониальной администрации Португалии» [там же].

Компетенция инспекторов финансов была ограничена властью различных советов и судов, главным из них был трибунал по делам совести и орденов (*Mesa da cinsiencia e ordens*), созданный в 1532 г. Этот политико-религиозный институт среди прочих функций осуществлял от имени короля права, которые принадлежали тому как магистру военно-религиозных орденов. Этот же трибунал ведал религиозной администрацией колоний, представлял на утверждение короля кандидатуры епископов, управлял имуществом Ордена Христа и судил за преступления, совершенные членами военно-религиозных орденов, в том числе и служившими в заморских территориях [там же, с. 84]. Эти многочисленные и неопределенные функции позволяли трибуналу вмешиваться в управление колониями, и его роль в колониальной администрации была очень значительной.

После объединения Испании и Португалии в 1580 г. Филипп II решил коренным образом реорганизовать систему управления колониями. В 1591 г. Филипп II упразднил институт инспекторов финансов, заменив их Советом по делам финансов (*Conselho da fazenda*), полномочия которого были гораздо более широкими. Этот Совет был разделен на четыре секции, одна из которых руководила делами метрополии, другая — делами Индии, Гвинеи, Бразилии, Сан-Томе и островов Зеленого Мыса, третья — военно-религиозными орденами и островами Мадейра и Азорскими, четвертая — Марокко.

В 1604 г. герцог Лерм, чтобы улучшить управление колониями, учредил специальный орган — Совет по делам Индий, в котором было две секции: одна

занималась делами Бразилии и Африки, а другая — португальскими владениями в Индии и других странах Азии.

В 1642 г. король Жуан IV реорганизовал Совет по делам Индий в Совет по делам заморских владений (*Conselho ultramarino*), который должен был управлять всеми заморскими территориями, кроме Мадейры, Азорских островов и некоторых крепостей в Марокко, которые подчинялись непосредственно Государственному совету, ведавшему иностранными делами [349, с. 22]¹.

Практически Совету по делам заморских владений были передоверены функции королевской власти по управлению колониями. Этот Совет был своего рода министерством колоний, в обязанности которого входили подготовка законов для колоний, назначение высших должностных лиц (включая губернаторов, епископов и архиепископов), регламентация административно-политической и экономической жизни колоний, введение новых налогов и контроль за их сбором.

Формально Совет по делам заморских владений был консультативным органом, и его решения имели форму рекомендаций, подлежавших утверждению короля. Фактически же он представлял собой верховную законодательную и исполнительную власть с почти неограниченной юрисдикцией.

Местная администрация португальских колоний в Африке была довольно сложной и запутанной, к тому же административное управление колоний, расположенных в Западной и Восточной Африке, было различно.

Вплоть до середины XVII в. Западная Африка мало интересовала королей Португалии, так как главной заботой Лиссабона в то время были морской путь в Индию и обеспечивавшие его неприкосновенность португальские крепости в Восточной Африке и в Индии. Лишь к концу XVII и в начале XVIII в. в связи с быстрым ростом работорговли Ангола стала живо интересоваться португальское правительство. Но и в этот период в Лиссабоне рассматривали Анголу только как источник рабов для снабжения рабским трудом сахарных плантаций в Бразилии и поэтому мало заботились об административном устройстве этой колонии, имевшем весьма примитивный характер. Управление колонии было почти полностью сконцентрировано в руках военных, главной задачей которых было любыми средствами получить от африканских вождей как можно больше «живого товара».

Многочисленные и разбросанные вдоль побережья Южной и Западной Африки колонии никогда не включали больших территорий. Большинство из них состояло лишь из нескольких поселений, а иногда — всего из одной крепости и подчинялось назначенному королем *алкайду* (коменданту крепости), которому помогали *фактор*, взимавший королевские подати, и *овидор* — королевский судья.

В более крупных крепостях и примыкающих к ним районах (например, в Арсиле), как это видно из хроники Б. Родригеса, административное управление строилось по следующей схеме. Во главе стоял *генерал-губернатор*, представлявший высшую военную и гражданскую власть, затем *алкайд*, *контадор*, в обязанности которого входило ведение бухгалтерии, книг учета гарнизона и руководство таможней, *алмошариф* — чиновник, заботившийся о снабжении войск продовольствием, *ведор дас обрас* — инспектор по строительным работам, *эскриваны* — нотариусы и т. д. Португальские крепости периодически посещал *ведор да фазенда* — правительственный инспектор, проверявший состояние финансов, запасы съестных припасов и т. д. Кроме того, в крепости иногда приезжали *проведоры* (интенданты, отвечавшие за снабжение гарнизонов) [38, с. 47—48; 82, т. VI, док. 26, с. 306—308].

Такая примитивная административная организация существовала в Марокко, Мина и на о-ве Арген. Колонии более крупных размеров объявлялись капитаниями, и во главе

¹ Совет по делам заморских владений просуществовал около двух с половиной веков. Он был упразднен декретом 30 августа 1833 г., но был снова восстановлен в 1851 г. (декрет 23 сентября). В конце XIX в. он был заменен Совещательной хунтой по делам заморских территорий [349, с. 22].

их ставились капитаны, назначавшиеся королем по рекомендации Совета по делам заморских владений. Иногда португальские поселенцы — чиновники, купцы, охотники за рабами, из которых состояло европейское население этих колоний, сами выбирали своего капитана: из девяти первых губернаторов Анголы пять были назначены именно таким путем [38, с. 103].

Весьма распространена была практика покупки и даже перекупки должности капитана. Многочисленные свидетельства этого можно найти в официальной переписке того времени. Капитан крепости Мозамбик Антониу да Силвейра писал в июле 1518 г. королю о том, что, узнав о назначении на его должность Перу Ваз да Кунья, он «решил купить у него эти три года» и написал ему об этом подробное письмо [82, т. V, док. 73, с. 560]. Капитаны приносили присягу королю в том, что будут осуществлять свои обязанности в соответствии с «законом и обычаем» [82, т. VI, док. 26, с. 311].

Капитаны были облечены как гражданской, так и военной властью и имели весьма широкие права. Обладая, по существу, бесконтрольной властью, они часто превышали границы своей компетенции, и злоупотребление своими обязанностями было скорее не исключением, а нормой их поведения.

Как пишет Даффи, «капитаны выбирались из людей, имевших многолетний военный или административный опыт в империи, хотя такая предусмотрительность иногда имела своим результатом подготовленность не только в администрации, но и в коррупции. Огульное обвинение португальских чиновников на Востоке в нечестности — распространеннейшее явление в колониальной истории этой нации» [281, с. 34].

Даже такой адепт и апологет португальского колониализма, как Аксельсон, вынужден признать, что «капитан или губернатор часто был абсолютно непригоден для этой должности, а его назначение было связано иногда с благосклонностью короля к нему или его родственнику, а еще чаще с покупкой за счет личных средств этой должности. Когда на этот пост бывало больше одного претендента, выбор вице-короля или губернатора мог зависеть иногда скорее от личных мотивов, чем от справедливой оценки старшинства или пригодности кандидата. После своего назначения капитан или местный губернатор обычно направляли всю энергию и ресурсы не столько на проведение королевской политики, сколько на эксплуатацию своей монополии и на торговлю» [212, с. 193].

Гораздо более сложной была административная организация колоний, расположенных в Восточной Африке. В 1505 г. португальское правительство создало особую административную единицу для своих владений на Востоке, получившую название «Государство Индии» (*Estado da India*). В нее были включены колонии Португалии в Индии, Юго-Восточной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке и в Восточной Африке. Это была огромная Восточная империя Португалии, растянувшаяся от мыса Доброй Надежды до Индонезии.

Высшей административной властью «Государства Индии» был вице-король, назначавшийся на три года². Его резиденция находилась в Гоа (Индия), ставшем административным центром португальской империи на Востоке. Вице-король пользовался почти неограниченной властью. В середине XVI в. ежегодный оклад, выплачиваемый королевской казной вице-королю Индии, составлял 8 тыс. крузадо [326, с. 106].

Ближайшими помощниками вице-короля были государственный секретарь, *проведормор* (главный интендант), *овидор-жерал* (главный судья) и *ведоры да фазенда* (инспекторы финансов).

---

² На эту должность, как правило, назначались лица из ближайшего королевского окружения, имевшие знатное происхождение и значительное состояние. Так, в 1554 г. король Португалии назначил вице-королем Индии дону Педру де Маскареньяша (дворянина в возрасте более 70 лет, который до этого был послом в Германии) «не только за то, что все его уважали, но и в связи с тем, что он был очень богат» [349, с. 60—61, прим. 1].

«Государство Индии» включало в себя колонии трех типов, различавшиеся по своему юридическому статусу и административной организации: колонии, находившиеся под непосредственным португальским управлением; протектораты, управляемые местными правителями, признавшими себя вассалами и данниками короля Португалии (вопрос об этом виде зависимости будет рассмотрен в разделе «Особенности „туземной“ политики Португалии»); крепости-фактории на территории других стран, предназначенные для военно-стратегических и торговых целей [338, с. 175].

«Государство Индии» состояло из 12 городов и 23 крупных крепостей, из которых три крепости (Мозамбик, Софала и Момбаса) были расположены в Юго-Восточной Африке. Капитаны крепостей на юго-восточном побережье Африки получали приказы непосредственно от вице-короля в Гоа и обязаны были докладывать обо всем существенном также в Гоа. Связь между этими крепостями и Гоа поддерживалась кораблями, отправлявшимися во время ежегодных муссонов, которые и облегчали и ограничивали эти контакты. Капитан Мозамбика, считавшийся представителем короля, должен был платить королевской казне 40 тыс. парданов³ в год. Этими деньгами распоряжался королевский фактор в Мозамбике, который оплачивал из них расходы на содержание крепости, на больницу и на суда, идущие в Индию. Оставшиеся деньги, если таковые были, он отправлял в Гоа. Взамен капитан Мозамбика получил монополию на торговлю в районе Софалы и рек Куама, как тогда называли нижнее течение Замбези.

Резиденцией капитана была крепость св. Себастьяна на коралловом острове Мозамбик. Эта крепость, построенная в 1558 г., была одной из сильнейших и важнейших португальских военных баз во всем «Государстве Индии». Крепость имела четыре сильно укрепленных бастиона, водохранилище, рассчитанное на полтора миллиона галлонов воды, и могла выдержать многомесячную осаду. Гарнизон крепости, согласно инструкции, должен был состоять из 100 солдат, одного канонира и пяти бомбардиров [212, с. 2—3].

В 1644 г. было внесено существенное изменение в административное устройство колоний в Юго-Восточной Африке. По рекомендации Совета по делам заморских владений Юго-Восточная Африка была поставлена под управление губернатора, который был приравнен в ранге к вице-королю Индии и был независим от него [там же, с. 115].

Попытки создания в Юго-Восточной Африке собственной администрации, независимой от вице-короля в Гоа, предпринимались еще в начале XVII в., однако тогда от них пришлось отказаться из-за необходимости оказывать более оперативную помощь португальцам, занятым захватом рудников Мономотапы и отражением голландских атак на восточноафриканском побережье. Это видно из следующего дошедшего до нас письма короля вице-королю от 10 марта 1618 г.: «40-я глава инструкций, которые по моему приказу были вам вручены, когда вы уезжали из Португалии, говорит о мотивах, побудивших меня тогда принять решение о том, чтобы крепости Мозамбик, Софала и Момбаса и крепости на реках Куамы и в горах Чикоа, где находятся серебряные рудники, уступленные мне мономотапой, были отделены от Государства Индии и чтобы был назначен губернатор, независимый от вице-короля... После вашего отъезда я приказал пересмотреть этот вопрос, ибо до тех пор, пока дела завоевания рудников не завершены, их разработка не начата и пока нельзя обрабатывать земли, будет более удобно не проводить это отделение, и чтобы лицо, посланное в эту экспедицию, было подчинено вице-королю Государства [Индии] и провизия могла доставляться более быстро и надежно, а желаемые цели были скорее достигнуты, не порождая надежды у врагов и не давая им возможности опередить нас. Поэтому я счел нужным принять решение о том, чтобы отделение было отложено» [137, т. IV, с. 130—131].

Все высшие должностные лица колониальной администрации назначались на срок не более трех лет и должны были возвращаться в метрополию тотчас же по прибытии их преемников. Такой порядок был продиктован стремлением королевской власти превратить колониальных чиновников в послушных исполнителей своей воли и

³ Пардан — старинная португальская монета, равная 36 сентаво.

гарантировать себя от каких-либо попыток колониальных функционеров выйти из-под повиновения метрополии.

Французский историк Э. Бем пишет в связи с этим: «Уже при Генрихе Мореплавателе был выработан характерный принцип всей португальской колонизации, а именно недоверие метрополии к колониальным функционерам высшего ранга, вследствие чего запрещалось посылать в колонии несколько раз одно и то же лицо и доверять высокую должность на продолжительный срок. Именно это недоверие заставило в 1515 г. отозвать Албукерки» [230, с. 42].

Эта постоянная смена высших функционеров колониального аппарата имела самые тяжелые последствия для колоний, которые были объектами непрекращавшегося административного произвола и хищнической эксплуатации со стороны чиновной бюрократии, стремившейся, в сущности, лишь к одному — к максимальному обогащению в возможно короткий срок.

Организация судебной власти в колониях была такой же, как в метрополии. Высшим судебным органом «Государства Индии» был *Реласао* — Верховный суд, состоявший из *дезембаргадоров* (главных судей). Контроль над судопроизводством в каждой отдельной колонии осуществляли *коррежидоры*, которым были подчинены выборные «обычные судьи» и назначаемые королем «судьи извне».

Органы местного самоуправления, созданные по образцу существовавших в Португалии муниципальных палат, играли в колониях значительно большую роль, чем в метрополии.

К органам местного самоуправления относились *камары* (муниципальные палаты), которые избирались общими собраниями белых горожан из числа самых состоятельных граждан. Делами палаты управлял сенат (или совет) палаты, в котором главную роль играли административные и судебские чиновники. Так, в муниципальной палате Луанды были представлены три инспектора финансов, два «обычных судьи» и прокурор, а также секретарь и казначей.

Муниципальная палата Луанды была создана еще в 1576 г. Паулу Диашем де Новаишем вскоре после основания им г. Луанды. Камера Луанды играла значительную роль в управлении Анголой. С ней не только считались, но и постоянно советовались губернаторы в чрезвычайных ситуациях, особенно по таким вопросам, как объявление войны или заключение мира с королем Конго [239, с. 115]. В 1651 г. для Анголы был назначен главный судья, который стал председателем муниципальной палаты Луанды. С 1722 г., когда в Анголу был назначен «судья извне», председательство перешло к этому судебскому чиновнику.

Благодаря своим исключительным привилегиям муниципальные палаты часто оказывались единственной реальной властью на местах. Более того, в XVI—XVII вв. этот могущественный институт в ряде колоний часто составлял серьезную оппозицию капитанам и другим высшим функционерам колониальной администрации. Бывали случаи, когда оппозиция муниципальных палат приводила к низложению губернаторов.

Например, камера Луанды сыграла в 1595 г. главную роль в низложении губернатора Франсиску де Алмейды и назначении на этот пост его брата Жерониму де Алмейды [там же].

Насколько была велика роль этого института в политической жизни колоний, можно судить по существовавшей тогда традиции, согласно которой вице-короли Индии и губернаторы колоний при вступлении в свою должность приносили присягу сохранять и уважать привилегии, которые имели муниципальные органы. Лишь после принесения этой присяги представители палаты вручали губернаторам или вице-королям ключи от ворот города. Эта своеобразная церемония вручения ключей губернаторам просуществовала в португальских колониях вплоть до XX в.

Члены палат широко использовали свое положение для личного обогащения. Муниципальные палаты с течением времени превратились в институты, имевшие не

только политическое, но и большое экономическое значение. Как правило, они сами устанавливали продажные цены на местные товары, имели многочисленные источники дохода, получая их от оплаты всевозможных лицензий, налогов на рыночную торговлю, штрафов на лавочников, владельцев постоянных дворов, гостиниц, харчевен и уличных торговцев, нарушавших лицензии и установленные цены. Камера также облагала пошлинами импорт из Португалии и Бразилии вина, бренди, рома и других алкогольных напитков и имела долю в пошлинах на экспорт рабов — «черной слоновой кости», составлявший основу экономической жизни Анголы в течение 250 лет [там же, с. 115].

Все высшие административные и судебные должности в колониях занимали португальцы — уроженцы метрополии. Как правило, это были разорившиеся дворяне, приехавшие в колонии на временное жительство с целью поправить свои дела и стремившиеся разбогатеть в возможно короткий срок.

Отправление административных и иных общественных функций в колониях считалось весьма прибыльным делом, и поэтому многие из португальцев добивались получения доступа к высшим должностям в колониальном аппарате. Оклады колониальных чиновников были высокими. Сохранился любопытный документ, датируемый 1590 или 1591 г., в котором содержится отчет о расходах в крепостях Софала, Мозамбик и Сена. Из него видно, что годовое жалованье алкайда составляло в Мозамбике 100 тыс. рейсов, в Сене—140 тыс., в Софале — 120 тыс. плюс 18 тыс. «на содержание», фактора в Мозамбике — 100 тыс., в Сене— 140 тыс. плюс 54 тыс. рейсов от губернатора и 4500 рейсов в месяц на содержание рабов. Овидор в Мозамбике получал 100 тыс. рейсов в год.

Жалованье капитана Софалы составляло 418 тыс. рейсов в год.

Как явствует из того же документа, капитанам крепостей разрешалось иметь по 50 слуг, на содержание которых им ежегодно выделялась сумма до 744 тыс. рейсов [137, т. IV, с. 2—5].

Главные же доходы колониальным чиновникам давало не официальное жалованье, а многочисленные злоупотребления и синекуры, связанные с отправлением административных функций. Эти вопиющие злоупотребления и неограниченный произвол открывали широкие возможности для обогащения, и это-то и делало перспективу получения должностей в колониях настолько заманчивой, что губернаторы Анголы Т. С. Тавариш (1701 — 1702) и Э. Ф. Аларкан (1717—1722) приняли предложения занять этот пост, когда им было около 80 лет.

Широкие полномочия чиновников, бюрократический централизм, система фаворитизма, продажа должностей, казнокрадство составляли отличительные черты государственного колониального аппарата.

«В колониях Испании, Португалии и Франции, — писал в 70-х годах XVIII в. Адам Смит, — правительства отличаются тем же абсолютистским характером, какой они имеют в их метрополиях, и неограниченные полномочия, которые эти правительства обычно представляют всем своим низшим чиновникам; естественно, осуществляются там, ввиду большой отдаленности, с более чем обычными произволом и насилием» [29, т. II, с. 174].

Во всех звеньях колониального аппарата царили неслыханная коррупция и взяточничество. Высшие функционеры обнаруживали удивительную изобретательность по части всякого рода злоупотреблений служебным положением, которые принимали порой столь огромные масштабы и скандальный характер, что королевский двор время от времени издавал на этот счет морализующие указы.

Так, указ от 12 апреля 1785 г. содержит ни к чему не обязывающие сентенции о коррупции губернаторов и капитанов Мозамбика, Сены и Софалы, проявившейся в незаконном повышении своего жалованья, назначении своих родственников и слуг на доходные должности, в получении подарков и взяток, в участии в различных торговых сделках и комбинациях с помощью денег, взятых из королевской казны, «чтобы вымогать чужое состояние и увеличивать свое» [394, с. 172].

В источниках имеются многочисленные свидетельства всякого рода чиновничьих злоупотреблений. Силва Корреа сообщает в своей «Истории Анголы», что португальские купцы обращались к капитану-мору с просьбой предоставить им носильщиков, за что он обычно получал с них крупные взятки. Кроме того, он отправлял с этими носильщиками для продажи свои собственные товары «в самые отдаленные и выгодные места». «Наконец, — сообщает этот весьма осведомленный информатор, — капитан-мору грозил невероятный позор, если он не мог сделать свою торговлю исключительной и получить большие барыши. Все стремились избежать этого позора любыми средствами, поскольку короткий срок в три года недостаточен, чтобы нажить значительное состояние» [134, т. I, с. 37—38].

Монах-иезуит Мануэл Баррету в своем докладе вице-королю Ж. Нунью да Кунье (1667) сообщал, что, хотя привилегии на торговлю с банту на материке, а также на торговлю с Мадагаскаром и другими близлежащими островами были пожалованы королем жителям о-ва Мозамбик, губернаторы лишили их этих прав и, чтобы обеспечить все прибыли от торговли для себя, «они узурпируют все, так что теперь всего лишь один или два жителя имеют кое-какой капитал, тогда как в прежние годы в городе было много богатых купцов». Губернаторы Мозамбика, сообщает Баррету, ввели порядок, при котором жители могли покупать товары только у них по их собственным ценам, а также и продавать товары только губернатору, и никому больше [137, т. III, с. 437].

В коллекции документов, изданной в конце XIX в. известным португальским географом Лушиану Кордейру, имеется любопытное свидетельство очевидцев о положении дел в Анголе: «Причина того, что королевство ныне находится в плохом состоянии и не имеет рынков, состоит в том, что... всю выгоду получают только губернатор и его чиновники, а жители и торговцы несут убытки из-за отсутствия торговли, и Его Величеству оказываются плохие услуги, ибо если не увеличивается торговля, то не увеличится и его казна» [67, с. 13]. Самые большие прибыли высшим колониальным чиновникам в XVII—XVIII вв., безусловно, давала работорговля. В одном из документов того времени мы находим любопытное свидетельство, дающее представление о степени, формах и методах участия административного аппарата в работорговле: «Причина отсутствия рынков и продажи рабов состоит в следующем: губернаторы устанавливают тиранический налог на эти рынки, который составляет одного раба из каждых десяти. Тотчас после того, как его европейский чиновник выберет этого одного раба из каждого десятка, является его скупщик, который выбирает второго здорового раба. Вскоро приходит овидор с черным чиновником и отбирает себе лучших рабов. Когда овидор их уводит, секретарь губернатора и другие лица... выбирают хороших рабов, оставляя лишь жалкие и ни на что не годные отбросы, состоящие из негров — стариков и детей» [там же, с. 245].

Попустительская политика королевского двора, не пугавшая слабых и не стеснявшая сильных, создавала возможности для неслыханного обогащения баловней судьбы, вознесенных на высшие ступени бюрократической иерархии. Губернатор Анголы Луиш Сезар де Менезиш (1697—1701) обвинялся в том, что вернулся из колонии с состоянием 1,5 млн. крузадо [394, с. 171]. Королевский указ от 5 октября 1742 г. констатировал: «Среди моих вассалов в королевстве Ангола существует чрезмерная и ненужная роскошь как в одежде и костюмах, так и при похоронах» [там же].

Буржуазные историки иногда признают, что колониальная администрация допускала многочисленные злоупотребления. Однако, признавая это, они тотчас же подчеркивают, что государство в лице королевской власти вело решительную борьбу со всякого рода злоупотреблениями, строго наказывая виновных, и что в основе португальской колониальной системы лежали принципы гуманности и справедливости. Изучение документов того времени показывает, что дело обстояло иначе. Королевская власть действительно боролась со злоупотреблениями колониальных чиновников, но только с теми, которые задевали интересы королевской казны. Особенно строго

лиссабонский двор наказывал тех чиновников, которые нарушали королевскую монополию на торговлю пряностями, слоновой костью и т. д.

О том, как ревниво относился двор к такого рода нарушениям законов, можно составить представление из следующего письма короля вице-королю Индии (28 марта 1589 г.): «Следующие шесть вопросов должны быть поставлены перед капитанами Софалы и Мозамбика... Торговали ли они товарами, запрещенными инструкциями факторий Софалы и Мозамбика? Посылали ли они что-либо, что было использовано в торговле Софалы и рудников их дистрикта, помимо тех товаров, которые им разрешено посылать этими инструкциями? Торговали ли они слоновой костью и посылали ли что-либо за свой счет в Индию вопреки предписаниям инструкций? Назначали ли они своих слуг капитанами торговых судов, посылаемых с моими товарами, отстранив капитанов, направленных фактором? Посылали ли они свой собственный товар для использования в торговле... Запрещали ли они посылать какие-либо товары к рекам мыса Доброй Надежды... и брали ли поступающую оттуда слоновую кость, мешая передаче ее фактору, как того требуют инструкции?» и т. д. [137, т. IV, с. 32].

Уже из перечня этих вопросов отчетливо видно, что королевский двор беспокоят только те злоупотребления капитанов Софалы и Мозамбика, которые наносят ущерб его собственным экономическим интересам. Поскольку чиновная бюрократия постоянно стремилась запустить руку в королевскую казну и поживиться за счет золота, серебра и слоновой кости в богатых монарших закромах, то на этой почве то и дело возникали острые коллизии и конфликты между королевской властью и отдельными колониальными администраторами, сопровождавшиеся посылкой комиссий для расследования, отправкой многочисленных докладов и отчетов королю, многолетними судебными процессами и суровыми приговорами виновным (например, «дело» Эстевана де Атайде).

Эти факты, действительно обильно представленные в документации того времени, и дают повод современным адвокатам колониализма выступать с утверждениями о том, что королевская власть решительно пресекала всякие злоупотребления чиновной бюрократии, отстаивая принципы справедливости, честности и гуманности в отношении завоеванных народов.

Эта получившая широкое распространение в буржуазной литературе «легенда», стремящаяся низвести многочисленные злоупотребления колониальных администраторов до уровня «частных случаев», объявить их печальными эпизодами в истории португальского колониализма, представляющая собой одну из составных частей теории исключительности португальского колониализма (лузо-тропикализм), должна быть отброшена самым решительным образом.

Пропагандирующие эту легенду буржуазные историки всегда оставляют в тени то немаловажное обстоятельство, что, хотя борьба королевской власти со злоупотреблениями чиновничества велась, она касалась только одного вида нарушений, а именно нарушений интересов королевской казны. Что же касается административного произвола и злоупотреблений против коренного населения колоний, то они всегда оставались безнаказанными. Невозможно указать ни одного документа, в котором в какой-либо форме содержалось осуждение королевским двором таких гораздо более многочисленных и гораздо более трагических по своим последствиям злоупотреблений.

Королевская казна — вот то единственное, что королевский двор старался оградить от посягательств хищной своры своих колониальных чиновников, которым их верноподданнические чувства к своему высокочтимому монарху ничуть не мешали при удобном случае запускать лапу в казну Его Величества.

К этим выводам приводит изучение документов, которое, между прочим, обнаруживает явную тенденцию королевской власти создать такую административную систему, при которой губернаторы, капитаны и другие высшие чиновники вообще не могли бы иметь никакого касательства к делам королевской казны. В ряде мелких колоний и крепостей этого удалось добиться; там высшие администраторы должны были

заниматься только чисто военными и политическими вопросами, а всеми делами королевской казны ведали специальные управляющие и инспектора королевских финансов (факторы, ведоры да фазенда и т. д.)⁴, подчиненные непосредственно Лиссабону (и, следовательно, независимые от местных колониальных властей).

В этой связи не лишено интереса следующее письмо короля Филиппа III Испанского (Филиппа II Португальского) вице-королю Индии от 28 марта 1618 г.: «Я считаю нужным назначить командовать этой крепостью (Мозамбик) дона Луиша де Менезиша, а в его отсутствие дона Алвару да Кошта с условием, что они должны служить в течение трех лет или дольше... пока я не прикажу иначе. *Они не должны вмешиваться каким-либо образом в дела казны, а заниматься только вопросами войны.* Оба должны подчиняться губернатору Мономотапы» (подчеркнуто мною. — А. Х.) [137, т. IV, с. 146].

Все это дает основание сделать вывод, что казна была святая святых феодально-монархического режима, покушения на которую рассматривались как посягательство на власть верховного феодального владыки. Поскольку королевский двор протестовал только против тех злоупотреблений, которые мешали бесперебойному поступлению финансов в королевскую казну, коррупция не только не прекращалась, но принимала все более грандиозные и всеохватывающие масштабы и характер. Один автор XVII в., перечисляя причины упадка Анголы, констатировал: «Почти всеобщее невежество низших чиновников и, сверх того, их преступное попустительство торговцам, которые не терпели ни малейшего уменьшения своих легких барышей, ради которых они жертвовали всем, было причиной упадка королевства Анголы» [67, с. 370].

Лиссабонское правительство смотрело сквозь пальцы на злоупотребления колониальной администрации и даже тайно поощряло их, поскольку богатства, нажитые путем хищнического разграбления природных и человеческих ресурсов колоний, широким потоком текли в метрополию.

Королевский двор надеялся оживить хилую экономику Португалии, впрыснув в ее вены свежую кровь богатых заморских колоний. Эта задача и была возложена на колониальный административный аппарат, главной практической функцией которого являлось обеспечение оптимальных условий для обогащения правящего класса метрополии за счет коренного населения колониальной империи.

Предметом особой заботы португальского правительства была армия. Для удержания под своим господством огромной колониальной империи, протянувшейся от Индонезии до Бразилии, Португалия нуждалась в больших контингентах сухопутных войск и сильном военном флоте. В условиях непрекращающегося колониального соперничества других европейских держав и роста сопротивления португальской экспансии со стороны народов Азии, Африки и Южной Америки Лиссабон справедливо рассматривал армию как главную опору своего владычества в колониях и постоянно заботился об увеличении колониальных войск. Португальское господство над огромной колониальной империей удерживалось исключительно силой оружия.

Административный колониальный аппарат настолько тесно срастался с военным аппаратом, что между ними трудно было провести четкую границу.

К началу XV в. в Португалии не было регулярной армии. Ее заменяла милиция, формируемая из добровольцев, которых набирали лишь для какой-нибудь определенной экспедиции, по окончании которой они возвращались домой. Начавший колониальную экспансию в Африке король Афонсу V пытался вербовать войска, в которых он нуждался, из членов военно-религиозных орденов и добивался разрешения на это у римского престола. Папа вначале согласился, но в результате демаршей брата короля инфанта Фердинанда, который был главой Ордена Христа и Ордена св. Якова, он отказался от своего решения и в 1467 г. заявил, что военно-религиозные ордены не обязаны участвовать в завоевательных войнах. Афонсу V и его преемник Жуан II

⁴ В королевских письмах они именовались «чиновники моей казны» (*ministrosde minha fazenda*) [см., например, 137, т. IV, с. 79].

вынуждены были подчиниться и рекрутировали солдат путем добровольной записи, составляя из добровольцев гарнизоны крепостей в Марокко и Гвинее [33, с. 20—30; 326, с. 127].

Главную боевую силу в этих гарнизонах в конце XV — начале XVI в. составляла кавалерия. Благодаря своей маневренности и скорости передвижения кавалерия могла наносить внезапные удары и сеять панику среди африканцев, которые раньше не видели лошадей и принимали их за какие-то сверхъестественные существа. Говоря о роли португальской кавалерии, испанские авторы книги, написанной на основе хроники Б. Родригеса (1560), пишут: «Ее наступательная мощь быстро решала исход сражений. Хотя существует мнение, что все дело было в огнестрельном оружии, на самом деле оно тогда было малочисленно и малоэффективно. Быстрота движения кавалерии позволяла поражать даже отдаленные племена и возвращаться на базу раньше, чем многочисленный враг мог этому помешать» [38, с. 39].

Далее с большой долей преувеличения и вопреки своему же утверждению они продолжают: «Мы должны беспристрастно признать боевое превосходство лузитанцев над противниками (мы говорим о зоне Арсилы). Они сражались всегда с большим напором и искусством, заставляя баланс успеха изменяться в свою пользу в большинстве битв. Марокканцы со своими полупиками... не обнаруживали ловкости и решительности, столь характерных для португальцев, которые с криком „Святой Яго!“ как смерч плотным строем бросались на врага, который мог заранее считать себя разбитым, отдав инициативу своему противнику, не обладая способностью маневрировать и присутствием духа, необходимыми, чтобы перестроить ряды после первого шока. Беспорядочное бегство и преследование врага были развязкой битвы» [там же].

Это описание, конечно, не адекватно исторической действительности и сильно преувеличивает «доблести» конкистадоров, которым тоже много раз приходилось обращаться в паническое бегство под ударами марокканских, ангольских и других войск.

Бурная колониальная экспансия, начатая Алмейдой и Албукерки после открытия морского пути в Индию, потребовала значительного увеличения военных сил. Чтобы добыть войска, король Мануэл I и его преемники — короли Ависской династии не пытались создать регулярную армию: они ограничивались тем, что приспособивали к новым условиям и потребностям прежние военные институты. В крепостях в Африке и Азии еще не было постоянных гарнизонов. Каждый раз, когда намечалась какая-то крупная военная акция, правительство формировало специальный экспедиционный отряд из добровольцев или осужденных. Такой характер португальская армия сохраняла вплоть до объединения Португалии и Испании в 1580 г.

Испанское правительство, более активное, чем правительство Португалии, приняло серьезные меры для укрепления военных сил. Испанцы вооружили пушками важнейшие форты в Бразилии, на островах Зеленого Мыса, на Азорских островах и в Анголе.

В португальских крепостях в Азии, Африке и Южной Америке появились постоянные гарнизоны. Так, из доклада губернатора Анголы А. Б. да Фонсека (1612) видно, что к этому времени имелись постоянные гарнизоны в крепостях Луанда (две роты), Мушима (одна рота), Массангано (одна рота) и Камбамба (три роты) [394, с. 145].

К концу периода «испанского плена» португальские крепости в Африке были снабжены сильными гарнизонами и укреплены по последнему слову тогдашнего фортификационного искусства. Вот что представляли собой некоторые из этих крепостей в Восточной Африке в описании современника (1635): «Тете — португальское поселение, расположенное на территории королевства Макаранга на берегу реки Замбези... Это поселение со всех сторон окружено стеной высотой $1\frac{1}{4}$ морской сажени (1 морская сажень = 6 футов = 182 см. — А. Х.) с шестью бастионами, имеющими несколько Фальконетов (пушек) весом до 8 фунтов... Крепость Софала, маленькая сама по себе, построена в форме квадрата с бастионом в каждом углу. Она построена полностью из камня и извести. Стена на каждой стороне имеет 10 морских сажень в длину, 5 в высоту и

5 ладоней в толщину» [137, т. II, с. 413, 403—404]. Ко времени отделения от Испании в 1640 г. Португалия обладала многочисленной и хорошо вооруженной армией, сильным флотом и цепью укрепленных фортов по берегам Атлантического и Индийского океанов.

Аффонсу VI (1656—1667) провел реорганизацию военных сил в метрополии и колониях с целью создать по примеру других европейских стран регулярную армию. По его приглашению в Португалию приехал граф Шомберг с 480 немецкими и английскими офицерами и унтер-офицерами, для того чтобы организовать португальскую армию по образцу других европейских армий. Эта реформа была распространена и на колонии, в которых были созданы регулярные военные силы. Наиболее важные колонии стали иметь по одному или по несколько полков во главе с местри де кампу (с XVIII в. они стали называться полковниками).

В частности, 5 апреля 1666 г. был издан королевский «Указ о реформе пехоты Анголы», который предписывал постоянно иметь в Анголе войска, состоящие из десяти рот по 100 человек в каждой, из которых восемь рот следовало держать в Луанде, одну роту — в Бенгеле и по одной — в крепостях Мбака, Камбамба, Массангано и Мушима. Все войска должны быть регулярными и оплачиваемыми. Эти войска набирались частично в колониях среди белых поселенцев и коренных жителей, частично в метрополии главным образом из числа осужденных, которых амнистировали при условии вступления в колониальную армию. Кроме того, в армию поступали также выходцы из беднейших слоев португальского крестьянства и городских низов. Там были также и рабы. Офицерами были, как правило, мелкопоместные дворяне (фидалгуш). Дисциплина в армии поддерживалась с помощью жесточайших мер наказания (так, например, дезертирство каралось смертной казнью).

Поскольку жалование было недостаточным и выплачивалось нерегулярно, в армии процветали мародерство и открытый разбой, которые официально поощрялись и считались лучшим средством заинтересовать солдат в участии в колониальных экспедициях.

Большая часть армии в Анголе была дислоцирована в Луанде. Во главе гарнизона стоял *капитан-мор* (т. е. старший капитан), позже эта должность была заменена должностью *сержант-мора* (старшего сержанта крепости). Артиллерией командовал капитан артиллерии. За оборону каждого из фортов крепости (Сан-Мигел, Носса-Сеньора-да-Гиа, Санту-Антониу и Пе-неду) отвечали капитан и сержант. В 1672 г. в Луанде был сформирован кавалерийский эскадрон.

Хронист О. Кадорнега сообщает, что при губернаторском дворце имелся отряд главной охраны. Ежедневно капитан с двумя ротами отправлялся на охрану морского побережья. Тот же автор говорит о должностях лейтенант-жерала, сержант-мора да баталья и местри де кампу (местри де кампу заменял губернатора, когда тот отсутствовал) [цит. по: 394, с. 147].

Наряду с регулярной армией была сохранена и милиция, которая с 1570 г. делилась на *компаниас де орденансас* (роты) под командованием капитанов, лейтенантов и т. д. Кроме того, португальские колонизаторы широко использовали так называемые вспомогательные войска, формируемые из коренных жителей африканских и азиатских стран с помощью лояльных по отношению к португальцам местных вождей.

На вооружении португальских войск были аркебузы, мушкеты и пушки. Благодаря огнестрельному оружию, хорошей организации и дисциплине португальская армия, как правило, одерживала верх над войсками африканских и азиатских правителей, которые чаще всего были вооружены только копьями, луками и стрелами.

Значительная по размерам и хорошо оснащенная португальская армия являлась в колониях реакционной силой, служившей орудием установления и закрепления колониального господства метрополии и составлявшей главное препятствие в борьбе народов Азии, Африки и Южной Америки за свою независимость.

Наряду с сухопутной армией важнейшей основой военного могущества Португалии в XV—XVII вв. был ее военный флот.

В результате усилий Генриха Мореплавателя к моменту его смерти Португалия была обладательницей самого сильного флота в Европе. Корабли принца Генриха отличались по своим размерам и форме от других кораблей, плававших в Средиземном море. Это были главным образом каравеллы и сравнительно большие корабли, водоизмещение которых доходило до 200 т [326, с. 118].

Уже к моменту смерти Генриха Мореплавателя португальский флот обладал многочисленным контингентом опытных навигаторов и лоцманов, в числе которых было много иностранцев (среди руководителей и лоцманов португальских колониальных экспедиций после 1448 г. мы встречаем имена датчанина Валларте, венецианца Кадамосто, немца Балтазара, генуэзцев Антонио Урусмараиза и Антонио Ноли и т. д.) [там же].

Племянник Генриха Мореплавателя Жуан II, восторженный поклонник и продолжатель дела своего дяди, много сделал для дальнейшего усиления португальского морского могущества. Жуан II также использовал услуги иностранцев, особенно датчан, для усовершенствования конструкции своих кораблей. Он лично занимался оснащением судов артиллерией и первым рискнул ставить на корабли большие пушки, что сразу сделало португальский флот самой внушительной в военном отношении силой в Средиземноморье и Атлантике.

При Мануэле I Счастливым и Жуане III Португалия стала подлинной «владычицей морей» и крупнейшей колониальной державой. Этим она в немалой степени была обязана могуществу своего флота. Португальские навигаторы и лоцманы приобрели репутацию лучших в мире, и их услугами охотно пользовались многие королевские дворы в Европе. В 1518 г. испанский король Карл V взял к себе на службу португальского капитана Магеллана, обиженного на своего государя за то, что он ничем не вознаградил его за службу на Востоке и в Марокко. В 1519 г. Магеллан возглавил экспедицию, которой суждено было в 1522 г. завершить первое в истории кругосветное плавание.

В португальском флоте царил тот же дух военного бюрократизма, коррупции и консерватизма, что и в армии.

Как писал Ш. Ланной, «организация флота в XVI в. не соответствовала ни его значению, ни размаху колониальных предприятий. Мало ломая над этим голову, португальцы ограничивались в этой области, как и в других, тем, что распространяли на колонии правила, действовавшие в метрополии. Опыт почти ничему не научил их, они прозябали в прежней рутине и упорствовали в старых ошибках... Когда нужно было дать командующего флоту Индий, король ограничился созданием должности адмирала Индии, во всем аналогичной должности адмирала Португалии. Точно так же как он дал городу Гоа хартию, в точности скопированную с хартии Лиссабона, он дал Васко да Гаме свидетельство адмирала, давшее ему те же права и налагавшее на него те же обязанности, что и на адмирала Португалии... Эта должность была наследственной, даже по женской линии. Неспособный человек мог быть назначен по праву рождения командовать флотами Индий и управлять портами колоний, если бы эти функции вскоре не стали чисто почетными» [там же, с. 119—120].

Офицерами во флоте могли быть только дворяне. Дворянский титул ставился выше личных способностей и военного опыта. Часто капитаном корабля или целой эскадры назначали человека, который никогда не был моряком, но зато был дворянином. Служба в королевском флоте считалась очень почетным занятием, и офицеры, участвовавшие во многих кампаниях, щедро вознаграждались королем.

В XVI в. был введен порядок, согласно которому офицер, проделавший пять кампаний в составе королевского флота, приравнялся по своим заслугам к офицеру, командовавшему в течение трех лет гарнизоном в одной из крепостей в Африке [там же, с. 120]. Все офицеры, кроме лоцманов, могли командовать войсками на суше так же, как и

на море. В этом случае их привилегии и вознаграждения соответствовали привилегиям тех, кто служил в королевском флоте [33, с. 226].

Корабли не имели постоянных экипажей. Для каждой экспедиции вербовался специальный экипаж, матросов набирали не только из профессиональных моряков, но и из людей, не имевших опыта плавания на судах. Моряки часто использовались и как солдаты на суше. Такой порядок комплектования экипажей судов приводил к тому, что они были, как правило, недисциплинированы и плохо обучены. В качестве матросов часто служили и иностранцы. Канонирами на кораблях, как правило, были итальянцы, немцы и фламандцы.

В португальском флоте не было парусных кораблей, специально построенных для войны. Галеоны и караки, которые во второй четверти XVI в. пришли на смену каравеллам, хотя и были вооружены пушками, служили не только для военных, но и для торговых целей.

Единственными судами, предназначенными исключительно для войны, были галеры — узкие и быстрые гребные суда. Но они никогда не использовались на далеком расстоянии от берегов, так как легко могли быть потоплены. Португальцы обычно подходили вплотную к вражескому судну и брали его на бордаж.

С начала XVI в. королевский флот был разделен на четыре эскадры. Две из них, состоявшие из галер и каравелл, обслуживали берега метрополии и Гибралтарский пролив. Третья курсировала в районе Азорских островов, чтобы вылавливать корсаров и охранять корабли, шедшие в Индию. Усиленная в 1552 г., эта эскадра стала состоять из трех галер и семи каравелл.

Четвертая эскадра состояла из судов, предназначенных для службы в Индиях и других колониях. Подсчитано, что после путешествия Васко да Гамы и до конца правления Мануэла Счастливого (1521) из Португалии в Индию вышло 250 парусных судов, т. е. около 10 в год. 20 из них погибли в пути. В течение 36 лет правления Жуана III на Восток были отправлены 248 судов [326, с. 122, прим.].

В XVI в. португальский флот занимал первое место в мире по числу своих кораблей. Ни один европейский монарх не имел столько военных судов, сколько было в распоряжении Мануэле Счастливого или Жуана III. По некоторым подсчетам, Жуан III имел флот, насчитывавший более 300 единиц.

Многочисленный и сильный португальский флот служил своего рода гарантом неприкосновенности португальских колониальных владений. В XVI в. их не пытались оспаривать у Португалии ни одна европейская страна. Разгром Ф. де Алмейдой египетско-гуджаратского флота в феврале 1509 г. в сражении у Диу не только нанес сильнейший удар арабской торговле и мореплаванию, но и почти на целое столетие сделал португальский флот хозяином восточных морей.

Однако уже к началу XVII в. португальский флот теряет свое ведущее место среди флотов европейских держав. Неудачная экспедиция короля Себастьяна в Марокко (1578), где погиб цвет португальского дворянства, и гибель «Непобедимой армады», экипированной в Лиссабоне, истощили казну и военные арсеналы Португалии и ускорили упадок португальского флота. Рекрутирование экипажей судов становилось все более трудным делом, и уже при Филиппе II на португальские суда, шедшие в Индию, стали нанимать главным образом голландских моряков.

Отказ португальских моряков служить на судах, шедших в Индию, был в значительной степени связан с опасностями такого путешествия из-за нападений пиратов и усиления английского и голландского флотов. Достаточно сказать, что из 157 судов, шедших из Португалии в Индию с 1580 по 1612 г., погибли 57. Часть из них была потоплена англичанами и голландцами, другие потонули, так как были перегружены товарами, которыми были забиты не только трюмы, но и каюты. Некоторые погибли из-за того, что при Филиппе II корабли строились наспех, без должного учета технических норм и условий [там же, с. 124—125].

К концу XVII в. Франция, став самой сильной державой в Европе, создает колониальную империю. После победы буржуазных революций в Голландии (XVI в.) и Англии (XVII в.) появились новые колониальные хищники, которые стали оспаривать у Португалии ее колониальные владения. Англичане и голландцы лучше знали порты португальских колоний, чем сами португальцы. Размеры английских и голландских судов стали превышать размеры португальских кораблей. Они могли перевозить больше товаров и развивать значительно бо́льшую скорость.

Ослабление военного и прежде всего морского могущества Португалии к концу XVII в. имело своим неизбежным результатом потерю ею большей части своих колониальных владений в Азии и Африке.

ОСОБЕННОСТИ «ТУЗЕМНОЙ» ПОЛИТИКИ ПОРТУГАЛИИ

Изучение и сопоставление рассыпанных в источниках сведений, относящихся к вопросу о взаимоотношениях португальских колонизаторов с местным населением завоеванных ими территорий, приводит к выводу о том, что именно португальцы были первыми колонизаторами нового времени, разработавшими с учетом опыта древнеримских колонизаторов и применившими в своей колониальной практике доктрину косвенного управления, которую у них спустя несколько веков заимствовала Англия.

Говоря об этом, известный португальский историк Кростован Пинту писал: «Португалия — первая европейская нация, которая мечтала управлять колониями с помощью туземных политических организмов. Этот курс Афонсу де Албукерки 300 лет спустя приняла Англия» [цит. по: 349, с. 97, прим. 1].

Панегиристы португальского колониализма пытаются обосновать тезис о том, что португальцы стремились жить в дружбе с «туземными» вождями и что «намерения португальцев всегда состояли в том, чтобы сохранить нетронутыми местные политические организмы» [там же, с. 55]. Американский историк Д. Эбшайр уверяет, что король Мануэл мечтал о «сотрудничестве и равенстве» с африканскими правителями и что его мечте не суждено было осуществиться только из-за «предрассудков некоторых людей на местах» [368, с. 94].

В изданном в Португалии при Салазаре учебнике для университетов можно найти утверждение о том, что «такие города, как Луанда и Бенгела, центры, привлекавшие народы хинтерланда, с самого начала сделали возможными гуманные отношения между белыми и черными, беспрецедентные в африканской истории» [209, с. 53]. Эти утверждения находятся в полном противоречии с исторической действительностью.

Абсолютно несостоятелен тезис о том, что португальские правящие круги стремились к дружбе с местными вождями. Они стремились только к тому, что их больше всего интересовало в заморских странах, — к золоту, слоновой кости, рабам и т. п., которые сулили им баснословные прибыли, роскошь, богатство и беззаботную жизнь.

Переход к системе косвенного управления был для Португалии, безусловно, вынужденным, а не добровольным шагом. Португальские правящие круги были вынуждены перейти к системе косвенного управления (т. е. к сотрудничеству с племенными вождями и включению их в колониальный административный аппарат) в силу двух главных обстоятельств.

Во-первых, Португалия не располагала достаточными людскими ресурсами, чтобы только своими силами оккупировать и сохранять эффективный контроль над обширной колониальной империей. «Одной из самых тяжелых проблем для португальской политики в Анголе и Мозамбике всегда была хроническая неспособность создать достаточно большое белое население для продолжительной европеизации и развития этих двух районов. Только в нынешнем веке — и особенно в последние 20 лет — число белого населения в африканских колониях заметно увеличилось», — писал Дж. Даффи [281, с. 79].

Во-вторых, вследствие упорного сопротивления, которое оказывали африканцы, особенно там, где существовали развитые общественные организмы, колонизаторы не всегда могли подчинить их своей власти силой оружия. В этих случаях на смену шпагам и мушкетам приходили льстивые речи и улыбки: тем вождям, которых португальцы не могли подчинить себе силой, они предлагали свою «дружбу» и «покровительство» и подписывали с ними договоры о дружбе и мире.

Анализ документов и хроник того времени приводит к выводу о том, что в ряде случаев договоры с вождями подписывались центральным правительством или делегированными для этого португальскими колонистами лишь после того, как терпели неудачу попытки подчинить этих вождей военными, религиозно-идеологическими, экономическими и другими средствами, или же после того, как осознавалась бесперспективность таких попыток. Так называемые договорные отношения с африканцами, в которые вступала Португалия и на которые так любят ссылаться буржуазные историографы для обоснования чистоты ее намерений, на самом деле были вынужденной политикой Португалии, имевшей чисто тактическое назначение.

На ранней фазе колонизации Португалия не имела ни ресурсов, ни опыта, чтобы завоевать те африканские государства, которые были достаточно сильными в военном отношении, чтобы сопротивляться европейской агрессии. Примеры этого мы видели, рассматривая историю взаимоотношений Португалии и Мономотапы. Убедившись в могуществе, прочности и значительной «сопротивляемости» этого африканского государства, португальский королевский двор отказался от попыток подчинить его военным путем, взяв курс на введение системы косвенного управления, т. е. на сохранение как урезанного суверенитета, так и самого правителя страны каранга, но в качестве вассала португальской короны. Последнее стало максимумом желаний Лиссабона, ибо это был тот максимум максиморум, которого он мог добиться.

В этой связи заслуживает внимания имеющееся в коллекции документов Тила письмо короля вице-королю от 31 апреля 1631 г., в котором он писал: «Я приказал тщательнейшим и усерднейшим образом изучить копию контракта, который вы подписали с Нуно Алваришем Перейрой относительно завоевания Мономотапы... Неизвестно, каковы намерения Нуно Алвариша Перейры в этом деле, ибо они не определены в контракте, но там говорится о завоевании Мономотапы, каковое не кажется необходимым, поскольку и вы и Нуно Алвариш одновременно сообщаете мне, что я господин этого королевства, а упомянутый король — мой вассал» [137, т. IV, с. 215].

Нередко португальские колонизаторы вынуждены были идти на заключение договоров с рядом наиболее сильных и хорошо организованных политических образований. При этом договорные отношения, в которые вступала с ними Португалия, бывали весьма разнообразны и включали в себя целый спектр различных взаимосвязей, начиная от отношений «партнерства» и «равенства» и кончая отношениями вассальной зависимости, низводящей африканского суверена до положения простого исполнителя воли колониальной администрации, обязанного платить королю Португалии большую дань⁵.

Последнее чаще всего бывало следствием военного поражения, нанесенного португальцами африканскому суверену, и юридически оформлялось в виде вассальной клятвы последнего королю Португалии.

Как явствует из источников, относящихся к португальским завоеваниям в бассейне Конго, такие клятвы приносились там следующим образом. Победенный, распростершись на земле у

⁵ О том, что размеры этой дани были обычно довольно внушительными, свидетельствуют хотя бы имеющиеся в источниках указания на то, что правитель города-государства Кильвы в 1502 г. платил королю Португалии ежегодную дань в 500 миткалей золота, что составляло 584 крузадо. В 1529 г. шейх Момбасы платил королю Португалии дань в 12 тыс. миткалей золота, причем стоимость миткаля в то время составляла 830 реалов [349, с. 38].

ног победителя, должен был сказать громким голосом: «Я был врагом Муэна Пута (на языке киконго и кимбунду — король Португалии), был побежден им и теперь обещаю никогда больше не причинять ему зла. Если я нарушу это обещание, пусть мое тело будет разорвано львами и пантерами» [267, с. 253].

Соба, давшие клятву вассальной верности или подписавшие формальные соглашения, были обязаны, по крайней мере теоретически, помогать португальцам в их военных кампаниях, в получении товаров и рабов. Кроме того, африканские «вассалы» должны были платить королю Португалии дань в виде золота, слоновой кости, рабов, предоставления носильщиков, а позже — в денежной форме. Размеры этой дани бывали различными — от очень значительных до чисто номинальных.

Другой важной обязанностью вассальных вождей было предоставление португальцам вспомогательных войск («герра прета», т. е. «черная война»). Вначале «герра прета» не оплачивались португальцами, а довольствовались лишь захваченной добычей, но к XVII в. они представляли собой уже организованные по образцу португальской армии наемные и хорошо оплачиваемые войска. Первым командующим ангольской «герра прета» был африканец Антониу Диаш Музунго [418, с. 36—37]. Условия договоров зависели в значительной степени от военной силы африканских контрагентов португальских колонизаторов.

Для отношений Португалии с африканскими политическими структурами можно вывести следующую формулу, которая имела характер универсального правила, действовавшего с неотвратимостью и последовательностью закона: обременительность договоров для африканских политических структур стояла в обратно пропорциональной зависимости к их военному могуществу и способности к сопротивлению захватчикам. Чем выше была эта способность, тем мягче были для них условия договора. Бывали случаи, когда, учитывая высокую «сопротивляемость» контрагента, португальцы, стремясь сделать его своим союзником, вынуждены были брать на себя сравнительно тяжелые и даже явно невыгодные обязательства. Однако в большинстве случаев эти договоры устанавливали ту или иную степень зависимости африканских обществ от Португалии, которая почти всегда была «выигравшей стороной».

В каждом договоре нашло свое отражение соотношение военных сил португальцев и их африканских контрагентов. Как правило, эти договоры фиксировали в юридической форме военное превосходство Португалии, что выражалось в признании африканскими правителями своей вассальной зависимости от португальского короля, признаваемого верховным сюзереном, с обязательством платить ему дань. По сути дела, установление такого рода отношений означало не что иное, как учреждение той или иной формы португальского косвенного управления территориями и превращение их в такие политически зависимые территориальные единицы, которые позже получили название протекторатов.

Краеугольным камнем доктрины косвенного управления был принцип искусственной консервации родо-племенных институтов и традиций. Стремясь расширить социальную опору и тем самым укрепить свою власть, португальские колонизаторы не только сохранили институты вождей племен и родовых старейшин, но и включили их в аппарат колониальной администрации, чтобы, опираясь на них, проводить через них свое политическое и идеологическое влияние. С этой целью португальское правительство постоянно заботилось о том, чтобы лояльные по отношению к нему вожди сохранили свои привилегии и часть своих прежних функций, а также имели право оставлять в свою пользу часть взимаемых ими с населения податей.

Генерал-губернатор Анголы Пайва Коусейру в опубликованной в начале XX в. книге «Ангола. Два года правления» писал, что в глубинных районах португальцы осуществляли свою власть через соба, причем никогда не вмешивались в их функции, за исключением совещательного арбитража в вопросах, касавшихся суда и налогов.

Выработанная португальцами в ходе колониальной практики система, при которой вожди и правители оказались вассалами короны и в то же время промежуточным звеном между колониальной администрацией и местным населением, окончательно лишила этих вождей инициативы и сделала их целиком зависимыми от европейских администраторов. В то же время она оказалась весьма удобной для Португалии, так как позволяла значительно уменьшить расходы и без того обычно пустой королевской казны на содержание административного аппарата, а также использовать освященный традицией авторитет племенных вождей как инструмент политического и идеологического влияния на массы африканского населения.

Таким образом, португальские колонизаторы создали такую модель колониального общества, при которой традиционные институты власти местного населения стали составными элементами навязанной ему извне военно-бюрократической диктатуры белого меньшинства. По словам реакционного португальского историка Тейшейры де Мота, «туземные вожди и старейшины поселений были интегрированы в португальскую иерархию и сотрудничают с администрацией» [401а, т. II, с. 54].

Однако следует подчеркнуть, что, как видно из содержащихся в источниках многочисленных свидетельств, племенные вожди включались в колониальную административную систему лишь в качестве ее низшего звена. Их функции были ограничены, они не могли влиять на направление и характер португальской политики, последней инстанцией, принимавшей окончательные решения по всем сколько-нибудь важным вопросам, всегда были португальские власти.

Феодално-сеньориальный принцип, лежавший в основе отношений между Португалией и крупными африканскими государствами на самой начальной стадии их контактов, как нам кажется, нашел свое отражение в геральдике и титулах португальского монарха.

Еще в 1489 г. король Жуан II добавил к своим титулам титул «сеньор Гвинеи». После путешествий Васко да Гамы и Кабрала в Индию король Мануэл, принимая во внимание, по словам Барруша, «универсальное правило земли», что «вся честь, которую приобретают люди, если они подданные, а не суверены, заключается в их имени, а у королей — в их титуле», решил в 1501 г. добавить к титулу «сеньор Гвинеи» титул «сеньор мореходства, завоевания и торговли Эфиопии, Аравии, Персии и Индии» [43, дек. I, кн. 6, гл. 1, с. 227]. Папа Александр VI утвердил эти титулы в 1502 г.

«Он взял этот титул не без основания и не случайно, — говорит Барруш, — а очень умело, справедливо и благоразумно, ибо с возвращением Васко да Гамы и особенно Педру Алвариша Кабрала он с их помощью действительно овладел всем, что они открыли, и это было одобрено и даровано ему папами» [там же].

Барруш много и подробно говорит о смысле и юридическом значении этих титулов. Он объясняет, что если Жуан II квалифицировался как сеньор Гвинеи, а не король Гвинеи, то это означало, что он не имел юридической власти над народом этой страны. Он приобрел лишь право владения (*senhorio*) над страной [там же, с. 227—228]; По мнению крупного знатока португальских хроник XVI в. Рэндлеса, «эти объяснения Барруша, видимо, указывают, что дон Жуан II считался скорее номинальным собственником территории, чем правителем над ее жителями. Значение *senhorio* должно было быть аналогично современному значению протектората» [373, с. 169].

Что касается титулов дона Мануэла, подчеркивавших, что он является сеньором мореходства, завоевания и торговли Эфиопии, Аравии, Персии и Индии, то они должны были означать, что он считает себя имеющим право на эти три монополии. Барруш писал по этому поводу: «И так как он в этом открытии, которое послал сделать дона Васко да Гаму и Педру Алвареса (Педралвареса) Кабрала, открыл три вещи, которые ни один король и ни один принц по всей Европе никогда не пытался открыть, то он захотел принять титул, включавший эти вещи, самые важные на всем Востоке» [там же, с. 228—229].

В отличие от испанцев, португальцев в XVI в. мало интересовали проблемы юридического порядка, поставленные открытием новых земель и народов. В то время как в Испании положение индейцев в Америке стало предметом яростных дебатов теологов, философов и юристов и потребовалось вмешательство папы Павла III в 1537 г., чтобы индейцы были официально признаны не зверями, а людьми, португальцы вовсе не заботились о том, чтобы найти какие-то юридические аргументы для обоснования своей колониальной политики [373, с. 170—173].

Однако с самого начала после вступления Португалии в договорные отношения с африканскими обществами в ее политике явно прослеживается тенденция, направленная на изменение юридического статуса зависимых территорий, с тем чтобы превратить протектораты в колонии. В соответствии с этим после установления системы косвенного управления Португалия стремилась модифицировать ее, заменив ее в конечном счете системой прямого управления, которая лишила бы какой-либо автономии африканские политические институты, превратив их просто в органы исполнительной власти колониальной администрации.

Изучение взаимоотношений Португалии с африканскими государствами выявляет явно выраженную тенденцию к постепенной модификации этих отношений. Даже там, где на первых порах договорные отношения имели видимость равноправных партнерских отношений (как это было вначале с Конго, Ндонго, Мономотапой), португальские колонизаторы, не оставляя своих претензий на монопольную власть, постепенно трансформировали эти отношения, сведя их к системе протектората с характерным для него принципом косвенного управления, а затем установили монопольное прямое политическое господство, превратив эти территории в колонии в современном смысле этого слова.

Таким образом, отношения Португалии с ранними африканскими государствами претерпели значительную эволюцию, характернейшей чертой которой является постепенная трансформация отношений равенства и партнерства в отношения господства и подчинения. Эту тенденцию отмечает Э. Мондлане, который пишет: «Там, где традиционная политическая власть была сильна, а военная машина была в состоянии оказать серьезное сопротивление европейскому завоеванию, португальцы действовали более осмотрительно и проявляли большую осторожность. Для начала они завязывали контакты с сильными африканскими государствами, устанавливая дипломатические отношения и направляя португальских „послов" ко дворам крупнейших африканских правителей. Затем, после того, как португальцы в достаточной мере разведывали внутренние сильные и слабые стороны правительства, они вторгались в страну, используя в качестве предлога обычные измышления о „провокациях" или „защите белых поселенцев и миссионеров"» [343, с. 27].

Мы полагаем, что в «туземной» политике Португалии в Африке в XVI—XVIII вв. можно наметить три главные фазы:

XVI — середина XVII в. В этот период португальская «туземная» политика вынуждена быть политикой признания суверенной власти правителей крупных африканских государственных образований и установления с ними дипломатических отношений вследствие высокой степени их «сопротивляемости» европейской экспансии;

середина XVII — конец XVIII в. На этом этапе португальская «туземная» политика становится политикой признания лишь ограниченного суверенитета африканских правителей в качестве политически и экономически зависимых вассалов португальской короны. Иначе говоря, на этой фазе африканские общественные организмы теряют статус суверенных государств и переходят на положение протекторатов;

конец XVIII в. — 1974 г. На этой фазе португальская «туземная» политика становится политикой безраздельного и ничем не ограниченного политического контроля. Африканские государства теряют даже формальную независимость, а правящая элита включается в колониальную административную систему в качестве низших чиновников.

Коренное население в этот период живет в условиях колониального режима, подвергаясь беспощадной эксплуатации, принудительному труду, расовой дискриминации и ассимиляции.

Эту эволюцию можно изобразить в виде следующей схемы, отражающей ее главные этапы.

Таблица

**ФАЗЫ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ ПОРТУГАЛИИ
С АФРИКАНСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ**

Характер отношений	Контрагенты	Статус африканского правителя	Степень автономии африканских государств	Конкретные примеры	Примерная датировка
Суверенные	Суверенное государство — суверенное государство	Суверен	Суверенитет	Португалия — Конго	XVI — середина XVII в.
Полуколонизальные	Суверенное государство — протекторат	Вассал португальского короля	Ограниченная автономия	Португалия — Мономотапа	XVI — начало XVII в.
				Португалия — Ндонго	Начало XVII в.
Колониальные	Метрополия — колония	Номинальный правитель, не имеющий фактической власти	Отсутствие автономии. Полная политическая зависимость	Португалия — Конго	Середина XVII — XVIII в.
				Португалия — Мономотапа	"
				Португалия — Ндонго	"
Колониальные	Метрополия — колония	Номинальный правитель, не имеющий фактической власти	Отсутствие автономии. Полная политическая зависимость	Португалия — Ангола	С конца XVII в.
				Португалия — Мозамбик	С XVIII в.
				Португалия — Гвинея	"

Следует заметить, что если вторую и третью стадии отношений (полуколонизальные и колониальные) прошли все без исключения африканские политические структуры, то первая стадия была скорее исключением, чем правилом, и имела место лишь в отношении самых крупных и сильных с военной точки зрения африканских государств, и притом очень непродолжительное время.

Разумеется, предложенная нами схема крайне условна и не дает полной картины межгосударственных связей между Португалией и ранними африканскими обществами. Естественно, тот или иной тип отношений никогда не существовал в чистом виде. В тот период, когда отношения Португалии и Конго строились по принципу «суверенное государство — суверенное государство» и когда в официальной переписке каждый из королей называл другого своим «братом» (XVI — начало XVII в.), в этих отношениях фактически уже было много элементов будущего полуколонизального и колониального статуса Конго. Точно так же в период, когда Мономотапа оказалась на положении протектората Португалии и когда ее правитель признал свою вассальную зависимость от португальского сюзерена, в политике Португалии явно прослеживалась и реализовалась тенденция к установлению монополюльной власти, введению системы прямого управления,

ликвидации какой-либо автономии и государственности и превращению страны в обычную колонию.

Подписанным с вождями договорам колонизаторы не придавали большого значения, рассматривая их лишь как ловушку для подчинения не слишком покорных и строптивых, и в случае нужды легко нарушали условия и не выполняли обещания и обязательств, зафиксированных в этих договорах.

Мы полагаем, что именно с этим обстоятельством следует связать тот бросающийся в глаза при изучении истории португальской колонизации и действовавший почти с неотвратимостью закономерности исторический феномен, что, когда какой-либо вождь подписывал договор о дружбе с португальцами и становился христианином, его преемник в девяноста случаях из ста бывал убежденным противником португальцев и возвращался к язычеству.

Следует сказать, что, как видно из документов, сами африканские правители куда более уважительно относились к подписанным ими договорам. В источниках можно найти много свидетельств, показывающих, как честно и неукоснительно выполняли африканцы условия договоров и как они противились стремлениям колонизаторов нарушить договорные обязательства. Хронист Б. де Резенди (XVII в.) свидетельствует: «Земли, через которые мы привыкли проходить, очень надежны. Но когда мы пытаемся пройти через новые районы или сделать что-нибудь такое, чего нет в договорах, они сопротивляются этому насмерть» [137, т. II, с. 411].

Главная цель португальцев при подписании договоров с вождями состояла в том, чтобы навязать им вассальную зависимость от португальского короля и включить их в феодально-иерархическую систему на правах колониальных администраторов низшего звена.

Сохранился документ — королевская инструкция капитан-жералу Анголы (1666), в которой мы находим, в сущности, четко сформулированную колониальную доктрину и развернутую программу португальской колониальной тактики в отношении местных вождей. В этой инструкции говорится: «Вы должны знать всех соба, находившихся у меня в повиновении... Вы должны знать причины, вызывающие их мятежи, и должны информировать об их намерениях, а также о намерениях короля Анголы и других королей... Тем соба, которые высланы и лишены земель, вы должны их восстанавливать, снова селить их там и сохранять институты местного суда. Вы должны, не жалея сил, работать с королем Анголы, чтобы сохранить и мир и его дружбу. Для того чтобы привести к повиновению мне всех соба, используйте мягкие средства — благосклонность и доброту. Если они разрешат проповедовать в своих государствах нашу святую веру, не требуйте от них, чтобы они платили мне дань... делайте со своей стороны все необходимые и возможные уступки, для того чтобы они оставались в мире с вами и с моими вассалами, *и таким путем вы им и поможете — даже если они этого не хотят — стать моими вассалами*» (подчеркнуто мною. — А. Х.) [349, с. 152—155].

Португальская колониальная доктрина предусматривала совершенно различный социально-правовой статус тех вождей, которые подписали договор о вассалитете и, следовательно, стали вассалами португальского короля, и так называемых незамиранных вождей, отказывавшихся признать себя вассалами Португалии. Первых сразу же можно было отличить от вторых даже по чисто внешним признакам и атрибутам. На ранней стадии колонизации при подписании договоров с вождями последние в знак своего вассалитета должны были наносить на тело особую татуировку [там же, стр. 198]. Кроме того, португальцы ввели обычай, согласно которому вожди, ставшие их вассалами и принявшие христианство (последнее, как правило, было обязательным условием для первого), должны были принимать имена знаменитых португальцев⁶.

⁶ Этот обычай был отменен только в 1901 г. (указ от 16 февраля), когда «туземным» вождям было запрещено носить имена знаменитых португальцев.

Принявших вассалитет вождей португальский королевский двор щедро одаривал, обхаживал и обласкивал, стремясь превратить их в послушные инструменты своей политики. Португальские короли имели обыкновение приглашать наиболее влиятельных африканских правителей и вождей или их детей в Португалию, где их обучали христианской доктрине, португальскому языку и стремились перевоспитать в «европейском духе»⁷. Эта политика была начата, когда король Жуан II в течение трех лет принимал в Лиссабоне вождя племени жалофо [96, т. IV, гл. 3].

Таким образом, колониальная политика Португалии отличалась известной гибкостью. Преследуя всюду одну и ту же стратегическую цель — выкачать из колоний как можно больше богатств (вначале это были драгоценные металлы, затем — рабы), португальские колонизаторы меняли свою тактику в зависимости от места, времени и обстоятельств. Действуя то мечом и огнем, то крестом и кадилом, то кнутом, то пряником, используя то насильственные, то дипломатические методы, они установили свой контроль над многими африканскими племенами и народностями.

Практика заключения договоров с местными правителями и вождями и включение их в систему косвенного управления используются реакционными историографами в качестве аргумента при их попытках обосновать тезис о том, что португальская колониальная политика всегда была гуманной и дружественной в отношении колонизируемых народов.

Эти утверждения не находят подтверждения в исторической реальности. Эти сознательные и несознательные фальсификаторы истории, строя свои концепции, всегда упускают одно существенное обстоятельство, без которого любая из этих концепций оказывается построенной на песке, а именно, что само подписание договоров африканскими правителями было, как правило, не добровольным, а вынужденным актом, и что поэтому в большинстве случаев мы имеем здесь дело не со «свидетельствами дружбы», а с актами насилия.

Принуждая с помощью грубой силы вождей подписывать «договоры о дружбе», колонизаторы, пользуясь их неграмотностью, незнанием португальского языка и неосведомленностью в области европейской юриспруденции, нередко обманывали их, скрывая подлинное содержание документов.

Характернейшей чертой португальской колониальной практики был высокий коэффициент насилия, который увеличивался по мере роста, расширения и углубления колониальной экспансии. Этот коэффициент был тем выше, чем больше были возможности для безнаказанного функционирования военно-полицейского репрессивного аппарата, составлявшего ядро и главную рабочую часть огромной и сложной машины португальского колониализма.

Главным и доминирующим методом в обращении португальцев с коренным населением было насилие, основанное на применении военной силы. Португальская колониальная империя создавалась далеко не так мирно, как это пытаются изображать историографы, утверждающие, что главным методом создания империи было заключение добровольных и дружественных союзов с «туземными» правителями. Так, американский историк Р. Чилкоут, явно искажая историческую перспективу и стремясь задним числом реабилитировать португальских колонизаторов, пишет: «Черты колониальной политики четко определились в течение раннего периода экспансии и колонизации. Политическая цель состояла в том, чтобы контролировать Африку и другие районы, чтобы строить империю, основанную на дружественных союзах» [254, с. 14]. С этим тезисом нельзя согласиться. В действительности империя создавалась не мирными, а военными средствами: путем кровавых завоевательных войн, беспощадного подавления всякого сопротивления,

⁷ Наиболее ярким примером этого является известный исторический эпизод, связанный с сыном короля Конго Афонсу I — Энрике, который был обласкан португальским двором, воспитан в монастыре Иоанна Крестителя, представлен папе в Риме, а 5 мая 1518 г. был возведен в сан епископа [подробнее об этом см.: 72, с. 95, док. 2; 170, с. 76—77].

карательных экспедиций, во время которых колонизаторы уничтожали африканское население, культуру и цивилизацию. Весьма характерно, что в течение нескольких веков наиболее употребительным официальным термином для обозначения португальских заморских владений было слово «конкистас», т. е. «завоевания». Применение этого термина в официальной документации того времени свидетельствует о том, что в ранние века колонизации португальцы признавали, что главный метод их политики на Востоке — прямой военный захват, подавление и насилие.

«Христианская конкиста, — пишет в этой связи Д. Уилер, — подразумевала существование языческого или неверного населения, причем характер португальского завоевания и администрации был чисто иберийским и средневековым» [418, с. 36]. Насилию отводилась первостепенная роль не только в колониальной практике, но и в колониальной теории португальских конкистадоров. Их идеологи пытались с помощью всякого рода теоретических и чаще всего теологических аргументов оправдать применение силы, ссылаясь при этом на «неполноценность» черной расы. Так, например, наш старый знакомый хронист Жуан де Барруш в оправдание садистской политики португальцев приводил следующий аргумент: «Если души тех, кто не исповедует христианство, все равно прокляты, то какой смысл считаться с их телами?»

Миссионер Франсиску де Гувейа, проживший несколько лет в государстве Ндонго, писал, что банту — это «дикари и варвары», которых нельзя обратить в христианство методами мирного убеждения. «Христианство в Анголе, — писал он, — должно быть введено силой, причем, как только банту будут обращены, они станут превосходными христианами» [235, с. 30]. Эту точку зрения разделял и хронист (XVII в.) Оливейра Кадорнега, проживший в Анголе более 40 лет, который доказывал, что «все эти языческие народы могут быть управляемы или подчинены не с помощью любви, а только с помощью грубой силы». Он утверждал, что банту можно держать в повиновении только драконовскими мерами. «С этими язычниками больше, чем с какой-либо другой нацией, действуй по принципу: „Да здравствует победитель!“ Будучи неграми, они ничего не боятся, кроме телесных наказаний и бича... Это единственный метод, которым держали их в повиновении прежние губернаторы и завоеватели, и только таким путем мы могли сохранить то, что завоевали силой оружия в этих королевствах». Описав массовую зверскую экзекуцию над многочисленными вождями, которые были заподозрены в заговоре против португальского правления в 1624 г., Кадорнега наставительно замечает, что «этот пример останется незабываемым для будущих поколений, запугав и терроризировав всех язычников этих королевств, ибо *только с помощью силы и страха мы можем сохранять наше положение над этими непокорными язычниками*» (подчеркнуто мною.— А. Х.) [цит. по: 238, с. 26—27].

В этих словах одного из самых известных участников и мемуаристов португальской конкисты в Африке заключена та формула, которая и лежала в основе всей колониальной теории и практики Португалии. Эта магическая формула насилия стала альфой и омегой португальского колониализма, ибо она давала универсально исчерпывающий и мотивированный ответ на вопрос о том, какими средствами и почему португальские колониалисты могут сохранить свое господствующее «положение над этими непокорными язычниками».

Наш вывод о том, что тезис Кадорнеги был фактически выражением общепринятой официальной точки зрения, подтверждается и тем, что эту точку зрения мы находим в подавляющем большинстве документов и в официальной корреспонденции, шедшей из Луанды в течение более чем двух столетий.

Так, например, известный герой португальско-голландской войны в Бразилии (1645—1654) Фернандиш Виейра, который был губернатором Анголы в 1658—1661 гг., напоминал королю о старом и испытанном обычае — «никогда не позволять негру поднимать руку против белого, ибо сохранение этого королевства зависит от этого повиновения и страха» [там же, с. 27].

Подобные рекомендации находили полное понимание и поддержку королевского двора в Лиссабоне. Вся история португальского колониализма — это история беспримерных актов жестокости и насилия, неслыханных по своему изуверству расправ над непокорным населением. История завоевания Африки португальскими колонизаторами — это своего рода мартиролог африканских народностей и племен, имевших несчастье обитать в зоне португальской экспансии.

По словам современного историка, «примечательно, что эти позорные факты были зафиксированы самими португальцами наряду с примерами гуманности, вежливости и великодушия арабов, которые заботились об оставшихся в живых после кораблекрушений португальцах, но, когда правители арабских городов посылали на португальские суда подарки и гарантии мира, они получали в ответ бомбардировки и грабежи» [257, т. III, с. 224].

Вот как описывал «цивилизаторские» методы, практиковавшиеся португальцами в отношении жителей островов Керимба, живший там в конце XVI в. Ж. Сантуш: «В то время, когда я жил здесь, еще было несколько мавров, которые помнили первых португальцев, которые прошли вдоль этого побережья, и жестокость, с которой они обращались с туземцами, не хотевшими мира и дружбы с ними, и которых они наказывали столь сурово, что не щадили ничьей жизни, даже женщин и детей» [131, ч. I, кн. 3, гл. 5].

Один испанский идалго, побывавший в 1621 г. в Восточной Африке, тоже заметил, что горькая память о жестокости пионеров-конкистадоров еще сохранилась среди жителей и что были еще видны развалины мечетей и городов, которые они разрушили в своем религиозном фанатизме.

В источниках можно найти немало свидетельств изощренной жестокости и коварства португальских колонизаторов. Побывавший на о-ве Сан-Томе в конце XVII в. капитан Томас Филипп рассказывал, что «португальцы — столь искусные отравители, что... когда они режут кусок мяса, та сторона, которую они хотят дать врагу, будет отравлена ядом, в то время как другой его даже не почувствует, поскольку нож отравлен только с одной стороны» (140, т. VIII, с. 121).

В официальной корреспонденции и миссионерских отчетах то и дело встречаются многочисленные жалобы на акты жестокости и произвола, чинимые португальскими солдатами и торговцами на восточноафриканском побережье в отношении суахили. В этом вопросе Сантуш, Гаспар де Сан-Бернардину, А. Бокарро и др. единодушны больше, чем в каком-либо другом. В частности, у них можно найти свидетельства о возмутительных актах жестокости португальских солдат на о-ве Пемба, где они терроризировали местных жителей, забирая из их кухонь приготовленную ими пищу, чтобы избавить себя от забот по приготовлению своей собственной, а также крали и конфисковывали все, что попадалось им под руку.

Жестокая и жадная португальская солдатня вела себя таким образом, что доведенные до отчаяния жители то и дело восставали, хотя полностью сознавали безнадежность этих попыток освободиться от гнета и произвола [242, с. 33].

В 1627 г. вице-король Индии П. Перейра жаловался королю на жадность и вымогательства португальцев в Момбасе. Он описывал их как «не признающих законов и неистовых людей, которые и не помышляли о справедливости и были виновны во многих нападениях и грабежах» [308, с. 41—42].

А вот как описывается в одной португальской хронике XVI в. поведение португальской солдатни и чиновников в Марокко, которое, впрочем, было скорее не исключением, а общим правилом и для других колоний: «Они [португальцы] вышли ночью, чтобы утром подойти к Азро... Войдя туда, они начали сражение, убили много жителей ударами копий и овладели городом со всеми, кто был в нем. Они захватили много мавров — юношей и девушек, солдат и всякого рода товаров, ковров, бурнусов... оружия и лошадей... Дон Франсиску де Кастру разбогател настолько, что вскоре вернулся

в Португалию, причем старики рассказывают, что он привез кожаный сундук, набитый золотыми монетами и золотым порошком, которые он приобрел в этих набегах, производимых им столь часто, что в радиусе 6 миль вокруг Агадира не осталось городов, деревень, поселков и населенных мест, на вершинах горы или под нею, которые бы он не захватил и не разграбил» [294а, с. 179].

Весьма точную и яркую характеристику сущности португальской политики в отношении завоеванных территорий дал один из высших колониальных сановников, вице-король Жуан де Кастру, который заявил (1548 г.): «Португальцы прибыли в Индию с саблей в одной руке и с крестом в другой. Но когда они находят золото, они отбрасывают крест в сторс'ну и набивают свои карманы» [358, с. 72].

Еще более определенно высказался другой крупный колониальный чиновник, М. Северим де Фариа, который писал в 1625 г.: «С начала завоевания и до настоящего времени в Анголе не было ничего, кроме сражений. Очень мало было сделано для обращения в христианство жителей этой великой провинции, большинство которых пребывают в том же состоянии, в каком были, когда мы пришли сюда. Они больше потерпели от нашего оружия, чем просветились от нашей религии» [238, с. 25]. Право, лучше этого, пожалуй, не скажешь!

Буржуазные историки, взявшие на себя малочетную задачу задним числом реабилитировать преступления португальского колониализма перед человечеством, дают искаженную картину целей, характера и методов португальской колонизации. Так, Р. Чилкоут пишет, что «подвиги Алмейды и Албукерки претворили в жизнь португальскую мечту о завоевании и имперской экспансии. В течение немногим более чем века Португалия стала мировой державой, господство которой простиралось от Бразилии... до Индии, Цейлона и Малакки» [254, с. 6]. Укрепляя свое владычество над африканскими территориями, португальцы, по мнению Чилкоута, преследовали следующие цели: принести «христианские» идеалы «нецивилизованным» массам, распространить влияние на неизвестные районы, завоевать «туземное» население путем так называемого замирения и поощрить белую эмиграцию из Португалии [там же]. Претендующий на научную объективность Чилкоут дает, однако, субъективную оценку целей португальской экспансии, не видя главной из этих целей—безудержного стремления конкистадоров к обогащению и наживе. Будучи далек от понимания законов общественного развития, он не в состоянии разобраться в сущности эпохи первоначального накопления, которая, по образному выражению К. Маркса, была «утренней зарей капиталистической эры производства».

Португальских колонизаторов, привыкших смотреть на свои колонии как источник легкого обогащения, прежде всего и больше всего интересовали золото, слоновая кость, пряности и рабы. Жажда обогащения толкала португальцев на самые дерзкие колониальные авантюры и самые гнусные преступления. Богатства, приобретенные в результате этих авантур, послужили основой первоначального накопления капитала и дальнейшего развития капиталистического производства Западной Европы и Америки.

Огромное здание португальской колониальной империи, которая простиралась на четырех континентах и не знала себе равной по масштабам во всей истории человечества, было воздвигнуто на костях, слезах, крови и страданиях миллионов людей.

Характерной чертой португальской колониальной политики всегда было целенаправленное использование племенной раздробленности и межплеменных противоречий, существовавших среди коренного населения.

Изучение источников приводит к выводу о том, что племенная раздробленность была одним из главных факторов, объясняющих, почему африканское общество не смогло устоять перед натиском португальского колониализма. Колонизуя Африку, португальцы широко применяли тактику раскола племен и народностей и взаимного их натравливания. Именно эта тактика дала возможность Португалии держаться в Африке почти 500 лет.

Начало этой политики было положено еще Афонсу де Албукерки, этим «Наполеоном Индии», как помпезно именуют его португальские историографы [349, с. 46], который искусно использовал в своих целях вражду между саморином Каликута, набобом Диу и султаном Малакки. Когда в 1510 г. Албукерки овладел Каликутом, в осаде города вместе с его армией участвовал и флот, посланный правителем Кочина. В 1535 г. вице-король Индии Нунью да Кунья, подвергнув штурму Момбасу, вел вместе со своим войском 150 африканцев из Малинди под командованием вождей Сакоежа и Сиде Бубак. Когда в конце XVI в. правитель жалофо (Гвинея) отправил посла в Лиссабон, чтобы просить о помощи и защите против вторгавшихся на его территорию врагов, королевский двор тотчас же принял решение удовлетворить эту просьбу на том основании, что это было «в интересах королевской короны» [43].

Современник этих событий Алмада писал: «Родственник короля жалофо... прибыл в наше королевство, чтобы объявить о своем повиновении нашему королю и просить построить в его королевстве крепость и факторию, чтобы воспользоваться нашей помощью против тех, кто узурпировал королевство его предков» [251а, с. 122]. Правитель жалофо был крещен в Португалии в 1488 г. О нем упоминают в своих хрониках Ж. де Барруш, Руи де Пина и Гарсия де Резенди.

Португальские колонизаторы придавали исключительно большое значение задаче раскола и разобщения сил африканцев, отлично сознавая, что только такая тактика может позволить им со сравнительно маленькими силами подавлять сопротивление многочисленных, но разобщенных и враждующих между собой местных племен. Португальский хронист Б. де Резенди писал в своей книге «О Государстве Индии» (1635): «Сила туземцев гораздо больше, чем сила нескольких португальцев, которые находятся в этой стране (речь идет о районе Замбези.— А. Х.), но условия теперь очень отличаются от тех, что были в прежние времена, ибо мы сражаемся против них вместе с теми кафрами, с которыми они прежде сражались против нас. Примечательно, что среди этих наших рабов или вассалов, которые сражаются за нас, никогда не было измены и они сражаются против таких же кафров, как они сами, со всей энергией и преданностью» [137, т. II, с. 418].

Изучение источников показывает, что португальцы придавали также большое значение различным методам психологической обработки коренного населения, внушая ему мысль о всемогуществе португальцев и воспитывая его в духе послушания и покорности. Главная роль в осуществлении этой задачи отводилась католической церкви в лице миссионеров, разработавших и претворивших в жизнь целую систему идеологического гипноза и духовного порабощения, с помощью которой церковники пытались установить безраздельную монополию над телами и душами своей паствы.

Любопытно, что с целью, оградить свои владения от притязаний колониальных соперников португальцы использовали все рычаги идеологического воздействия на африканцев для воспитания их в духе ненависти и вражды ко всем непортугальцам (в том числе и к европейцам непортугальского происхождения). Вот что писал об этом в конце XVIII в. португалец Баптиста де Монтаури, много лет проживший в Восточной Африке: «Вообще все кафры Сена, как рабы поселенцев, так и вассалы-данники Государства Индии, покорны и дружелюбны к португальцам, которых они называют музунгуш. Они не любят всех, кто не португалец, называя всех иностранцев мафутуш. Эта неприязнь происходит от суеверного страха, который внушили им португальцы, говоря им, что все мафутуш едят негров, и другие абсурдные вещи, которым они безоговорочно верят, и это одна из главных причин, почему они столь дружелюбны к нам, ибо они говорят, что только музунгуш — хорошие, а все другие плохие. Можно надеяться, что это убеждение останется в умах этих кафров, так что таким путем мы всегда будем иметь возможность господствовать над ними и жить безмятежно» [цит. по: 238, с. 48].

РАСОВАЯ ПОЛИТИКА ПОРТУГАЛЬСКИХ КОЛОНИЗАТОРОВ В АФРИКЕ

Идейные оруженосцы португальского колониализма пытались обосновать «исключительность» заморской политики Португалии ссылками на фрейдистскую теорию психоанализа, исходя из которой они выводили особые социально-психологические

свойства португальцев. Эти свойства якобы заключаются в отсутствии всяких расовых предрассудков, в умении приспособливаться к чуждой им социальной среде (особенно в условиях тропиков) и преобразовать эту среду посредством биологической и культурной ассимиляции. Эта теория, известная под названием лузо-тропикализм, в наиболее полном виде развита в трудах видного апологета португальского колониализма известного бразильского социолога Жилберто Фрейре.

Жилберто Фрейре по специальному приглашению Салазара приезжал в португальские колонии и изучал сложившиеся там социальные отношения, чтобы подвести идеологическое обоснование под пошатнувшееся господство Португалии в Азии и Африке. Его заслуги были высоко оценены салазаровской камарильей. 18 ноября 1962 г. на специально устроенной торжественной церемонии создателю теории лузо-тропикализма был вручен диплом доктора социологии онорис кауза в Коимбрском университете.

В своих трудах Ж. Фрейре настойчиво проводит мысль о том, что португальцы в колониях насаждали лузо-тропикалистскую цивилизацию путем «олузитанивания» народов, т. е. путем «биологического процесса ассимиляции и социологического процесса симбиоза культур». При этом в основе этого процесса, утверждает Ж. Фрейре, всегда лежало «гуманное» отношение португальцев к народам, подвергшимся процессу «олузитанивания», ибо португальская колониальная политика проникнута «духом христианского братства» [297].

«Исключительность» португальской колониальной политики Ж. Фрейре выводит из «исключительности» социально-психологического комплекса португальца, который в отличие от всех других европейцев якобы обладает способностью к интеграции с социальной средой тропиков. Португалец, пишет Фрейре, «может быть самым пластичным элементом, наиболее приспособленным приравниваться к тропическим условиям жизни» [298, с. 264]. Именно в силу этого уникального социально-психологического свойства португальцев их колонизация, по мнению Фрейре, «отличается от других по своей традиционной способности к образованию вместе с народами и культурами тропиков новых народов и новых культур, которые некоторые из нас называют лузо-тропикалистскими» [там же, с. 207]. Таким образом, способность португальца, вживаясь в социальную среду тропиков, создавать то, что «некоторые называют сегодня симбиозным типом цивилизации, а именно лузо-тропикалистскую цивилизацию, уже очень развитую в различных частях Африки» [там же, с. 219], рассматривается как уникальное свойство португальских колонизаторов.

Секреты всех успехов Португалии, и в частности успехи ее колониальной экспансии в XV—XVI вв., утверждает Фрейре, надо искать в особых свойствах национального характера португальца: его мобильности, способности вживаться в новую среду и легко акклиматизироваться в тропиках.

В своей работе «Мир, который создала Португалия» Фрейре писал: «Португалия, Бразилия, Африка, Португальская Индия, Мадейра, Азоры и острова Зеленого Мыса составляют сегодня единое целое с точки зрения сознания и культуры... В Азии, в Бразилии, на островах Атлантики и в определенной степени в Африке благодаря португальскому методу колонизации... развились сердечность и благожелательность, характерные для португальского народа. В своих отношениях с так называемыми низшими людьми это самый христианский и преисполненный сочувствия народ».

Всячески восхваляя расовую политику португальцев, идейные оруженосцы колониализма стараются доказать, будто португальцы всегда отличались от других колонизаторов своей расовой терпимостью, умением приспособиться к чуждой им среде.

Так, например, официальный историограф Алмада Негрейруш писал о португальцах: «Это народ в сущности романский или „латинский" — а римляне, как известно, были самыми великими ассимиляторами из всех народов всех времен. Можно только удивляться, как в условиях той эпохи португальцы могли получить столь ясное,

верное и практическое понятие о способе, которым можно цивилизовать народы, подчиненные их господству, не забывая при этом своих собственных материальных интересов» [349].

Эти концепции португальских историков развивают их буржуазные коллеги в западных странах. Так, ответственный секретарь Центра стратегических исследований Д. Эбшайр пишет в книге «Португальская Африка»: «Португальцы обнаруживали терпимость, способность к сосуществованию с африканцами и желание принять их, что редко делали другие европейцы... Тенденции к сосуществованию, может быть, отражают их собственное древнее расовое смешение, не полностью европейское. Они также отражают характеристики португальцев в Африке: желание договориться и идти на компромисс, иногда граничащее со слабостью» [368, с. 103].

Созданная и романтизированная буржуазной историографией легенда о лузо-тропикализме является одной из самых хитроумных и вредоносных легенд, которые когда-либо были пущены в оборот и взяты на идеологическое вооружение адептами колониализма за всю его многовековую и кровавую историю.

Убедительная критика теории Ж. Фрейре, разоблачающая ее вредоносную сущность, была дана известным ангольским общественным деятелем Марио де Андраде в статье «Что такое лузо-тропикализм?». Вскрывая полную научную несостоятельность этой теории, в основе которой лежат мистификация и мифотворчество, М. де Андраде пишет: «Фрейре упускает существо колониального вопроса. Его понимание лузитанской культуры очень просто: это весь комплекс типично европейских ценностей, перенесенных и пересаженных колонизаторами, — нравы, привычки, вера, а также техника, короче: стиль жизни.

Какое гармоничное и сердечное участие в этом культурном идеализме, в этой мистификации может принимать Африка под португальским господством, где туземные культуры систематически разрушались жестокой политикой ассимиляции? Люди там детрибализованы, все население подвергается принудительному труду» [207, с. 28—29].

Утверждения апологетов португальского колониализма обнаруживают свою несостоятельность при первой же попытке проверить их достоверность в свете исторических фактов.

Несмотря на то что расовая дискриминация не была официально «освящена» законом, она стала обычной практикой в португальских колониях сразу же после их завоевания в XV—XVI вв. Английский историк К. Боксер, специально исследовавший вопрос о межрасовых отношениях в португальской империи, справедливо писал: «Современные португальские писатели, которые утверждают, что их соотечественники никогда не имели какого-либо чувства цветного предрассудка и не проявляли дискриминации против африканских негров, странным образом игнорируют очевидный факт, что одна раса не может систематически поработать представителей другой в большом масштабе в течение трех веков, не приобретя сознательного или бессознательного чувства расового превосходства. Это было одинаково справедливо и в Восточной и в Западной Африке, и если слова „негр" и „кафр" не обязательно имеют унижительный оттенок, то они, конечно, очень часто подразумевали его, точно так же как такой оттенок в английском языке имели (и имеют) слова „ниггер" и „каффир"» [238, с. 56].

Португальские колонизаторы широко применяли дискриминацию в отношении завоеванных народов не по признаку их религиозной принадлежности, а именно по признаку цвета их кожи. Среди европейцев было широко распространено мнение, что «цветные» — это неполноценные существа, которых нельзя считать людьми в полном смысле этого слова.

Идея о «неполноценности» африканской расы тогда уже получила в Европе всеобщее признание. Кавацци писал в 1687 г. об африканцах как о «людях, скорее подобных животным, чем разумных». Эта точка зрения разделялась в то время почти все-

ми европейцами. Даже великий португальский поэт Камознс, один из просвещеннейших людей своего времени, называл африканцев «порочными и жадными дикарями» [цит. по: 268, с. 95]. Значительно позднее известный колониальный администратор Антониу Энее писал: «Я не считаю, что негр должен быть истреблен из-за необходимости экспансии белой расы, но, возможно, я верю в его более низкую естественную сущность».

Как признает Д. Эбшайр, для португальцев было характерно представление о себе как об «избранном» народе, стоящем выше других наций. «Такие идеи превосходства использовались в свое время как моральное оправдание работорговли и заменившей ее позднее системы труда по контракту в Португальской Африке».

Даже документы, цитируемые многими португальскими историками как доказательство отсутствия расового предрассудка, при более внимательном изучении, как это правильно подметил Э. Мондлане, обнаруживают признаки явно враждебного отношения к «цветным» [343, с. 37]. «Вопрос о равенстве мог возникать только применительно к туземцам, которые сделали какое-либо усилие, чтобы принять португальские привычки. Упоминания же об африканцах в контексте их собственного общества повсюду полны презрения или по меньшей мере жалости: „естественная простота народа этого континента“. Всегда подразумевается, что португальцы, естественно, выше народа, который они покорили, и что он может надеяться на какое-либо равенство, лишь став „португальским“. В то же время роль завоевателей описывается как „справедливая, гуманная и цивилизаторская“. Это политика ассимиляции, лежащая в основе португальских претензий на „нерасизм“. Эта теория состоит в том, что каждый житель португальской империи имеет возможность абсорбировать португальскую цивилизацию и что, если он сделает это, он затем будет принят на равных условиях с теми, кто родились португальцами, независимо от цвета кожи или происхождения» [там же].

«Что определено, — пишет К. Боксер, — так это то, что расовая дискриминация в пользу родившихся в Европе португальцев, если и не всегда принималась в теории, была широко и постоянно применяема на практике огромным большинством заморских вице-королей и губернаторов. Переписка сменявших друг друга в Гоа вице-королей полна жалоб на реальную или подразумеваемую физическую и моральную неполноценность метисов по сравнению с европейскими уроженцами и потомками португальцев. На высшие военные и административные посты, а также на высшие церковные должности назначались белые португальцы, а метисы и люди смешанного происхождения должны были играть второстепенную роль» [238, с. 71].

Апологеты португальского колониализма обычно аргументируют тезис об органически присущем португальцам умении приспособливаться к чуждой социальной среде и об отсутствии у них «цветного предрассудка» ссылками на большое количество смешанных браков в колониях в XVI—XIX вв.

Действительно, в португальских колониях в Африке часто имели место браки между португальцами и африканцами. Но причину этого явления надо искать не в отсутствии у португальцев «цветного предрассудка», а в отсутствии белых женщин в африканских колониях.

После того как в 1595 г. в Анголу были доставлены 12 белых женщин, не предпринималось дальнейших попыток поощрить женскую иммиграцию. Часто преступники, ссылавшиеся «на вечное поселение» в Африку и составлявшие значительную часть белого населения колоний, привозили с собой жен — девушек из сиротских домов и реформатских школ, на которых они женились перед отплытием из Европы. Из-за тяжелых климатических условий белые женщины в очень малом числе ехали в Анголу и совсем не ехали в Бенгелу, где их не было почти в течение 200 лет. Белых женщин не хватало и в колониальной Бразилии, но там их все-таки было гораздо больше, чем когда-либо в Анголе, Мозамбике или в «португальской» Индии. Большинство женщин, не побоявшихся трудностей жизни в Африке, умирали через несколько лет после прибытия, обычно при родах.

В официальной корреспонденции XVI—XVII вв. часто встречаются упоминания о малом числе белых женщин в колониях. Так, в феврале 1635 г. король писал вице-королю: «Говорят, что в Мономотапе и на реках существует гораздо бо́льшая нехватка женщин, на которых могли бы жениться жители, чем мужчин» [137, т. IV, с. 249].

Путешественники, посетившие Мозамбик в XVIII—XIX вв., постоянно отмечали почти полное отсутствие белых женщин. В 1887 г. в Лоренсу-Маркише были только две женщины-португалки [281, с. 81]. Известный хронист Оливейра Кадорнегз свидетельствовал, что солдаты гарнизона и другие европейцы часто вступали в связи с черными женщинами из-за нехватки белых женщин, «в результате чего имеется много мулатов и цветных» [цит. по: 238, с. 30].

Комментируя это важное замечание Кадорнеги, Боксер пишет: «Другим результатом сосредоточения португальских усилий на работоторговле было укоренившееся убеждение, что негр может быть законно поработан и что поэтому он бесспорно низшее существо по сравнению с белым человеком. Мужчина-португалец мог легко вступить в брак с негритянкой по закону или свободно, а ввиду крайней нехватки белых женщин в Анголе он бывал почти вынужден жениться (если он вообще женился) на мулатке или (реже) на негритянке. Но из этой готовности жениться на цветной женщине еще не следует, что мужчина-португалец не имел расового предрассудка, как часто утверждают современные апологеты. Бывали, конечно, отдельные исключения, но превалирующим социальным эталоном было... сознание белого превосходства. Капитан Антониу де Оливейра Кадорнега, который прожил в Анголе более 40 лет, в этом отношении более надежный авторитет, чем доктор Антониу де Оливейра-Салазар, который никогда не ступал на землю Африки» [238, с. 40]. Заслуживает внимания то обстоятельство, что многие представители правящего класса (в том числе Кадорнега) высказывали осуждение в адрес тех португальцев, которые «смешивались» с цветными.

Как видно из документов, королевская власть не поощряла смешанных браков и даже решительно противилась им. К концу XVII в. был законодательно установлен порядок, согласно которому земельные держания (празу) переходили к старшей дочери и сохранялись за нею только при условии ее брака с белым мужчиной, родившимся в Португалии. Этот закон, свидетельствующий о том, что португальские власти противились расовому смешению с помощью законодательных мер, может служить аргументом, опровергающим утверждения об отсутствии расового барьера в португальских колониях.

В то же время смешанные браки в условиях отсутствия возможностей браков в пределах одной расовой группы никак не могут быть аргументом в пользу теории «расового равенства». К тому же, как видно из многочисленных свидетельств современников, эти браки были, как правило, фактическими, а не юридическими, причем с «цветными» женами чаще всего обращались как со служанками или рабынями.

Таким образом, смешанные браки, на которые так любят ссылаться теоретики лузотропикализма, на деле были не результатом отсутствия у португальцев «цветного предрассудка», а вынужденной необходимостью, продуктом конкретной исторической ситуации, созданной отсутствием белых женщин.

Кроме того, следует учитывать, что смешение шло отнюдь не столь быстрыми темпами и не в столь широких масштабах, как это изображает буржуазная статистика.

Португальские официальные издания периода фашизма имели тенденцию преувеличивать численность и удельный вес мулатов среди населения португальских колоний. В начале 70-х годов в Анголе европейцы составляли около 4%, мулаты — немногим более 1 и африканцы — 95% населения. В Мозамбике мулаты составляли только 0,5% населения (в то время как в ЮАР на них приходится 8,5% населения)⁸.

⁸ Один монах-капуцин, посетивший Луанду в конце XVII в., оценивал ее население в 40 тыс. черных, 4 тыс. белых и 6 тыс. мулатов. По его данным, соотношение между белыми и цветными в Бане было 1 : 3, а в Луанде 1 : 10 [368, с. 100—101].

Эта демографическая картина резко контрастирует с положением в Бразилии, где мулаты составляют четверть населения. Причины этого различия заключаются в том, что в Бразилию португальцы (особенно женщины) ехали более охотно, чем в Африку. Вплоть до конца XIX в. португальцам не удавалось колонизировать внутренние районы Анголы и они жили по преимуществу в прибрежной полосе, в то время как в Бразилии они почти сразу же проникли в глубинные районы.

Немаловажная причина заключается, по-видимому, и в том, что в Бразилии африканцы всегда были на положении рабов, находившихся в полной зависимости от белых хозяев, в то время как в Африке доминировали африканские племенные и государственные структуры, члены которых были связаны определенными племенными и другими узами и имели не только эндогамные тенденции, но и возможности отстаивать их, как и свои права на жизнь и свободу. Влияние традиционного африканского общества особенно там, где существовали высокоразвитые политические структуры, было столь сильно, что иногда португальцы воспринимали африканскую культуру [368, с. 101]. Это случилось, в частности, в Мозамбике, где было сильно влияние Мономотапы. Больше всего мулатов появилось там, где был относительно выше процент белого населения и где не существовало развитых африканских политических структур.

В силу сложившихся исторических условий классовая дифференциация в португальских колониях в известной мере совпадала с расовой. Две расы, составлявшие население африканских колоний, находились по отношению друг к другу в состоянии не только расового, но и классового антагонизма. Белые и цветные противостояли друг другу как угнетатели и угнетенные, как эксплуататоры и эксплуатируемые; классовые различия обретали как бы вполне осязаемое материальное воплощение в различии цвета кожи.

Португальские колонизаторы, воспроизведя в своих колониях тяжелейшие формы рабства и феодальной эксплуатации, разделили европейцев и африканцев на два противоположных социальных полюса. Но классовый водораздел колониального общества искусственно маскировался и выступал на поверхности в виде сложной системы расовых и сословных различий.

Результатом того, что португальские колонизаторы подчинили всю экономическую жизнь африканских колоний работорговле, было появление немногочисленного, но экономически и политически могущественного класса белых собственников, имевших огромные земельные участки (донатарии, празейруш), возделываемые с помощью труда рабов и крестьян-издольщиков.

На вершине социальной лестницы в колониях стояли португальцы — уроженцы метрополии (*reínoes*), монополизировавшие всю высшую административную, религиозную и военную власть. Уроженцы метрополии составляли основную массу не только высших чиновников, офицерства и духовенства, но также и торговой буржуазии и работорговцев. Полные дворянской спеси, а также сословных и расовых предрассудков, кичащиеся древностью своих родов, уроженцы Португалии рассматривали себя как представителей «высшей расы».

На ступеньку ниже на колониальной социальной лестнице стояли мулаты — потомки белых и африканцев. Как правило, они составляли промежуточные прослойки населения — мелких торговцев, посредников в работорговле, ремесленников, низшее офицерство и низшее духовенство, но некоторым из них удавалось нажать крупные состояния или занять высокое положение в армии, церкви и в работорговле.

Особенно много мулатов проживало на островах Зеленого Мыса, Сан-Томе и Принсипи. Это было связано с тем, что, когда эти острова были открыты португальцами, они были необитаемы. Их население образовалось путем смешения европейских колонистов с африканскими рабами, ввозимыми туда в большом количестве с материка. Острова Сантьягу (острова Зеленого Мыса) и Сан-Томе в течение долгого времени служили своего рода складами «живого товара», где собирали рабов с Верхнегвинейского

побережья и где они ожидали в специальных помещениях отправки в Южную Америку. Ввиду отсутствия белых женщин португальцы и мулаты часто женились на рабынях-африканках, в результате чего появилось население с преобладающим мулатским элементом. Многие мулаты переезжали с островов на Верхне- и Нижнегвинейское побережья, где занимались торговлей рабами, золотом и слоновой костью. «В течение последующих веков, — пишет К. Боксер, — расовая амальгама на островах стала полной, причем негритянский элемент стал преобладающим в физическом, а португальский — в культурном облике» [238, с. 14]. В процессе смешения португальцев с африканцами возник своеобразный диалект креоло — смесь старопортугальского языка и различных африканских наречий, на котором и поныне говорит население островов Зеленого Мыса и Гвинеи-Бисау.

Вся общественная жизнь в колониях была настолько пропитана расовыми предрассудками, что мулаты, презираемые белыми, сами, в свою очередь, с презрением и свысока относились к чистокровным африканцам. Проживший долгие годы в Анголе итальянский миссионер-капуцин Джироламо писал в 1691 г. о мулатах: «Они смертельно ненавидят негров, даже своих собственных матерей, родивших их, и делают все возможное, чтобы сравняться с белыми, что им не позволяют, поскольку им не разрешают даже сидеть в присутствии белых» [63, т. 1, с. 739].

Что же касается отношения белых португальцев к мулатам, то о нем можно судить по тем дискуссиям, которые велись на протяжении трех веков по вопросу о формировании туземного духовенства. В 1518 г. папа римский Лев X по настоянию португальского короля Мануэла, рассчитывавшего укрепить свое влияние в Конго с помощью туземного духовенства, возвел в сан епископа Утики конголезца Энрике — сына короля Конго Афонсу I [170, с. 76—77].

Однако в дальнейшем этот прецедент не имел повторения в течение нескольких веков, хотя папское бреве в том же году уполномочило португальских епископов «посвящать в духовный сан эфиопов, индийцев и африканцев», которые смогут достичь образовательного и морального стандартов, требуемых для служителей культа [50, т. I, с. 421—422].

Хотя с начала XVI в. в Анголе, а также на островах Зеленого Мыса и Сан-Томе мулаты и (реже) чистокровные африканцы время от времени занимали высокие должности в церковной иерархии, однако такого рода назначения всегда вызывали очень резкие возражения со стороны многих светских и духовных функционеров. Особенно яростно выступали с такой критикой проживавшие в Анголе и Конго в XVII—XVIII вв. итальянские миссионеры-капуцины, которые выражали свое недовольство и возмущение возведением в духовный сан мулатов и африканцев [238, с. 34].

Еще ниже, чем мулатов, было положение индийцев и других азиатов. Насколько можно судить по документам, социально-правовой статус индийцев был близок к статусу «новых христиан» (крещеных евреев), которые были, по сути дела, лишены всех гражданских прав.

Результатом португальской колонизации было появление большого слоя детрибализованных африканцев, включенных в колониальную социальную структуру. Эти свободные африканцы служили мелкими клерками, проводниками, солдатами, а также носильщиками, надсмотрщиками, посредниками и помощниками работоторговцев. Но самым тяжелым было положение африканцев-рабов, стоявших на самых нижних ступенях общественной лестницы.

Такая социальная структура сложилась в зоне, находившейся под непосредственным португальским политическим и военным контролем. Но эта зона вплоть до начала XX в. ограничивалась в основном прибрежными районами, главным образом-городами и фортами, ни один из которых не был удален от побережья более чем на 200 миль. На остальной территории (в глубинных районах) сохранялась родоплеменная общественная организация и португальское влияние либо отсутствовало, либо

было ничтожным (в Анголе исключение составляли дембо, ам-буэла и некоторые другие племена).

РОЛЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКО-КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ФАКТОРА В ОРГАНИЗАЦИИ ПОРТУГАЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ (КАТОЛИЦИЗМ И ПРОБЛЕМА «ЖИВУЧЕСТИ» ПОРТУГАЛЬСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА)

В комплексе причин, обусловивших поразительную «живучесть» португальского колониализма, одно из важных мест, несомненно, должно быть отведено той идеологической надстройке, которая активно содействовала установлению и укреплению феодального базиса в Португалии. Существенную роль в этой надстройке играла католическая церковь. Ни в одной европейской стране (включая Испанию) католическая церковь в XV—XIX вв. не имела таких широких прав и не срослась так тесно с государственным аппаратом, как в Португалии. Не случайно португальский король имел официальный титул — «правовернейшее католическое Величество». Этот нерасторжимый союз креста и короны, использование церкви в политических целях и то огромное значение, которое придавала португальская корона опутыванию населения колоний тонкой, но прочной паутиной религиозной идеологии (христианской доктрины), составляли характерную особенность португальской колониальной политики и в то же время одну из причин относительной долговечности португальской формы колониализма.

Интересы церкви тесно смыкались с интересами феодалов, поскольку церковь сама была крупнейшим землевладельцем, а «святые отцы», по сути дела, были теми же феодалами, одетыми в сутаны. Церковь освящала своим авторитетом колониальный режим, созданный Португалией в Африке, Азии и Южной Америке. Неуклонно защищая интересы эксплуататорской верхушки, подводя идеологическое основание под колониальную политику Португалии, католическая церковь, в свою очередь, пользовалась покровительством правящих кругов метрополии. «Все и всякие угнетающие классы, — писал В. И. Ленин, — нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных. Поп должен утешать угнетенных, рисовать им перспективы... смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость» [12, с. 237].

Королевский патронаж (падроаду реал) был, по словам К. Боксера, одной из наиболее ревностно охраняемых прерогатив португальской короны, и на протяжении ее долгой и бурной истории он часто бывал предметом ожесточенной идеологической борьбы между португальскими миссионерами миссионерами других римско-католических государств [241, с. 229]. Патронаж представлял собой комбинацию прав, привилегий и льгот, пожалованных папами португальской короне как патрону римско-католических миссий и церковных учреждений в обширных районах Африки, Азии и Бразилии. Эти права и привилегии юридически обосновывались целой серией папских булл и бреве, изданных с 1456 по 1514 г. [там же]. Вплоть до конца XVI в. в границах действия патронажа от Бразилии до Японии ни один епископ не мог быть назначен и ни одна епархия не могла быть создана без разрешения португальской короны. Последняя добивалась даже, чтобы каждый миссионер, посылаемый в эти районы, имел на то ее разрешение и прибывал туда не иначе, как на португальском судне. Португальские правящие круги склонны были рассматривать своего короля как своего рода папского легата, а его церковному законодательству приписывали силу канонических декретов [там же, с. 230].

Важнейшая особенность португальской колониальной системы всегда состояла в том, что она искусно использовала идеологическо-конфессиональный фактор в своих политических целях, рассматривая служителей церкви как простых функционеров своего

колониального аппарата. Португальское правительство не просто пошло на тесный союз с католической церковью, но и включило ее в свою государственную систему, контролируя ее деятельность и в то же время не допуская над ней контроля со стороны Рима.

Десятины, взимавшиеся короной, теоретически предназначались для содержания миссий и церковных учреждений в колониях. Практически эти средства корона часто использовала для других надобностей.

Одну из главных своих задач правящие круги видели в обращении в христианство как можно большего числа язычников. В отличие от ислама, который в Африке оказался способным к синкретизму — слиянию с местными культурами, — католицизм обнаруживал крайнюю нетерпимость к другим религиям. Одной из важных функций католической церкви было преследование инакомыслящих, т. е. тех, кто не имел идеологическо-конфессиональной связи с Португалией и потому рассматривался в качестве потенциального врага. Декрет 1567 г. настаивал на том, что все «ложные языческие и маврские религии» на территориях, принадлежащих португальской короне, должны быть уничтожены [241, с. 68].

Португальский королевский двор с самого начала рьяно взялся за выполнение этой задачи, поскольку видел в христианстве одно из мощных средств политического и идеологического укрепления своего господства в колониях. Уже в начале своей колониальной экспансии он использовал в целях колонизации новых земель не только вооруженную силу облаченных в доспехи конкистадоров, но и «духовную силу» облаченных в сутаны и рясы священнослужителей. По свидетельству Диогу де Коуту, короли Португалии, прилагая усилия к завоеванию Востока, всегда старались утвердить там две власти: духовную и светскую. «Никогда ни одна из них не приводилась в движение без того, чтобы за ней не последовала и другая» [349, с. 69].

Уже первые португальские экспедиции вдоль западноафриканского побережья при Генрихе Мореплавателе, как правило, сопровождалась католическими священниками. Первыми европейскими миссионерами в Африке были португальские монахи, служившие в качестве капелланов в основанных португальцами торговых поселениях и проповедовавших христианство среди живших поблизости африканцев. К 1500 г. португальские миссионеры уже вели активную работу при дворах королевств Бенин и Конго. Особенно бурную активность развили миссионеры в Конго, где они добились больших успехов (короли Конго и знать — баконго — приняли христианство, сын короля Афонсу — Энрике, учившийся в Португалии, был в 1518 г. возведен в сан епископа «в стране неверных») [см. 170].

Португальские короли Мануэл I Счастливый и Жуан III, будучи великими магистрами Ордена Христа, уделяли значительное внимание миссионерской деятельности в колониях. Благодаря их финансовой, политической и моральной поддержке все большее число членов Ордена Христа, монахов францисканцев, августинцев и доминиканцев устремлялись в Африку, чтобы проповедовать «слово божье» в Гвинее, Бенине, Конго и Мономотапе. Однако в первое время мало внимания уделялось административной организации религиозных учреждений в колониях. В 1530 г. не было еще заморских епископств, кроме Марокко и Мадейры. К этому времени на западноафриканском побережье и прилегающих островах уже сложилась целая сеть португальских религиозных миссий, было построено большое число церквей, возник целый ряд приходов и появилась необходимость в их административной организации. В многотомной коллекции документов «Памятники африканского миссионерства», опубликованной А. Бразилу, мы находим документы, свидетельствующие о том, что с начала 30-х годов XVI в. Жуан III предпринимает энергичные усилия, направленные на создание организованного и централизованного церковного аппарата в африканских колониях. Так, 20 мая 1532 г. Жуан III направил некоему А. Д. Мартинью письмо, содержащее инструкции об учреждении архиепископства Фуншал (о-в Мадейра) и епископств на островах Зеленого Мыса, Сан-Томе и в Гоа [50, т. II, док. 4, с. 9]. На создание этих новых епископств Жуан

III получил разрешение от папы. 3 февраля 1534 г. папа Павел III специальной буллой утвердил в качестве первого епископа Сан-Томе Диогу Ортиза де Вильегаса [там же, док. 12, с. 35]. В письме епископу Сан-Томе от 10 ноября 1535 г. король уведомлял о создании епископств Ангры (Азорские острова) и островов Зеленого Мыса [там же, док. 18, с. 49]⁹.

В 1534 г. было учреждено епископство в Гоа, которому были подчинены все церковные учреждения на восточноафриканском побережье [259, т. V, ч. II, с. 183].

8 1612 г. по настоянию мадридского королевского двора папа Павел V издал специальную буллу, учредившую отдельную церковную администрацию в Мозамбике. Была учреждена должность церковного администратора, который фактически имел полномочия епископа. В официальной документации в отношении церковного администратора употреблялось слово «прелат» [там же, с. 192—193]. В период, когда Португалией правили испанские короли Филиппы (конец XVI—первая половина XVII в.), церковная организация подверглась серьезным реформам, и в этом виде она сохранилась, будучи слегка модифицирована при Марии I Безумной (1777—1816) вплоть до конкордата 1940 г.¹⁰

Одновременно португальский королевский двор не жалеет сил и средств для привлечения в зону своего влияния в Африке новых миссионеров. С помощью денег и земельных пожалований, а также разрешая свободный проезд клириков на португальских судах, Португалия сумела на протяжении XVI в. в несколько раз увеличить число состоящего на жалованье у государства белого духовенства и привлечь в колонии множество миссионеров — членов религиозных орденов.

Исключительно важное значение для Лиссабона имел и другой аспект деятельности клириков в колониях. Белое духовенство и миссионеры были нужны королевскому двору как поставщики ценной информации о странах, где они проживали. Живя десятки лет среди местного населения и повседневно тесно общаясь с ним (многие миссионеры научились говорить на местных языках), будучи посвящены в самые сокровенные секреты,веряемые им прихожанами во время исповедей, церковники накапливали огромный запас сведений, который использовался светскими властями для установления и сохранения своего господства в колониях. Авторы учебника по истории Мозамбика, изданного ФРЕЛИМО в годы вооруженной борьбы за независимость, в этой связи справедливо отмечают, что «миссионеры проникали в глубинные районы, в места недоступные для пражейруш и солдат. Информация миссионеров об экономическом и политическом положении различных племен, а также о межплеменных конфликтах и о методах, с помощью которых можно их вызывать, была исключительно полезна для колониальной администрации» [316, с. 52].

Поэтому не удивительно, что королевский двор щедро оплачивал услуги церковного аппарата в колониях. Как видно из отчетов секретаря Филиппа III Фальсана (1607), общая сумма жалованья белого духовенства на островах Зеленого Мыса составляла 4015 милрейсов¹¹, т. е. две трети всех расходов колонии; на Сан-Томе она составила 3487 милрейсов из общего бюджета 5187 милрейсов. В Бразилии в том же году епископ и духовенство получили в виде жалованья 8057 милрейсов, в то время как все гражданские чиновники получили всего 11 090 милрейсов [326, с. 175].

Только члены религиозных орденов не получали от государства жалованья, но они легко возмещали это за счет приношений населения, взимания платы за требы и особенно за счет доходов от своей (главным образом земельной) собственности, которую они

⁹ 4 ноября 1554 г. Павел III издал буллу, зафиксировавшую границу между епископствами Сан-Томе и Сантьягу (острова Зеленого Мыса) [см. 261, т. II, с. 447].

¹⁰ В 1940 г. фашистское правительство Салазара подписало конкордат с Ватиканом, по которому католицизм был объявлен государственной религией Португалии, а католическая церковь получила широкие права и привилегии в метрополии и колониях.

¹¹ М и л р е й с — португальская монета, равная 1000 рейсам. 1000 милрейсов = 1 эскудо (0,035 долл.).

эксплуатировали в исключительно благоприятных условиях, так как обычно освобождались от всех налогов.

Как белое духовенство, так и члены миссионерских орденов (иезуиты, доминиканцы и др.) получали от короны огромные земельные пожалования, которые управлялись точно так же, как и земельные владения светских феодалов. По свидетельству многих очевидцев, иезуиты и доминиканцы в бассейне Замбези эксплуатировали свои земельные участки такими же хищническими и жестокими методами, как любой другой прайейру, нещадно облагая население подушными налогами, а когда более прибыльным делом стала работорговля, они главным образом стали заниматься операциями по продаже рабов. Колоссальные прибыли давали духовенству продажа индульгенций, а также разного рода коммерческие сделки и спекуляции. Церковь превратилась в огромного паразита на теле колоний.

В источниках можно найти много данных, свидетельствующих о том, что миссионеры принимали активное участие в торговых операциях (которые, говоря точнее, представляли собой не что иное, как сплошной обман и надувательство). Так, например, побывавший в Восточной Африке в начале XVIII в. англичанин Гамильтон писал, что банту «не ведут торговлю ни с кем, кроме португальцев, которые имеют вдоль морского побережья несколько священников, которые держат наивных туземцев в благоговейном страхе и получают от них слоновые бивни и золото за разные безделушки и посылают то, что получают, в Мозамбик» [98, т. I, с. 16—17].

Источники не оставляют никаких сомнений в том, что духовенство принимало самое активное участие в работорговле, получая огромные доходы от продажи в рабство своих черных «братьев во Христе». Вот одно из многих свидетельств того времени: обращение язычников в христианство попало в руки «капелланов, которые, будучи мулатами и уроженцами этого королевства, заключают в себе много пороков, и в качестве главного занятия они имеют торговлю рабами, нисколько не заботясь о блаженстве душ» [118, док. СХСШ, с. 315]. Ханжеские проповеди о христианской любви к ближнему не мешали епископу Луанды самолично благословлять в ее гавани каждую партию «живого товара», отправляемого в Америку [312, с. 57].

Особенно активно доходной колониальной торговлей, в том числе и торговлей рабами, занимались иезуиты. Участие иезуитов в работорговле и их непомерная алчность создали им скандальную репутацию в Анголе. Общество Иисуса даже имело свои невольничьи суда, на которых оно осуществляло в довольно широких масштабах транспортировку рабов из Анголы в Бразилию [294а, с. 53]. Миссионер Анжелику де Жесус Гуарра писал, что в Гвинее «имелись священники, которые даже не служили мессы, отдавая предпочтение торговле перед религией. Рабы были на этих территориях самым ходовым товаром... Перед отправкой рабов в Бразилию или в Вест-Индию священники крестили их сразу группами по 300, 400 и 500 рабов» [там же, с. 57].

Королевский налог на работорговлю приносил казне огромные доходы, которые королевский двор использовал для поддержки и активизации миссионерской деятельности. «Нравилось ей это или нет, но церковь идентифицировалась с работорговлей», — отмечает известный исследователь истории миссионерства в Африке А. Хастингс.

К концу XVI в. западное и восточное побережья Африки, входившие в зону португальского влияния, оказались покрытыми густой сетью католических миссий, церквей и монастырей¹². Было основано несколько епископств, хотя часто бывали случаи, что должности епископов оставались вакантными в течение нескольких лет. Пользуясь

¹² Обычно в португальских поселениях каждый религиозный орден строил свою церковь, так что в результате в них оказывалось несколько церквей. Один автор XVIII в. сообщает: «В этом поселении Сена существуют несколько церквей, одна называется Вера... другая названа в честь св. Павла и принадлежит отцам Общества Иисуса, третья названа в честь св. Доменика и обслуживается братьями этого ордена и еще одна названа Милосердие и обслуживается священником» [137, т. II, с. 410].

королевским покровительством, белое духовенство, а также миссионеры доминиканцы, францисканцы, августинцы, капуцины и особенно иезуиты развернули широкую работу по обращению в христианство местного населения. При этом они не гнушались самых грязных и подлых методов.

Буржуазные и клерикальные историки пытаются идеализировать миссионеров, надеть на них лавровый венок «мучеников за веру», изображая их как благородных и бескорыстных проповедников божьего слова. При этом они или деликатно умалчивают о тех насилиях и преступлениях клириков, которыми изобилует история их деятельности в Африке, или же, упоминая о них, пытаются оправдать их как «неизбежное зло», придерживаясь известной иезуитской формулы: «цель оправдывает средства»¹³.

Источники рисуют совершенно иную и гораздо менее идиллическую картину деятельности миссионеров в Африке, чем та, что мы находим в трудах их современных панегиристов.

О том, каковы были в действительности методы обращения язычников в христианство, дает представление рассказ миссионера Сантуша о его «деяниях во славу Христа» на о-ве Иньянсато (около Софалы), которые, кстати сказать, современный историк С. Уэлч называет «одним из его самых смелых подвигов». Этот «подвиг» состоял в том, что, когда Сантуш узнал, что на острове воздвигли мечеть в честь умершего богатого араба, которого почитали как святого, он предал ее огню. Местные арабы были справедливо разгневаны самоуправством фанатика-миссионера, «и даже некоторые местные христиане сказали, что я поступил опрометчиво и что самое меньшее, что они ожидают, — это что я скоро буду убит». Не лишено интереса следующее замечание Сантуша: мавры, «увидев, что мечеть сгорела дотла и превратилась в тлеющие угли... были удивлены и сильно опечалены, и они бы обрушили на меня свою месть, если бы у них не было страха перед португальцами» [131, гл. VII, кн. 3, с. 163—165]. Упоминание о «страхе перед португальцами» дает основание думать, что у жителей острова уже была печальная возможность узнать на своем горьком опыте неистовую жестокость колонизаторов в случае малейшегослушания, недовольства и особенно — протестов против чинимых ими насилий и произвола.

Описанный Сантушем эпизод показывает, что для миссионеров было характерно нескрываемое презрение к духовным ценностям и личному достоинству коренных жителей колонизируемых территорий. Они беспощадно уничтожали все, что могло помешать установлению европейского политического и идеологического влияния, используя при этом, с одной стороны, грубую силу, а с другой — страх аборигенов перед этой грубой силой и военной мощью Португалии.

О том, что описанный эпизод не был случайным или единичным, можно судить по тому, что почти аналогичный случай приводит в своих воспоминаниях капуцин Жероме де Монтесаркио, живший в Конго в XVII в. Он сообщает: «На моем пути я нашел много идолов, которые я побросал в огонь. Владелец этих идолов Нганга Нгомбо или колдун казался очень раздраженным. Чтобы успокоить, а также унижить его, я дал ему понять, что если он будет и дальше сердиться, то я буду иметь возможность увидеть, как он сам будет сожжен вместе со своими идолами» [395а, с. 7]. Сожжение идолов и других предметов языческого культа было введено миссионерами в повседневную практику.

Невероятная жестокость, дикий религиозный фанатизм, ханжество, невежество и изуверство представителей католической церкви проявились в Африке в период ее ранней колонизации во всей своей отвратительной полноте. Моральные качества служителей Христа, как это видно из имеющихся источников, были чрезвычайно низкими. Хотя среди них были отдельные честные люди, искренне стремившиеся к бескорыстному служению христианской доктрине, подавляющее большинство миссионеров составляли

¹³ Так, например, реакционный португальский историограф Соуза Диаш писал: «Обращение негра в христианство не могло быть достигнуто с помощью жертвенности и любви. Оно могло быть достигнуто только при помощи насилий и борьбы» [394, с. 84].

беспринципные авантюристы и стяжатели, приезжавшие в Африку с единственной целью — разбогатеть в возможно более короткий срок. Живший в конце XVI в. в Восточной Африке монах Агустиньо де Азеведу сообщал королю Филиппу I Португальскому (Филиппу II Испанскому), что «клирики», которых присылает архиепископ Гоа, приезжают бедными, а возвращаются богатыми и отягощенными такими угрызениями совести и грехами, коих у них прежде никогда не бывало» [137, т. IV, с. 33]. В 1773 г. епископ Анголы, жалуясь на крайне низкие моральные качества приезжающих из Лиссабона миссионеров, писал: «Некоторые приезжают, чтобы нажить богатство, и преследуют свои личные интересы... другие — чтобы удовлетворить свои страсти... третьи бегут от дисциплины, требуемой их прелатами... А что можно ждать еще от этих жадных, похотливых, изгнанных из отечества, мятежных и распутных людей, кроме распространения пороков и скандалов, в которых уже погрязла эта страна?» [281, с. 106].

Эта достаточно четкая характеристика монашеской братии, данная епископом Анголы, которого никак нельзя заподозрить в незнании предмета, о котором он пишет, находит полное подтверждение в других многочисленных свидетельствах современников. Официальная переписка того времени буквально пестрит всякого рода жалобами, сентенциями и угрозами по поводу недостойного поведения лиц духовного звания. В коллекции документов М. Тила имеется любопытное послание короля, из которого явствует, что Лиссабон предпринимал определенные практические (и часто весьма энергичные) усилия с целью ограничить безудержную погоню клириков за богатством и мирскими удовольствиями, в которой он видел угрозу интересам своей казны и своего престижа. В этом письме, датированном 28 февраля 1605 г., король писал: «Меня информировали, что как на островах Солор и Тимор, так и в районах Мозамбика и рек Куамы, которые находятся под попечением доминиканцев, число христиан убывает из-за нехватки ревностных священников и из-за того, что они предаются больше мирским делам, чем делам, подобающим их званию... Поскольку я считаю, что было бы лучше, если бы монахи, которых посылают в эти края... были лишены надежды вернуться в это королевство (Португалию.— А. Х.), с тем чтобы они могли бы более энергично заниматься этой работой и чтобы помешать им пытаться, как делают многие, приобретать богатства и возвращаться с ними и помогать своим родственникам, а также радеть о других делах, менее важных для службы Богу, я приказал в прошлом году добавить к инструкциям для капитанов торговых судов предписание не позволять ни одному монаху совершать переезд на этих судах без предъявления разрешения от моего вице-короля, для чего я рекомендую и приказываю вам выполнять этот приказ и не давать разрешения ни одному монаху, не убедившись, что он послан игуменом миссии для общего блага, а не для других и частных целей» [137, т. IV, с. 54—55].

О масштабах деятельности миссионеров по обращению в христианство «язычников» дают представление хотя бы следующие данные. С 1645 по 1700 г. только капуцины крестили в Конго, Анголе и соседних районах 600 тыс. человек. В начале XVIII в. число крещений оставалось на уровне 12 тыс. в год [350, с. 197—198]. В королевстве Матамба в последние годы правления Нзинги Мбанди Нголы, с 1655 по 1663 г., капуцины сумели крестить 8 тыс. человек [там же, с. 197]. В 1747 г. миссионер-капуцин отец Гиасинто из Болоньи сообщал из столицы Конго Сан-Салвадора, что только в одном этом году он обратил в христианство 13 тыс. «язычников» [103, с. 15]. По сведениям Сантуша, лишь одни доминиканцы крестили к 1591 г. около 20 тыс. «кафров». Только в 1579—1580 гг. они крестили в Софале 1400, в Сене — 800 и в Тете — 600 африканцев [259, т. V, ч. II, с. 183].

Столь внушительные цифры новообращенных обычно служат клерикальным и буржуазным историкам основанием для «научной аргументации» тезиса о том, что христианство имело весьма сильное влияние в зоне португальского владычества и что коренное население в массе доброжелательно относилось к святым отцам.

Однако изучение источников показывает, что такого рода утверждения неправомерны. Африканцы, как правило, неохотно приобщались к христианской религии, а в ряде случаев даже оказывали сопротивление миссионерам, видя в них своих заклятых врагов. Цифры крещений, которыми оперируют буржуазные и клерикальные историки, не могут служить достаточным доказательством влечения и привязанности аборигенов к христианству, ибо огромное большинство из этих крещений относилось к детям. Сохранилось многозначительное признание главного викария доминиканцев в Мозамбике (середина XVIII в.) о том, что взрослых, как правило, удавалось крестить только на смертном одре [350, с. 199].

Но и в тех случаях, когда миссионеры обращали в христианство здоровых взрослых людей, крещение было чисто формальным актом, не оказывавшим серьезного влияния на мировоззрение и образ жизни «новообращенных». Святые отцы уделяли минимум времени обучению неофитов христианской доктрине, так как главной их заботой было взимание с них всевозможных поборов и податей и внушение мысли о необходимости беспрекословного повиновения португальскому монарху. В «Докладе епископа королю об обычаях и культурах» (1619) мы находим следующие признания: «Народ Конго и Анголы имеет много языческих культов, которым поклоняются и язычники и крещеные. Христианство для большинства существует лишь номинально, ибо, когда священники обходят свои приходы, они делают это не столько для того, чтобы просвещать, сколько для того, чтобы получить поборы. Поэтому они крестят всех, кто захочет, независимо от личности и не наставляя их в вере. Крещения, таким образом, делаются не по форме, и священники совершают святотатство... Для того чтобы Вы знали, что представляет собой христианство в этих странах и как они делают крещения, я расскажу, что случилось со мной, когда я поехал посетить крепости, где никогда не было другого прелата. Я нашел в крепости Камбамбе среди подчиненных Вашему Величеству вождей семь крещеных. Когда я публично спросил их о [христианском] учении, они не знали ни его, ни знака креста и никогда не были на исповеди и не входили в церковь, утверждая, что никому из них не говорили об этих вещах при крещении. Когда ж я спросил, оставили ли они своих наложниц... главный ответил, что у него их 120, второй — 100, третий — 60, четвертый — 50 и т. д.» [93, док. 46, с. 475].

Аналогичная картина наблюдалась и в Восточной Африке. Хронист Б. де Резенди (XVII в.) свидетельствовал: «Христиане в королевстве Маника очень многочисленны и состоят из наших рабов-кафров, которые становятся христианами тотчас же, как и другие, даже вожди, ибо кафры не имеют религии, и, хотя они много говорят о Боге своими губами, они не показывают своими делами даже признака того, что признают его, кроме их обычных разговоров, что их Бог — это их желудок. Поэтому, после того как они становятся христианами, требуется еще огромная работа, чтобы сделать из них то, чем они должны быть, для каковой цели и трудятся братья-доминиканцы» [137, т. II, с. 412].

Тот же информатор сообщает: «Большинство кафров — варварский народ жестокого нрава и мало расположенный к церковной службе. Поэтому, если наши невольники и становятся христианами, их христианство продолжается только до тех пор, пока продолжается их неволя» [там же, с. 404].

Церковь не оказала значительного влияния на духовную жизнь африканского общества. Большинство африканских вождей соглашались на принятие христианства лишь под нажимом португальцев, видя в этом только средство получить их поддержку. Крещение рассматривалось ими как неизбежная процедура, на которую они шли, как правило, из политического расчета. Нельзя не согласиться с выводом американского исследователя С. Нейлла, который, говоря о крещении правителей Мономотапы, утверждает, что «ни в одном случае привязанность к христианской вере, по-видимому, не была больше чем номинальной» [350, с. 199].

Это обстоятельство не может не броситься в глаза при изучении истории взаимоотношений португальцев с правителями и других африканских государств. Оно

наводит на мысль о том, что африканские правители чаще всего рассматривали принятие христианства как временную уступку, на которую они обычно шли под давлением обстоятельств. Что касается рядовых африканцев, то и для них принятие христианства было скорее вынужденной необходимостью, чем осознанной потребностью. Как правило, оно не оставляло заметного следа в умственном развитии, духовной жизни и образе поведения африканца. Современный кенийский историк Тайта Товеетт, касаясь этого вопроса, пишет: «Для европейца христианство — это образ жизни. Он вырос с ним. Он не может понять, как жить иначе. Но для африканца оно лишь альтернативный образ жизни. Его родители не выросли с ним и поэтому не могли жить полностью как христиане или в соответствии с европейским образом жизни. Они ходили в церковь и молились, прежде чем пойти спать или прежде чем встать с постели утром. Социально они смешивались с другими африканцами, христианами и нехристианами. Короче говоря, они жили в двух мирах, и их дети унаследовали от них половину каждого из этих миров. Но эти дети жили среди других африканцев, которые не исповедовали христианства. Поэтому они оказывались еще более запутавшимися, чем их родители» [323а, с. 19].

Деятельность церкви по массовому обращению в католицизм, несмотря на жестокие преследования, лицемерие, интриги, шантаж и свирепый произвол инквизиции, не принесла ожидаемых результатов. Многолетняя идеологическая обработка, с помощью которой католическая церковь 500 лет пыталась оболванить население португальских колоний, не оказала решающего влияния на духовный мир африканцев. В 1960 г. в Гвинее-Бисау только 4% населения были христианами, в то время как 38% были мусульманами и 58% анимистами [368, с. 110]. В Анголе в середине 60-х годов католицизм исповедовали 1432 тыс. человек, в то время как 3,1 млн. африканцев придерживались местных традиционных верований. В Мозамбике католицизм исповедует лишь незначительное меньшинство населения. В середине 60-х годов из 6,6 млн. африканцев 5,3 млн. придерживались местных традиционных верований. В 1961 г. в Мозамбике насчитывалось всего 668 тыс. христиан, из них лишь 567 тыс. были католиками [см. 194].

Духовенство, появившееся в зоне португальского влияния в Африке в конце XV — начале XVI в., не было однородным в национальном и социальном отношениях. Подавляющее большинство миссионеров происходило из романских стран, где римско-католическая церковь имела особенно сильное влияние. К таковым относились прежде всего Португалия, Испания, Италия и в меньшей степени Франция. Лиссабон охотно привлекал в свои заморские владения миссионеров из этих стран, что было связано отчасти с желанием угодить Ватикану, а отчасти с тем, что, по мере того как увеличивались португальские владения, Португалия, имевшая в ту пору всего около миллиона жителей, была не в состоянии финансировать и снабжать миссионерскими кадрами то и дело возникавшие новые миссии. Это бремя становилось для нее слишком тяжелым, и она охотно перекладывала часть расходов и забот о миссионерском движении на Ватикан, который не преминул воспользоваться этим для усиления своего влияния в колониях.

Папа Климент VIII (1592—1605) разрешил священникам из любых стран и членам любых религиозных орденов помогать португальцам в миссионерской работе при условии, что они сами сообщат об этом лиссабонским властям. Папа также пожаловал лицам, возглавляющим большие добровольные экспедиции миссионеров, полномочия епископов, но без рукоположения их в епископский духовный сан [415, с. 129] (эта привилегия была сохранена только за португальскими священнослужителями).

Помимо миссионеров-европейцев к миссионерской деятельности часто привлекали африканцев и мулатов, воспитанных в католических миссиях. Такому привлечению африканцев к активному участию в евангелизации «язычников» и в Риме и в Лиссабоне придавали исключительно большое значение, так как понимали те огромные возможности в смысле расширения и упрочения влияния на местное население, которое заключало в

себе использование «туземного» духовенства. В 1518 г. Папа Лев X официально разрешил посвящать в сан священников африканцев и индийцев, которые в большом числе приезжали в Лиссабон, чтобы «по их возвращении в свои страны они могли с пользой служить религии» [50а, с. 28—29].

Один из влиятельнейших идеологов и руководителей политики Ватикана, Франческо Инголи, настаивал на том, чтобы во всех частях мира как можно быстрее было создано «туземное» духовенство, для того чтобы христианская вера не ассоциировалась с колониальной деятельностью, из-за чего ее всюду считают иностранной религией [350, с. 179].

В результате этих усилий в XVI—XVII вв. в португальских колониях в Африке появилось много клириков-африканцев. В докладе французских миссионеров (1774) отмечалось, что на островах Зеленого Мыса «духовенство состоит из европейцев, негров и мулатов, причем главный викарий принадлежит к этой последней категории» [81, док. 21, с. 92; 212, с. 194]. В документах того времени встречаются также указания на то, что наряду с африканцами и мулатами священниками нередко были и индийцы [см. 212, с. 194]. Белое духовенство района Замбези рекрутировалось в значительной степени в Гоа, где были построены три коллежа для обучения местного индийского духовенства [415, с. 130].

Поскольку среди местного населения находилось не много охотников на роль служителей христианскому Богу, святые отцы широко практиковали такие отнюдь не святые методы, как насилие, запугивание, подкуп и даже похищение детей, которых насильно помещали в монастыри или миссии и затем готовили из них католических священников. Сантуш описывает следующий случай. Около 1591 г., будучи на островах Керимба, он познакомился с 17-летним племянником султана Занзибара. С помощью одного португальца Сантуш похитил юношу, который был доставлен в лодке из Керимба. Султан, дядя похищенного юноши, рассказывает Сантуш, «узнав о его бегстве и о том, что он с моей помощью стал христианином, был очень раздосадован и разгневан и сказал, что придет время, когда я заплачу за это оскорбление и похищение сына его брата, которого он растил как своего наследника, так как не имел сыновей». Юноша был крещен и помещен в доминиканский монастырь в Мозамбике [131, кн. III, гл. XVI, с. 177—178].

Наряду с грубым насилием, запугиванием и шантажом миссионеры применяли и более изощренные методы приобщения-африканцев к «истинной вере». Используя религиозную демагогию и хитроумную схоластику, миссионеры стремились духовно поработить африканцев, внушая им, что христианская религия — это панацея от всех бед, духовный бальзам, который принесет им вечное блаженство. Для того чтобы сделать свое идеологическое воздействие более действенным, миссионеры стремились максимально приблизиться к африканцам, завоевать их дружеское доверие и установить с ними полное взаимопонимание. Для этого они самым внимательным образом изучали психологию, быт, нравы и языки африканцев. Уже в 1567 г. первый церковный собор архиепископской епархии в Гоа рекомендовал миссионерам изучать язык страны, где они работают, чтобы их проповеди могли давать больший эффект. Второй собор в 1575 г. предписал священникам, знающим местные языки, посещать частные дома «туземцев» и их собрания, «чтобы нести им слово божье с благожелательностью и без шума». Третий собор (1585 г.) обязал священников перевести и опубликовать священные книги на «туземных» языках. Четвертый собор (1592 г.) издал специальное постановление, согласно которому на должность кюре и на другие церковные должности должны были назначаться лица, говорящие на языках региона, который они призваны евангелизировать [349, с. 30].

Нехватка миссионеров была постоянной и острой проблемой колониальных властей. Это, пожалуй, одна из наиболее часто обсуждаемых тем во всей официальной корреспонденции XVI—XVII вв.

Даже в годы, когда сама метрополия имела избыток духовенства, находилось мало желающих безвременно окончить свои дни в Африке от тропической лихорадки или от стрел какого-нибудь воинственного племени. Миссионеры, работавшие в Африке, в своих письмах в Лиссабон и Рим постоянно подчеркивали необходимость увеличения числа священнослужителей, ссылаясь на огромную численность язычников, на трудности их обращения в христианство, а также (в Восточной Африке) на активную деятельность арабских проповедников по обращению африканцев в ислам. В этой связи заслуживает внимания письмо монаха-августинца Азеведу королю, опубликованное в коллекции документов Тиля (письмо не имеет даты, но относится примерно к 80-м годам XVI в.). Азеведу сообщает: «В этих землях Мозамбика, Куамы и Мономотапы имеется много мавров, которые заняты покупкой языческих отроков, которых они обучают в отвратительной секте Мохаммеда, ибо там нет прелата, а духовенство, которое едет туда, — это корыстные торгаши. Из этого Вашему Величеству будет ясно, какому риску подвергаются эти земли, тем паче что священники Мохаммеда очень усердны. Если это не исправить сейчас, то позже это будет очень трудно сделать... Я должен напомнить, чтобы Ваше Величество приказало иметь на флотилиях достаточное число священников, чтобы выслушивать исповеди, ибо во флотилии под командованием капитана Жерониму де Соуза, на которой я был в Малабаре, я был единственным исповедником и вынужден был ночью переходить с корабля на корабль, чтобы исповедовать раненых» [137, т. IV, с. 35].

Главными религиозными орденами, участвовавшими в миссионерской деятельности в «португальской» Африке, были ордена иезуитов, доминиканцев, францисканцев, капуцинов и кармелитов.

Самыми активными и фанатичными проповедниками слова божьего в заморских странах были иезуиты. В Западной Африке иезуиты стали важнейшей и влиятельнейшей силой миссионерского движения. К середине XVIII в. они основали монастырь в Луанде, который стал церковным центром «португальской» Африки [218, с. 8]. В 1716 г. Луанда стала и резиденцией епископа Конго и Анголы [81, с. 9]. Там же был основан иезуитский коллеж, который готовил из африканской элиты чиновников для колониальной администрации [368, с. 9].

Иезуиты стали играть огромную роль во всех сферах общественной жизни колонии, подчинив своему контролю не только народное образование, но даже в известной степени и колониальный административный аппарат. «Чувствуется сильное влияние иезуитов во всех вопросах, связанных с администрацией Анголы,— отмечает португальский историк Соуза Диаш. — Непосредственно через них и минуя местные власти двор получал с максимальной надежностью информацию из колонии, а также осуществлялись связи, которые удобнее было иметь неофициально» [394, с. 321].

Огромную власть и влияние приобрели иезуиты в Восточной Африке. Согласно свидетельству иезуита Монкларуша, побывавшего в этих местах в середине XVI в., иезуиты развернули активную деятельность на берегах Замбези, используя в качестве главной базы г. Софалу [307, с. 12]. Иезуитские миссии были рассеяны на обширной территории, от устья Замбези до нынешних Замбии и Родезии [218, с. 8].

В 1612 г. в Мозамбике был учрежден особый викариат во главе с главным викарием. В 1624 г. иезуиты сообщали, что они имеют вдоль Замбези восемь миссий [350, с. 198]. Всего в Восточной Африке они имели около 20 миссий, в том числе в Мозамбике, Келимане, Тете, Луабо, Сене и др. [259, т. V, ч. II, с. 187]. В Сене был основан иезуитский коллеж, где готовилось духовенство из числа белых и африканцев [362а, с. 44].

Миссионеры-иезуиты «стремились завладеть не столько душой язычника, сколько его имуществом. Иезуиты в португальских колониях были богатейшими людьми, почти независимыми от светских властей. Они имели громадные земельные владения, множество рабов, вели обширную торговлю, содержали собственные отряды войск. Монастырю св. Павла в Луанде принадлежало 12 тыс. рабов, которые во славу господина и во благо монахов день и ночь гнули спины на монастырских плантациях. Неплохо

подрабатывали церковники на работорговле. За крещение каждого раба — процедура обязательная при обращении в рабство — они получали определенный налог» [167, с. 45].

Власть и богатство иезуитов росли день ото дня. По свидетельству современника, «в Анголе так много жителей, что только от сдачи в наем домов и лавок иезуиты получали ежегодно 3—4 или 5—6 тысяч крузадо» [67, с. 13]. Необходимо отметить, что орден иезуитов пользовался щедрой финансовой поддержкой лиссабонского двора. По сведениям, взятым из официальной документации того времени, иезуиты получали от португальской короны ежегодную субсидию в размере 2 тыс. крузадо¹⁴. Кроме того, они получили право заниматься земледелием, торговлей (включая работорговлю) с освобождением от всех налогов [93, с. 467], а также получали щедрые подарки в виде так называемой королевской милостыни. Что собой представляла эта «милостыня», можно судить по следующему документу, относящемуся к 1614 г.: «Дон Жерониму де Азеведу, вице-король Индии, друг. Я, Король, шлю вам мои приветствия. Главный проктор Общества Иисуса провинции в этих краях представил мне копию приказа, изданного вице-королем Руи Лоуренсу де Тавора от 11 января 1610 г., в котором он подарил ему в качестве милостыни от моего имени дом и одну сторону старой крепости Мозамбик с двором, складом, водоемом и садом» [137, т. IV, с. 120].

Погрязшие в самых низменных пороках и изощренных интригах иезуиты были заняты вечной погоней за новыми доходами, изыскивая хитроумные способы выколачивания средств. Так, когда возник конфликт между губернатором Анголы Ж. Коррейя де Соуза (1621 — 1624) и богатым работорговцем Гаспаром Алваришем, иезуиты решительно встали на сторону последнего, надеясь урвать для себя кусок от его состояния, нажитого на торговле «живым товаром». Иезуиты приняли его в качестве послушника в свою миссию, где уже через 10 дней заставили написать завещание на 400 тыс. крузадо в пользу юрдена [там же, с. 465; 118, с. 182, прим. 1]. Это дело приобрело столь скандальный характер и столь большую огласку, что губернатор Ж. К. де Соуза выслал ректора¹⁵ и трех миссионеров-иезуитов из Анголы в Португалию. 4 октября 1624 г. Ватикан объявил незаконным завещание Гаспара Алвариша, приказав выслать из Анголы всех клириков, отказавшихся считать его таковым [93, с. 465—466].

Иезуиты прибегали к шпаге и мушкету не реже, чем к кресту. Сплошь и рядом они участвовали в военных экспедициях, «обнаруживая при этом невероятную жестокость в отношении тех, чьи души они хотели спасти. В письме иезуитов из Анголы (1577 г.) мы читаем: «Святые отцы и братья, которые были отправлены в Анголу вместе с губернатором этой новой конкисты, чувствуют себя хорошо... Они оказали уже много услуг Богу, а также помогали военным, с которыми вместе были» [50, т. III, док. 30, с. 162].

Для удержания власти над телами и душами своей паствы «воинство Христово» прибегало к чудовищно террористическим мерам. Нетерпимо относясь даже к самой идее свободы совести, оно старалось силой навязать свои религиозные догмы и подвергало инаковерующих жесточайшим гонениям. В XVI в. в метрополии и в колониях была учреждена специальная организация для борьбы с «еретиками» — инквизиция, находившаяся в полном распоряжении иезуитов. За 250 лет своего существования португальская инквизиция сожгла на костре сотни и заточила в тюрьмы тысячи людей.

Главный инквизиционный трибунал для афро-азиатских колоний Португалии находился в Гоа. О деятельности этого трибунала можно составить довольно полное представление по воспоминаниям француза Деллона, который имел несчастье стать жертвой португальской инквизиции в Гоа в 1660-х годах. Вот как описывал Деллон то, что он видел и слышал, сидя в ее мрачных застенках: «В Инквизиции царит постоянная и

¹⁴ Некоторые иезуитские миссии регулярно получали государственные субсидии. В письме от 15 апреля 1626 г. король приказывал вице-королю Франсиску де Маскареньяшу назначить миссии из восьми клириков в Мозамбике ежегодное пособие в 500 крузадо (200 тыс. милрейсов) [259, т. V, ч. II, с. 188].

¹⁵ Ректор — директор иезуитского коллежа.

строго соблюдаемая тишина, и заключенный, который доставит себе удовольствие заплакать или даже слишком громко помолиться Богу, подвергается большому риску быть избитым стражей, ибо эти господа, услышав малейший шум... открывают двери и безжалостно избивают заключенного. Такой образ действий должен не только исправить наказуемого, но и запугать других, которые все слышат крики и удары среди глубокой тишины, царящей в этом доме... В течение ноября я каждое утро слышал крики подвергавшихся допросу, столь жестокому, что я видел много людей обоих полов, оставшихся калеками... В этом трибунале не обращают никакого внимания ни на положение, ни на возраст, ни на пол. Там обращаются со всеми с равной жестокостью, причем всех подвергают пыткам, раздев почти догола» [75, т. II, с. 55, 108].

Иезуиты обнаруживали полнейшую религиозную нетерпимость не только в отношении «еретиков», но даже в отношении христианских миссионеров, принадлежавших к другим религиозным орденам. Почти сразу же после появления иезуитов в Африке они начали непримиримую борьбу с соперничающими орденами, каждый из которых претендовал на монопольное господство над душами африканцев. Особенно острые формы приняло религиозное соперничество между орденами иезуитов и капуцинов. Дело доходило порой до настоящих вооруженных столкновений между членами обоих орденов. Сильные трения в XVII в. возникли в Восточной Африке также между иезуитами и доминиканцами.

Проникновение иезуитов в глубинные районы Мозамбика в начале XVII в. вызвало сопротивление доминиканцев, которые вели там миссионерскую деятельность с 1563 г.¹⁶ В одном из писем короля (начало XVII в.) читаем: «Провинсиал ордена св. Доменика уже давно сообщил мне, что его монахи живут в Мозамбике и на реках Куамы и усердно служат Богу и мне, и жаловался, что сосуществование двух религиозных орденов в одних и тех же местностях вредит распространению христианства» [259, т. V, ч. II, с. 186].

Усиление ордена иезуитов привело к быстрому увеличению влияния Ватикана в португальских колониях. По мере того как росло это влияние, оно наталкивалось на растущее сопротивление португальских властей, которых пугала перспектива чрезмерного усиления позиций Рима в политической, экономической и духовной жизни своих колоний. Лиссабон начал явно обнаруживать признаки тревоги перед лицом грозной опасности, исходившей из ватиканского дворца. Уже создание и особенно наделение большими правами Пропаганды¹⁷ встретило критику со стороны Португалии, а также большинства миссионеров за границей. Еще больше обострились отношения между Лиссабоном и Римом, когда последний выступил с предложением об учреждении новых епископств в колониях. До этого времени существовал порядок (и он был узаконен папскими буллами XV в.), согласно которому учреждать епископства и назначать епископов соответственно в своих половинах мира имели право только короли Испании и Португалии. Нарушение Римом этого порядка и попытка проявить свою инициативу в учреждении епископств вызвали решительный отпор со стороны Мадрида и Лиссабона.

Однако, решив во что бы то ни стало укрепить свой авторитет и влияние в колониях, Ватикан пошел напролом. Чтобы преодолеть юридические и канонические трудности, он назначал не епископов, а апостолических викариев, которые, по существу, могли выполнять епископские функции в соответствующих районах. В то же время апостолические викарии должны были действовать как прямые представители папы, независимые от местных светских и церковных властей. Учреждение института апостолических викариев было с ликованием встречено инквизиционно-иезуитской

¹⁶ Как видно из хроник того времени, доминиканцы имели к концу XVI в. в Восточной Африке 12 миссий, в том числе в Софале, Сене, Тете, Луанзе, Массаве, Манике, Мозамбике, на о-ве Керимба, в Зимбабве и т. д. [259, т. V, ч. II, с. 183].

¹⁷ Пропаганда — особое учреждение, созданное при Ватикане папой Климентом VIII в 1597 г. и реорганизованное папой Григорием XV в 1622 г. для распространения христианского вероучения в «языческих» странах.

партией, но вызвало взрыв негодования в королевских дворах Испании и Португалии как нарушение их прав, которые они считали вечными и непререкаемыми.

Как пишет Нейлл, «викариям пришлось испытать яростное сопротивление со стороны как местных властей, так и миссионеров на местах. Как представители папы апостолические викарии требовали принесения им клятвы в каноническом повиновении; если миссионеры отказывались, им запрещалось отправлять какие-либо священнические и духовные акты; если же они подчинялись, они лишались финансовой поддержки политических властей, от которых они зависели в своем существовании. Из этого выросли бесконечные и отвратительные ссоры» [350, с. 181].

Когда Португалия отделилась от Испании (1640), Ватикан долгое время не признавал независимости Португалии и не давал канонической санкции ее епископам. В результате этого в Португалии почти исчез «законный епископат» и церковные земли были отданы офицерам и государственным служащим. «Не только правительство, но вся страна и даже местное духовенство, материально зависимое от королевской власти, потеряли прежнюю преданность Риму» [161a, с. 265].

Ватикан, со своей стороны, делал все от него зависящее, для того чтобы полностью подчинить церковь своему контролю и ослабить влияние Мадрида и Лиссабона на миссионерское движение в заморских странах. Первый секретарь Пропаганды Франческо Инголи настаивал на том, чтобы «миссионерская работа была освобождена от тех пут, в которых ее держат Испания и Португалия». Он требовал создания гораздо большего числа епископств и полного подчинения епископов Риму [350, с. 179].

При португальском короле Жуане V засилье клерикалов, иезуитов и инквизиции достигло кульминационной точки. Король лично присутствовал на всех аутодафе, расходовал большую часть государственных средств на строительство церквей и монастырей и учредил при дворе должность иезуита-патриарха, который был поставлен выше примаса португальской церкви [161a, с. 275].

Себастьян Карвалью (в 1770 г. принял титул маркиза де Помбал), став в 1750 г. премьер-министром Португалии, пытался приспособить механизм государственного управления к потребностям пробивающего себе дорогу капиталистического развития. Положив в основу своей деятельности идею необходимости освободить Португалию от засилья клерикализма и усилить авторитет светской королевской власти, Помбал начал решительную борьбу против Ордена Иисуса. «Среди иезуитов, — писал Помбал, — нет почти ни одного человека, который был бы похож на представителя духовенства; все они купцы предосудительного вида, политические интриганы низшего пошиба, дерзкие солдаты, проявляющие свою храбрость в отношении безвольных и угнетаемых ими рабов, мелочные тираны, преступления которых заставляют забыть о самых кровавых событиях, имевших место на протяжении десятка веков» [там же, с. 276].

Воспользовавшись покушением на короля в 1758 г., Помбал обвинил в нем иезуитов и в следующем году запретил Орден Иисуса в Португалии и ее владениях. Все иезуиты были схвачены, посажены на суда и отправлены в папскую область, а через год все движимое и недвижимое имущество ордена было конфисковано. Более того, инквизиционный трибунал приговорил к сожжению одного из влиятельнейших иезуитов — патера Малагриду, обвиненного в заговоре против короля. Помбал провел ряд других реформ, поднявших международный престиж Португалии, укрепивших ее экономику, финансы, армию и флот.

Реформаторская деятельность Помбала, как и следовало ожидать, вызвала недовольство значительной части правящих кругов Португалии. В 1777 г. Помбал получил отставку и был предан суду по обвинению в злоупотреблении властью.

Социальные функции католической церкви вообще и иезуитских и других миссий в частности в процессе колонизации были с самого начала вполне определены. Они состояли в том, чтобы, с одной стороны, давать религиозную санкцию насилиям и зверствам, совершавшимся колонизаторами, а с другой — путем идеологического

воздействия парализовать сопротивление масс коренного населения, «обращать» их в рабов и включать их в механизм рабовладельческой и феодальной эксплуатации. Эту роль церкви отлично понимал еще Монтескье, который писал: «Религия дает тем, кто ее исповедует, право обращать в рабство тех, кто ее не исповедует, для того чтобы ее легче было распространять. В этом-то мнении разрушители Америки и находили поддержку своим преступлениям. На этой-то мысли они и основали право, в силу которого обратили в рабство столько народов; ибо эти разбойники, которые непременно хотели быть одновременно и разбойниками и христианами, были очень религиозны» [26, с. 364].

Известный ангольский общественный деятель и ученый Марио де Андраде писал: «В ходе всей португальской колонизации католическая церковь играла негативную роль. Она была... помощницей в колонизации... В период активной фазы колонизации миссионеры были духовными двойниками губернатора, администратора, местных властей».

Католическая церковь в португальских колониях выступала как реакционная политическая и идеологическая сила, душившая всякое проявление национального и классового сознания низов, серьезно тормозившая экономическое и культурное развитие колоний.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОРТУГАЛЬСКИХ КОЛОНИЙ

Генезис португальской колониальной империи происходил в тот изобиловавший драматическими событиями и острыми коллизиями период всемирной истории, который К. Маркс назвал периодом так называемого первоначального накопления. К. Маркс указывал, что начало эры капиталистического производства относится к XVI в., когда начался процесс первоначального накопления, который «есть не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства» [4, с. 727].

В классической форме насильственного отделения огромных масс производителей от средств производства первоначальное накопление имело место в Англии. В других странах Европы — в Испании, Португалии, Франции и Нидерландах — процесс первоначального накопления происходил в несколько иных формах, не имел столь бурного характера и был связан с постоянным и длительным обнищанием крестьянина, привязанного к своему клочку земли. Эти страны не дали массовых потоков крестьян-колонистов, которые переселялись бы в колонии. Здесь в колонии отправлялись искатели легкой наживы, военные, купцы, чиновники, миссионеры, а также ссыльные преступники.

Многие из этих людей, получив королевские земельные пожалования, не заселяли колоний крестьянами, а, наоборот, старались не допустить массовой крестьянской колонизации своих феодальных владений. Главную ценность этих земельных пожалований в первые века колонизации (в частности, в Африке) они видели не столько в возможности культивации земли, сколько в возможности торговли ценными местными товарами. Отсюда их стремление к основанию факторий, строительству крепостей, фортов и военных постов, охраняемых сильными военными гарнизонами.

С историей португальской колонизации связаны следующие моменты первоначального накопления: истребление коренного населения, уничтожение целых племен и народов и захват их земель, «превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих», насильственное окатоличивание местного населения, разрушение исторически сложившихся социальных и политических структур, «торговые войны» европейских государств, ареной которых служил весь земной шар, в том числе Африка и Азия, и т. д. К. Маркс писал, что первоначальное накопление создавалось не идиллическими методами сбережения, а путем самых страшных преступлений и насилия, и что его история «вписана в летописи человечества пламенеющим языком крови и огня» [там же].

Специфический характер социально-экономической жизни португальских владений в Африке определялся двумя важнейшими факторами: феодальными отношениями, которые тесно переплелись с патриархально-общинным и рабовладельческим укладами, и колониальным режимом, который ставил эти территории в политическую и экономическую зависимость от Португалии.

Оба эти фактора надолго затормозили развитие производительных сил и социальный прогресс, причем узкие рамки феодальных производственных отношений, сочетавшихся к тому же с отношениями рабства, погоня за драгоценностями, а также принявшая беспрецедентные масштабы «охота на рабов» подорвали жизненные силы Африки, истощили ее естественные и людские ресурсы и надолго задержали экономическое развитие африканских стран.

С самого начала португальской колонизации Африки феодальные отношения стали ведущей формой общественных отношений. Все вновь открытые земли считались собственностью португальской короны, которая могла жаловать земельные наделы в безраздельное пользование своим подданным на правах феодального держания.

Как будет показано ниже, все земельные пожалования носили феодальный характер и ведущим способом производства в зоне португальского владычества с самого начала стал феодальный способ производства. Хотя в различных колониях в разные периоды формы феодальной зависимости были неодинаковы, феодальный способ производства оставался незыблемым на протяжении многих веков португальского колониального владычества. Введенная абсолютистским правительством Лиссабона система донатариев в наибольшей степени отвечала интересам господствующего класса метрополии. Берущая свое происхождение в португальской средневековой феодальной организации, эта система предусматривала предоставление королем отдельным лицам наследственных феодальных владений с правом административной и судебной юрисдикции в обмен за обязательство защищать и заселять эту землю. При этом вся земля колоний считалась собственностью короны, а владения донатария были, по сути дела, своеобразными феодальными бенефициями.

Как правило, этими феодальными собственниками (донатариями) становились португальские навигаторы и военачальники, открывшие и захватившие у местных племен те или иные территории. Каждое из таких своеобразных княжеств — наследственных феодальных владений — включало в себя несколько десятков, а иногда и сотен лиг побережья и тянулось на неограниченное расстояние в глубь страны. Так, в январе 1629 г. король сообщал вице-королю, что он получил прошение от капитан-жерала Нуно Алвариша Перейры, в котором тот просит пожаловать ему «капитанство» в 400 лиг побережья Восточной Африки от Иньямбане в направлении к мысу Доброй Надежды «с постоянными правами для него самого и его наследников», а также «капитанства в государстве Бразилия» [137, т. IV, с. 203].

Донатарии имели практически абсолютную власть. Они поступали, сообразуясь только со своими личными интересами, заявляя при этом: «Бог очень высоко, король очень далеко, стало быть, я здесь хозяин» [123, т. I, с. 16].

Например, на о-ве Принсипи, вскоре после его открытия, донатариями стала семья Карнейру. Эта фамилия вплоть до 1640 г. имела неограниченную власть над островом, назначала местных судей, а позднее по своему желанию назначала капитан-моров. В 1640 г. остров был объявлен графством и лишь в 1773 г. возвращен во «владения короны».

Один автор XVIII в. писал о донатариях на о-ве Терсейра (Азорские острова): «Эти капитаны-донатарии пользуются всей военной властью, в значительной степени гражданской и уголовной юрисдикцией и в то же время имеют возможность сдавать необработываемые земли тому, кто берется их обработать» [349, с. 65].

Многие донатарии (например, доатарии Сьерра-Леоне) согласно условиям королевского пожалования не были обязаны даже жить в колонии, а жили, как правило, в Лиссабоне [там же, с. 31].

Несовершенство такой системы, превращавшей донатариев в почти независимых от короны феодальных князей, вскоре стало очевидным для правительства метрополии. В конце XVI в. эта система была заменена системой празу, представлявшей собой модификацию прежней системы донатариев.

Празу — своего рода земельные концессии — предоставлялись короной отдельным португальцам без права отчуждения и могли передаваться по наследству, но, как правило, в течение трех поколений. Теоретически празу должны были даваться белым женщинам при условии, что они выходили замуж за португальцев, и наследовались по женской линии в течение трех поколений, после чего они должны были вернуться к короне (отсюда и название «празу», т. е. «определенный срок»). Практически же празейруш (держатели празу) стали собственниками этих земель [415, с. 179; 137, т. III, с. 440].

Цель создания этой системы состояла в том, чтобы привлечь как можно больше белых колонистов, обеспечить португальский контроль и влияние, организовать экономическую эксплуатацию колоний и снабдить их дешевым административно-военным аппаратом [351, с. 73].

Система празу возникла в процессе португальского проникновения в долину р. Замбези (1575—1640). Португальские конкистадоры, проникая вверх по великой реке и все дальше углубляясь во владения мономотапы, воспользовались ослаблением власти этого правителя, а также его бесчисленными войнами с вассально-зависимыми от него мятежными вождями, для того чтобы захватывать силой или получать по соглашению с мономотапой земли этих мелких вождей, присваивая себе их власть и юрисдикцию над жителями. Иезуит Мануэл Баррету свидетельствует (1667), что «португальские землевладельцы имеют в своих землях ту же самую власть и юрисдикцию, какие имели до них вожди кафров, у которых они их отвоевали» [137, т. III, с. 440].

Уже в 1633 г. португалец Б. де Резенди упоминал о владельцах больших земельных угодий, привлекавших к себе на службу тысячи «кафров» на Мозамбикском побережье и прилегающих островах. Бывшие солдаты и «дегретадуш» (ссылные) оказались владельцами огромных земельных массивов. Вначале эти португальские поселенцы были вассально-зависимы от мономотапы. Но в конце XVI — начале XVII в. португальское правительство стало прилагать усилия, чтобы подчинить их своему контролю [316, с. 50].

Вскоре многие земли в этом районе были пожалованы в виде «празуш да короа» (пожалований короны) португальским подданным, отличившимся на службе. При этом по условиям пожалования они могли быть не более трех квадратных лиг и передаваться по наследству только рожденным от португальских родителей женщинам, которые должны были выйти замуж за португальцев, жить в колонии и обрабатывать и развивать празу.

Контракт, по которому празейру получал празу, накладывал на него определенные обязательства перед королем, самым важным из которых было обязательство ежегодно уплачивать казне налог (форо) обычно в размере десятой части доходов [329; 320, с. XI].

Отказ культивировать землю, брак собственницы земли с цветным мужчиной, а также ее отказ жить на этой земле юридически влекли за собой наказание в виде перехода празу к короне. Однако все эти условия нарушались.

Обязательство обрабатывать землю обычно игнорировалось, так как для сбыта продукции не было рынка и празейруш, как правило, ограничивались только выращиванием небольших урожаев, необходимых для пропитания их домочадцев и рабов. Белых мужчин в долине Замбези было очень мало, к тому же они плохо переносили тропический климат, поэтому собственницы празу обычно выходили замуж за лучше акклиматизировавшихся мулатов или так называемых индо-португальцев из Гоа. Иногда девушки — владелицы празу выходили замуж за африканцев. Ногейра де Андраде писал в конце XVIII в., что браки белых девушек «с индийцами и цветными на Замбези

— обычное явление» [351, с. 74]. Празу редко оставались теми маленькими участками, которые были пожалованы короной. Обычно они постепенно увеличивались до громадных размеров, соперничая в этом отношении с самыми обширными фазендами в Бразилии, и это создавало непреодолимые трудности для их культивации и заселения.

Наконец, многие владельцы празу не желали жить в колонии и, оставив на своих землях управляющих, отправлялись в Лиссабон или Порту. Из всех обязательств чаще и больше всего нарушались обязательства, вытекавшие из юридических отношений между празейру и королем, которые обычно были чисто символическими или вовсе не существовали. Большинство празейруш отказывались выполнять свою часть контракта и действовали независимо от правительства. По словам историка А. Исаакмэна, специально изучавшего этот вопрос, «эта противозаконная деятельность включала в себя действия, начиная от общего отказа платить налог (форо) до вооруженного сопротивления, когда празейру чувствовал, что государство посягает на его автономию» [320, с. XII]¹⁸.

В долине Замбези, вероятно, не было ни одного владельца празу, который бы выполнял условия пожалования. Корона смотрела на эти нарушения сквозь пальцы и даже щедро раздавала владельцам празу дворянские звания. Так зарождался дворянско-помещичий класс в Мозамбике. Что касается Анголы, то там система празу не получила сколько-нибудь существенного распространения. (Основой экономической жизни Анголы вплоть до XIX в. оставалась работорговля, и поэтому земля, как таковая, до этого времени мало интересовала европейских поселенцев.)

Описывая власть празейруш, Баррету сообщает, что «они подобны германским князьям и могут выносить приговоры по всем делам, предавать смерти, объявлять войну, облагать налогами и при этом, возможно, творят великие варварства, но они не пользовались бы должным уважением своих вассалов, если бы не наслаждались той же властью, что и вожди, которым они наследовали» [137, т. III, с. 440].

Женясь на африканках, изучая местные языки и обычаи и создавая из числа португальцев и африканцев большие частные армии, празейруш постепенно расширяли границы пожалованного им поместья, захватывая все новые и новые земли. На службе у празейруш иногда были тысячи африканцев, с которыми они обращались с исключительной жестокостью. Мануэл Баррету, свидетельствовавший о жестокости, насилиях и беззакониях, творимых празейруш, отмечал, что последние вселяли в людей ужас и страх. В качестве примера он упоминает о Мануэле Паише де Пинью, «образ жизни которого, а также и его домочадцев был образом жизни князя». Он поддерживал свой престиж и авторитет, «будучи очень щедрым, вознаграждая, и суровым, даже жестоким, наказывая» [там же].

На празу не возникло плантационного хозяйства подобного тому, какое было характерным для Бразилии. Причина этого состояла в отсутствии рынка для сельскохозяйственной продукции. Предметами экспорта считались только золото, слоновая кость и рабы, но их приобретение не требовало развития техники и совершенствования организации хозяйства. Единственное, что интересовало празейру,— это налоги и подати, взимаемые в его пользу в виде золота, слоновой кости и рабов. Все это обусловило консервативный и застойный характер феодальной системы празу и неспособность держателей празу осуществить глубокие изменения в традиционных экономических и социальных отношениях.

¹⁸ На основе анализа юридических и практических аспектов проблемы А. Исаакмэн определяет празу как «динамичную систему со следующими характеристиками: 1) сюзерен — европеец, индеец или метис, обладающий определенным числом привилегий или прерогатив, которые прежде принадлежали вождю или „мамбо"; 2) свободное африканское население (колоны), живущее на своих исторических землях и в своей традиционной манере; 3) рабское население... 4) теоретически фиксированные границы... 5) контрактные отношения между празейру и короной» [320, с. XII]. Это определение нам представляется недостаточным и неточным, так как в нем упущено главное — феодальный характер этой формы землевладения и землепользования.

На своих землях празейру был абсолютным хозяином. Он произвольно устанавливал налоги и подати, которые должны были платить мелкие вожди, жившие на его территориях. Из этих средств празейру платил время от времени одну десятую часть в португальскую королевскую казну.

Африканцы должны были платить особые подати и в таких случаях, как, например, переход празу к новому собственнику. При отсутствии ценных товаров (особенно высоко ценилась слоновая кость) празейру принимал в виде подушной подати (муосоку) рабов.

В середине XVII в. почти все земли от Келимане до Чикоа и от Чикоа до Софалы были разделены на празу, имевшие размеры от 3—4 до 80—90 кв. миль [281, с. 82].

М. Баррету свидетельствует, что почти вся территория в треугольнике, образуемом р. Замбези, морским побережьем и прямой линией, проходящей от Чикоа до Софалы, была в руках португальцев, хотя многие из жителей, принадлежавших к племени батонга, были в «состоянии мятежа» [137, т. III, с. 439]. Он говорит, что вся эта территория разделена на празу, причем некоторые из них столь же велики, как большие королевства, особенно те, которыми владели Антониу Лобу да Силва, Мануэл Фоз де Абреу, Мануэл Паиш де Пинью и др. Последний имел среди своих подданных все племя монгаси [там же].

Многие празейруш накопили огромные богатства и жили в вызывающей роскоши. На некоторых празу были построены большие здания с очень просторными комнатами, высокими потолками и толстыми стенами. Эти дома вызвали восхищение у посещавших их путешественников XVII в. Большие прохладные комнаты были обставлены с восточной роскошью, причем празейруш старались превзойти в богатстве друг друга. Столы изобиловали всякими яствами, были уставлены всевозможными овощами и фруктами, выращиваемыми в их садах, мясом домашних и диких животных, самыми дорогими винами из Европы и всевозможными заморскими деликатесами. Их обслуживали многочисленные рабы. Они никогда не передвигались иначе как в паланкинах, которые несли рабы, и жили в роскошной праздности [403, т. II, с. 429; 281, с. 84].

От празейруш в королевскую казну текла сравнительно тонкая струйка доходов: вся рента, шедшая в Лиссабон, составляла немногим более 600 миткалей золота, или 268 ф. ст. в год [403, т. II, с. 429]. Незначительность финансовых поступлений, получаемых казной от празейруш, была связана с их практически полной независимостью от короны, а также с отсутствием эффективного португальского чиновничьего аппарата вдоль р. Замбези.

Таким образом, система празу не дала ожидаемых результатов и не оправдала тех больших надежд, которые возлагали на нее архитекторы колониальной империи. Система празу в той форме, в какой она развилась и сложилась в XVIII в., не смогла существенно увеличить белое население в Замбезин или закрепить на земле европейских переселенцев. Тропические болезни и сопротивление местных племен сделали Замбезию, по выражению одного историка, могилой белого человека [238, с. 52].

Нападения воинственных племен, междоусобные войны празейруш, удаленность празу друг от друга и от португальских фортов постепенно обрекли их на упадок и полное уничтожение. К концу XVII в. было только 100 празу. Эта система просуществовала еще полтора столетия, вплоть до середины XIX в. В 1852 г. был издан королевский указ о ликвидации празу провинции Мозамбик. В 1890 г. они были реорганизованы¹⁹ [415 с. 179].

¹⁹ Декрет 1890 г. дал празу форму, которую они сохранили до своей окончательной отмены правительством Салазара. Необрабатываемые земли были отобраны у хозяев и проданы с аукциона. Новый владелец должен был платить правительству ренту в размере 30% всей суммы собираемых налогов. На этого феодального держателя земли налагалось обязательство обрабатывать и развивать землю, а также «защищать» живущих на ней африканцев. За это последние должны были платить ему подати в виде товаров или трудом (т. е. отработочная рента). Новые феодалы сохранили старые привилегии празейруш.

Однако, как отмечает Даффи, прайейру мог быть низложен лишь силой, и даже когда его вытесняли в джунгли португальские войска, он уводил с собой свой двор, вождей и частную армию, чтобы вести «древнюю и хорошо известную борьбу, которая происходит во все периоды феодализма, — между сувереном, пытающимся усилить свою власть, и феодальными баронами, защищающими свои традиционные права, которые составляют саму основу их существования» [281, с. 7].

Характерной особенностью колониальной экономики являлось преобладание в каждый определенный период какого-либо одного колониального продукта, становившегося как бы главной осью экономической жизни португальской империи. В зависимости от этого ранняя экономическая история португальского колониализма (XV—XVIII вв.) может быть разбита на несколько этапов:

XV в. — фаза гвинейского золота;

XVI — первая половина XVII в. — фаза восточных пряностей;

вторая половина XVII в. — фаза бразильского сахара;

XVIII в. — фаза бразильского золота.

Вся история португальского колониализма — это прежде всего история варварского расхищения природных и человеческих ресурсов захваченных территорий, в основе которого лежали корыстные экономические интересы эксплуататорских классов метрополии. «Всякая история Анголы, которая имеет смысл, должна быть экономической историей», — справедливо пишет историк Г. Чайлдс [253, с. 19]. Это положение можно было бы распространить и на другие португальские колонии.

На протяжении почти всего XV в. главной целью португальской колониальной экспансии было приобретение гвинейского золота. Именно на золоте, слоновой кости и в меньшей степени на рабах Гвинейского побережья фокусировалось внимание первых колонизаторов Африки, именно они были вожделенной целью и стимулом колониальных авантюристов вышедших на дорогу колониального разбоя рыцарей первоначального накопления. Европейцев, которые с самого начала смотрели на открытые ими страны прежде всего как на источник обогащения, интересовали больше всего золою и слоновая кость. Именно жажда золота надувала паруса кораблей Генриха Мореплвателя, гнала их через океан, вселяла отвагу и жестокость в сердца конкистадоров, толкала их на самые варварские преступления.

Как отмечает африканский историк Дель-Ананг, «золото, слоновая кость и рабы были главными предметами на западном побережье [Африки]. Все больше и больше авантюристов прибывало, принося с собой те так называемые блага цивилизации, остатки которых существуют до настоящего времени» [276, с. 20].

Говоря об этих «благах цивилизации» времен чудовищного грабежа богатств Африки первыми европейскими конкистадорами, русский путешественник В. В. Юнкер писал: «Какую страшную нищету принесла торговля слоновой костью бедным неграм! О, если бы можно было собрать вместе все жалобы, крики боли и вздохи, которые причинил один кусок слоновой кости. Какой это был бы ужас для осужденного видеть и слышать даже только часть этих человеческих страданий» [149, с. 23].

Колониальная эксплуатация в этот период базировалась главным образом на неэквивалентной торговле с местным населением. Первое время португальцы вели торговлю со своих судов, подплывавших к берегу и бросавших якорь в подходящем месте. С середины XV в. эта форма торговли была дополнена созданием факторий или торговых постов. Вдоль побережья стала быстро возникать сеть португальских факторий, в которых обосновывались купцы, обменивавшие дешевые ткани и безделушки на золото, слоновую кость, амбру, рабов и т. д. Первая из этих факторий была основана в 1445 г. в Аргене.

Они обладали верховной властью в своих землях, могли требовать от африканцев и налоги и труд, вершили над ними суд и имели частную полицию из сипаев. Кроме того, им принадлежало право на монопольную торговлю на своей территории. Позже многие имения отошли к «Компания дс Замбези» и «Компания да Мозамбик».

Через десять лет здесь был построен укрепленный форт, под защитой которого португальские купцы вели оживленную торговлю. Арген стал прототипом цепи укрепленных факторий, созданных Португалией от Анголы до Молуккских островов [241, с. 25].

В Африке португальские фактории и форты покрыли к середине XVI в. все ее западные и восточные берега. Множество факторий было основано в Северной и Западной Африке. На восточном побережье к 1520 г. португальцы основали фактории в бывших арабо-суахилийских городах Кильве, Момбасе, Ламу, Малинди, а также в Брава, Могалишо, Софале, Мозамбике, на островах Пемба и Занзибар. В 1544 г. они построили факторию в Келимане [322, с. 99—101].

Португальская колонизация разрушила издавна сложившуюся систему экономических связей и ликвидировала ряд крупных арабо-суахилийских торговых и культурных центров в Восточной Африке.

Возникшие в XV—XVI вв. португальские фактории нанесли сильный удар по транссахарской торговле, которую вели арабские купцы с мусульманскими государствами Северной Африки, и позволили португальцам отвести значительную часть этой торговли на свои суда и торговые центры. Особенно сильный удар по арабским купцам в борьбе за торговлю в Западной Африке был нанесен португальцами строительством фактории и форта в Эльмине (Золотой Берег) в 1482 г. Эта фактория, превзошедшая по объему торгового оборота Арген, подорвала арабскую торговлю и обеспечила значительный приток золота к западному побережью. В результате упорной арабо-португальской борьбы за торговую монополию в этом районе португальцы взяли верх, и их каравеллы в течение 100 лет (1450—1550) вывозили намного больше золота, чем арабские верблюжьи караваны, совершавшие транссахарские рейсы.

Как явствует из источников, португальская торговля с самого начала приобрела характер колониальной, или разбойничьей, торговли, торговый обмен часто сопровождался, а иногда заменялся внеэкономическим присвоением. Сильный торговый партнер при всякой возможности грабил слабого.

В конце XV в., после открытия морского пути в Индию, экономическое содержание португальской заморской экспансии существенно изменилось. Главной целью и стимулом португальской колониальной экспансии в это время становятся перец, мускатные орехи и корица.

Захватив контроль над морским путем из Европы в Азию, Португалия сконцентрировала усилия на том, чтобы извлечь максимальные выгоды из своей монополии на торговлю с Южной и Юго-Восточной Азией. Торговля специями приносила португальским купцам и авантюристам фантастические прибыли. Так, перец, который привез Васко да Гама, возвращаясь из Индии, окупил его путешествие 60 раз. После первых же рейсов португальских купцов в Индию цены на перец в Европе поднялись в несколько раз и остановились на средней цене 30 крузадо за кинтал, в то время как в Индии один кинтал перца стоил всего 2 крузадо. Цены на специи на европейском рынке в этот период устанавливало португальское правительство, которое объявило торговлю с Индией королевской монополией. Только с разрешения короля португальские и иностранные купцы могли торговать «индийскими товарами». Львиная доля выручки от этой чрезвычайно прибыльной торговли потекла в королевскую казну, поскольку, по словам крупного немецкого историка Циммермана, «судоходство и инициатива частных предпринимателей были почти ничтожными» [420, с. 195]²⁰.

Хотя сведения, которые можно почерпнуть из сохранившейся документации, крайне скудны и фрагментарны, все же они дают возможность дать приблизительную

²⁰ Только в 1643 г. Жуан IV (первый король династии Брагансов) отменил королевскую монополию и открыл торговлю с Индией для всех португальцев. Однако этот, как и другой подобный декрет 1671 г., относившийся специально к Замбезии, натолкнулся на столь ожесточенное сопротивление заинтересованных придворных кругов, что фактически так и не был проведен в жизнь.

оценку общей суммы доходов, которую извлекла в этот период перцового бума королевская казна из торговли с Востоком. По подсчетам бельгийских историков Ланной и Линдена, ежегодная выручка казны составляла тогда около 4250 тыс. зол. фр., не считая сборов таможи Лиссабона, которые тоже составляли весьма значительные суммы.

Кроме того, необходимо учитывать, что, хотя с конца XV— начала XVI в. на первый план экономической жизни португальской империи выдвигается торговля пряностями, это вовсе не означает, что золото и слоновая кость, которые были стержнем колониальной политики португальцев XV в., вовсе перестали их интересовать. Неэквивалентная торговля, в ходе которой португальцы выменивали благородный металл на различные ничего не стоящие безделушки, продолжала существовать и во время перцового бума, хотя стала уже не главным, а вторым по своему значению источником колониальных доходов. Однако и этот источник был весьма существенным.

По свидетельству Дуарти Пашеку Перейры, в конце XV — начале XVI в. из Западной Африки в Португалию поступало ежегодно примерно 170 тыс. добр²¹ (108 тыс. ф. ст. по ценам 1601 г.) [119]. Английский историк Р. Бин считает, что цифра 170 тыс. добр относится только к экспорту из Эльмины и что к ней надо добавить 30 тыс. добр из Аксима и 9 тыс. добр из: Сьерра-Леоне [217а, с. 352]. Согласно существовавшим в этот период правилам пятая часть доходов от торговли золотом (так называемая пятина) должна была идти в пользу короля. В начале XVI в. только из Кильвы в королевскую казну поступал в виде «пятины» в среднем от 35 тыс. до 40 тыс. добр в год [82, т. 1, док. 31, прим., с. 331].

Золото, вывозившееся португальцами из Восточной Африки, не посылалось в Португалию, как это было с западноафриканским золотом, а отправлялось главным образом в португальскую колонию Гоа, где большая его часть использовалась на покупку перца и других пряностей для отправки в Португалию. В результате перцового бума Гоа стал таким богатым городом, что его называли «Римом Востока». Там было построено много роскошных зданий, в том числе несколько великолепных церквей, богато оформленных золотыми украшениями.

Огромные доходы королевской казне, колониальным чиновникам и купцам приносила также торговля золотом на побережье Западной Африки. С 1493 по 1580 г. экспорт золота из Гвинеи достигал в среднем 2400 кг в год, что составляло 35% мировой добычи того времени. В целом же, суммируя все доходы, получаемые в этот период метрополией от колоний (в том числе и таможенные сборы от колониальной торговли), можно установить, что чистая прибыль королевской казны от эксплуатации и разграбления богатств ее колониальной империи составляла ежегодно в среднем 5,5 млн. зол. фр. [326, с. 209—210].

Главной формой торговли в Африке, приносившей огромные доходы нарождавшемуся и быстро усиливавшемуся португальскому торговому капиталу, по-прежнему был неэквивалентный обмен.

Португальцы быстро обнаружили, что товары европейского происхождения не пользуются большим спросом в Африке. Местные жители отдавали явное предпочтение индийским товарам, на которые они охотно обменивали золото и слоновую кость. Поэтому португальские купцы стали ввозить в Африку ткани и бусы, купленные в Индии. «Товары, которые здесь хорошо идут, — писал капитан Софалы королю в 1516 г., — это шелковая ткань, которая здесь стоит дороже, чем где-либо, поскольку они [«туземцы»] ее очень ценят, а также бусы... и другие товары из Индии» [82, т. IV, док. 16, с. 292]. Эти ткани, свидетельствовал в конце XVI в. Диогу де Коуту, «очень ценятся кафрами, которые делят их на куски и носят вокруг талии. Они считают их самым роскошным нарядом в мире. Они (купцы.— А. Х.) берут также для своей торговли мелкие бусы, сделанные из

²¹ Д о б р а — старинная португальская золотая монета, равная 248 тыс рейсам.

гончарной глины, зеленые, синие или желтые, из коих делаются ожерелья, которые кафрские женщины носят на шее так же, как наши — богатые ожерелья» [70, с. 317].

Португальцы ввозили в Африку из Индии довольно широкий ассортимент бус, о чем свидетельствует, например, расписка алкайд-мора и фактора Мозамбика от 6 мая 1517 г. в том, что они получили 800 связок синих стеклянных бус, 22 связки оловянных бус и 20 янтарных бус, «как грубых, так и изящных» [82, т. V, док. 21, с. 156].

Де Коуту следующим образом описывает португальскую торговлю, существовавшую на р. Замбези в конце XVI в.: «Существуют три рынка, куда португальцы идут покупать золото или посылают свой товар и обменивают его на золото... Те, кто желают, идут сами, другие посылают своих кафров... Эти партии кафров с указанными товарами выходят из нашего форта Тете и идут к трем рынкам, куда приходят кафры из хинтерланда и ждут их в определенное время» [70, с. 317].

Не только золото, но и слоновая кость выменивались главным образом на дешевые ткани. Это подтверждается свидетельством другого хрониста, Б. де Резенди, который писал в 1635 г.: «Рынок этой страны находится в 70 лигах от крепости (Софала. — А. Х.). Единственный товар — слоновая кость, которая обычно обменивается на черную и белую ткань, тонкий миткаль и другие ткани, как это принято на всем кафрском берегу, где за ткани можно купить все, включая провизию, которая во время мира всегда изобильна и дешева» [137, т. II, с. 405]. В этих свидетельствах идет речь о так называемых ярмарках в Луанзе, Дамбараре, Ангоше и Массапе. Эти ярмарки находились недалеко от золотых рудников и полностью контролировались португальским купеческим капиталом. Археологические раскопки показали, что ярмарки представляли собой укрепленные форты, окруженные кирпичными стенами, рвом и частоколом. В крепостных стенах имелись бастионы для пушек. Внутри крепости находились оружейный склад, казармы для гарнизона, часовня и резиденция капитана. Самой важной из всех была ярмарка в Массапе (недалеко от горы Дарвина). Все португальцы, приезжавшие в Мономотапу, должны были проходить через этот форт и платить пошлину его капитану. Капитан Массапы имел большую власть, делегируемую ему мономотапой. Этот капитан избирался португальскими резидентами, но его кандидатура утверждалась вице-королем в Гоа и мономотапой. Его юрисдикция распространялась как на португальцев, так и на африканцев, живших по соседству, причем он должен был даже выполнять некоторые церемониальные функции племенного вождя²². Все купцы должны были платить пошлину капитану Массапы за товары, ввозимые в страну.

Сохранились некоторые торговые счета фактории Софалы, которые дают представление о масштабах этой торговли. За 20 месяцев в 1508—1509 гг. в факторию поступило около 1900 унций золота и 10 тыс. фунтов слоновой кости, купленных или, возможно, отобранных силой у коренных жителей хинтерланда или у арабских купцов. За тот же период она получила из-за моря (главным образом из Индии) и реализовала в обмен на золото и серебро более 10 тыс. ярдов тканей и различной одежды и более 8,6 тыс. фунтов бус. Большая их часть была использована для покупки золота и слоновой кости в хинтерланде, а также (меньшее количество) для покупки продовольствия для гарнизона [404, с. 39].

Таким образом, португальская торговля в этот период была «треугольной»: в Индии закупались ткани и безделушки, которые везли в Африку; там их обменивали на золото и слоновую кость, которые, в свою очередь, частично вывозили в метрополию, частично — в Индию, где обменивали на пряности, которые тоже попадали в метрополию

²² Это был далеко не единичный пример сплетения португальских колониальных институтов с африканскими политическими структурами. Когда португальцы не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы разрушить эти структуры, они сотрудничали с ними до тех пор, пока не добивались монополии власти. Юридические и церемониальные функции вождей несли и многие другие капитаны португальских фортов. По словам Сантуша, «кафры обнаруживают то же повиновение капитану Тете, как если бы он был их королем» [131, с. 290].

и другие страны Европы. Таким образом, ничего не давая сама, Португалия получала все при помощи неэквивалентного торгового обмена между Африкой и Азией.

Португальская монополия на торговлю с Азией просуществовала 90 лет — до конца 1580-х годов. Поглощение Португалии Испанией (в результате этого Португалия оказалась втянутой в сложные международные конфликты и приобрела новых сильных врагов), гибель испано-португальского флота («Непобедимой армады») в 1588 г., а также активизация колониальных соперников подорвали могущество Португалии на Востоке и привели в конечном счете к потере ею к середине XVII в. большинства азиатских владений. Центр тяжести колониальной империи переместился в Бразилию и Анголу. Именно на этих территориях фокусируется теперь внимание Лиссабона, который ищет новые источники извлечения колониальных прибылей.

Начался следующий этап португальской колониальной политики, связанный с сахарным бумом в Бразилии и невиданным расцветом работорговли. Развитие плантационного хозяйства в Бразилии вызвало резкое увеличение спроса на рабов. Главным источником, снабжавшим рабской рабочей силой бразильскую плантационную экономику, стала Ангола. Еще больше вырос спрос на рабов, когда в начале XVIII в. сахарный бум в Бразилии сменился золотым. Начался один из самых драматических актов трагедии первоначального накопления, означавший для Бразилии хищническое разграбление ее природных богатств, истребление и порабощение ее коренного населения, а для Африки — расхищение человеческих ресурсов, погребение заживо в рудниках миллионов наиболее здоровых и жизнеспособных людей, насильственно вывезенных из Африки в Америку.

Работорговля стала основой экономики Анголы, той главной осью, вокруг которой вращалась вся экономическая жизнь в колонии (подробнее о работорговле см. следующий раздел). Торговая статистика того времени показывает, что львиную долю доходов португальцев в Анголе составляла торговля «живым товаром». В конце XVIII в. 88,1% всех доходов, получаемых в колонии, шло от экспорта рабов по сравнению с 4,09% — от церковной десятины, 4,8% — от слоновой кости и 0,9% — от соли. «Ангола еще полностью зависела в своем существовании от работорговли, — пишет известный специалист по истории Анголы Ж. Вансина. — Нужда в рабах постоянно заставляла торговцев добиваться все новых военных экспедиций, и колония регулярно организовывала рейды против своих африканских соседей. Контрабанда рабами, слоновой костью и даже воском процветала и шла беспрепятственно. Поскольку слоновая кость была еще королевской монополией, особенно развилась контрабандная торговля слоновой костью. Причина незаинтересованности в развитии других ресурсов была сформулирована губернатором Мигелем Антониу да Меллу, который заметил, что редко бывало, чтобы кто-нибудь потерял деньги на работорговле» [408, с. 185].

Что касается «португальской» Восточной Африки, то здесь, хотя и существовали рабство и работорговля, они не приняли столь внушительных размеров и не получили столь большого развития, как в Анголе. В Мозамбике главные усилия португальских колонизаторов и в этот период были направлены на развитие торговли в Индийском океане, а также на захват и эксплуатацию золотых рудников Момотапы (в области Манника).

Поскольку португальские порты в Восточной Африке имели исключительно важное стратегическое и торговое значение как опорные базы на великом морском пути в Индию, португальское правительство с давних пор рассматривало эти свои владения прежде всего как ключ к Индийскому океану.

Не случайно, как уже упоминалось, восточноафриканские колонии были в административном отношении отнесены к «Государству Индии» и подчинены вице-королю в Гоа. Они рассматривались как естественный придаток и необходимый компонент колониальной торговли с Азией. Сами португальские поселения на востоке Африки включались тогда в официальной документации в понятие «Индия». Лиссабон

сконцентрировал свои усилия на создании здесь цепи торговых факторий. Говоря о начальной стадии португальской колонизации Мозамбика, королевский комиссар этой колонии М. Албукерки писал, что в эпоху открытий в каждой крепости имелись церковь и фактория — прозелитизм и торговля [349, с. 39].

В 1593 г. португальцы построили в Момбасе форт Жесуса, укрепив тем самым свой военно-политический и экономический контроль над побережьем. В конце XVI в. португальская торговля между Восточной Африкой и Индией успешно развивалась, несмотря на британские и голландские угрозы португальской империи в Азии, захват форта Жесуса арабами из Омана в 1599 г. (во время осады погибли 2,5 тыс. португальцев, индийцев, банту и арабов) [414, с. 219].

Согласно сведениям, сообщаемым голландским путешественником Линшотеном, восточноафриканский экспорт в Индию составляли золото, слоновая кость, амбра, эбенное дерево и рабы. Рабы-африканцы, будучи физически более сильными и выносливыми, чем коренные жители Индостана, использовались для самых тяжелых работ в азиатских колониях Португалии [137, т. VIII, с. 417], и, хотя Линшотен и не говорит этого, из других источников видно, что они использовались в больших количествах на торговых судах, для того чтобы освободить матросов-европейцев от тяжелых работ. После захвата форта Жесуса арабами португальцы стали считать зоной своего владычества побережье нынешнего Мозамбика, а африканский берег к северу от мыса Делгадо рассматривался как арабская сфера влияния.

Торговое значение Софалы к концу XVI в. заметно упало. Зато очень возросло торговое значение Сены, где существовали сильно укрепленный форт, склады, церковь и проживало около 50 португальцев и почти тысяча индийцев и мулатов. Здесь португальцы вели оживленную торговлю с соседними африканскими вождями, но платили налог тканями и бусами посольствам, которые раз в три года присылал мономотапа. С мономотапой у португальцев были установлены самые тесные и выгодные для них торговые отношения. Линшотен сообщает, что капитан Мозамбика Нуно Велью Перейра информировал архиепископа, что за три года своей службы он накопил состояние почти в девять тонн золота (по тогдашним ценам это составляло 75 тыс. ф. ст.) главным образом от торговли этим драгоценным металлом, которая ведется в Софале и на территории Мономотапы [там же, с. 416]. Пользуясь своим положением, высшие колониальные чиновники стремились наложить руку на чрезвычайно прибыльную торговлю золотом, безжалостно пресекая всякую конкуренцию. Как правило, они занимались не столько своими административными обязанностями, сколько «золотым бизнесом». О характере и масштабе их «предпринимательской деятельности» дает представление следующий фрагмент из хроники Б. де Резенди: «Капитан этого поселения Сена выбирается капитаном Мозамбика. Он теперь не получает жалованья из королевской казны, поскольку граф Линьярес в бытность свою вице-королем распорядился, чтобы капитаны не оплачивались больше из королевской казны, как это было до его правления, говоря, что с этих пор прибыли от [района] рек будут идти не Его Величеству, а капиталу Мозамбика, который имеет на нее аренду и должен платиться жалованье капитанам Сены, Софалы и других фортов [района] рек... В этом поселении Сена капитан Мозамбика имеет факторию и продает все товары вассалам Его Величества и другим христианам, которые несут их в хинтерланд обменивать у кафров на слоновую кость и золото» [137, т. II, с. 402—405].

Португальский король жаловался, что, в то время как он не получает прибылей от торговли золотом, капитаны Софалы наживают огромные состояния [404, с. 41]. Злоупотребления чиновников, в карманы которых шли прибыли от торговли золотом, приняли столь грандиозные масштабы и скандальный характер, что Совет по делам заморских владений в 1644 г. рекомендовал, чтобы капитан Мозамбика был не более чем оплачиваемым начальником крепости и чтобы торговля в Юго-Восточной Африке была открыта для всех [212, с. 115]. Поскольку злоупотребления продолжались и колониальные администраторы продолжали заниматься главным образом торговыми операциями, в 1720

г. был издан королевский указ, запрещающий губернаторам и высшим чиновникам участвовать в торговле. Этот указ был в какой-то степени проведен в жизнь только в 1725 г. [408, с. 182].

Метрополия смотрела на свои колонии исключительно через призму интересов своей колониальной торговли, которая, будучи одним из важнейших источников дохода эксплуататорских классов метрополии, ревниво охранялась ими от посягательств иностранных держав. Португальцы строжайшим образом запрещали жителям колоний торговать с иностранцами. Всякое иностранное судно, бросившее якорь у берегов португальских колоний, рассматривалось как контрабандистское. Его захватывали, а с его экипажем обращались не лучше, чем с пиратами или шпионами. Любимым методом португальцев была также дезинформация местного населения относительно намерений и обычаев своих европейских конкурентов. Англичанин Дж. Ланкастер, побывавший в начале XVII в. на Занзибаре, сообщает, что он обнаружил там португальскую факторию, уже покинутую португальцами. Местные жители рассказали ему о «коварных и злобных происках в отношении нас (т. е. англичан. — А. Х.) португальцев, которые заставляли их поверить, что мы жестокие люди и людоеды, и внушали, что если они не хотят подвергаться опасностям, то они ни в коем случае не должны приближаться к нам» [105, с. 26].

Строительство сильно укрепленных фортов и размещение там многочисленных гарнизонов имели одной из главных целей защиту монополии Португалии на колониальную торговлю от иностранной конкуренции. Б. де Резенди писал: «Цель, для которой эта крепость [Софала] построена и содержится, — сохранение торговли золотом, слоновой костью, серой амброй на этом побережье и реках Куамы. Важность этой торговли требует принятия мер, чтобы помешать проникновению иностранных держав; надо снабжать эту крепость всем необходимым, ибо земли, находящиеся у мыса Доброй Надежды, столь обширны и богаты золотом и слоновой костью, что этой торговле помогают все португальцы в Индии и Португалии, а также и другие нации» [137, т. II, с. 402].

Когда стало известно о том, что англичане и французы ведут активную торговлю к северу от р. Данде (Ангола), в Лиссабоне в 1733 г. был выдвинут план пресечения этой торговли путем оккупации всего побережья от устья Данде до Сойо и строительства там крепостей (президиу). В 1758 г. камара Луанды жаловалась, что иностранные купцы продают свои товары через посредников в Луанде и что эти товары лучше и дешевле, чем португальские. Поэтому в 1759 г. была организована специальная военная экспедиция с целью остановить непортугальскую торговлю в долине Ложе, однако она не дала желаемого результата. В 1760 г. в Лиссабоне обсуждался вопрос об оккупации Амбриша, Кабинды, Маллембе и Лоанго [408, с. 182]. Все эти меры должны были не только пресечь иностранную торговлю и контрабанду, но и превратить Португалию в единственного торгового посредника между колониями и Европой.

Изучение документации и свидетельств современников показывает, что организация португальской колониальной торговли не оставалась неизменной. Она претерпела со времени своего возникновения значительную эволюцию, связанную с социально-экономическими сдвигами в самой Португалии и в других странах, с развитием производительных сил и товарно-денежных отношений, некоторыми «моментами» первоначального накопления, а также с изменениями соотношения политической, экономической и военной роли европейских держав в мировой политике.

Изучение описаний путешественников и купцов, хроник, официальной корреспонденции и других источников того времени позволяет сделать попытку периодизации истории португальской колониальной торговли в зависимости от главных принципов, положенных в основу ее организации.

В период первоначального накопления и раннего капитализма можно выделить две основные фазы в истории колониальной торговли Португалии:

XV — XVI вв. — фаза королевской монополии на торговлю, начало XVII — конец XVIII в. — фаза торговых компаний.

Первый этап португальской колониальной торговли характеризуется фактической монополией королевской короны на всю импортно-экспортную торговлю между метрополией и колониями. (Частная торговля хотя и допускалась, но только с разрешения королевского двора и при условии уплаты ему значительной доли прибылей.)

Очень яркое и точное описание португальской торговли этого периода дал известный русский историк проф. Р. Виппер: «Сама торговля была похожа на военные экспедиции, правильно повторявшиеся и руководимые правительством: частные лица только с его разрешения могли принимать участие в обмене, притом известные товары оставались в исключительном распоряжении короны. Индийская камера²³ в Лиссабоне вела все торговые сношения с Востоком. Путешествия были долги и трудны; проезд из Лиссабона в Гоа, главное владение португальцев в Индостане, длился 18 месяцев. Драгоценные товары грузились на тяжелые военные корабли, карраки, снабженные десятками пушек и везшие сотни моряков и солдат. Они наводили страх на персов, индусов и арабов, но вместе с тем их грузы вызывали зависть европейцев других стран, жаждавших перехватить у португальцев торговые пути и отбивавших иногда военные армады недалеко от самой Португалии. Перевоз крупными партиями при редких отправлениях создавал на рынках лихорадочное напряжение на короткий срок, как в испанском Портобелло; за ним следовала полная остановка дел и запустение. Португальцы лишь довозили грузы до своего Лиссабона и вовсе не заботились о распространении привезенных товаров в остальных странах Европы» [148, с. 14—15].

Вплоть до конца XVI в. колониальная торговля велась в основном силами торговых агентов, нанятых королевским двором. Все частные торговцы должны были иметь на торговлю специальное разрешение от королевского правительства. Король обладал исключительной монополией на торговлю специями и слоновой костью. Так, в инструкциях вице-королю Индии в феврале 1635 г. король Филипп IV Испанский (Филипп III Португальский) писал: «Должна быть установлена монополия на торговлю слоновой костью, и она должна покупаться и перевозиться за счет моей казны как королевское право на слонов» [137, т. IV, с. 250].

Юридически королевская монополия на торговлю была оформлена законодательством, по которому все ресурсы колоний являлись собственностью короны и частные лица могли эксплуатировать их только с согласия и под контролем короля и его чиновников и в интересах обогащения королевской казны. Монополия короны оказывала крайне отрицательное воздействие на экономическое развитие колоний. Сковывая частную инициативу, она не давала возможности основывать новые предприятия даже тем предпринимателям и купцам, которые располагали для этого необходимыми средствами, опытом и сноровкой.

Много раз менялась политика короны в отношении торговли золотом, которое добывалось и широко использовалось в Юго-Восточной Африке.

В 1474 г. была введена королевская монополия на торговлю золотом. Вначале весь доход от этой торговли поступал в королевскую казну, но позже королевский двор отказался от этой монополии, и к торговле золотом были допущены частные купцы с обязательством отчислять в пользу королевской казны 10%, затем 5% и, наконец, пятую часть золота. Главным портом вывоза золота был Лагос, где был учрежден специальный центр — «Каса да Гине». Позже это учреждение было перенесено в Лиссабон («Каса да Мина», переименованное затем в «Каса да Индия») [363, с. 161]. Доход от торговли золотом в XV в. превышал все другие доходы короны.

В XVI в. была установлена практика, согласно которой исключительные права на торговлю золотом в Восточной Африке даровались капитанам крепостей Софала и

²³ Имеется в виду «Каса да Индия». О ней см. ниже.

Мозамбик. Большую часть доходов от этой чрезвычайно прибыльной торговли они забирали себе, но пятую часть должны были отчислять в пользу королевской казны.

Этот порядок, обогащавший капитанов крепостей, уже в 80-е годы XVI в. стал вызывать растущее недовольство королевского двора, который получал большое количество жалоб на функционеров, игнорировавших интересы короны.

В коллекции документов, собранных Тилом, имеется письмо монаха-августинца Азеведу королю (письмо не имеет даты, но написано, по-видимому, в 80-е годы XVI в.), в котором говорится: «Королевство Мономотапа и реки Куамы могут давать огромные выгоды Вашему Величеству, а в настоящее время не дают Вам никакого дохода, будучи сданы в аренду дону Жоржи де Менезишу и его слугам на трехгодичный срок за 150000 крузадо, которые они еще не уплатили. По этому контракту Ваше Величество получает мало дохода, а теряет много, сдавая в аренду эти земли, которые богаче золотом, чем земли Мины, Аргена... и могли бы легко давать прибыль Вашему Величеству. Для того чтобы получать доходы от этого золота, Вашему Величеству не нужно ни завоевания, ни вооруженной силы. Нужно только, чтобы Ваше Величество дали португальцам разрешение перевозить свои товары к этим рекам, платя пятую часть золота или других товаров, которые они везут с собой назад в Мозамбик, и эта торговля тотчас же будет поставлена на ноги. Золота будет так много, что налог в пятую часть даст Вашему Величеству за шесть месяцев (один муссон) больше, чем арендаторы платят за три года... Этот налог будет прибыльнее для Вашего Величества, чем торговля через посредство ваших агентов и купцов, а единственные связанные с ним хлопоты — это приказывать его собирать. Чтобы поставить эту торговлю на ноги и собирать пятинны с золота и другой собственности для Вашего Величества, следует назначить в Мозамбике таможенного чиновника, который будет вести бухгалтерскую книгу и иметь сейф, в который будет помещать золото, находящееся под надзором достойных доверия чиновников и агента, которому будет доверено перевозить его в Португалию... причем вице-король не должен иметь права помещать его в Индии.

Таким путем через несколько лет Ваше Величество убедится в значении этого королевства Мономотапа для Индии, так как в эту торговлю нельзя будет вмешаться ни со стороны побережья, ни с какой-либо другой стороны. Не следует позволять въезд итальянцам, венецианцам, евреям, маврам... так как их коварство и дурной пример всегда были вредны для Индии» [137, т. IV, с. 33—34].

Как видим, верноподданнически настроенный монах в своем рвении услужить монаршему величеству сформулировал четкую и развернутую программу изменения экономической политики в Юго-Восточной Африке по образу и подобию той политики, которая стала практиковаться примерно в то же время в Бразилии.

Есть основания предполагать, что предложения смекалистого и хорошо ориентировавшегося в мирских делах святого отца нашли полное понимание и поддержку в Мадриде. В пользу такого предположения говорит тот факт, что в марте 1593 г. был издан королевский указ, на основании которого торговля золотом на восточноафриканском побережье была открыта для всех португальцев при условии уплаты значительного налога в пользу королевской казны. Этот декрет вызвал подлинную золотую лихорадку в Юго-Восточной Африке, однако условие об уплате налога в пользу короны никем не соблюдалось. В результате в марте 1595 г. последовал новый указ, запретивший свободную торговлю золотом и восстанавливавший прежнюю практику заключения контрактов с капитанами крепостей.

В письме, направленном в связи с этим вице-королю, король писал: «Поскольку я информирован, что этот приказ (декрет 1593 г.) был чрезвычайно убыточен для моей казны и наносил ущерб этой торговле, я желаю поэтому принять меры, благоприятные для всех, я выражаю желание... чтобы в будущем эта торговля была полностью и безотлагательно запрещена и чтобы она велась, как прежде, и чтобы были заключены контракты с капитанами крепостей Софала и Мозамбик. Обычные расходы крепостей

должны оплачиваться ими, а определенная и справедливая сумма денег должна поступать в мою казну» [там же, с. 43].

Этот порядок получил свое дальнейшее развитие и оформление в 1608 г., когда были изданы декреты, фиксирующие точную сумму, которую должны были выплачивать короне капитаны взамен за право скупать золото у коренных жителей Мономотапы.

Король постановил, что «капитаны должны платить 40 тыс. парданов в год» [там же, с. 63]. Это означало увеличение суммы платежей приблизительно в два раза по сравнению с существовавшей до этого практикой. В инструкции, направленной вице-королю Индии, король предписывал, что «все золото и серебро, добываемое из рудников, должно иметь штамп с королевским гербом короны таким же образом, как это делается в Испанских Индиях, чтобы помешать их незаконному присвоению, которое может иметь место в противном случае» [там же, с. 251].

В начале XVII в. начинается новый этап в истории португальской колониальной торговли, характеризовавшийся отменой королевской монополии и усилением торговой буржуазии. Непосредственной причиной, побудившей испано-португальский королевский двор отказаться от старой системы торговли (с помощью королевских торговых агентов), а также от королевской монополии на индийские пряности и некоторые другие виды товаров, была необходимость, с одной стороны, считаться с усилившейся экономической и политической ролью выросшей на дрожжах первоначального накопления португальской торговой буржуазии, а с другой стороны — противостоять усиливающемуся натиску торгового капитала молодых капиталистических хищников — Голландии и Англии, связанному, в свою очередь, с теми крупными социально-экономическими сдвигами, которые происходили в этих странах. Голландская и английская торговая буржуазия с завистью смотрела на процветающую португальскую торговлю с Азией. Она уже не довольствовалась долей в этой торговле, а мечтала полностью овладеть ею. Результатом этого торгового соперничества, принявшего исключительно острые формы в конце XVI — начале XVII в., явились голландско-португальская и англо-португальская войны.

Начиная с конца XVI в. португальское правительство стало широко практиковать систему монопольных компаний, непосредственно осуществлявших всю внешнюю торговлю колоний. Этим компаниям правительство предоставляло монопольное право на торговлю в каком-либо районе или какими-либо видами товаров. Пользуясь предоставленными привилегиями, компании устанавливали выгодные им цены на экспортируемые и импортируемые товары. Эти компании обычно находились в частных руках (иногда в качестве пайщика в них участвовала и корона), но они должны были выплачивать часть своих доходов королевской казне.

Изменение португальской системы колониальной торговли и создание торговых компаний было, с одной стороны, результатом возросшей роли португальской торговой буржуазии, которая не могла мириться с прежним характером торговли, и знаменовало победу торгового капитала над старым феодализмом, цеплявшимся за королевскую монополию на торговлю. С другой стороны, создание торговых компаний — это своего рода защитная реакция не только торговой буржуазии, но и землевладельческого класса Португалии против энергичного наступления, которое вела на их интересы более могущественная торговая буржуазия западноевропейских стран. Все возможные последствия и размеры этой опасности португальский двор осознавал, по-видимому, достаточно отчетливо. Именно поэтому он: и пошел на создание торговых компаний — меру, которая, безусловно, усиливала позиции торговой буржуазии в ущерб интересам короны и феодального класса. Обосновывая необходимость этой меры, король Филипп писал 1 марта 1629 г.: «Торговля в этих краях Восточной Индии была весьма важна для моей казны и прибыльна для моих подданных еще до того, как там появились европейские нации, особенно голландцы и англичане, которые раньше ездили в Лиссабон в поисках пряностей и других товаров, которые туда привозили португальцы и благодаря которым

это королевство было богатым и процветающим. После же включения иностранных наций в это судоходство и торговлю все изменилось, так что теперь они владеют этой торговлей и довели эти королевства и это государство до их нынешней нужды, которая известна. И поскольку желательно не только сопротивляться им силой оружия, но также и отбивать у них торговлю и уменьшать их прибыли, для чего требуется большой капитал, чем тот, который ежегодно используется моей казной для снаряжения торговых судов, то главным образом для этой цели я приказал, чтобы в городе Лиссабоне была учреждена компания с помощью денежных сумм от тех больших и малых городов королевства, которые желают к ней присоединиться» [137, т. IV, с. 206].

Далее в письме король сообщал об учреждении в Лиссабоне одной из торговых компаний, к которой могут присоединиться горожане, «знающие о том, как это будет выгодно, и в каковую моя казна вступает как главный пайщик, в нее также могут вступить деловые люди и любые общества и частные лица королевства, кто бы они ни были, так как весь капитал должен быть внесен добровольно и к удовлетворению пайщиков, с тем чтобы затраты были больше, а соответственно этому — и прибыли и торговля таким путем была бы вырвана из рук иностранных наций. В результате этого частные лица, которые вложат свои деньги в эту компанию, получают большие прибыли» [там же, с. 206—207].

В 1575 г. была основана «Компания по торговле с Кохинхиной», в 1587 г. — «Компания Восточных Индий», в 1606 г. — «Компания Сьерра-Леоне», в 1619 г. — «Компания Индий». В 1649 г. была учреждена Всеобщая компания по торговле с Бразилией, которая получила исключительную привилегию на торговлю винами, оливковым маслом и мукой. В 1676 г. была основана «Компания Кашеу Риос и комерсиу да Гинэ», в 1686 г. — «Компания Мозамбика», в 1690 г. — «Компания Зеленого Мыса и Кашеу», в 1694 г. — «Новая Компания Индий», в 1755 г. — «Компания Гран-Пара и Мараньяна», в 1765 г. — «Компания Мужао и Макуа (Мозамбик)» и т. д.²⁴

С 1690 по 1697 г. в Португалии предпринимались большие усилия по созданию крупной восточноафриканской компании наподобие могущественных английской и голландской Ост-Индских компаний. В результате была основана компания, которая частично субсидировалась правительством метрополии, хотя акции были проданы и многим частным лицам. Компания должна была выплачивать часть своих прибылей королевской казне в обмен за пожалованное ей право монопольной торговли на восточноафриканском побережье. Через три года компания потерпела банкротство, и в 1700 г. правительство снова взяло африканскую торговлю в свои руки [281, с. 44—45].

Эти компании были заняты работоторговлей, а также ввозом в Африку европейских и вывозом в Европу африканских товаров. Так, например, «Компания Гран-Пара и Мараньяна» вывозила с островов Зеленого Мыса, Мадейры и Азорских островов растения, использовавшиеся в качестве красителей в текстильной промышленности европейских стран. Кроме того, компания вывезла с этих островов и из Гвинеи-Бисау большое число рабов. Компании имели право монопольной торговли в отдельных районах и в целых странах. В их задачи входило не только осуществлять и развивать торговлю, но и пропагандировать христианское вероучение. Эта идеологическая функция должна была превратить компании в своеобразных проводников португальского влияния, в орудие не только экономической, но и политической и идеологической экспансии португальского колониализма. Компании пользовались огромными привилегиями и правами, включая даже право назначать судей и губернаторов. Они фактически не были ответственны перед гражданскими законами. Для того чтобы составить представление о прерогативах этих компаний, достаточно привести только выдержку из устава «Компании Гран-Пара и Мараньяна», имевшей капитал 2400 тыс. фр.: «Она не имеет над собой никого, кроме ко-

²⁴ Подробная, хотя и весьма тенденциозная характеристика этих компании дана в работах Антониу Каррейры [251а; см. также 411].

роля. Она не подчиняется никакому суду. Она не дает отчета никому. Она осуществляет все виды юрисдикции — военную, гражданскую и церковную» (ст. IV устава) [349, с. 64].

Адвокат Томаз де Негрейруш, который от имени заинтересованных купеческих кругов пытался оспаривать эти привилегии и затеял судебную тяжбу, был сослан королем на восемь лет в Марокко [там же].

Система торговых монополий имела отрицательное влияние на экономику колоний, тормозя и уродуя их хозяйственное развитие. «Из всех средств, которые могут быть придуманы для воспрепятствования естественному росту новой колонии, — писал в 70-х годах XVIII в. Адам Смит, — метод установления монопольной компании является, без сомнения, наиболее действительным» [29, с. 163]. Вообще характерная черта португальской колонизации состояла в том, что португальцы экономически не осваивали свои колонии, кроме Бразилии.

Осуществлявшееся Португалией в весьма широких масштабах хищническое разграбление колоний сыграло большую роль в процессе первоначального накопления капитала. Огромная колониальная добыча, которую Португалия выколачивала ни своих колоний, золотым дождем падала на молодую капиталистическую ниву Европы, в то время как сами колонии оставались нищими странами с отсталыми первобытнообщинными и феодально-рабовладельческими производственными отношениями.

Хлынувший в метрополию сверкающий водопад из золота, серебра, слоновой кости, перца, корицы и т. д., оказавшийся фактором огромного значения для развития международной жизни, экономики и политики целого ряда европейских стран, как это ни парадоксально, почти не повлиял на развитие производительных сил в самой Португалии.

Замкнутая монопольная торговля Португалии с Востоком, а также с ее колониями в Америке и Африке сделала ее (наряду с Испанией) страной, далеко опередившей по импорту другие европейские страны. Однако окостеневшие в своем паразитизме чванливые португальские фидалгуш, полные спеси, высокомерия и презрения ко всякому труду, тратили эти богатства не на развитие экономики, не на постройку мастерских и фабрик, а на предметы роскоши, на постройку дорогих дворцов и содержание многочисленной челяди. Золота тратилось много, но оно не попадало к производителю.

В результате Португалия, как и Испания, оставалась страной не производящей, а потребляющей, с отсталыми феодальными отношениями. Разжиревшее на колониальных доходах португальское дворянство не только не помышляло о том, чтобы вкладывать деньги в промышленные предприятия, но сознательно препятствовало развитию промышленности.

Вследствие этого в стране почти отсутствовала промышленность, не было рабочего класса и промышленных капиталистов. «Благодаря энергии своих конкистадоров и моряков Пиренейские государства только забирали массами большую заморскую добычу, но не могли ни распродать ее по Европе, ни превратить свои запасы золота, серебра, пряностей и предметов роскоши в широкие торговые и фабричные предприятия. Если бы на помощь им не являлись посредники из других стран Европы, эти запасы должны были бы оставаться в Испании и Португалии мертвым капиталом» [148, с. 15].

Изучение колониальной политики различных европейских стран в эпоху первоначального накопления приводит к выводу о том, что там, где ее проводили феодалы, она вела не к прогрессу, а к застою и упадку в этих странах. Колоссальные средства, выкачивавшиеся из колоний феодалами Испании и Португалии, шли в конечном счете не на развитие капиталистического производства, а на воспроизводство окостеневшей феодальной организации общества. В тех же странах, где колониальную политику проводила буржуазия (Англия, Голландия), она ускорила процесс развития капитализма в метрополиях, содействовала подъему торговли, промышленности, обогащению буржуазии.

Европейская торговля, процветавшая во времена крестовых походов, была подрезана под корень захватом турками стран Ближнего Востока и Балканского полуострова, перерезавшим старые сухопутные торговые пути из Европы к Индии и Китаю. Когда был найден обходный морской путь в Азию, а также открыты залежи золота и серебра в Южной Америке, купеческие дома Генуи, Милана, Аугсбурга, Нюрнберга, Антверпена и Лондона почувствовали, что наконец наступил долгожданный момент, когда они снова могут заняться привычным делом. Обладая опытом, сноровкой и свободными капиталами, они быстро освоились с новой обстановкой и активно включились в океаническую торговлю.

Особенно деятельное участие в торговле иберийских держав с Индией и Америкой принимали крупные торговые фирмы Аугсбурга — дома Фуггеров и Вельзеров. Они снабжали отходившие на Восток эскадры европейскими фабричными товарами, снаряжали на свой счет целые флотилии, скупая значительную часть акций колониальных компаний. Они закупали у португальцев индийский перец, когда он еще был в море, предоставляли королю Португалии крупные займы, и только эти непрерывные впрыскивания европейских капиталов в португальскую королевскую казну и давали возможность организовывать все новые экспедиции на Восток. Кроме того, европейские (немецкие, итальянские, голландские и английские) купцы вывозили американские, индийские и африканские товары из Португалии в другие страны Европы [там же, с. 15—16].

Португальская колониальная империя самым фактом своего появления обязана в огромной степени содействию капиталистов ряда европейских стран, которые, по существу, финансировали создание и рост этого чудовищного паразита, 500 лет сосавшего кровь африканских и азиатских народов.

Ответственность за появление и существование стяжавшего себе своими кровавыми преступлениями геростратову славу португальского колониализма ложится на европейских капиталистов — предков нынешних заправил империалистических монополий.

Даже в свой «золотой век» португальский колониализм находился в полной финансовой зависимости от купеческого капитала Германии и Италии, а в начале XVIII в. Португалия оказалась в полной финансовой и политической зависимости от Англии. Купцы этих стран определяли в Европе цену на перец — главный продукт, вывозимый из Индии, скупали у португальцев почти все их колониальные товары, вывозимые из Азии, Африки и Америки.

Как правило, корабли с грузами перца, золота, слоновой кости лишь ненадолго заходили в Лиссабон и направлялись отсюда вдоль берегов Европы в Антверпен, который стал в XVI в. подлинным центром международной торговли, где сосредоточивались сложные торговые операции первых европейских капиталистов. В Антверпене в XV—XVI вв. находилась процветавшая португальская фактория, где жили блиставшие роскошью и богатством португальские негодянты.

В конце XVII — начале XVIII в. роль главного рынка сбыта португальских колониальных товаров перешла от Голландии к Англии. Получив по Метуэнскому договору (1703 г.) целый ряд привилегий в торговле с Португалией, англичане начали в огромных масштабах осуществлять перекачку драгоценностей, награбленных конкистадорами в колониях. Поскольку правящий класс феодальных собственников препятствовал развитию промышленности, Португалии приходилось закупать все промышленные изделия у Англии, которая к этому времени уже прочно встала на рельсы капиталистического развития. Португальское золото животворным дождем пролилось на экономическую почву Англии и Голландии, на которой быстро проросли ранние всходы капитализма.

Португалия в XVIII в. превратилась в своего рода перевалочный пункт для золота, идущего из Бразилии и Африки в Англию. Один португальский публицист образно и горько заметил: «В отношении золота Бразилии Португалия играет роль рта, а Англия — желудка». «Все золото из Бразилии идет на Темзу», — констатировал в 1770г. знаменитый французский просветитель Г. Рейналь [28, ч. 3, кн. 9, с. 551].

Португальские колонии несли на себе, таким образом, двойное бремя: они были подвластны стране, зависимой от Англии. Грабительская политика европейских колонизаторов имела для них губительные последствия. Она подорвала развитие производительных сил, привела к истощению природных и людских ресурсов, обрекла их на полный экономический застой и деградацию.

Португальские колонизаторы, действовавшие вкуче и при финансовой поддержке ранних европейских капиталистов, — одни из виновников страшной трагедии первоначального накопления, захвата и разграбления целых стран, истребления и порабощения целых народов, расхищения природных и человеческих ресурсов и — как результат — невероятной экономической отсталости и огромной задержки в историческом развитии многих народов Азии и Африки.

РАБОТОРГОВЛЯ И РАБСТВО

Первыми европейцами, появившимися в Африке в роли колонизаторов, были древние римляне. Однако, хотя римляне и вели в Африке обширную торговлю, ни во времена республики, ни во времена империи они не вывозили оттуда рабов, поскольку их источники получения рабов в Европе и в Азии были практически неограниченными. Во времена республики основным способом получения рабов было обращение в рабство военнопленных, захваченных в непрерывных и победоносных войнах, которые вел Рим. Один только рейд на Эпир дал 150 тыс. невольников. В результате падения Карфагена почти все его жители были обращены в рабство. В течение многих лет не прекращался поток рабов из Малой Азии. Кроме того, существовали огромные рынки рабов в Средиземноморье, например на острове Делос, где, по сведениям Страбона, продавалось до 10 тыс. рабов в день. Если не считать статуэток-карикатур на африканцев и мозаики I в. н. э., сохранившейся в Помпее, до нас не дошли произведения искусства, которые бы свидетельствовали о существовании «черных рабов» в древнем Риме. Это было связано, по-видимому, с тем, что европейские и азиатские рабы в большей степени удовлетворяли требованиям римлян, чем африканцы [233, с. 45—46].

Позорный приоритет в межконтинентальной торговле людьми, которая была санкционирована специальным законодательством в XVI в. и непрерывно продолжалась более трех веков, принадлежит Португалии. Представляется бесспорным историческим фактом, что именно португальцы были первыми европейцами, начавшими практиковать массовый экспорт африканских рабов на другие континенты.

Юридическая сторона работорговли была обставлена очень просто. По традиции, унаследованной от римского права, раб рассматривался как вещь, т. е. объект купли, продажи, наследования или завещания. Он мог служить подарком или средством платежа. Но, поскольку раб был физически способен к разумной деятельности и, следовательно, с ним не всегда было возможно обращаться как с вещью, он был подчинен определенным юридическим ограничениям своей деятельности. Так, указ короля Португалии от 26 мая 1533 г. запретил продавать что-либо рабам или покупать у них под угрозой конфискации товаров в пользу муниципалитета. Другой королевский указ, от 1 февраля 1545 г., запретил рабовладельцам отпускать рабов на волю [342, с. 147].

Особенно значительное распространение рабовладельческая форма эксплуатации получила в период первоначального накопления капитала. Буржуазные формы собственности, порожденные антагонистическими общественными отношениями, на первых порах сосуществовали с рабовладельческой формой собственности. Право владения рабами считалось первыми буржуа столь же естественным и священным, как и всякое право собственности. Португальский епископ Азереду Коутинью писал в конце XVIII в.: «Жизненная необходимость, которая в условиях существования общества обусловила справедливость права собственности, была той самой необходимостью, которая обусловила и справедливость права рабовладения» [69, с. 239]. «Варварским

народам» отказывалось в праве называться людьми; они могли рассматриваться только как вещи, на которые могло быть распространено право собственности. Обосновывая это «право», тот же автор писал: «Варварские народы не имеют ни искусства, ни науки, ни промышленности, ни какой-либо постоянной торговли (или столь малую, что она не заслуживает названия торговли). Их труд не выходит за рамки удовлетворения простых жизненных потребностей... Ввиду этого эти народы после выполнения работы, удовлетворяющей их жизненные потребности, предаются лени и безделью, как животные, не зная, как использовать свое время и свои руки» [там же, с. 274—275].

В своем знаменитом описании королевств Конго, Матамба и Ангола Кавацци писал: «Эти люди скорее подобны животным, чем разумные. Нет ничего более странного, чем их танцы, которые вызываются отнюдь не целомудренной любовью к телодвижениям или ловкостью ног, а имеют лишь одну цель: порочное удовлетворение похоти» [104, т. II, с. 48].

Особенно большую роль в деле идеологического оправдания рабства играла церковь. Король Жуан III (XVI в.) с помощью пожалования земель и денег привлек в колонии толпы миссионеров, которые только в 1607 г. получили из королевской казны на островах Зеленого Мыса 9015 милрейсов, на Сан-Томе — 3487, в Бразилии — 8057 милрейсов [326, с. 175].

Первые рабы-африканцы были ввезены в Португалию в 1441 г. капитаном Антаном Гонсалвишем. Вот как описывает португальский хронист Зурара эту экспедицию, положившую начало эре «охоты на чернокожих». Когда Гонсалвиш и девять моряков сошли на африканский берег, «они увидели обнаженного человека с двумя дротиками в руке, шедшего за верблюдом. Забыв об усталости, наши люди начали его преследовать. Хотя африканец был один и видел, что наших много, он все же решился не сдаваться без боя и оказал яростное сопротивление. Но Афонсу Гуттериш ранил его копьем, а это так испугало мавра, что он сложил оружие и сдался... Когда португальцы отправились дальше, они увидели мавританку». Она была также захвачена в плен. Недалеко от Гонсалвиша оказался другой португальский капитан — Нунью Триштан. Он присоединился к Гонсалвишу, и они предприняли совместную «охоту на рабов». «И случилось так, — повествует Зурара, — что ночью, спустившись на берег, они подошли к месту, где расположились два лагеря туземцев... и, приблизившись, наши с яростью атаковали их, крича во все горло: „Португалия“ и „Святой Яго“. Туземцы были так напуганы, что бросились кто куда, удирая без оглядки, защищались дротиками. Тот, что схватился с Нунью Триштаном, дрался до последней капли крови. Кроме него португальцы убили еще троих и взяли в плен десять мужчин, женщин и мальчиков. Несомненно, они бы уничтожили и захватили много больше, если бы с самого начала действовали более дружно» [см. 41]. 12 пленников были отвезены в Лиссабон²⁵. Характер путешествий в Африку с этого времени резко изменился. Португальские купцы быстро поняли, какие выгоды можно извлечь из захвата людей в Африке, если организовать его в «коммерческих масштабах». Португальские фермы нуждались в рабочей силе, и поставка черных рабов сулила большие прибыли.

Нарождавшаяся торговая буржуазия, не решавшаяся раньше вкладывать деньги в сомнительные предприятия принца Энрике, теперь начинает активно участвовать в заморских экспедициях.

В 1443—1444 г. Нунью Триштан, пройдя вдоль западного берега Африки, захватил о-в Арген, который превратился в важный центр португальской работорговли. С 1469 г. экспедиции за рабами приняли систематический характер, причем главным рынком сбыта рабов до середины XVI в. была Португалия. «Поскольку все видели, — сообщает Барруш,

²⁵ Среди этих пленников двое были весьма знатного происхождения. Они обещали заплатить большой выкуп, если их вернут на родину. По приказу принца Энрике А. Гонсалвиш отвез их в Африку и получил за них «десять негров из разных стран, немного золотого песка, щит из воловьей шкуры и несколько страусовых яиц» [43, дек. I, кн. I, гл. 7, с. 35].

— что те, кто плавают в Гвинею, обогащаются, возвращаясь с рабами, привезенными из тех мест, во всем королевстве нарастала алчность» [43, дек. I, кн. 1, гл. 8, с. 36]. Короли даровали своим представителям право, которое было дано им самим папской буллой 18 июня 1452 г., — обращать в рабство «туземцев» вновь открытых земель. Фермеры в Португалии, а также португальские колонисты островов Зеленого Мыса, Мадейра и Сан-Томе получали рабов, в которых они нуждались, из Аргена, Гвинеи к Конго. На африканском побережье появились многочисленные фактории португальских купцов, которые вели оживленную торговлю с африканцами, выменивая у них золото, серебро, ножи на дешевые ткани и украшения. После открытия Америки и создания там плантационного хозяйства в огромной степени возрос спрос на «живой товар». Работоторговля из занятия отдельных купцов, авантюристов и пиратов, имевшего в XV в. весьма ограниченные масштабы, во второй половине XVI в. превращается в движущую силу и сердцевину «колониального бизнеса» в Африке. Таким образом, эпоха великих географических открытий, помимо всего прочего, положила начало одной из самых страшных трагедий в истории человечества — порабощению и уничтожению десятков миллионов африканцев.

В XVI—XVIII вв. основное хозяйственное значение в системе португальского колониального владычества приобрела не Африка, а Бразилия. После открытия Бразилии А. Кабралом в 1500 г. страна была разделена на капитании, предоставлявшиеся королем в наследственное феодальное владение португальским иммигрантам. Это предопределило возникновение в Бразилии крупного плантационного землевладения.

Однако с самого начала колонизации португальцы встретились с серьезными трудностями. Главная из них заключалась в нехватке рабочей силы. Португалия не могла обеспечить свои колонии рабочими руками, так как сама испытывала в них острую нужду. Большая часть ее территории оставалась даже в середине XVI в. неосвоенной и безлюдной. Проблема рабочей силы в американских колониях была разрешена европейскими конкистадорами путем возрождения античных форм эксплуатации, путем беспощадного порабощения индейских и африканских народов.

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы суть главные моменты первоначального накопления» [4, с. 754].

Попытки обращения в рабство индейцев и использования их труда на плантациях и рудниках обычно не давали желаемых результатов. Хорошо знавшие страну, обладавшие определенной политической и военной организацией, индейцы оказывали упорное сопротивление своим поработителям, бежали от них в леса, откуда производили частые набеги на поселения колонистов. Именно сопротивление автохтонных жителей колонии, трудность, а подчас и невозможность их «приручения», а также их высокая смертность на плантациях явились главными причинами формального запрещения обращать индейцев в рабство (1720 г.). Была выдвинута идея о ввозе в Америку рабочей силы из Западной Африки.

По свидетельству русского путешественника Ф. А. Литке, португальцы объясняли необходимость ввоза африканцев тем, что «большая часть здешних природных жителей не покорились португальцам и не имеют с ними никакого сношения, питая к ним непримиримую вражду» [21, с. 37]. Следует, таким образом, думать, что массовый ввоз африканских рабов в Америку начался тогда, когда колонизаторы убедились в бесплодности попыток решить проблему рабочих рук за счет автохтонного населения.

Историкам неизвестна точная дата появления в Бразилии первых рабов из Африки. Некоторые полагают, что первая партия была доставлена каравеллой Афонсу де Соуза в 1531 г. и что на плантациях сахарного тростника в основанной им капитании Сан-Висенти

работали африканцы [372, с. 2], По другим сведениям, первые черные рабы были ввезены в Бразилию в 1538 г. на судне Лопиша Бишорда [331].

Рабы вывозились в Америку главным образом с западного побережья Экваториальной Африки, где европейские колониальные державы имели свои гарнизоны, форты и фактории. По свидетельству современников, Португалия в начале XIX в. имела в Африке сильные форты: Кашеу, Бисау в Гвинее, Сан-Салвадор, Лоанго, Кабинда в бассейне Конго и Луанда и Бенгела в Анголе.

Со второй половины XVI в. и особенно с 1570 г., с началом выращивания в Бразилии сахарного тростника, португальские поселения на западном побережье Африки функционировали почти исключительно как погрузочные пункты для работорговли.

Голландец Даппер писал в XVII в.: «Самую большую торговлю португальцев составляют рабы, которых они транспортируют в Америку, чтобы заставлять их работать на сахарных заводах, в рудниках, так как эта работа столь тяжелая, что она быстро подтачивает европейцев и только эти негры Анголы могут ее выдержать в течение некоторого времени. Именно кровью этих несчастных португальцы приобрели великие блага, которыми они владеют в Новом Свете. Уверяют, что, когда хозяевами были испанцы, они ежегодно транспортировали из Анголы в Америку 15 тыс. рабов, и думают, что португальцы сегодня обезлюдивают эту страну не меньше» [73, с. 367—368].

Бразильская плантационная экономика XVII в. была тесно связана с Анголой. Она зависела в огромной мере от притока рабочей силы. Поскольку экспорт бразильского сахара представлял собой основу накопления богатств правящим классом Португалии, а производство сахара в Бразилии в XVII в. зависело от ангольской рабочей силы, то одной из главных забот правительства Португалии стало осуществление монополии на работорговлю между Анголой и Бразилией. По словам английского историка П. Андерсона, лозунгом XVII в. было: «Без сахара нет Бразилии, а без Анголы нет сахара» [205].

Уже в 1600 г. в Бразилии было около 20 тыс. негров, т. е. вдвое больше, чем белых [392, т. I, с. 199]. В первой половине XVII в., в период расцвета сахарного производства, торговля неграми еще более усилилась. По подсчетам Р. Симонсена, в XVII в. Бразилия поглотила примерно 350 тыс. африканских рабов [там же, с. 202]. «Монокультура сахарного тростника была ненасытна, — замечает бразильский историк Л. Филью. — Это был Молох, который беспрестанно пожирал негров» [296, с. 49].

Разница в ценах на рабов в Африке и Бразилии гарантировала работорговцам высокий уровень доходов. Стоимость товаров, за которые можно было купить раба в Африке в XVII в., составляла в среднем около 4 ф. ст., в то время как его продажная цена в Бразилии равнялась примерно 20 ф. ст. [217а, с. 354]. Число экспортируемых из Африки рабов и цена на них удвоились в конце XVII в. По подсчетам Ф. Картина, средний ежегодный экспорт рабов из Африки в последней четверти XVII в. составлял 24 100 рабов [269, с. 119]. С конца XVII в. и до 1807 г. рабы были самой значительной статьей экспорта Африки.

Небывалого размаха достигла работорговля в XVIII в., что было связано с особенностями португальской колонизации Бразилии. Португальцы сравнительно поздно, почти на два века позже испанцев, открыли в своей американской колонии золото, в связи с чем еще больше возрос спрос на привозных рабов. В официальной переписке того времени то и дело встречаются упоминания о жалобах собственников на нехватку рабов [см., например, 77, т. 70, с. 25]. Англичанин Э. Берк писал в середине XVIII в., что португальцы ввозят в Бразилию ежегодно от 40 тыс. до 50 тыс. рабов [52, т. I, с. 363]. Эти данные Э. Берка, к свидетельствам которого следует относиться крайне критически, подтверждаются официальными документами того времени, согласно которым в колонию ввозилось в среднем около 50 тыс. рабов в год. По некоторым данным, с 1580 по 1680 г. из Анголы было экспортировано около миллиона и из Конго — около полумиллиона рабов [205, с. 96].

Невозможно с точностью определить общее число рабов, перевезенных в Бразилию за время существования работорговли, ввиду отсутствия документальных данных. Предположения историков на этот счет весьма различны и колеблются между 3 млн. и 18 млн.²⁶ Во всяком случае, даже если принять за истину минимальные оценки импорта рабов в Бразилию, окажется, что он значительно превосходил импорт рабов в другие районы Америки. Согласно данным, приводимым У. Фостером, к 1850 г. в одну лишь Бразилию было ввезено 12 млн. рабов, в то время как к 1860 г. в Соединенные Штаты было доставлено около миллиона, а в испанские колонии в Америке — один или два миллиона рабов [179а, с. 35]. По мнению Д. Уилера, только из Анголы было вывезено примерно 4 млн. рабов [418, с. 39].

Главными центрами сосредоточения рабов в Бразилии были:

Байя и Пернамбуко, где было занято значительное число рабов на сахарных плантациях, на домашних работах, а начиная с XVIII в. на добыче алмазов;

Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу, где было занято большое число рабов на домашних работах и на плантациях;

Параиба и Мараньян, где рабский труд в широких масштабах использовался на плантациях сахарного тростника и хлопка;

Пара, где большое число рабов работало на хлопковых плантациях;

Мату-Гросу, Гояс и внутренние районы Минас-Жераиса, где рабский труд с конца XVII в. применялся главным образом в рудниках.

Изучение источников показывает, что удельный вес португальской работорговли в мировой работорговле не оставался неизменным. В XVI в. работорговля была, по существу, португальской монополией, так как англичане и французы, появившиеся на Гвинейском побережье, не проявляли серьезного интереса к приобретению невольников. Первые конкуренты для португальских работорговцев появились в XVII в. Ими были голландцы, англичане и французы.

В начале XVII в., воспользовавшись восстанием населения Золотого Берега, изгнавшего португальцев из всех опорных пунктов, за исключением Аксима и Эльмины, голландцы построили в Аксиме форт, положив этим конец 150-летнему господству португальцев в Золотом Береге. Одновременно голландцы захватили часть Бразилии и монополизировали ввоз рабов не только в Бразилию, но и в английские и французские колонии в Америке. Но вскоре голландский контроль над атлантической работорговлей пришел к концу, так как с 1650 г. Англия и Франция запретили Голландии торговать с их колониями и сами начали снабжать их рабами. К концу XVIII в. крупнейшим поставщиком рабов стала Англия, на втором месте была Голландия, на третьем — Португалия и Франция. По данным Дж. Даффи, в 1790-х годах Англия ввозила в Новый Свет ежегодно 38 тыс., Голландия — 26 тыс. и Португалия — 10 тыс. рабов.

Что касается Бразилии, то вначале основная масса рабов поступала туда из Гвинеи, но в XVII в. главными районами, поставлявшими рабов, стали Ангола и Конго, а в XVIII в. — Мина²⁷.

Выяснение этнического состава рабов, ввозившихся португальцами в Америку, представляет значительные трудности. По утверждению известного бразильского исследователя Ж. Родригеса, двумя наиболее крупными группами, прибывшими в Бразилию в XVI—XVII вв., были банту и западноафриканские негры. Последние были особенно распространены в Пернамбуко, Баие и Рио-де-Жанейро. Западноафриканские негры, импортировавшиеся главным образом из Мина, включали много йоруба (которые были известны под названием нагос), а также хауса, мандинго, фула. Наиболее крупным центром экспорта рабов-йоруба был порт Лагос [379, с. 53—54].

²⁶ Р. Симонсен считает, что число рабов, вывезенных в XVII—XIX вв. из Африки в Бразилию, не должно было превышать 3,3 млн.

²⁷ Это дало основание Л. Филью для его периодизации истории работорговли: цикл Гвинеи — XVI в., цикл Анголы — XVII в., цикл берега Мина — XVIII в., нелегальная торговля — XIX и. см. [296, с. 28].

Социальное происхождение африканских рабов было столь же неоднородным, как и их этническое происхождение. Среди них были представители не только низших эксплуатируемых слоев африканского общества, но и выходцы из элиты — родо-племенной и феодальной верхушки. Французский путешественник Толленар рассказывает, что в Бразилии он видел одну рабыню по имени Тереза. «Она была королевой в Кабинде, но была приговорена к рабству за адюльтер... Она носила браслеты из позолоченной меди на руках и ногах, и ее земляки оказывали ей знаки уважения. Она держалась высокомерно и отказывалась работать. Мы, европейцы, понимали, что она жертва превратностей судьбы, однако ее жестоко избивали, и, подчинившись своему жребию, она превратилась из плохой королевы в превосходную рабыню» [405, с. 425—426].

Однако в целом следует признать, что родо-племенная и феодальная знать была единственным социальным слоем африканского общества, практически не пострадавшим от работорговли. Более того, феодальный класс использовал работорговлю для укрепления своего экономического и политического могущества. «Работорговля не только укрепляла власть вождей, — пишет Б. Дэвидсон — она служила им также средством избавления от недовольных. Было нетрудно устранить тех, кто выступал от имени людей, больше всех страдавших от работорговли и стремившихся ее уничтожить. В этом отношении власть имущих в Западной Африке мало чем отличалась от власти их собратьев в Европе: „недовольных" и „смутьянов" они также отправляли в далекие заморские земли» [152, с. 265].

Губительное влияние работорговли проявилось, в частности, в том, что под ее непосредственным воздействием правящий класс африканского общества использовал свою политическую власть для изменения норм обычного права путем установления, а затем постепенного расширения категории преступлений и проступков, наказываемых продажей в рабство, причем, как видно из источников, обвинения в этих проступках (например, в адюльтере) часто предъявлялись совершенно невинным людям [50, т. III, док. 23, с. 146].

Монахи, жившие в Анголе в XVI в., свидетельствуют: «Короли и сеньоры всей Эфиопии посылают на эти ярмарки для продажи своих рабов... причем они служат вместо денег для покупки одежды и всего необходимого. Наиболее распространенные основания и причины того, что сеньоры обращают черных в неволю и продают другим, следующие: первое, если какой-либо вассал изменяет сеньору, или собирается восстать, или совершает адюльтер с женами сеньора, то его убивают, а все его потомки становятся рабами. Второе, как король, так и соба имеют определенное число рабов, распределенных по различным деревням, оставленным им их предшественниками, и это число увеличивается посредством войн и покупок. Их детей используют как деньги и посылают на продажу на ярмарки» [там же, т. IV, док. 132, с. 561].

Имеются документальные доказательства, что португальские колониальные власти всячески поощряли такого рода изменения обычного африканского права, добиваясь замены всех традиционных наказаний за проступки единственным — продажей провинившихся в рабство. Так, в письме королю Португалии некий Гаспар де Роза писал в начале XVII в.: «Губернаторы и капитаны... приказывают, чтобы применялись наказания продажей и обращением в рабство мужчин, женщин, детей и родителей, что и было причиной того, что вассалы стали уходить в леса и на побережье» [67, с. 23].

Однако главным источником получения рабов были войны. Специально изучавший этот вопрос английский исследователь Уиндхэм пришел к заключению, что «подавляющее большинство рабов были военнопленными», т. е. побочным продуктом политического конфликта между государствами [419а, с. 225]. Согласно подсчетам другого английского историка, Фэйджа, приблизительно три четверти всех рабов, проданных африканцами белым работорговцам, были получены во время войн и рейдов с целью захвата рабов, причем около половины всех рабов были военнопленными [292].

Хотя эксплуататорская верхушка африканского общества принимала участие в работорговле, следует отвергнуть как совершенно ненаучные и бездоказательные спекуляции некоторых буржуазных ученых, пытающихся возложить равную долю ответственности за работорговлю на европейцев и африканцев. Так, в опубликованной в апреле 1968 г. в журнале «Форин эфферс» статье Р. В. Хауи пишет: «Стыд за работорговлю и рабство следует разделить поровну между черным вором и белым покупателем». К этой точке зрения близок и Б. Дэвидсон, который пишет о «торговом партнерстве» европейцев и африканцев, деливших и опасности и выгоды торговли рабами [152, с. 197].

Подобная постановка вопроса противоречит исторической действительности и способна лишь увести в сторону от правильного понимания проблемы. Известно, что до появления европейцев в Африке рабство хотя и существовало; но имело патриархальный характер, а работорговля была лишь спорадическим явлением. Только с приходом колонизаторов, по их инициативе и при их непосредственном участии был создан тот чудовищный механизм работорговли, который, подобно колоссальному прессу, раздавил и уничтожил прежние социально-политические структуры в зоне португальского владычества.

Португальская работорговля прошла несколько этапов своего развития. Первая фаза работорговли охватывает вторую половину XV — первую половину XVI в. До 1481 г. работорговля практиковалась отдельными купцами, пиратами и авантюристами и имела ограниченные размеры. Особенно много рабов вывозилось португальцами в это время из государства Конго.

Кроме Конго к концу XV в. португальцы покупали рабов и на Верхнегвинейском побережье — в Золотом Береге, в ряде районов современной Либерии, около р. Шербрб и в других областях побережья Сьерра-Леоне [144, с. 14]. По сведениям Пашеку Перейры, в конце XV в. из прибрежных районов от Сенегала до Сьерра-Леоне ежегодно вывозилось не менее 3,5 тыс. рабов [119, с. 105—106].

С 1481 г. работорговля была объявлена королевской монополией. Чтобы обезопасить столь прибыльную торговую монополию от посягательств со стороны своих подданных, а также со стороны соперничающих европейских держав (сначала кастильцев, позже — французов, англичан и голландцев), португальская корона с самого начала стала заботиться о строительстве на западноафриканском побережье крепостей, фортов и укрепленных торговых факторий. Первая и наиболее важная из этих крепостей, Сан-Жоржи-да-Мина, была построена в 1482 г. [43, дек. I, кн. III, гл. 1]. В последующие годы португальские форты и укрепленные торговые станции появились во многих местах вдоль всего западноафриканского побережья. В этих торговых станциях жили агенты португальского правительства, клерки, кладовщики, сборщики налогов, ремесленники, купцы, солдаты, сержанты, священники и т. д. Ни один частный гражданин не мог жить в этих факториях, не имея на то специального королевского разрешения.

Жившие в факториях представители королевской казны развернули бурную деятельность, направленную на добычу максимального количества «живого товара». С этой целью они посылали в глубинные районы страны агентов, мулатов и африканцев, хотя иногда это бывали и португальцы, заключали торговые сделки на покупку рабов с африканскими правителями, а чаще нанимали небольшие отряды вооруженных кондотьеров, организовывавших грабительские нападения на мирные селения с целью похищения жителей. Такого рода «киднэпинг», проводившийся агентами, приобретшими квалификацию, опыт и повадки профессиональных охотников за людьми и пользовавшихся покровительством и поддержкой португальской чиновничьей бюрократии, осуществлялся в XVI в. в массовых масштабах в государстве Конго.

Жалуясь на насилия, бесчинства и необузданный произвол португальских чиновников и торговцев, король Конго Афонсу I писал в 1526 г. королю Португалии Жуану III: «Сеньор, Ваше Величество должно знать, что нашему королевству наносится

такой урон, что мы должны принять необходимые меры. Это вызвано тем, что ваши факторы и чиновники предоставили людям и торговцам, прибывшим в это королевство, полную свободу открывать торговые лавки и продавать многие вещи, запрещенные нами (по-видимому, Аффонсу имеет в виду огнестрельное оружие. — А. Х.), которые распространились по нашим королевствам и владениям в таком изобилии, что многие вассалы, обязанные нам повиноваться, восстают, так как имеют этих вещей больше, чем мы... Нам наносится большой ущерб, ибо упомянутые торговцы ежедневно уводят уроженцев страны, сыновей земли и сыновей наших дворян, вассалов и наших родственников, как воров и негодных людей, сознательно крадут их, чтобы получить таким путем вещи и товары этого королевства, которые они желают иметь, а похитив их, ведут продавать, и поэтому, сеньор, наша земля опустошается и обезлюдевает» [118, док. XXVII, с. 54].

Со второй половины XVI в. начинается вторая фаза работорговли, когда главным рынком рабов становится Бразилия. Своего апогея португальская работорговля достигает в XVII—XVIII вв., когда в результате усилий иезуитов и отказа индейцев работать на плантациях королевскими указами было запрещено обращать индейцев в рабство и единственным источником получения рабочей силы стала работорговля. Эти указы были вызваны отчасти и тем обстоятельством, что королевская казна получала значительную прибыль, вынуждая плантаторов покупать африканских рабов, так как работорговля была обложена высокими налогами [326, с. 156].

В этот период в поисках новых источников «живого товара» для снабжения огромного рынка рабов в Бразилии португальцы начали военную интервенцию в Анголе. Именно с этого времени португальская работорговля приобрела характер хорошо организованного широкомасштабного предприятия, имевшего многие черты зарождавшегося в процессе первоначального накопления крупного капиталистического предпринимательства.

В этот период работорговля от спорадических пиратских налетов отдельных авантюристов переходит к системе организованного грабежа. Возникают работорговые компании, монополизировавшие торговлю рабами [подробнее см. 251а]. В экспедициях участвуют уже целые контингенты регулярных войск. В 1689 г. была отменена королевская монополия и введена «свобода» торговли рабами для всех лиц. Началась ожесточенная конкуренция между компаниями и частными торговцами [288, с. 20]. Один из очевидцев этих скорбных событий, ранний португальский автор (XVIII в.) С. Корреа, свидетельствует, что в его время только из Луанды ежегодно экспортировалось примерно 8 тыс. рабов и столько же из Бенгелы. «Эти 16 тыс. рабов до сегодняшнего дня удовлетворяют большую часть Бразилии», — пишет он. По сведениям этого автора, в 1786 г. из Луанды было вывезено 9200 невольников, главным образом в бразильскую капитанию Пара. В капитанию Баия вывозились в основном рабы из Мина, которые, «будучи очень здоровыми, сильными и активными, не уступают рабам из Анголы» [134, т. I, с. 61].

Во второй половине XVIII в. результаты промышленной революции в Англии, Франции и других странах стали чувствоваться и в Африке. Африка стала интересовать развивающуюся буржуазию не только как источник золота и рабов, но и как источник Промышленного сырья и рынок сбыта европейских товаров. С этим была связана начавшаяся европейская экспансия в глубь континента. К концу XVIII в. после французской революции в связи с быстрым развитием капитализма в Америке и Европе начинается период упадка работорговли.

На протяжении всего периода существования работорговли ее методы не оставались неизменными. До 1605 г. насильственный захват рабов в португальских колониях еще не имел характера массового явления. Монахи-иезуиты, жившие в Анголе, писали в конце XVI в., что из всех вывозимых оттуда рабов «число тех, кто является пленниками в войне, ничтожно по сравнению с теми, кого покупают на ярмарках» [50, т.

IV, док. 132, с. 561]. С начала XVII в. получают значительное распространение военные методы захвата рабов. К этому времени работорговля стала основой всей португальской колониальной деятельности, вытеснив горнодобычу на второй план. Был даже издан королевский указ, запретивший разведку минералов, так как она мешает развитию торговли рабами²⁸. Чтобы обеспечить себе возможность заниматься торговлей рабами, португальские работорговцы вели настоящие войны.

В этот период португальская работорговля отличалась не только внушительными размерами, но и весьма сложной организацией. В ней были заняты сотни судов и тысячи торговых агентов, надсмотрщиков, погонщиков и других лиц. В португальских фортах в Африке размещались войска, предназначенные для охоты за рабами. Когда рабов не удавалось захватить силой, работорговцы получали их путем обмена или обмана (что часто было одно и то же).

В XVII—XVIII вв. португальские работорговцы практиковали три главных способа получения рабов. Первый состоял в отправке торговцев (помбейруш) для покупки рабов на рынках в отдаленных от берега африканских селениях. Помбейруш часто проходили большие расстояния, находясь в пути недели, месяцы и даже годы и приводя или присылая по 400, 500 или 600 рабов. Одним из важнейших рынков, на которых помбейруш приобретали рабов, был рынок в Мпумбу около Стенли-Пула. (От названия Мпумбу и возникло слово «помбейруш», а рынки, которые они посещали, стали называться «помбо».)

Один из современников оставил следующее описание португальской системы работорговли в Конго: «В этих краях многие португальцы стали торговцами и отправляются в Конго и другие места, чтобы торговать. Существуют два вида торговцев: одни, которые называются помбейруш, уходят в глубинные районы и торгуют и с язычниками и с христианами, покупая и продавая товары. Покупают они рабов, которых отправляют в Конго (Сан-Салвадор) или Пинду и другие места, где живут их компаньоны. Другие — это жители города Конго (Сан-Салвадора. — А. Х.) или порта Пинда, которые получают рабов, которых им присылают помбейруш» [72, док. 18, с. 152].

О том, что африканцы оказывали в ряде случаев сопротивление помбейруш, свидетельствует тот факт, что 16 февраля 1720 г. был издан королевский декрет, запретивший обмен рабов на порох и оружие, «поскольку эти народы ненадежны», Помбейруш, проникая далеко в глубь континента, выменивали у местных вождей рабов на раковины-каури, табак, бусы, ткани, вино и разные дешевые безделушки, которые работорговцы привозили в Африку. Рабов, которых перевозили через Атлантику в Бразилию, в свою очередь, обменивали на золото, серебро, шкуры и сахар и везли все это на продажу в Европу. Здесь «большой круг торговли» замыкался. Как пишет Б. Дэвидсон, эта система торговли приносила Европе тройную прибыль: от продажи потребительских товаров работорговцам, от продажи рабов на плантации и от продажи заморских товаров в Европе [152, с. 72].

Второй способ получения рабов состоял в обложении податью местных вождей. Эта подать должна была уплачиваться в виде молодых здоровых рабов, причем мерой служила особая единица, называемая «песа да Индия».

²⁸ В этой связи представляет интерес инструкция, данная в 1607 г. королем Филиппом губернатору Анголы М. Перейре Форжасу. В ней было сказано, что, поскольку усилия, направленные на открытие серебряных рудников Камбамбе, подрывают работорговлю, что приводит к уменьшению доходов, необходимо прекратить поиски рудников. Губернатору предписывалось проводить политику, которая бы поощряла покупку рабов и увеличивала работорговлю, с тем чтобы увеличить налоговые поступления в королевскую казну. Для этого он должен был обеспечить «нормальные» условия для работорговли: беспощадно подавлять восстания коренного населения, усилить обороноспособность колонии, чтобы отразить нападения враждебных африканских армий и иностранных флотов, если они попытаются захватить Луанду. Только подчеркнув эти гарантии для работорговцев, инструкция упоминала, что в функции колониального администратора входит также распространение христианства [50, т. V, с. 264—279].

Третьим способом приобретения рабов была война. Во время войн за расширение территории торговцы, сопровождавшие португальские армии, покупали у солдат захваченных ими пленных. Когда португальские войска, ведшие войны против местных племен, терпели поражение, торговцы часто теряли свой «товар». Так, например, в битве при Нголеме (1590), где португальская армия встретилась с коалицией местных вождей Анголы и была принуждена отступить, работорговцы понесли убытки, равные стоимости 24 кораблей, нагруженных товарами [225, с. 25].

В XVII в. общей практикой португальских губернаторов в Анголе, Гвинее и Мозамбике стала организация войн специально для захвата рабов. Эти военные кампании никогда не разрешались официально и оправдывались такими аргументами, как наказание вождей, которые дали убежище беглым рабам или отказались платить налог.

Губернаторы были лично заинтересованы в военных экспедициях, ибо служба в далеких африканских колониях соблазняла. Кроме того, с целью получения большого числа рабов из военнопленных португальцы провоцировали войны между африканскими государствами и между отдельными племенами. Одним из источников доходов губернаторов были взятки работорговцев за предоставление лицензий на экспорт определенного числа рабов. Некоторые губернаторы имели экономические интересы в Бразилии и старались обеспечить свои плантации рабами [там же]. Подавляющее большинство рабов в XVII — XVIII вв. добывалось именно в так называемых справедливых войнах, как именовали португальцы «охоту на чернокожих».

Работорговля на протяжении сотен лет служила одним из главных источников дохода многих португальцев, имевших к ней прямое или косвенное отношение. Прежде всего и больше всего на ней подрабатывали колониальная чиновная бюрократия, работорговцы, помбейруш, маклеры, посредники, надсмотрщики, капитаны невольничьих судов и т. п.

Яркое представление об этом дает следующее свидетельство очевидцев (монахов, живших в Конго в XVIII в.): «Жители этих мест не допускают, чтобы какая-либо торговля велась без их посреднических услуг. Они знают немного европейские языки и служат переводчиками и маклерами при продаже всех рабов. Именно к ним сначала ведут своих рабов торговцы... Этот маклер отправляется потом вместе с торговцем и его рабами в контору европейца... и говорит торговцу, что цена составляет 15 или 20 единиц товара, и тому вручают это количество, а... 15 или 10 единиц остаются в конторе капитана и вручаются ему (маклеру) после ухода торговца» [81, док. 24, с. 115].

Таким образом, помбейруш не имели права продавать рабов непосредственно европейским работорговцам, а должны были сначала иметь дело с маклерами. Те, в свою очередь, должны были руководствоваться правительственными инструкциями, которые, между прочим, содержали требование, чтобы на европейские рынки продавались только невольники, взятые в войне или купленные вне Конго [368, с. 99]. Б. Дэвидсон пишет, что эта система торговых контактов «изолировала народы хинтерланда от каких-либо контактов с Европой, кроме работорговли. Вожди прибрежных районов процветали и защищали свою власть с помощью покупки европейского огнестрельного оружия. Вожди, жившие в хинтерланде и лишенные какой-либо прямой связи с европейцами, были обессилены или вовлечены в торговлю» [272а, с. 154].

Работорговля приносила колоссальные прибыли также и королевской казне. В период существования королевской монополии в пользу короны отчислялась пятая часть всех рабов, захваченных в военных экспедициях. Кроме того, королевской казне должна была также уплачиваться пошлина за каждого раба, вывезенного из Африки. Как видно из официальной документации конца XVI в., пошлина за вывоз раба из Африки в Бразилию составляла тогда 3 милрейса. Португальский чиновник Д. Абреу де Бриту сообщал в 1592 г. в докладе королю, что поскольку с 1575 по 1591 г. из королевства Ангола в Бразилию было вывезено 52 053 раба, то они принесли королевской казне в виде пошлин 156159 милрейсов [118, док. LXXIV, с. 140; 50, т. IV, док. 126, с. 516].

Следует отметить, что, по подсчетам некоторых исследователей, на каждого пойманного и проданного невольника приходилось от двух до четырех негров, убитых во время «охоты», другие авторы определяют эту цифру потерь в десять человек. Португальская работорговля имела самые пагубные последствия для народов Африки. Она лишила континент нескольких миллионов молодых и здоровых людей — наиболее трудоспособной части африканского общества, разрушила сложившиеся государственные образования в Африке, дезорганизовала их экономику, породила многочисленные конфликты и войны из-за рабов. По словам Соуза Диаша, Ангола разорила сама себя, «обогащая проходимцев и питая Бразилию» [394, с. 169].

Кроме того, необходимо сказать еще об одном аспекте этой проблемы, который, как правило, оставляется в тени исследователями истории работорговли. Мы имеем в виду морально-психологические последствия этого губительного процесса. Поскольку работорговля базировалась на насилии в виде вооруженных экспедиций охотников за людьми, киднэпинга, засад, стычек и т. п., то многие поколения африканцев вынуждены были жить в атмосфере страха, нестабильности, неуверенности в завтрашнем дне, отсутствия гарантий личной безопасности и полной незащитности перед неумолимым роком судьбы, в постоянном ожидании трагической метаморфозы в своей жизни.

Следует сказать, что, хотя подавляющая часть рабов вывозилась из Африки в Америку, рабы играли некоторую хозяйственную роль и в африканских колониях Португалии. Несмотря на то, что использование африканской рабочей силы в Африке было ограничено вследствие почти полного отсутствия какой-либо производственной деятельности, все же рабский труд использовался в некоторой степени на празу в Мозамбике, для выращивания сахарного тростника на о-ве Сан-Томе, для добычи золота в Золотом Береге и т. д.

Очень много рабов использовалось в качестве носильщиков, строительных рабочих, охотников, рыбаков, курьеров, садовников, конюхов, поваров, парикмахеров, официантов и всякого рода домашних слуг. Два итальянских священника, побывавшие в Луанде в 1666 г., обнаружили «поразительное множество черных, которые служат как рабы белым, некоторые из которых имеют по 50, а то и по 100, 200, 300 и даже по 3000 рабов» [114, с. XII]. На некоторых празу в Замбезии было по несколько тысяч рабов. Всего там в XVIII в. было примерно 30 тыс. рабов [351, с. 77].

Хронист Бернарду Родригес свидетельствовал, что в Марокко португальцы использовали невольников на домашних и сельскохозяйственных работах, отводя их на ночь в тюрьму, «для того чтобы избежать не только побега; по и возможных покушений, так как бывали случаи убийств невольниками хозяев» [38, с. 58].

Документы воссоздают жуткую картину изощренно-садистского обращения португальских колонизаторов с африканскими невольниками.

Дж. Эткинс, будучи на о-ве Принсипи, слышал там трагическую историю о двух влюбленных рабах — Африканусе и Мули. Их хозяин — португалец силой заставил Мули стать его любовницей, и она произвела на свет дитя, цвет которого выдавал его отца. Африканус в ярости убил мать и ребенка, а затем себя [140, т. VIII, с. 277—278]. Сантуш рассказывает, что рабы, убившие белого хозяина, который сам был виновен в убийстве жены-мулатки, были приговорены к мучительной казни. Двое из них были подвергнуты пыткам, им отрубили руки, после чего они были четвертованы. Третий был повешен на дереве в том месте, где они убили хозяина, а четвертого расстреливали из лука, пока он не умер, пронзенный более чем двумя десятками стрел [131, с. 315]. Когда во время перегона 100 рабов к порту Мпинда часть из них попыталась восстать, губернатор приказал схватить «мятежников» и забить их хлыстами [71, с. 141—142]. В Марокко беглых рабов наказывали, намазывая их тело свиным салом, зная отвращение, которое мусульмане питают к свинине [38, с. 58].

Значительно позже, в XIX в., Д. Ливингстон записывал в своем дневнике: «Нам каждый раз объясняли, что, когда измученные рабы не в состоянии идти дальше, рабовладельцы в бешенстве от того, что лишаются прибыли, изливают свою злость на рабов, убивая их... Ужасы,

которые мы видели, черепа, разрушенные деревни, множество погибших в пути к побережью, массовые убийства... потрясли нас» [27, с. 55, 88].

Еще позднее, в начале XX в., Г. Невинсон писал в своей ставшей мировой сенсацией книге «Современное рабство»: «Рабов, закованных в кандалы и связанных вместе, гнали к побережью, избивая бичами. Торговец бывал очень счастлив, когда из этого стада человеческих существ он привозил на рынок живыми половину. Был известен случай, когда один португальский торговец... потерял в пути 600 рабов из 900» [114, с. 24].

Главными погрузочными пунктами, откуда поток рабов направлялся в Америку и Португалию, были Арген, Сантьягу (на островах Зеленого Мыса). Сан-Жоржи-да-Мина и о-в Сан-Томе. Остров Арген был крупнейшим португальским центром работорговли в XV в. В дальнейшем рост трансатлантической работорговли и трудность защиты острова от набегов пиратов вынудили Португалию в царствование Жуана III перенести центр работорговой активности на побережье. Тордесильясский договор 1494 г. обеспечил португальским работорговцам монопольное положение в Африке. С этого времени крупнейшим португальским погрузочным портом рабов становится Сантьягу.

Португальские усилия колонизовать прибрежные острова Зеленого Мыса, Сан-Томе и Принсипи были тесно связаны с развитием работорговли на материке. Эти острова представляли собой удобные базы для торговли с материком, большие возможности для развития плантационного земледелия и своего рода «изолятор» для нежелательных элементов феодально-монархического португальского общества, начиная от беглых кастильских евреев и кончая всякого рода преступниками [129, с. 1]. Нехватка трудящегося населения восполнялась привозом рабов с континента.

Еще в 1460 г., чтобы поощрить заселение островов Зеленого Мыса, португальская корона пожаловала жителям Сантьягу «концессию» на торговлю с побережьем. Это стимулировало здесь широкую активность португальских, испанских и итальянских работорговцев.

Острова Зеленого Мыса и Сан-Томе стали играть роль своеобразных перевалочных станций для гвинейской работорговли. Рабов из Гвинеи, предназначенных для отправки за море, сначала собирали на островах, где они ждали прихода невольничьих судов. Кроме того, на Сан-Томе находились специальные королевские чиновники, которые взимали пошлины со всех португальских работорговцев, отправлявшихся за «живым товаром» на материк. Хронист Филипп Пигафетта пишет со слов купца Лопиша, что корабли работорговцев, прежде чем идти в Луанду, сначала должны были заходить на Сан-Томе, где с них брали пошлину в пользу королевской казны [120, с. 63]. Согласно другим источникам, рабы, отправленные из Конго в Португалию, должны были проходить через Сан-Томе, где королевские чиновники отбирали в пользу короля четвертую часть рабов и потом еще двадцатую часть от тех, что остались [71, с. 292].

Право на торговлю на Гвинейском побережье предоставлялось на условиях выплаты ежегодной ренты в пользу португальского короля. Исключительные права на торговлю в Сенегале, Гамбии, Сьерра-Леоне и других прибрежных районах на четверть-пять лет продавались на публичном аукционе в Лиссабоне. Наиболее прибыльным считался контракт на торговлю с Гамбией, который обычно продавался на аукционе за высочайшую цену [281, с. 135].

Контракты на работорговлю попадали в руки как отдельных торговцев «живым товаром», так и организованных для этой цели работорговых компаний. Эти компании часто имели значительные средства, и масштабы их деятельности бывали иногда внушительными. Так, после 1521 г. одна компания владела монопольным правом на торговлю со всей Верхней Гвинеей. В 1690 г. была основана «Компания де Кашеу и Кабу Верди» для торговли с Гвинейским побережьем и островами Зеленого Мыса. Компания имела лишь ограниченный успех вследствие сильной конкуренции английских и французских работорговцев. В середине XVIII в. значительную часть португальской

работоторговли осуществляла могущественная «Компания Гран-Пара и Мараньяна», вкладчиком которой был сам португальский премьер Помбал [там же, с. 137].

В 1724 г. была основана «Компания Африки и Бразилии», главной задачей которой должно было стать обеспечение бразильских плантаторов достаточным числом рабов. В хартии, выданной королем этой компании, содержались условия, «что она будет поставлять такое количество негров, в каком будут нуждаться португальские плантации», и «что она не будет позволять каким-либо иным португальским или иностранным судам приходить торговать на этом побережье, под угрозой конфискации судов и рабов».

Следует, кстати, заметить, что португальское правительство строго наказывало всех, кто вступал в сделки, касающиеся продажи рабов, с иностранцами. Так, например, продажа рабов голландцам (которых католики-португальцы считали еретиками) рассматривалась как тяжкое преступление, и виновному в этом африканскому правителю следовало отказываться в крещении [312, с. 58].

Мучения невольников, попавших в руки португальских работоторговцев, начинались еще в Африке. После захвата или покупки их сковывали цепями и гнали в порт десятки и даже сотни километров. В порту рабы содержались в бараках и, пока не было судов, использовались на сельскохозяйственных работах.

О. Даппер сообщает: «Поскольку большинство рабов приходит из Помбу, в 200 или 300 лигах от побережья, они много страдают в пути, и португальцы, прежде чем посылать их в море, дают им отдохнуть в больших домах, предназначенных для них... Пока флот не прибыл, они обрабатывают землю, сажают или рубят маниоку» [73, с. 368].

Труд был настолько тяжелым и изнурительным, а условия содержания рабов настолько плохими, что многие из них умирали в ожидании погрузки на невольничьи суда, которых всегда не хватало.

Король Конго Диогу писал в 1548 г. королю Португалии Жуану III: «В этом королевстве Конго в порту Пинда постоянно идет погрузка многих штук (ресас) рабов и рабынь. Но в этом порту нет достаточного числа кораблей, чтобы взять товар, который всегда есть в этом порту, и многие рабы остаются, из-за чего их хозяева несут большие убытки, так как многие из них умирают в этом порту» [118, док. L, с. 85]. Эти сведения подтверждает и письмо королевского агента Мануэла Пашеку Жуану III от 28 марта 1536 г., в котором говорится: «Я занят в значительной степени отправкой судов, которые не прибывают в достаточном числе, вследствие чего в порту всегда остаются рабы, погрузка которых не может быть осуществлена. В течение пяти лет, пока я нахожусь здесь, не было года, когда бы число погруженных рабов превышало четыре или пять тысяч... Огромное число рабов умирает из-за отсутствия кораблей» [там же, док. 38, с. 67].

Монах Гарсия Симоинш сообщал, что только в одном 1576г. в Луанде в ожидании погрузки умерло 4 тыс. рабов [50, т. III, док. 23, с. 146].

В день отправки рабов загоняли в ближайшую церковь и там крестили и нарекали христианскими именами. Обрекая миллионы африканских рабов на страшные страдания и нечеловеческие условия существования, их мучители-колонизаторы со свойственным им цинизмом и ханжеством проявляли в то же время удивительно трогательную заботу о «спасении душ» этих несчастных. Монахи-капуцины свидетельствовали в середине XVIII в., что в Бенгеле «рабов перед отправкой крестит викарий или кюре этого места» [115, с. 18]. «Христианнейший» король Жуан III в письме от 27 сентября 1537 г. повелевал «крестить негров, отправляемых из Гвинеи, на каравеллах, на которых они едут, или в лавках и домах, куда их помещают, ибо некоторые заболевают и умирают в пути, не будучи крещеными» [50, т. II, док. 23, с. 62].

Тотчас же после процедуры крещения, обеспечивавшей душе неопита вечное блаженство, работоторговцы на деле показывали новообращенным «братьям» свое христианское человеколюбие — они клеймили их, как скот, каленым железом, до отказа забивали ими трюмы невольничьих кораблей и отправлялись за океан торговать своей совестью и «живым товаром».

Попавший в плен к португальцам и проживший много лет в Анголе в конце XVI в. английский моряк Э. Найвет следующим образом описывает экзекуцию клеймения рабов, очевидцем которой он был: «Португальцы клеймят их, как мы клеймили овец, каленым железом, которое мавры называют кримбо. Несчастные рабы стоят все в один ряд и поют: „Белые люди не покупают, а поспешно уходят прочь“... так как португальцы внушают им, что тот, кто не имеет клейма, не считается сколько-нибудь ценным человеком в Бразилии или в Португалии, и таким путем под личиной любви заставляют несчастных мавров быть в самом гнусном рабстве» [45, с. 96].

В работах ряда португальских историков распространен тезис о том, что условия перевозки невольников на судах, принадлежавших португальцам, были якобы несравненно лучше, чем на судах других европейцев, в силу некоего врожденного «человеколюбия» португальцев. Данный тезис эти ученые, как правило, стараются подкрепить ссылками на нескольких голландских наблюдателей XVII в., которые писали, что «португальцы были более умелыми и гуманными транспортерами живого груза, чем другие нации» [281, с. 140]. Но подобные свидетельства нельзя считать беспристрастными, ибо голландцы в период своей оккупации ряда районов Западной Африки сами охотно пользовались услугами португальских работорговцев.

Гораздо большего внимания заслуживают свидетельства объективных наблюдателей, среди которых нам хотелось бы выделить многочисленные свидетельства русских путешественников. Условия перевозки негров на невольничьих судах, метко прозванных в народе «тумбейрос», т. е. «могилы», были поистине ужасающими. В королевском указе от 13 марта 1684 г. говорится: «Меня информировали, что при перевозке пленных негров в государство Бразилию погрузчики и капитаны судов имеют обыкновение держать их столь прижатыми и прикованными один к другому, что у них нет необходимой для жизни свободы движений... и от этой тесноты, а также от дурного обращения многие из них умирают, а те, которые остаются живы, прибывают в самом жалком состоянии» [296, с. 33].

Переезд невольничьего судна из Гвинеи в Пернамбуко занимал в среднем от 13 до 20 дней, из Анголы в Ресифи — около 35 дней, в Баию — 40 дней и в Рио-де-Жанейро — 2 месяца [25, с. 133; 372, с. 16]. По свидетельству русского путешественника А. П. Лазарева (1819), в течение всего этого времени негров из трюма не выпускали «ни для каких нужд и надобностей» из страха, что они поднимут мятеж или предпримут общее самоубийство [25, с. 133]. А. П. Лазарев, лично осматривавший невольничьи суда в Рио-де-Жанейро, оставил одно из самых обстоятельных, ярких и правдивых описаний португальской работорговли. «На судах, приходивших в Рио-де-Жанейро с невольниками, — сообщает он в своих „Записках“, — сделаны были в трюме, к борту клетками нары, из которых в каждую влезал негр через узкое четверугольное отверстие, и там лежал он, запертый вьюшкой с запором. В сем тесном положении страдальцы сии не только не имели возможности быть между собой в сообщении... но и едва ли могли поворачиваться. Таким образом нагружали их иногда до 900 человек. На одном судне я видел 747, на другом 850 и еще на малом бриге 450. Воздух у них был до такой степени сперт, что... при всей моей крепости я не мог сойти в трюм» [там же, с. 312].

В работах буржуазных авторов часто встречается утверждение, что негры ввезли в Бразилию ряд болезней, до того неизвестных в Америке. Однако такие авторы обычно не находят нужным сказать, что сами негры оказывались жертвами болезней, возникавших в трюмах, невольничьих судов вследствие чудовищных антисанитарных условий, в которых работорговцы содержали этот «человеческий скот». Оспа, чесотка, злокачественная лихорадка и трахома были обычными спутниками негров в пути.

В результате болезней, голода, самоубийства и гибели от банзо²⁹ процент смертности негров при переезде через океан был обычно очень высок. Калогерас

²⁹ Банзо — болезненная тоска африканских негров по родине, кончавшаяся смертельным исходом.

утверждает, что в пути гибло в среднем 30% «живого груза». По другим сведениям, процент смертности составлял 65.

Как сообщал генерал-губернатор Бразилии в январе 1715 г., только на небольшом участке пути между Рио-де-Жанейро и Баией на одном невольничьем судне умерли 102 раба [77, т. 70., с. 208]. Лазарев сообщает, что на первом из виденных им невольничьих кораблей в пути умерло 150 негров, на другом — 217, а на третьем — 45 [25, с. 133]. Сохранились «списки умерших», куда капитаны судов записывали погибших в пути рабов. Проанализировав эти документы, Г. С. Клейн установил, что с 1795 по 1811 г. на 351 судне, пришедшем в Рио-де-Жанейро, умерли около 20 тыс. рабов, причем смертность составляла 95 на 1000 [324, с. 538].

В одном из официальных писем, отправленных из Бразилии в Лиссабон 2 августа 1759 г., читаем: «8 июля в этот порт прибыло судно... с грузом негров из Анголы и выгрузило 500 негров. ...Но из них были живы лишь 368, большинство — мальчики. Все они прибыли с лихорадкой и столь отошавшие, что больше похожи на скелеты, чем на живые существа» [251 а, с. 138].

Французский исследователь Г. Каи в своей монографии «Торговля черными» пишет: «Можно сказать, что в целом в XVIII в. 12% рабов умерли при переезде... и еще 25% — в первые месяцы после прибытия. Следовательно, спустя год после отправки из Африки из троих выживали менее двух» [там же].

Несмотря на высокую смертность рабов при перевозке через океан, торговля неграми приносила работоторговцам огромные барыши. Вследствие постоянно растущего спроса черные рабы в Бразилии всегда стоили очень дорого. В XVI в. раб-негр стоил часто 100 милрейсов, в то время как раб-индеец — только 20. В течение всего колониального периода цена одного раба-негра непрерывно возрастала, доходя до 800, 900 милрейсов и даже до конто³⁰ [372, с. 17]. Эта цена в каждом отдельном случае зависела от пола, возраста, физических качеств и племенного происхождения раба.

В Бразилии в течение нескольких веков существования рабства имелись невольничьи рынки, где продавали негров. Особенно крупные рынки рабов существовали в Рио-де-Жанейро, Баие, Пернамбуко и Мараньяне. В начале XIX в. на невольничьем рынке в Рио продавалось ежегодно примерно 5 тыс. рабов, т. е. четверть их ежегодного ввоза в Бразилию.

Вот что представлял собой невольничий рынок в Рио-де-Жанейро по описанию русского путешественника В. М. Головнина³¹: «Это одна длинная улица, называемая Волонга, где в каждом доме внизу есть лавка, в которой нет никаких товаров, кроме негров на продажу. Они все сидят кругом на лавочках, и тут приходят покупатели, осматривают их, щупают, узнают, здоровы ли они, торгуют и покупают, как какой-нибудь домашний скот» [21 а, с. 281]. По свидетельству русских моряков, на многих неграх были надеты железные маски, ибо отчаяние рабов вследствие жестокостей хозяев «было подчас так велико, что они ели землю, чтобы скорее кончить свои дни. При всем этом бразильцы уверяли, что в Рио-де-Жанейро положение негров несравненно лучше, чем внутри Бразилии и в Вест-Индии».

А. П. Лазарев пишет о невольничьем рынке: «Когда мы входили в сараи смотреть негров, то их заставляли плясать под их песни. Для любопытства достаточно видеть один раз сие зрелище, но повторять оное слишком жестоко. В несчастном своем положении полумертвый от истощения негр должен еще веселиться!» [25, с. 134].

Ф. П. Литке после осмотра невольничьего рынка записал в своем дневнике: «Здесь есть улица, в коей продают негров, она состоит из домов или, лучше сказать, сараев, разгороженных на две половины: в одной продаются мужчины, в другой женщины. Желаящий купить является, хозяин показывает ему своих негров, заставляет их делать

³⁰ Конто — португальская монета, равная 1000 милрейсам (эскудо).

³¹ В. М. Головнин был в Бразилии во время своего кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» в 1817 г.

разные телодвижения в доказательство здоровья их; покупающий смотрит у них язык — как коновал смотрит у лошадей зубы; товар продан — и бедный негр делается собственностью другого» [21, с. 37].

Система рабства с ее рутинной техникой и зверскими формами эксплуатации оказала пагубное влияние на все стороны политической, экономической и культурной жизни колоний. Возрождение давно изживших себя форм эксплуатации было исторически регрессивным процессом и представляло собой шаг назад даже по сравнению со средневековым феодализмом. Система рабства наряду с колониальным режимом была серьезным тормозом дальнейшего развития производительных сил в колониальной империи Португалии.

Развившееся на основе рабства плантационное сельское хозяйство в Бразилии производило товары исключительно на экспорт, что не только не укрепляло экономических связей между различными районами страны и не способствовало образованию единого внутреннего рынка, но, наоборот, консервировало феодально-рабовладельческие производственные отношения. Рабство и работорговля подрывали и истощали жизненные силы и африканского общества.

ПОСЛЕДСТВИЯ ПОРТУГАЛЬСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

В научной литературе неоднократно ставился и подвергался изучению вопрос об ущербе, нанесенном колониализмом: народам Африки в период их колониального порабощения.

Однако при этом внимание исследователей, как правило, фиксируется лишь на экономическом ущербе, что, по-видимому, связано с тем, что этот вид ущерба наиболее очевиден и поддается более или менее точной оценке.

Однако проблема ущерба не может быть до конца выяснена, если упускать из виду другой важный ее аспект, а именно урон, который понесли народы Африки от колониализма во внеэкономической сфере.

Установление полного совокупного экономического и внеэкономического ущерба, причиненного колониализмом народам Африки, представляет собой важную и актуальную задачу. Ответственность колониальных держав за ущерб, причиненный африканским народам, нагляднее всего может быть выявлена на примере португальских колоний, поскольку португальский колониализм просуществовал 500 лет, значительно дольше, чем английский и французский. Казалось бы, португальские колонизаторы имели больше всего возможностей поднять экономический, социальный и культурный уровень «опекавшихся» ими народов — времени для этого у них было более чем достаточно.

Между тем весь положительный вклад, который внесли португальские колонизаторы в экономическое развитие африканских народов, в основном ограничивался тем, что они ввели некоторые новые, главным образом американские сельскохозяйственные культуры (маниоку, кассаву, маис, ананасы). Однако культивация этих культур не вызвала каких-либо существенных экономических или социальных изменений в африканском обществе, так как маис и маниока лишь заменили в качестве главных продовольственных культур просо, которое аборигены выращивали задолго до европейцев. Даже такая важная техническая идея, как идея колеса, не была принята африканцами от португальцев и в тот период не привилась в Африке. В условиях, когда существовали только пешеходные тропы, носильщики стоили дешевле и их было легче и удобнее использовать, чем запряженные лошадьми повозки, для которых требовались широкие дороги и которые были практически бесполезны в сезон дождей [404, с. 51].

Несмотря на 500-летнее господство, португальцы очень мало преуспели в распространении среди африканцев своей религии, языка, культуры и образа жизни. Это было связано, по-видимому, и с тем обстоятельством, что ненависть, которую они всюду

вызывали, не только убивала в африканцах всякое желание подражать им, но и вызывала у них отрицательную реакцию на все «португальское».

Не подлежит сомнению тот факт, что те положительные моменты, которые были связаны в истории африканских народов с европейской колонизацией и которые ревностные адепты колониализма пытаются выдать за «цивилизаторскую миссию», представляются ничтожными по сравнению с той непомерно дорогой ценой, которую заплатила за них Африка, принеся в жертву Молоху колониализма жизни десятков миллионов, кровь, слезы и страдания сотен миллионов своих сыновей и дочерей.

Если говорить об ущербе во внеэкономической сфере, то, по нашему мнению, следует констатировать, что колониализм ответствен перед Африкой за нанесение ей социального, морально-психологического и духовного ущерба. К этому выводу приводит, в частности, изучение последствий португальской колонизации в Западной и Восточной Тропической Африке. До появления европейцев в зоне будущего португальского владычества существовали весьма развитые и вполне жизнеспособные общественные организмы. Здесь уже в средние века сложились классовые отношения и возникла государственность. Государство Бенин на Гвинейском побережье, Конго, Ндонго, Лунда в бассейне Конго, Мономотапа в Юго-Восточной Африке представляют собой яркие примеры средневековой африканской государственности с уже сложившимся классовым и довольно сложным социально и культурно организованным обществом.

Вторгшиеся в Африку португальские колонизаторы были первыми европейцами, вошедшими в контакт с народами Тропической Африки³². Они открыли большую историческую эпоху — эпоху общения европейцев с народами других континентов. С этого времени колониализм и традиционные африканские общества оказались в состоянии постоянного взаимодействия и взаимовлияния.

Хотя португальская колонизация и имела кое-какое положительное влияние на Африку (знакомство с мировыми культурными ценностями), нельзя не учитывать, что приобщение к европейской культуре сопровождалось физическим истреблением и порабощением миллионов людей, хищническим грабежом африканцев и подавлением их самобытной культуры.

Первые контакты в Африке португальцы завязали с племенами, имевшими первобытнообщинную организацию, но, как только колонизаторы попытались создать в Африке разветвленные каналы торговли с целью получения прибылей, они неизбежно вошли в контакт с крупными африканскими государствами. С самого начала португальцы стремились подчинить их своему контролю и включить в свою империю на правах протекторатов или колоний. В конце XV — начале XVI в. португальцы предприняли идеологическую, политическую и экономическую экспансию в королевстве Бенин, в XV в. овладели значительной частью Марокко, в конце XV — начале XVI в. приобрели очень большое влияние в Конго, в начале XVI в. разрушили и захватили города-государства суахили на восточном побережье континента, во второй половине XVII в. овладели государством Ндонго, в XVI—XVII вв. непрерывно вмешивались во внутренние дела Эфиопии и Мономотапы.

Во всех случаях контакты с португальскими колонизаторами имели катастрофические последствия для африканских государств.

Экономика и культурное развитие Бенина были в значительной мере подорваны португальцами, и само это государство уцелело только потому, что португальцы, найдя путь в Индию, потеряли к нему интерес. К тому же на Гвинейском побережье португальцы очень страдали от непривычного и нездорового климата. Их уход из Бенина в значительной мере был обусловлен также жестокой конкуренцией голландских,

³² До сих пор на западном и южном побережьях Африки сохранилось множество португальских географических названий: Кабу-Верди, Сьерра-Леоне, мыс Пальмас, Кабу-Корсо, Лагос, Калабар, Камерун, Габон, Кориско, мыс Фрио, Ангра-Пекена и др. Очень многие населенные пункты в Либерии и в устье Нигера также имеют португальские названия [322, с. 99, прим. 1].

французских, английских и скандинавских купцов. Все это заставило португальцев ограничить свои интересы Анголой и Восточной Африкой, где их привлекали огромные минеральные богатства, более здоровый климат и относительно большая свобода от европейских конкурентов.

Государство Конго тоже испытало на себе тяжелые последствия португальской колонизации. Уже к середине XVI в. оно было заметно ослаблено, от него отпал целый ряд территорий, а после ухода португальцев в конце XVII в. единство Конго было окончательно подорвано и оно распалось на мелкие политические единицы. Когда епископ Луанды посетил покинутую жителями к началу XVIII в. бывшую столицу Конго Сан-Салвадор, он обнаружил, что она превратилась в место обитания диких животных [257, т. III, с. 222].

Проникновение португальцев в Мономотапу, начавшееся в конце XVI в. в форме союзнической поддержки и миссионерской деятельности, уже 100 лет спустя — к концу XVII в. привело к распаду этого государства. Огромную роль в уничтожении Мономотапы сыграла политика земельных захватов, проводившаяся Лиссабоном в виде системы празу. Знаменитые каменные дворцы Зимбабве [см. 159; 160] были покинуты и превратились в груды развалин.

Таким образом, португальская колонизация оказала разрушительное воздействие на материальную и духовную культуру африканских народов. Она поломала и уничтожила сложившиеся и относительно развитые традиционные социальные структуры. Возрождение давно уже изживших себя античных форм эксплуатации (рабства) было исторически регрессивным процессом, так как представляло собой шаг назад по сравнению не только со способами производства, существовавшими к тому времени в Европе, но и с теми, которые существовали в Африке.

Непрерывно расширявшийся в связи с развитием сахарного производства в Бразилии спрос на рабов приводил не только к разрушению производительных сил в Африке, но и к бесчисленным межплеменным войнам, к превращению войны в главный нерв всей общественной жизни. Хотя в период расцвета работорговли африканский рынок в зонах португальского влияния был переполнен новыми видами импортных товаров, рост торговли в данном случае не был признаком экономического прогресса.

Торговля, которую вели португальцы в Африке, характеризовалась крайне ограниченным ассортиментом товаров (золото, слоновая кость, серебро, ткани, бусы и т. п.), а также тем, что товары, предлагаемые африканцами, были не продуктами их общественного производства, а военной добычей или данью, полученной с соседей. Кроме некоторых инструментов и ружей, весь импорт, поступавший в Африку, состоял из потребительских товаров, которые не способствовали экономическому развитию континента. В обмен за них Африка отдавала людей, что уменьшало не только производительные силы, но и потребность в стимулировании роста сельского хозяйства и промышленности. Возможность столь легко получать потребительские товары за рабов, по существу, ликвидировала стимул развивать местное производство промышленных товаров, а там, где оно все же возникало, оно было обречено на гибель из-за отсутствия спроса на местные изделия.

Следовательно, торговля, которую вели в Африке португальцы, несмотря на свои значительные масштабы, не только не стимулировала развитие производительных сил, а, наоборот, консервировала экономические и социальные институты, закрепляя тенденции к общественному застою [160а, с. 12—13].

Традиционные социальные структуры были либо сломаны, либо слегка модифицированы под влиянием внешнего фактора — колониальной структуры, созданной европейцами.

Соответственно этому африканцы, насильственно вырванные из прежней социальной структуры, были либо превращены в объект работорговли, т. е. включены в

уже исторически изжившую себя социальную структуру, либо сохранили чуть ли не до наших дней примитивные первобытнообщинные отношения.

Колониализм, с одной стороны, деформировал традиционные структуры и подорвал зачатки ремесленного производства в общине, а с другой — способствовал консервации общины, дав ей административную поддержку.

Поскольку при европейском господстве примитивная первобытнообщинная структура обнаружила тенденцию к устойчивости и сохранению неизменной формы, то она оказалась как бы выключенной из исторического процесса общественного развития. Таким образом, старая колонизаторская формула, гласящая, что только с европейским завоеванием начинается история африканских народов, должна быть перевернута и иметь следующий вид: до европейского завоевания африканские народы имели свою историю, а после него были выключены из истории, оказались, по выражению В. И. Ленина, «вне истории, рассматривались только как ее объект» [17, с. 233].

Поскольку в ходе европейской колонизации континента были уничтожены выработанные веками развития социальные и политические институты, можно считать, что европейское вторжение перечеркнуло результаты целой эпохи общественного развития африканских народов. Поэтому, по нашему мнению, можно говорить о регрессе в социальном положении африканских народов в результате колонизации континента европейскими захватчиками.

Португальская колонизация способствовала разрушению традиционных отсталых обществ и замене их исторически более прогрессивными производственными отношениями, а также знакомству африканских народов с некоторыми достижениями европейской цивилизации. Однако этот процесс втягивания африканских народов в исторически прогрессивный процесс разрушения замкнутых первобытнообщинных и раннефеодальных систем и создания единого внутреннего рынка как необходимой предпосылки для развития промышленного капитализма происходил в насильственной форме, шел рука об руку с хищническим разграблением природных и человеческих ресурсов завоеванных стран.

Существовавшая задолго до европейского вторжения самобытная и яркая африканская цивилизация была обречена европейскими завоевателями на уничтожение, а сами африканцы — на истребление в ходе колониальных войн и медленное вымирание от непосильного рабского труда в рудниках и на плантациях.

Колонизация Африки португальцами сопровождалась массовым уничтожением коренных жителей и организованной в коммерческих масштабах «охотой за черной дичью», осуществляемой самыми зверскими способами. Вывоз рабов на плантации в Бразилию привел к резкому сокращению населения и даже к полному обезлюдению целых районов континента.

Варварское расхищение людских ресурсов Африки было одним из первых и наиболее губительных по своим последствиям результатов португальской колонизации.

Сокращение численности коренного населения уже в первые века португальской колонизации было настолько разительным, что его вынуждены признавать даже самые ярые панегиристы колониализма. Однако они объясняют это сокращение малозначимыми или надуманными факторами.

На деле причинами резкого сокращения коренного населения в зоне португальского владычества были прежде всего работорговля, сопровождавшаяся массовым вывозом людей из Африки, истребительные войны колонизаторов, тяжелый рабский труд, которому они подвергали африканцев, а также завезенные европейцами болезни — оспа, корь и сифилис.

Высокой смертности среди африканцев способствовали также спиртные напитки, к которым колонизаторы «приучали» местное население, считая их лучшим стимулом, заставляющим «туземца» работать. В 1660 — 1830 гг. в Анголу ввозилось огромное количество бразильского рома (кашаса или агварденте). Результатом этого, как пишет

историк Д. Уилер, было «истощение, деградация, а иногда и смерть от отравления многих африканцев» [418, с. 48].

Одним из наиболее пагубных последствий португальской колонизации был сгон многих африканских племен и народов с их исконных земель, многочисленные миграции коренного населения. В результате португальского вторжения в Тропическую Африку изменилась этнографическая карта этого района. Многие племена и народности были насильственно согнаны со своих земель, другие ушли из них после первых же контактов с чужеземцами, третьи покинули их еще до непосредственного столкновения с португальцами, будучи напуганы слухами об их беспримерной жестокости и силе.

Весьма характерна в этом отношении судьба народа маконде в Мозамбике, который в ранние века португальской колонизации под прямым давлением европейцев вынужден был оставить свои исконные земли и переселиться в более северные районы, находящиеся на расстоянии нескольких сот километров от прежних мест обитания.

Португальский этнограф В. Геррейро, проводя полевые исследования в современном районе расселения маконде, записал бытующую среди них легенду, проливающую некоторый свет на причины имевшего в свое время место миграционного процесса: «В старину белые и черные пили воду из одного и того же источника. Однажды пришло какое-то животное и замутило воду. Белые стали браниться и говорить, что черные плохие, потому что они загрязнили воду. Черные отрицали это, но белые, не желая слушать их доводы, сказали: хотя вы и отрицаете свою вину, вам будет запрещено здесь пить; если же вы ослушаетесь, мы вас перестреляем. Поэтому мы в страхе бежали и пришли жить в эту страну, оставив белых в той» [278, с. 78 — 79]. Португальский историк и этнограф Жоржи Диаш, подчинивший всю свою исследовательскую деятельность малочетной задаче реабилитации мрачного прошлого португальского колониализма, предпринимает в своей монографии попытку тенденциозной интерпретации этой легенды. Следуя традиции португальской реакционной историографии, он изображает португальских конкистадоров как друзей и благодетелей африканцев и утверждает, что под «белыми» легенда имеет в виду вовсе не португальцев, а арабов или африканцев из племени ангони. «Очень вероятно, — пишет он, — что эта легенда была порождена набегами ангони, которые опустошали этот район, или же войнами, которые вели работоторговцы арабского происхождения на берегах реки Ровума или же она является простым объяснением „пост фактум“ фактической ситуации [там же, с. 791].

Эти утверждения Жоржи Диаша в свете исторических фактов выглядят не только тенденциозными, но и совершенно бездоказательными. Ж. Сантуш, живший в Восточной Африке в конце XVI в., указывал в качестве места обитания маконде «материк, который тянется вдоль островов Киримба и Мозамбик до Кабо Делгадо» [131, т. I, с. 88]. Между тем нынешняя область обитания маконде в низовьях р. Ровума значительно севернее и меньше той, которую указывает Сантуш. Следовательно, миграция имела место не раньше конца XVI в., т. е. уже после того, как маконде вошли в контакт с португальцами, и поэтому логичнее всего допустить, что легенда, записанная В. Геррейро, имеет в виду именно португальцев, а не кого-то другого. Кроме того, как известно из других примеров, под «белыми» в африканском фольклоре всегда имеются в виду европейцы, и поэтому гипотеза о том, что интересующая нас легенда относится не к португальцам, а к арабам или к африканцам другого племени, представляется беспочвенной и нелепой.

Губительнейшим результатом колонизации было также и то, что она насильственно затормозила естественный процесс этнической консолидации народов Африки. Проводя политику натравливания одних племен и народностей на другие, сея межплеменную вражду, подогревая существующие противоречия и* сознательно создавая новые, конкистадоры преследовали вполне определенную политическую цель — помешать объединению народов Африки для совместной борьбы против чужеземного гнета. Результатом этой далеко рассчитанной политики было замедление процесса вызревания предпосылок для складывания этнических общностей, народностей и наций в

Африке. Процесс этнической консолидации хотя и не прекратился, но пошел очень медленными темпами.

Отпечаток этой политики колонизаторов во многом сохраняется в межэтнических отношениях в Африке даже в наши дни. Как пишет советский историк В. М. Тюрин, «в связи с тем, что маршруты невольничьих караванов проходили из внутренних районов страны к побережью, основные оси напряженности в отношениях между народностями Анголы направлены на карте горизонтально. Так, крупнейшая народность Анголы овимбунду хорошо ладит со своими северными соседями амбунду и южными — ньянека и умбе: с ними не было столкновений по поводу работорговли. Напротив, напряженные отношения до сих пор отмечаются между овимбунду и их восточными соседями гангела и лунда, которые были объектом деятельности работорговцев-овимбунду» [177, с. 78].

Чтобы как-то оправдать гнусные деяния колонизаторов, реакционные буржуазные историки обычно цепляются за расистские теории о превосходстве белых над цветными. Так, известный бразильский историк Рошу Помбу, обосновывая «законность» колонизации, пишет: «Мы должны были подвергнуть низшую расу ученичеству подчиненного, и мы это сделали как в отношении индейца, так и в отношении африканца. Это единственный законный исторический процесс» [367, с. 80].

Вопреки попыткам реакционных историков показать, что трагическая история завоевания Африки и варварское расхищение ее людских ресурсов были закономерным и прогрессивным процессом, остается несомненным, что португальская колонизация Африки, так же как Азии и Латинской Америки (Бразилия), носила исторически регрессивный характер как по непосредственным результатам, так и по методам осуществления.

Завоевание и колонизация португальцами Западной и Восточной Тропической Африки явились составным элементом имевшего важные социально-экономические последствия процесса первоначального накопления. Помимо других источников накопления капитала зарождавшийся капиталистический способ производства черпал средства для своего развития из богатств, награбленных в завоеванных странах. Однако в то время как в феодальных Португалии и Испании эти средства использовались главным образом для снабжения рынков потребительскими товарами, в Голландии, Англии и Франции награбленные богатства использовались в производственных целях.

Как известно, К. Маркс, говоря о «главных моментах» первоначального накопления, подчеркивал, что они, эти моменты, распределялись «исторически более или менее последовательно, между различными странами, а именно: между Испанией, Португалией, Голландией, Францией и Англией» [4, с. 761].

На примере португальской колонизации Африки, история которой дает немало ярких иллюстраций «идиллических процессов» первоначального накопления, наглядно может быть показан механизм первоначального накопления на колониальной почве. «Основу всего процесса» составляла и на колониальной почве экспроприация непосредственного производителя.

Но в отличие от Европы в Африке имела место «тотальная» экспроприация — лишение людей собственности, личной свободы и права на жизнь, т. е. превращение их в рабов, а не в наемных рабочих, как это было в Европе, где экспроприация производителей выразилась в их отделении от земли.

В отличие, скажем, от колонизаторов античной эпохи, которые облагали главным образом натуральной данью покоренные области и страны и брали оттуда рабов для своих латифундий и городских заведений, оставляя нетронутыми социально-экономические отношения внутри колоний, колонизаторы эпохи первоначального накопления и раннего капитализма сосредоточили свои усилия на варварском расхищении материальных и людских ресурсов завоеванных стран, превращенных ими в источники сырья и вывозимой за границу дешевой рабочей силы (работорговля XVI—XVIII вв.). Вовлекая эти страны в мировой обмен, они, как правило, не затрагивали глубоко сферы производства.

Колонизация западного и восточного побережий Африки португальцами сыграла большую роль в процессе первоначального накопления капитала. Она привела к концентрации крупных капиталов в западноевропейских странах, к невиданному обогащению эксплуататорских классов в этих странах, с одной стороны, и к невероятным страданиям поработанных народов колоний — с другой. Богатства, приобретенные путем хищнического грабежа колоний и работорговли, принявшей особенно грандиозные масштабы со второй половины XVII в., послужили одной из основ первоначального накопления капитала и развития капиталистического способа производства в Западной Европе и Америке. Крупнейшие города Европы, такие, как Лиссабон и Амстердам, Ливерпуль и Бристоль, Нант и Бордо, обязаны своим развитием торговле рабами [152, с. 5].

Самые большие выгоды от работорговли и грабежа колоний получила Англия, превратившаяся в главную капиталистическую страну того времени. Урвавшая львиную долю из тех богатств, которые были выкачаны Европой из Азии, Африки и Америки в процессе первоначального накопления капитала, разжиревшая английская буржуазия, придя к власти в результате революции XVII в., вступила на путь активной колониальной политики. К концу XVII в. Англия нанесла поражение Франции в целой серии войн и увеличила свои колониальные владения за ее счет, а также за счет Португалии, Испании и Голландии. Колониальная монополия наряду с промышленной монополией выдвинула Англию на авансцену мировой политики, обеспечив ей роль наиболее мощной державы на протяжении XIX в.

Изучение исторических источников приводит к выводу, что одно из самых губительных для народов Африки последствий португальской колонизации состояло в том, что она разрушила исторически сложившиеся тесные экономические и культурные связи, существовавшие между Африкой и Азией, и как бы изолировала на несколько столетий эти два континента.

Особенно тесные отношения до прихода европейцев связывали африканцев с арабами. На восточноафриканском побережье часто бывали арабские купцы, существовали многочисленные поселения арабов. Арабы очень часто женились на африканках, в результате чего здесь возникло своеобразное арабо-суахилийское население. Весьма сильным было арабское влияние и в области идеологии и культуры. Ислам получил на восточноафриканском побережье почти повсеместное распространение.

Аравийские шейхи ежегодно посылали торговые флоты на юг — к восточному побережью Африки, чтобы приобрести там слоновую кость, рабов, специи, черепахи, шкуры, железо и просо. Первые два «товара» поставляла арабам сама Африка, что же касается остальных, — Африка была как бы реэкспортером, получая их с Востока. Гвоздика шла с Молуккских островов, перец — из Индии, другие товары шли с Дальнего Востока, где купцы из Восточной Африки и Аравии платили местным правителям большие пошлины за право иметь фактории и агентов [336, с. 7].

Азиатские купцы вывозили из восточноафриканских портов также большое количество золота и серой амбры. Особенно активное участие в торговле золотом принимали индийские купцы, имевшие большой, отличавшийся хорошими навигационными качествами торговый флот. По мнению английских исследователей Марша и Кингснорта, «к концу средних веков торговые отношения между Индией и Восточной Африкой, возможно, были столь же развитыми, как отношения между восточноафриканским побережьем и Персидским заливом» [там же, с. 7—8].

Индийские и арабские купцы привозили в Восточную Африку бусы, стекло и ткани, которые они обменивали на слоновую кость, серую амбру, рабов и золото. Эта оживленная торговля велась не только с помощью морских перевозок, весьма развитой была также караванная торговля. Караванные пути связывали Восточную Африку со многими странами Ближнего и Среднего Востока.

В результате португальского завоевания все эти традиционные связи народов Тропической Африки с народами Северной Африки и Азии были нарушены и прерваны. Восточноафриканский рынок был наглухо закрыт для арабских и индийских купцов. Основные торговые потоки из Восточной Африки резко изменили свое направление. Если до португальского завоевания слоновая кость, золото, рабы и серая амбра шли из Восточной Африки в Северную Африку и Азию, то теперь подавляющая часть восточноафриканского экспорта двинулась в Европу.

Была подорвана, в частности, весьма оживленная и имевшая широкие масштабы и хорошую организацию арабская торговля в Восточной Африке. Португальцы закрыли для арабских купцов восточноафриканские порты, а также их торговые морские и караванные пути. Португальцы с самого начала взяли курс на установление своей монополии на восточноафриканскую торговлю. Они намеревались иметь дело непосредственно с африканцами, а не делить свои прибыли с арабскими и индийскими посредниками. В результате полного вытеснения арабских купцов с восточноафриканского рынка арабско-суахилийские города на побережье пришли в крайний упадок.

Это было особенно заметно на юге, где португальские гарнизоны и форты в Мозамбике, Кильве и Софале строго следили за соблюдением запрета на «мусульманскую торговлю».

Португальское влияние было заметно слабее на севере, где была сохранена власть местных шейхов, при условии, что они будут платить ежегодный налог [там же, с. 13]. В отличие от южных северные султаны сохранили хотя бы призрачную независимость. Момбасе, Занзибару, Малинди и Ламу было разрешено сохранить своих султанов и шейхов, формы местного самоуправления; в торговле они пользовались большей свободой, чем южные султанаты. Правда, морские пути и здесь блокировали португальские патрули, но сухопутные пути были более свободными ввиду малочисленности португальских гарнизонов.

Но города суахили в южном секторе восточного побережья в полной мере испытали на себе всю тяжесть европейского завоевания. Побережье к югу от мыса Делгадо было зоной постоянной португальской оккупации, прямого колониального господства завоевателей. Здесь была введена жесткая монополия португальцев на торговлю. Арабы и индийцы не имели права заниматься торговлей без разрешения португальцев. Для выхода в море их суда должны были иметь специальные паспорта, для получения которых требовалось дать большую взятку. Суда, не имевшие таких паспортов, захватывались португальцами, их грузы конфисковывались, а пассажиры и матросы превращались в рабов. Все это резко сократило объем торговых операций между Восточной Африкой и Азией, особенно Индией и странами Персидского залива. На суше арабские торговые связи с племенами хинтерланда были резко ограничены, а во многих районах — запрещены. Так, например, золото должно было покупаться португальцами непосредственно от африканцев, а не через посредников — арабов или суахили.

Результаты этой антиарабской политики были губительными для городов побережья. Корни их прежнего экономического процветания были подрублены, и многие из них вступили в полосу прогрессирующего упадка [265, с. 48]. В течение 200-летнего португальского господства многие прежде могущественные арабско-суахилийские города превратились в жалкие и почти необитаемые деревушки с полуразрушенными зданиями. «Раньше, — пишет Куплэнд, — богатство и красота этих городов поражали визитеров из Европы. Но теперь, когда португальцы пришли, оставались два века и ушли, трудно было узнать эти прекрасные места. Что с этих пор больше всего удивляло европейских визитеров, так это то, что рухнувшие стены, разрушенные мечети и заросшие джунглями улицы показывали, что эти города были некогда богатыми и могущественными» [там же, с. 71].

По словам историков, «фактически главный результат правления португальцев состоял в том, что они искалечили старые арабские поселения, которые потеряли свои

широкие торговые интересы и стали захиревшими городишками, расположенными в стороне от главных торговых путей, единственной политической связью которых с внешним миром была связь с имамом Маската, который управлял Занзибаром» [336, с. 16].

Разрушение городов-государств суахили сопровождалось и гибелью многих ценностей и достижений арабской и синкретической арабо-африканской культуры. Так, португальцы почти полностью уничтожили арабскую городскую культуру в Софале, Мозамбике, Пате, Момбасе и Кильве [257, т. III, с. 224]. В этих городах, ставших португальскими колониями, постепенно исчезло арабское население, которое подвергалось преследованиям и было лишено возможности заниматься торговлей.

Тяжелое наследие оставил португальский колониализм и в области культуры. Одной из главных целей колониальной политики Португалии было стремление подвергнуть африканское население насильственной оккультурации и ассимиляции. В основе политики ассимиляции лежала концепция о неполноценности и неисторичности африканцев и вытекающий отсюда взгляд на европейцев как на их естественных опекунов и наставников. Однако колонизаторам не удалось уничтожить традиционную культуру народов Африки и превратить их в «черных португальцев» — простых «потребителей» лужитанской культуры. Одной из главных причин этого было «культурное» сопротивление африканских народов, стремившихся отстоять самобытный характер своей культуры. По словам А. Кабрала, «Португалии не удалось разрушить или хотя бы существенно ослабить культуру африканских народов».

В то же время, как справедливо отмечал М. де Андраде, политика ассимиляции привела к «культурному дуализму», выражавшемуся в том, что «многочисленное сельское население хотя и страдало от последствий иностранной экономической системы и было вынуждено отдавать свой труд в распоряжение капиталистической экономики, но сохраняло все же существенные черты собственной культуры. В городских же районах высшие социальные слои имели противоположную тенденцию интегрироваться в колониальную систему и использовались колонизатором для пропаганды португальской культуры».

Таким образом, колониализм ответствен за экономический, •социальный, морально-психологический и духовный ущерб, причиненный народам Африки. Вторжение европейцев и их попытки поставить под свой контроль ряд районов Африки — вначале ради приобретения драгоценных металлов, а позже рабов — имели роковые последствия для африканских народов. Эта экспансия разрушила производительные силы Африканского континента, нанесла смертельный удар по афро-азиатским связям, подавляла своеобразную культуру африканских народов. Португальская колонизация нарушила самостоятельное развитие африканских народов, которые шли теми же историческими путями, что и любой другой народ мира.

ГЛАВА IV

БОРЬБА АФРИКАНСКИХ НАРОДОВ НА ЗАВОЕВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ПРОТИВ ПОРТУГАЛЬСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА

Хищническая политика Португалии, ничем не прикрытый грабеж захваченных территорий, насилия и всевозможные эксцессы, чинимые португальской солдатней, вымогательства, неограниченный произвол и издевательства колониальных чиновников, работоторговцев, католических миссионеров, купцов и всякого рода авантюристов — все это не могло не вызвать ожесточение в народных массах, которое находило исход в борьбе за право на свободное существование. По мере того как усиливалась степень насилия в политике Португалии в отношении покоренных народов, возрастал и коэффициент дерзости в проявлениях оппозиции чужеземному игу. Силу этой оппозиции

ослабляли несколько существенных факторов, главными из которых были сравнительная отсталость социально-экономических отношений, полиэтническая структура населения, племенной сепаратизм и межплеменная рознь, искусственно подогревавшаяся колонизаторами, многоязычие, сравнительная отсталость военной техники и военного искусства (особенно отрицательное влияние на ход и исход борьбы африканцев против колонизаторов оказывало отсутствие у первых огнестрельного оружия и низкий уровень их вооружения, как правило оказывавшегося неэффективным по сравнению с европейским).

Разноплеменной состав населения Африки, этническое и лингвистическое многообразие, характерное для него, племенной сепаратизм и неразвитость процессов этнической консолидации были труднопреодолимыми препятствиями в деле сплочения африканских народов в борьбе против чужеземных угнетателей и объединения их в единую и организованную оппозицию. Сопrotивление колонизаторам в «португальской» Африке вплоть до середины XX в. нигде не носило общенационального характера, а было, как правило, стихийным и спорадическим. Тем не менее это сопротивление имело место уже в XVI—XVIII вв.

Сила этого сопротивления явно преуменьшается в исторической литературе. Мономотапа, Конго, Ндонго, марокканские шейхства и восточноафриканские города дали примеры героической и упорной борьбы африканцев, отстаивавших свою честь и независимость, движимых чувствами патриотизма и ненависти к угнетателям. Несмотря на существование многих факторов, ослаблявших силу оппозиции чужеземным захватчикам, наиболее развитые в политическом и социально-экономическом отношении африканские народы (баконго, амбунду, каранга и др.) оказались способными в течение длительного времени противостоять одной из лучших европейских армий того времени.

Именно это сопротивление явилось главным фактором, обусловившим тот исторический факт, что в течение четырех веков своего «присутствия» в Африке вплоть до начала XX в. Португалия контролировала только прибрежные районы, но не могла овладеть внутренними районами континента.

Таким образом, народам бассейнов Конго и Замбези принадлежит та историческая заслуга, что в XVII—XVIII вв. они не только мужественно отстаивали свою независимость, но и преградили португальским колонизаторам путь к центральным районам континента, спасая тем самым их жителей от порабощения.

В XVI—XVII вв. в зоне португальского господства в Восточной Африке местное население, доведенное до отчаяния произволом португальских колониальных властей, неоднократно поднимало восстания.

Особенно часто восстания вспыхивали в Момбасе, где местные арабские купцы пытались вернуть себе права, которых их лишили португальцы. Для подавления этих восстаний колонизаторы часто прибегали к помощи соперничавших с султаном Момбасы султанов Малинди и Занзибара. Так, например, в 1528 г. Малинди и Занзибар помогли Нунью да Кунья взять штурмом Момбасу, заставить ее платить ежегодную дань португальской короне, а когда город отказался выполнить это требование, он был предан огню. В 1586 г. в Момбасе высадились турки во главе с Мирале-беем, которые, опираясь на помощь местного населения, изгнали португальцев. Но, нагрузив свои суда награбленной добычей, турки скоро покинули город, после чего португальцы подвергли население жестоким репрессиям. Через три года турки вернулись, и местные племена снова подняли антипортугальское восстание. Хотя это восстание было подавлено, а турки изгнаны из Момбасы, антиколониальные выступления не прекращались. Наконец, в 1592 г. португальцы разрушили большую часть Момбасы, низложили местного султана и поставили город под управление султана Малинди. Тогда же португальцы построили в Момбасе форт Жесуса [336, с. 13—14].

Крупное антипортугальское восстание вспыхнуло в Момбасе в 1631 г. Одной из причин этого восстания явилось, по-видимому, стремление португальцев окончательно

подчинить город своей власти, ограничить его права и доходы и вытеснить арабских торговцев, установив свою торговую монополию в Восточной Африке. Как видно из источников, португальцы учредили в Момбасе таможенно, взимая со всех проходящих мимо судов пошлину в размере 6% [95, док. 35, стр. 178]. Кроме того, со всех товаров, импортируемых где-либо на побережье, взималась пошлина (1%) на строительство и содержание крепостей.

Такой порядок вызывал возмущение среди арабов, само существование которых зависело от прибрежной торговли. Даже султаны Малинди выражали все большее недовольство своим зависимым положением. Они претендовали на треть доходов, получаемых таможеней. Кроме того, эти султаны добивались, чтобы их суда могли беспошлинно торговать в других портах и чтобы они могли посылать одно судно в год в Мекку. Султаны Малинди добивались также, чтобы португальцы передали им о-в Пембу и чтобы они официально были признаны союзниками португальского короля [212, с. 11]. Особенно энергично отстаивал эти требования в начале XVII в. султан Малинди Хассан бин Ахмед. В 1614 г. он был вызван к вице-королю в Гоа. Не без оснований полагая, что португальцы готовят ему в Гоа ловушку, султан не поехал туда, а бежал в глубь материка. Он был убит в Рабаи, примерно в 15 милях к западу от Момбасы, по приказу португальских властей. Португальцы посадили на султанский трон своего ставленника Мухаммеда бин Ахмеда. Но в 1623 г. из Гоа в Момбасу вернулся сын Хассана бин Ахмеда Юсуф бин Хассан. Он вырос среди португальцев, воспитывался «за счет королевской казны» монахами-августинцами, был крещен под именем Жерониму Чингулия и даже служил в португальском флоте. Но близкое знакомство с нравами и обычаями португальцев сделало его не другом, а врагом европейцев. Португальцы объявили его султаном Момбасы.

Став правителем Момбасы, он решил отомстить за смерть отца. Так как португальцы не доверяли Чингулия, они подослали к нему шпиона, который донес о его частых посещениях отцовской могилы и о том, что Чингулия соблюдал мусульманский церемониал. Португальцы решили отделаться от ненадежного султана, арестовать его и выслать в Гоа, чтобы передать в руки инквизиции как вероотступника. Чингулия узнал об этом и, не желая разделить судьбу отца, решил нанести удар первым. 15 августа 1631 г. он поднял антипортугальское восстание.

Сохранился анонимный документ «Рассказ о восстании Жерониму Чингулия, короля Момбасы, воспитанного отцами св. Августина и вассала Его Католического Величества, которое случилось 15 августа 1631 г.» [95, док. 34], написанный, видимо, участником событий. В нем говорится: «Король (султан. — А. Х.) послал сказать коменданту крепости (форт Жесуса. — А. Х.) Педру Лейтану де Гамбоа, что желает нанести ему визит. Он пришел, и комендант в соответствии с приказом Его Величества вручил ему ключи от крепости...¹ Король схватил нож и напал на старого и невинного капитана и, не дав ему времени опомниться, перерезал ему горло. Сторонники короля ворвались в ворота крепости и убили всех находившихся в ней португальцев» [там же, с. 169]. После этого Чингулия появился на крепостной стене, что было сигналом для трехсот его воинов. Они ворвались в город и довели дело до конца. Застигнутые врасплох португальцы не оказали сопротивления. Оставшиеся в живых укрылись с женами и детьми в соборе св. Антония. Чингулия обещал им жизнь, если они выйдут из собора без оружия и согласятся принять мусульманство. Только один португалец и 47 крещеных мусульман согласились принять ислам. Остальные были убиты или брошены в море. Общее число убитых составило 152 человека, из них 60 или 70 португальцев [307, с. 29—33]. «Чингулия выволок из церкви главного приора и, топча его ногами, спрашивал: „Это живой бог христиан, почему же он не убивает меня?“ Чингулия сказал своему народу, что

¹ Таков был обычай в португальских фортах.

мы воры и изменники и что наши молитвы ложные», — рассказывает уже упоминавшийся анонимный автор [95, док. 34, с. 171].

В западной исторической литературе восстание 1631 г. обычно именуется «восстанием в Момбасе», причем дело изображается таким образом, будто оно не вышло за пределы одного города и имело сугубо местное значение. Изучение источников опровергает эту точку зрения и приводит к выводу о том, что восстание 1631 г. распространилось на обширный географический ареал, охватив, по существу, почти все восточноафриканское побережье от Малинди до Дар-эс-Салама.

В пользу предположения о том, что восстание 1631 г. охватило обширный географический ареал, говорит то обстоятельство, что капитан Момбасы С. Кабрейра приказал в 1639 г. выбить на воротах форта Жесуса надпись, в которой сообщал, что он покарал мятежников «с помощью наказания, какого никогда не видели в Индии», и «наказал Пембу, убив мятежных правителей и всех знатных лиц или заставив их платить налог Его Величеству, который они прежде отказывались платить». Там же говорится, что Кабрейра «привел к повиновению Его Величеству берег Малинди, который он нашел в мятеже, поднятом королем-тираном» [308, с. 73]. Таким образом, в надписи Кабрейры фигурируют не только Момбаса, но и Пемба и Малинди. Очевидно, восстание (или восстания) в 30-х годах XVII в. имели значительно большую зону распространения, чем это изображается западными историками.

Восстание Чингулия имело широкую социальную базу. Оно пользовалось поддержкой, по-видимому, не только проживавших в Момбасе арабов и суахили, но также и ряда племен восточноафриканского побережья и близлежащих островов. В пользу этого предположения свидетельствует один официальный документ того времени, из которого видно, что вице-король требовал направить в Момбасу судью «для расследования поведения королей этого побережья и острова Пемба, которые покровительствуют тирану Жерониму Чингулия, чтобы подвергнуть их наказанию соответственно их вине» [39, док. 114, с. 463]. Один хорошо осведомленный современник отмечал, что Чингулия «очень уважали туземцы и он подбил с помощью какой-то суммы денег кафров на измену и они приняли участие в мятеже против португальцев» [95, док. 35, с. 182]. В источниках есть указание на то, что Чингулия называл себя «королем» соседних с Момбасой племен и что их подчинения он добился, «раздавая ткани» [там же, с. 180]. Отсюда можно сделать вывод, что Чингулия умело использовал тот опыт, который он приобрел за долгие годы жизни среди потругальцев и службы в португальской армии. Для того чтобы привлечь на свою сторону в борьбе против португальцев африканские племена, он применил методы, широко практиковавшиеся португальцами.

Можно думать также, что восстание, поднятое Чингулия, приобрело характер массового антипортугальского движения, в котором участвовала значительная часть африкано-суахилийско-го и арабского населения побережья современных Кении и Танзании. Это восстание было реакцией местного населения на португальскую колонизацию Восточной Африки и с самого начала имело черты освободительного антиколониального движения. Не меняло дело и то, что Чингулия объявил «джихад» (священную войну) против неверных. Религиозная форма борьбы наполнялась совершенно определенным социально-политическим содержанием. Это подтверждается, в частности, тем, что под знаменем «джихада» выступили многие немусульманские и даже исповедовавшие христианство африканские вожди [95, док. 35].

Для подавления восстания были выделены флот из 18 судов и большое войско во главе с генералом Франсиску де Мора. На военном совете было решено разделить силы, чтобы ввести врага в заблуждение. 800 португальских солдат были разбиты на два отряда. Первому во главе с Андрю Велью поручалось высадиться на берег, чтобы отвлечь на себя силы повстанцев, в то время как в другом месте должна была незаметно высадиться большая часть португальских войск, которая имела задачу внезапно напасть на крепость. Но высадка основных сил 28 января 1632 г. была произведена в неудачном месте. Густые

джунгли помешали португальцам найти дорогу к крепости, и Франсиску де Мора, обнаружив несколько домов, разрешил людям переночевать там, чтобы утром атаковать противника. Но повстанцы получили сведения о местонахождении основных сил португальцев и «обрушились на них столь внезапно, — рассказывает анонимный автор, — что наши люди могли только взять в руки то, что было рядом с ними... Генерал был ранен семью опасными стрелами с отравленными наконечниками» [там же, док. 34, с. 173].

Всего в этом бою было убито 42 португальца и много бывших с ними африканцев. «Когда генерал почувствовал себя лучше, он предпринял несколько атак на крепость... — сообщает тот же источник, — но понес такие потери от врага, что начал отчаиваться взять ее, а изменник-король (так португальский автор называет вождя повстанцев султана Чингулия. — А. Х.) стал смелее, зная, что флот не может остаться, так как приближался сезон муссонов. Ввиду этого, а также из-за больших потерь в людях генерал созвал совет командиров, на котором было решено выполнять инструкции короля, которые состояли в том, что независимо от того, будет взята крепость или нет, в муссон флот должен был идти к Мысу [Рас-аль-Хадд], и осада крепости была снята... Когда флот покидал порт, король проводил его несколькими залпами артиллерии. Он был очень горд, а наши люди упали духом из-за несчастливого исхода» [там же].

Хорошо зная повадки и мстительность португальцев, Чингулия понимал, что они обязательно вернуться в Момбасу с еще более сильным флотом. Поэтому он решил не ждать их прихода, а, приказав срубить кокосовые пальмы и фруктовые деревья, погрузил всех своих воинов, артиллерию и провизию на суда, брошенные португальцами, и передав командование вождю племени лангуло, просил его удерживать крепость, пока он не вернется с подкреплениями, которые он надеялся найти в Мекке или в Турции. 16 мая 1632 г. Чингулия покинул Момбасу [95, док. 34, с. 174; 212, с. 91].

Когда известия о бегстве Чингулия достигли Гоа, был срочно созван государственный совет. Сохранился любопытный документ— протокол заседания совета от 29 июля 1632 г.: вице-король де Линьярес спросил, считает ли совет необходимым возвратить крепость Момбасу, и заявил, что если считает, то он должен назначить лицо, которое осуществит это предприятие. Совет ответил на этот вопрос утвердительно и снова назначил командующим экспедицией Франсиску де Мора [39, док. 114, с. 438—439]. 30 сентября 1632 г. состоялось новое заседание совета. На нем один из помощников вице-короля, Фариа-и-Соу-за, доложил, что Чингулия «потерял надежду на поддержку и, как мы уже говорили, бежал, захватив с собой более 400 христиан, которых он продал» [там же, док. 145, с. 462]. (Упоминание о 400 христианах дает основание думать, что во время январских событий Чингулия взял в плен половину экспедиционного отряда Франсиску де Мора.) На совете было решено послать в Момбасу восемь судов с войсками и артиллерией, а также судью для расследования поведения вождей племен, поддерживавших Чингулия [там же, с. 463].

Во главе этого войска были поставлены Ф. де Мора и С. Кабрейра, назначенный капитаном Момбасы. Когда их флот прибыл в Момбасу, опасаясь мести со стороны португальцев, все жители города бежали в леса. Об этом свидетельствует документ, относящийся к 1634 г., автор которого писал: «Город мавров... в настоящее время не имеет жителей, кроме одного старика Факевалле (Факи Али), которого вице-король сделал губернатором королевства Мелинде и Момбасы в благодарность за его верность и преданность. Почти все мавры — а в этом городе их было много — были виноваты в предательском мятеже, поднятом упомянутым Жерониму, и все бежали» [95, док. 35, с. 174].

Португальцы прилагали большие усилия, чтобы захватить Чингулия. Но лишь в конце 1638 г. вице-король мог с облегчением доложить королю, что Чингулия мертв. Около входа в Красное море корабль, на котором тот находился, был атакован и ограблен, а сам он был убит арабами. Португальцы наконец избавились от своего грозного врага, доставившего им столько неприятностей.

После подавления восстания в Момбасе было покончено с формальной независимостью этого султаната и город перешел в непосредственное владение испано-португальской короны. Резенди сообщает: «Все королевство Момбаса, которое прежде принадлежало упомянутому тирану (Чингулия.— *А. Х.*), принадлежит теперь Его Величеству, включая материк» [95, док. 35, с. 178]. Тот же источник дает сведения о том, что вице-король приказал переселить 20 португальских поселенцев из Занзибара и других островов в Момбасу, «считая, что это необходимо для возрождения крепости» [там же]. *А. Бокарро* добавляет, что принимались меры к тому, чтобы португальцы были избавлены от «полной изоляции и того ущерба, который наносили их чести и репутации живущие в этих странах мавры, которые не подчиняются нашей юрисдикции» [308, с. 50].

По словам *Е. Аксельсона*, «Момбаса никогда полностью не оправилась во времена португальцев от восстания Чингулия. Она никогда снова не имела так много португальских резидентов и никогда уже не достигала такого процветания, как перед восстанием. Это восстание показало, что совершенно бесполезно было пытаться обратить в христианство мусульман-суахили на побережье: они не поддавались ассимиляции. Вопрос заключался только в том, как долго Португалия сможет оставаться господствующей силой на побережье. С приходом каждого северо-восточного муссона гарнизон с беспокойством смотрел в сторону Мекки» [21¹/₂, с. 96].

Восстание на Пембе удалось подавить лишь в 1636 г. Это видно из сохранившейся местной хроники, которая рассказывает о жестокой расправе, учиненной на острове Сейшасом Кабрейрой, которого она называет «Жожоуном». Кабрейра угрожал отобрать у ширази (местная народность) все имущество и детей в счет уплаты налога, который они задолжали. Десять детей самых знатных жителей были схвачены как заложники. Ширази вынуждены были уплатить большую сумму и дать письменное обязательство регулярно платить налог в будущем. Через два года «Жожоун» вернулся и снова получил от них крупную сумму. Хроника добавляет, что, когда примерно через год «Жожоун умер, народ шираз возблагодарил Бога за его смерть» [308, с. 74]. (На самом деле Кабрейра в 1639 г. уехал из Африки, получив назначение на более высокий пост в Индии.)

В 1646 г. имело место новое крупное антипортугальское восстание на о-ве Пемба. Поводом к началу восстания явилась португальская попытка получить большую дань с населения острова. (Еще 3 декабря 1645 г. король Португалии написал вице-королю в Гоа о том, что несколько восточноафриканских правителей, включая «короля» Пембы, отправили письма в Лиссабон, жалуясь на «многие обиды и злоупотребления» португальских официальных лиц [308, с. 75].) Доведенные до крайней степени отчаяния хищническими поборами колонизаторов ширази отказались уплатить требуемую сумму. Сохранившаяся местная хроника так описывает последовавшие за этим события: «Тогда кисон (сборщик налогов. — *А. Х.*) в великом гневе покинул это место, но через два месяца вернулся с пятью кораблями, полными назаренов (португальцев. — *А. Х.*). Подождав три дня, кисон бин Жожоун высадился на берег и потребовал дань. Островитяне снова отказались ее платить. Тогда кисон объявил войну, и ширази сражались с ним 32 дня и 32 ночи. Кисон не смог одолеть ширази и уехал вместе со своими спутниками. Но через несколько лет он вернулся с 65 судами, полными назаренов (здесь хронист допускает явное преувеличение.— *А. Х.*)... Снова началась война, длившаяся два месяца». По данным хроники, ширази убили 1314 португальцев, потеряв 364 человека [308, с. 75—76]. Эти цифры вряд ли соответствуют действительности. Однако из этого источника можно сделать один несомненный вывод: восстание на Пембе было долгим и упорным. Народ Пембы выступил с оружием в руках против своих угнетателей.

Начиная с восстания 30-х годов и особенно с середины XVII в. выступления суахилийских городов характеризуются важной новой чертой: они происходят не только синхронно, но и согласованно.

Отношения между португальцами и восточноафриканскими правителями были к середине XVII в. столь напряженными и восстания столь частыми, что король Португалии

направил 3 декабря 1645 г. специальное письмо вице-королю Индии, требуя устранения поводов для их недовольства. Он настаивал на том, чтобы «не осуществлялась юрисдикция сверх того, что необходимо, и чтобы соблюдались обычаи этого королевства» [там же, с. 76]. Однако эти призывы на практике ничего не меняли, и восстания становились все более частыми и сильными. В 1648 г. вспыхнуло восстание в Пате, а в 1650 г. восстаниями было охвачено все суахильское побережье.

В том же году лиссабонское правительство направило из Гоа в Африку С. Кабрейру, стяжавшего мрачную славу кровавым подавлением восстания 30-х годов XVII в. Со 120 португальцами, 40 индийскими солдатами и 120 африканскими лучниками, предоставленными ему султаном Малинди, Кабрейра прибыл на Занзибар, где обрушил жестокие репрессии на повстанцев. После этого он напал в море на несколько судов, принадлежавших султану Пембы. Захватив пять из них, он отеснил остальные к Занзибару, где навязал африканцам рукопашное сражение. Одержав победу, Кабрейра отправился в Момбасу. Однако, хотя он и нанес сильный удар Пембе, лишив ее флота, а также Занзибару, он все же не смог окончательно задуть восстание в Восточной Африке, как это ему удалось сделать 15 лет назад. Как видно из местной хроники, когда Кабрейра в 1655 г. прибыл на Пембу и потребовал очередную дань в размере 16 тыс. дирхамов, жители отказались платить такую сумму, и в конце концов Кабрейре пришлось удовлетворяться всего лишь 1200 дирхамами [там же, с. 77].

Однако восстания не прекращались, и к 1680 г. единственным местом в Восточной Африке к северу от мыса Делгадо, где португальская власть была еще прочной, оставалась Момбаса. В Пате, на Пембе и Занзибаре португальцам время от времени удавалось принуждать жителей к покорности, но они вскоре снова восставали. В последние 20 лет XVII в. на Пембе было несколько крупных восстаний. Особенно большие масштабы приняло восстание 1686 г., которое вынудило к бегству с острова всех португальских резидентов и сотрудничавшую с ними правительницу Пембы, которая была воспитана португальцами в Гоа, где она приняла христианство [там же].

В октябре 1694 г. в Гоа пришло известие о новом крупном антипортугальском восстании на Пембе. Повстанцы убили многих португальцев, освободились от их политического и экономического контроля и обратились за помощью к арабам Омана. Султаны Омана и Маската готовились к совместной атаке Момбасы, чтобы изгнать оттуда португальцев и помочь повстанцам на Пембе.

В конце 1694 г. вице-король Индии направил в Момбасу нового губернатора — Жуана Родригиша Леана, старого и опытного конкистадора. Он организовал карательную экспедицию, которая потопила в крови восстание на Пембе. В следующем году он нанес поражение арабам, пытавшимся овладеть Момбасой. Предвидя возвращение арабов, Леан написал письмо вице-королю, прося подкреплений. Вице-король граф Вилла-Верди послал лишь один галеон с провизией и успокаивающий ответ в том смысле, что он направил сильную экспедицию в Персидский залив и посольство в Персию. «Это причинит Оману так много хлопот, что он не сможет направить войска в Восточную Африку». Однако оптимизм вице-короля был неуместным, и предчувствия губернатора оправдались.

11 марта 1696 г. семь арабских судов вышли из Маската, имея на борту 3 тыс. воинов. 13 марта арабы начали осаду Момбасы, продолжавшуюся почти три года. Рукопись, хранящаяся в лиссабонской Национальной библиотеке под названием «История Момбасы», дает детальное описание этих событий [242, с. 59—721].

В распоряжении Леана было 50 португальских солдат и около 3 тыс. живших в городе суахили и банту. Осажденные сделали две вылазки с целью вырваться из окружения, но не добились успеха. 23 октября 1696 г. Леан умер от малярии, и его сменил на посту губернатора Антониу Могу де Мелло. Он вооружил молодых банту и суахили, говоря, что каждый из них «настоящий Сципион Африканский» [там же, с. 62].

Когда в сентябре 1696 г. известия об осаде Момбасы достигли Гоа, вице-король послал два фрегата и три мелких судна во главе с Мелло де Сампайо. К рождеству эскадра появилась в бухте Момбасы, но не смогла подойти к городу из-за сопротивления, оказанного арабами. 21 ноября 1698 г. из Гоа на помощь Момбасе вышла другая эскадра из пяти судов с 1200 солдатами на борту. Когда она через 24 дня подошла к Момбасе, было уже поздно: над фортом Жесуса развевался флаг Омана. Командующий эскадрой предпочел отступить к Занзибару, а оттуда — в Гоа. Момбаса пала 13 декабря 1698 г. Падение Момбасы и одновременный захват султаном Омана Кайдом эль-Ардхи Кильвы и Пембы означали конец португальского колониального владычества в Восточной Африке к северу от мыса Делгадо. В 1727—1729 гг. португальцам, правда, удалось вернуть Момбасу, но восстание местного населения снова заставило их покинуть город, после чего им овладели арабы.

Следует особо подчеркнуть, что, как видно из приведенных материалов, изгнание португальцев с восточноафриканского побережья стало возможным лишь благодаря тому, что города-государства суахили сумели в интересах борьбы против общих врагов преодолеть свой традиционный сепаратизм и выступить одновременно, а также искусно использовали арабо-португальское колониальное соперничество.

Исключительно широкий размах приняли в XVII—XVIII вв. антипортугальские освободительные движения в Западной Африке. В 1698 и 1716—1722 гг. в Анголе имели место крупные восстания овимбунду. Во время восстания 1716—1722 гг. они оказались, по словам Ж. Вансины, «такими сильными противниками, что, не считая мелких стычек между воинами овимбунду и португальскими торговцами, не было дальнейшей португальской экспансии до 1770-х годов». [408, с. 181].

Попытки португальцев в конце XVII в. овладеть внутренними районами Анголы натолкнулись на упорное сопротивление коренного населения. Особенно ожесточенное сопротивление захватчикам оказали племена в Кисаме. Они не только препятствовали португальской экспансии южнее Кванзы, но и сами неоднократно переправлялись через реку и атаковывали португальские крепости на правом берегу. Эти атаки наносили колонизаторам столь чувствительный урон, что в 1695 г. они организовали карательную экспедицию в Кисаму, во главе которой встал сам капитан-мор М. М. Лейтан. Эта экспедиция учинила кровавую расправу над непокорными племенами, подвергнув жестоким пыткам вождей и старейшин [394, с. 194].

Огромные трудности пришлось испытать португальцам также при оккупации района, населенного племенами дембо. Эти племена обитали в междуречье Данде и Ложе (к северо-востоку от Луанды). Формально дембо считались вассалами короля Конго, хотя на практике они давно уже добились для себя независимого статуса. После того как португальцы появились в Анголе, они предпринимали неоднократные попытки подчинить дембо своей власти, но все экспедиции, которые посылались в этот район, не достигали цели. В 1631 г. дембо подняли восстание, которое было жестоко подавлено. В 1691 г. дембо снова восстали и снова потерпели тяжелое поражение. Однако следует отметить, что, несмотря на то что они терпели поражение, дембо никогда не позволяли португальцам эффективно оккупировать и контролировать свою территорию, постоянно создавая для них ситуацию нестабильности и беспокойства. Особенно много хлопот причиняли португальцам мужественные и свободолюбивые вожди дембо Казуангонго, Нгомбе а Мукиама и Муфуко [288, с. 39]. Португальцы прилагали большие усилия для оккупации этого района, поскольку он имел для них важное стратегическое и экономическое значение. Только через этот район они могли пройти к Бембе, где, по их расчетам, находились знаменитые серебряные рудники, об овладении которыми давно мечтали в Лиссабоне и Мадриде. Кроме того, через Бембе проходили важные торговые пути, по которым к побережью везли из глубинных районов слоновую кость, каучук, рабов и др. Бембе был в то же время центром коммуникаций, связывавших Сан-Салвадор, Абриш и Луанду. Сопротивление дембо создало для португальцев значительные

трудности в установлении эффективного контроля над жизненно важными центрами севера Анголы и надолго задержало распространение португальской экспансии к северу от Луанды.

Восстания дембо не прекращались на протяжении всего XVIII и XIX вв. Особенно крупными были восстания 1793, 1841, 1843 гг. и принявшее весьма значительные масштабы восстание 1845 г., которое возглавил выдающийся вождь дембо Нгомбе-а-Мукиама [там же]. Из всех народов Северной Анголы дембо последними, лишь в 1919 г., потеряли независимость.

На юге Анголы в районе Каконды упорное сопротивление захватчикам оказали племена, объединившиеся под руководством талантливого военачальника Хамбо. В 1698 г. Хамбо пытался овладеть португальской крепостью Каконда, которой командовал капитан Антониу де Фариа, и подверг ее осаде. Только благодаря подкреплению, посланному из Бенгелы, а также из-за предательства некоторых племенных вождей португальцам удалось отразить нападение грозного противника. В 1716 г. военные действия в этом районе возобновились в еще более широких масштабах. Африканские племена, сплотившиеся в боевой союз для отпора захватчикам, во главе которого встал жага Киаболо, вновь подвергли осаде крепость Каконда. Капитан-мор Каконды вынужден был просить срочной помощи у капитан-мора Бенгелы М. Симоиша. Только после того как прибыло крупное подкрепление во главе с Симоишем, африканцы сняли осаду Каконды (1718 г.). Однако в то время, когда Симоиш преследовал отступавших африканцев, чтобы «примерно наказать мятежников», он получил известие о том, что племенной вождь Мулундо, живший в окрестностях Бенгелы, пытается овладеть этой крепостью. Симоиш вынужден был спешно вернуться в Бенгелу и лишь после жестокой битвы заставил африканцев отступить [там же, с. 195].

Вскоре на юге Анголы вспыхнуло всеобщее антипортугальское восстание местных племен, объединившихся в сравнительно широкую коалицию для борьбы с захватчиками. Подавление этого восстания потребовало от колонизаторов значительных усилий, средств и времени. В Анголу был направлен новый генерал-губернатор — Коэлью де Карвалью (1722—1725), который избрал своей резиденцией Бенгелу, откуда удобнее было осуществлять руководство военными операциями. Вместе с Карвалью в колонию из метрополии прибыли свежие контингенты войск, которые 9 июня 1722 г. нанесли поражение повстанцам в районе Киленгиш (восточнее Луанды). Эта победа позволила португальцам осуществить их давнишнюю и заветную мечту — проникнуть в южные районы Анголы. В 1723 г. они восстановили свою крепость в Кикомбо, а через несколько лет начали планомерное продвижение вдоль Атлантического побережья к югу от Бенгелы. Окончательно сопротивление местных племен было сломлено, однако, только в 1758 г. в результате поражения, нанесенного им капитаном Домингушем де Фонсекой [408, с. 181]. Сильное сопротивление племен пришлось преодолеть португальцам в Матамбе. Это сопротивление не только затрудняло португальскую экспансию в глубь континента, но и мешало бесперебойному снабжению рабами приходивших из Бразилии невольничьих судов как раз в тот период, когда в результате сахарного бума работорговля достигла своего пика. В 1744 г. была организована беспрецедентная по своим масштабам карательная экспедиция в Матамбу, в которой приняло участие 20 тыс. солдат. Эти войска под командованием Бартоломеу Дуарти Секейры, выйдя из Мбака, двинулись вверх по Кванзе, овладели островами, прошли южнее Пунгу-а-Ндонго и вторглись в Матамбу, достигнув резиденции ее правителя. Вскоре был заключен мир, по которому правитель Матамбы уступил португальцам о-в Киналунга и обещал не мешать работорговле [там же].

В 1772 г. крупное восстание охватило ряд районов Бенгелы. Когда капитан крепости Нову-Редонду Ф. Нуниш предпринял вылазку против повстанцев, он был внезапно атакован, взят в плен и позднее убит. Известие об этом молниеносно облетело хинтерланд, вдохновило и умножило повстанческие силы. Как это не раз бывало в прошлом, на базе борьбы против общего врага возникла единая антипортугальская

коалиция нескольких племен. Фактически здесь имело место всеобщее антипортугальское восстание в Бенгеле, во главе которого встал вождь бай-лундо. Повстанцы осадили крепости Каконда, Бенгела и ряд крепостей на Кванзе. Восстанием был охвачен огромный район к югу от Кванзы [394, с. 233]. Генерал-губернатор Анголы Лен-кастри спешно организовал две карательные экспедиции: первая под командованием Араужо-и-Соуза отплыла из Луанды в Бенгелу, вторая во главе с Ж. да Коштой двинулась через Мас-сангано и Мбака в район восстания. Оттуда она отступила к Кванзе и наконец соединилась с первой экспедицией.

Объединившиеся португальские силы предприняли совместный штурм укреплений, сооруженных повстанческим войском. Африканцы в течение целого дня мужественно отбивали атаки португальцев, а ночью незаметно ушли из крепости. Лишь после многочисленных и ожесточенных сражений португальцам удалось нанести повстанцам поражение и взять в плен вождя байлундо, который был замучен в застенках тюрьмы Пенедо в Луанде. Но и после этого восстание еще некоторое время продолжалось во главе с Капингана (братом замученного вождя байлундо) [там же, с. 234].

Крупное антипортугальское восстание в Анголе, по-видимому, имело место в 1791 г. О значительных масштабах этого восстания свидетельствует тот факт, что сведения о нем не только проникли в Лиссабон, но и широко обсуждались в тамошних дипломатических кругах, о чем сообщал в своем донесении русский поверенный в делах в Лиссабоне П. Форсман. По его сведениям, восстание в Анголе удалось подавить, лишь перебросив значительные подкрепления португальских войск из Рио-де-Жанейро [20, д. 116, л. 17—18].

Вплоть до конца XIX в. португальские колонизаторы из-за сопротивления местных племен не могли овладеть внутренними районами Мозамбика, и их контроль ограничивался в основном узкой прибрежной полосой. Этот факт служит лучшим опровержением тех аргументов, к которым в период фашистской диктатуры постоянно прибегала реакционная португальская историография для обоснования «прав» Португалии на заморские территории.

Отсутствие эффективного португальского контроля над внутренними районами Мозамбика вплоть до конца XIX в. подтверждается высказываниями официальных лиц того времени. Так, верховный королевский комиссар Мозамбика Моусинью Албукерки, оценивая ситуацию, сложившуюся к 1890 г., писал: «Мы контролировали столицу провинции, находившуюся на острове Мозамбик. Мы контролировали также весь район Иньям-бане. Мы оккупировали Лоренсу-Маркиш и осуществляли скорее номинальную, чем эффективную власть на окружающих территориях, управляемых вождями, которые были вассалами короны. Мы имели форты в различных пунктах провинции — Софале, Тете, Сене, Келимане, Ибо, Тунгуэ и нескольких других. Это был тот предел, которым были ограничены наши королевские владения в Португальской Восточной Африке. В остальных наших владениях в этой части Африки мы не имели никакой власти» [281, с. 230].

Весьма яркое свидетельство о значении сопротивления африканских народов как главного фактора, препятствовавшего португальской экспансии в глубь континента, мы находим в высказывании другого колониального чиновника, относящемся примерно к тому же времени: «Негр здесь абсолютный хозяин... Если мы не можем покорить негра вдоль побережья, то как же мы можем покорить его во внутренних районах?.. Говорят, что негром управляет инстинктивное уважение к белому человеку, особенно к португальцу. Но хотя это, возможно, прекрасная фраза для спича, это избитая и абсурдная ложь» [там же].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение истории португальского колониализма приводит к выводу, что столь сложное и противоречивое историческое явление, как необычайная живучесть просуществовавшего полтысячи лет португальского колониализма, не может быть однозначно объяснено каким-либо одним обусловившим его фактором. Оно многопланово как по своему происхождению, по комплексности вызвавших его причин, так и по характеру факторов, действовавших, так сказать, трансэпохально, т. е. на протяжении всего периода существования португальского колониализма.

В основе феномена португальского колониализма находятся, по-видимому, два ряда взаимосвязанных факторов: объективные внешние, лежащие вне португальского колониализма и не зависящие от него, и субъективные внутренние, обязанные своим происхождением португальскому колониализму и полностью зависящие от него. К факторам первого ряда можно отнести то исторически детерминированное обстоятельство, что Португалия уже к XVIII в. намного отстала от других европейских держав в экономическом и военном отношении и сумела сохранить свои владения в ожесточенной борьбе за колонии, особенно усилившейся после завершения раздела мира в конце XIX в., лишь благодаря наличию острых противоречий между ее соперниками. Игра на противоречиях между крупными державами, лавирование между ними позволили Португалии, оставаясь в стороне от борьбы главных колониальных хищников, сохранить свою империю. Как правильно отмечает советский исследователь В. Л. Шейнис, «главным обстоятельством, помогавшим Португалии сохранить свои позиции в колониях, было острое соперничество между ее главными конкурентами» [192, с. 344—345].

Устойчивости португальского колониализма, несомненно, способствовало и то, что начиная с Метуэнского договора и особенно после войны за испанское наследство Португалия находилась в зависимости от Англии, которая, по выражению В. И. Ленина, «защищала ее и ее колониальные владения» [13, с. 383]. После второй мировой войны португальский колониализм находился под защитой западного империализма, и прежде всего блока НАТО во главе с США.

Что же касается внутренних факторов, то анализ собранных воедино из различных исторических источников сведений дает возможность воссоздать контуры и характер процесса генезиса португальского колониализма в XV—XVIII вв. и выявить некоторые его специфические черты.

Уровень общественного развития в африканских странах, подвергшихся португальской колонизации, был относительно высоким. В ряде из них еще до появления европейцев сложились раннефеодальные отношения, шел процесс феодализации. В этих условиях феодальная Португалия не могла привнести в эти страны более передовых общественных отношений. Португальский феодализм, хотя и был, несомненно, более развитым, чем раннефеодальный общественный строй, существовавший в таких африканских государствах, как Конго, Ангола, Лунда, Мономотапа, тем не менее не перерос того способа производства, который существовал в Африке ко времени португальской колонизации. Поэтому эта колонизация и вызванные ею факторы экономического характера не могли привести к исторически прогрессивной смене способа производства, к преобразованию феодальных структур в капиталистические. Напротив, взаимодействие в ходе колонизации двух в общем однотипных социально-экономических структур, базирующихся на феодальном способе производства, дополненное еще более отсталым рабовладельческим укладом, придало этому способу производства чрезвычайно устойчивый и застойный характер, законсервировало на долгое время существовавшие в Африке отсталые докапиталистические отношения.

Не меняло положения и стимулируемое великими географическими открытиями и колониальной экспансией развитие торгового капитала. Сам факт превращения части продукции в товары не приводит к смене форм производства. Кроме того, длительное сосуществование торгового капитала с феодальными структурами постепенно привело к компромиссу между ними, который проявлялся в том, что этот капитал, подчиняя себе не-

посредственных производителей, почти никогда не приводил к радикальным социальным переменам [158, с. 26—27].

Таким образом, португальская колонизация не принесла и не могла принести прогрессивного изменения общественного строя африканских стран, а, напротив, породила застойность социально-экономических отношений, крайнюю живучесть пережиточных форм производительных сил.

Более того, порожденные колонизацией сочетание докапиталистических производственных отношений с колониальным гнетом, тесное переплетение феодальных и рабовладельческих производственных отношений, ломка существовавших прежде общественных структур фактически означали регресс в общественном развитии африканских народов. Португальская экспансия насильственно нарушила нормальный ход истории этих народов, прервала восходящую линию их развития и на долгое время задержала их общественную эволюцию, которая, не будь колонизации, несомненно, шла бы теми же путями и в том же направлении, что и у народов Европы. Именно с колонизацией связан тот факт, что феодальный способ производства в Африке оставался неизменным 400 лет. В то же время в тех районах континента, где доминировала первобытнообщинная структура, она была поставлена в такие условия, при которых оказалась не только законсервированной, но и как бы выключенной из исторического процесса общественного развития.

Начало формирования португальского колониализма совпало с началом эпохи первоначального накопления. Однако, несмотря на то что колонии были непосредственно вовлечены в процесс первоначального накопления, сам по себе этот процесс в колониях не имел места.

Из двух функционально связанных и взаимодействующих элементов (извлечение богатств из различных источников и направление их на создание и развитие капиталистического производства, т. е. превращение их в капитал), из которых, в сущности, складывался процесс первоначального накопления, на колониальной почве имел место только первый из этих процессов. В отличие, скажем, от Англии — классической страны первоначального накопления, где имели место обе стороны или фазы этого процесса, ни одна из колоний не прошла полного цикла первоначального накопления. На колониальной почве этот цикл всегда имел незавершенный, урезанный характер.

Диалектическая противоречивость процесса первоначального накопления проявлялась, между прочим, и в том, что механизм этого процесса в Европе и в колониях был в одно и то же время тождествен и глубоко различен. Основу всего процесса и на колониальной и на европейской почве составляла экспроприация непосредственного производителя. Однако тождественность процессов, происходивших в колониях и Европе, этим исчерпывается, так как указанная экспроприация в Африке и Европе имела совершенно различный характер.

В Африке мы сталкиваемся с «тотальной» экспроприацией — лишением людей собственности, личной свободы и права на жизнь, т. е. порабощением, а не с отделением непосредственных производителей от земли и превращением их в наемных рабочих (к чему привело «огораживание» в Англии). Следовательно, хотя колонии играли огромную роль в процессе первоначального накопления, эта роль состояла в том, что они служили источником извлечения богатств, но не сферой приложения капиталов. Это обстоятельство в конечном счете обусловило то, что ближайшие результаты колонизации не привели к победе в Африке капитализма, который именно в это время победоносно прокладывал себе путь в Европе. Отдаленным результатом этого процесса было то, что и спустя 400—500 лет, уже в XX в., в большинстве районов Африки господствуют докапиталистические производственные отношения.

Изучение сохранившегося исторического материала показывает, что именно Португалии принадлежит в истории сомнительная честь создания первой модели классической колониальной структуры нового и новейшего времени, которая затем послу-

жила образцом для подражания для многих колониальных держав. В этом смысле Португалию можно назвать творцом или матерью классического колониализма. Созданная Португалией на заре капиталистической эры производства модель колониализма была доведена ею до высокой степени совершенства в том смысле, что включала в себя в более или менее развитом виде те же элементы, из которых впоследствии составлялись все колониальные структуры «классического» типа. К ним можно отнести: сложный механизм административного управления, приведенный в соответствие с интересами господствующего класса метрополии и построенный по принципу военно-бюрократического централизма, колониальная армия, финансовый аппарат, система косвенного управления, включение церкви в аппарат административного управления, создание рычагов экономического и внеэкономического принуждения с целью подготовки наилучших условий для расхищения материальных и людских ресурсов колоний. Однако только этими общими факторами, присущими в той или иной мере всем типам колониализма, но не исчерпывающими ни одного из них, нельзя объяснить особую устойчивость португальского колониализма.

Анализ исторического материала позволяет выделить специфические особенности португальской колониальной модели, которые были присущи только этой, и никакой другой, форме колониализма. Одной из главных отличительных особенностей португальского колониализма, которая играла большую роль в комплексе факторов, обусловивших живучесть португальского колониализма, являлась его гибкая «туземная» политика. Хотя португальская колониальная практика всегда характеризовалась высокой степенью насилия, оно никогда не было ее единственным методом.

Свои отношения с африканскими политическими образованиями Португалия, как правило, проводила через три последовательные фазы: отношения партнерства и признание суверенитета; отношения метрополии и протектората и признание ограниченного суверенитета; отношения метрополии и колонии и политика безраздельного и ничем не ограниченного политического и экономического господства.

Колониальная политика португальского правительства всегда отличалась маневренностью. В отличие от испанского оно умело прибегать не только к кнуту, но и к прянику, умело, когда это было необходимо, политикой уступок смягчать остроту общественных противоречий (реформы Помбала). Правящие круги Португалии с самого начала сознавали, что, учитывая ограниченные материальные и людские ресурсы метрополии, они могут удержать под своим контролем огромные территории только в том случае, если сделают своими союзниками часть местного населения. Этого они надеялись добиться с помощью средств законодательного, идеологического и социального воздействия. Законодательное поощрение смешанных браков, привязывание представителей элиты к метрополии с помощью идеологии (христианской доктрины), дарование им прав португальского гражданства и продвижение их по социальной лестнице — таковы были основные элементы далеко рассчитанной политики, нацеленной на создание между колонизаторами и коренным населением широкого социального буфера, тесно связанного с правящим классом метрополии. Эта политика, трансформированная позднее в систему «асимилядуш», должна рассматриваться в ряду историко-социальных причин, обусловивших сравнительно позднее начало широкой антиколониальной борьбы в Анголе и Мозамбике и трудности, с которыми она сталкивалась.

Португальские колонизаторы создали в колониях своеобразную систему, согласно которой социально-юридический статус определялся степенью идеологическо-конфессиональной приверженности к «португальской цивилизации». Устойчивости португальского колониализма в большой степени способствовали длительное сохранение в метрополии и колониях застывшей феодальной экономической и политической системы, позднее и недостаточное развитие элементов капитализма, обусловленный рядом факторов мучительно медленный процесс социально-экономического развития колоний, отсутствие у метрополии средств для их эффективного «освоения», политика Португалии,

направленная на торможение процесса этнической консолидации и формирования наций, а также на «герметизацию» колоний и их полную изоляцию от внешнего мира. Слабость экономической базы колониального режима и экономических связей между метрополией и колониями Лиссабон старался восполнить (и в ряде случаев не без успеха) путем создания интегрирующих механизмов: централизованного бюрократического, фискального и репрессивного аппарата, относительно единой во всей империи системы духовных ценностей, сравнительно однородных каналов массовой коммуникации (прежде всего португальский язык, внедрявшийся во все сферы общественной жизни), единого вероисповедания. Важной особенностью португальского колониализма была непомерно большая роль католической церкви, которая была включена в государственно-административный аппарат и использовалась в политических целях благодаря праву португальской короны на верховную юрисдикцию над всеми церковными учреждениями империи.

Одной из характерных черт португальского колониализма всегда было стремление замаскировать свою истинную сущность с помощью всевозможных юридических ухищрений, начиная от папских булл XVI в. и кончая лузо-тропикализмом, законом 1951 г. и «либеральными» реформами 1970—1971 гг. [см. 192; 181].

Изучение источников позволяет вскрыть несостоятельность аргументации западной историографии, выступающей с утверждением, что португальская колонизация носила характер мирного и добровольного признания африканцами верховной власти португальского короля. Собранные воедино из различных источников факты воссоздают картину широкого сопротивления африканских народов, которое не прекращалось как во время колонизации, так и после нее, как в самой Африке, так и за ее пределами. Сопротивление африканских народов представляет собой важный, но, к сожалению, малоизученный аспект истории ранних колониальных захватов, и игнорирование этого аспекта буржуазной историографией приводит в конечном счете к искаженному и неверному толкованию этой истории.

Сочетание докапиталистических форм эксплуатации с колониальным гнетом обусловило особую остроту классовых и общественных противоречий, назревших в рамках созданной Португалией колониальной структуры.

В условиях жесткого и парализующего всякое экономическое и культурное развитие колониального режима основной общественный антагонизм шел по линии противоречий между португальской феодальной монархией и различными социальными слоями населения колоний. В специфических условиях того времени классовый антагонизм в основном совпадал с расовым антагонизмом, поскольку белые были эксплуататорами, а черные в своей массе — эксплуатируемыми крестьянами и рабами. Поэтому классовая борьба африканских трудящихся против чудовищной рабовладельческой и феодальной эксплуатации неизбежно принимала антипортугальский характер, поскольку в качестве главного эксплуататора и верховного собственника в колониях выступала португальская корона.

Уже в ходе колонизации португальцы натолкнулись на упорное и в ряде случаев эффективное сопротивление коренного населения, особенно там, где существовали развитые и прочные государственные образования (Ангола, Мономотапа). Это обусловило тот сознательно замалчиваемый буржуазной историографией факт, что вплоть до начала XX в. Португалия контролировала в Африке только крепости и фактории вдоль побережья и не могла установить эффективный контроль над внутренними районами. Бесспорный исторический факт состоит в том, что практически лишь на рубеже XIX и XX вв., т. е. спустя четыре века после начала колонизации, Португалия смогла перейти от той ее фазы, которую можно назвать «точечной или прибрежной колонизацией», к новой фазе, которую можно назвать «сплошной колонизацией».

На колонизованных территориях то и дело вспыхивали анти-португальские восстания, порой принимавшие внушительные масштабы. Борьба африканцев против

угнетателей продолжалась и вне Африки, самым ярким примером этого служит героическое восстание рабов в Палмаресе (Бразилия) [см. 183]. Антиколониальные движения африканцев подрывались отсутствием их единства, племенным сепаратизмом и локальным характером их сопротивления колонизаторам.

Однако изучение исторических материалов приводит к убеждению, что ставшее ходячим в исторической литературе мнение, что эти факторы имели в Африке универсальный характер и были присущи всем антипортугальским движениям, нуждается в решительном пересмотре. Не следует переоценивать и абсолютизировать и полиэтничный характер, этническую разобщенность и сепаратистские тенденции африканских обществ. Во многих случаях африканское антиколониальное движение уже в ранние фазы своей истории обнаружило способность преодолеть племенную разобщенность и местный сепаратизм и выйти за рамки локального сопротивления. Противодействие африканцев европейской колонизации было наиболее эффективным тогда, когда им удавалось преодолеть этот сепаратизм и создать широкие коалиции, состоявшие из различных этнических групп. Высокая степень консолидации африканских племен и народностей в борьбе с колонизаторами имела место, в частности, в период народной войны под руководством Нзинги Мбанди Нголы, а также в бассейне Замбези в XVII в. Исключительные масштабы приняла консолидация народностей и племен в борьбе против Португалии в Эфиопии (XVII в.) [188].

Однако в результате отрицательного воздействия таких факторов, как разноплеменный состав населения Африки, присущее ему этническое и лингвистическое многообразие, племенной сепаратизм и неразвитость процесса этнической консолидации, сопротивление колонизаторам в «португальской» Африке вплоть до середины XX в. не носило общенационального характера.

Тем не менее антиколониальная борьба в XVI—XVIII вв. имела огромное значение, так как накапливала опыт и традиции, воспринятые следующими поколениями.

Социальные и расовые антагонизмы, которые потрясли колониальную империю с самого начала ее существования и проявлялись в форме острых конфликтов между завоевателями и завоеванными народами, медленно, но основательно подтачивали ее устои и явились одним из решающих факторов, обусловивших ее упадок и гибель. Эта борьба не только расшатывала колониальный строй, но и способствовала формированию национального сознания, оказывая в то же время положительное воздействие на процессы этнической консолидации.

Почти пять веков отделяют нас от того времени, когда португальские конкистадоры, огнем и мечом завоевав огромную империю, навязали колониальное господство народам Анголы, Мозамбика, Гвинеи и других стран. Пять веков насилия, крови, страданий и нищеты!

Только в наши дни, когда могучее антиколониальное движение, опирающееся на поддержку других революционных сил современности, добилось огромных успехов, когда «империализм подвергается все большему напору сил, выросших из национально-освободительной борьбы» [18], затрещали и рухнули прогнившие древние стены португальской колониальной империи.

Освободительные традиции прошлого свято хранятся африканскими народами и вдохновляют их в борьбе за светлое будущее.

БИБЛИОГРАФИЯ

ТРУДЫ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА*, ДОКУМЕНТЫ КПСС И МЕЖДУНАРОДНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

---

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по изд. 2 Сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

1. Маркс К. Британское владычество в Индии,— т. 9.
2. Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии,— т. 9.
3. Маркс К. Вопрос о турецкой войне,— т. 9.
4. Маркс К. Капитал, т. I,— т. 23.
5. Маркс К. Капитал, т. III,— т. 25, ч. I—II.
6. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству,— т. 46, ч. 1.
7. Маркс К. Хронологические выписки, тетрадь III,— «Архив Маркса и Энгельса», т. VII, М., 1940.
8. Энгельс Ф. Военно-морской флот,— т. 14.
9. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства,— т. 21.
10. Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств,— т. 21.
11. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология,— т. 3.
12. Ленин В. И. Крах II Интернационала,— т. 26.
13. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма,— т. 27.
14. Ленин В. И. Тетради по империализму,— т. 28.
15. Ленин В. И. О государстве,— т. 39.
16. Ленин В. И. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам,— т. 41.
17. Ленин В. И. Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала 19 июля 1920 г.,— т. 41.
18. Брежнев Л. И. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду КПСС, М., 1971.
19. Куньял А. Путь к победе, М., 1967.

ИСТОЧНИКИ

Неопубликованные

20. Архив внешней политики России (АВПР), Фонд коллегии иностранных дел. Сношения России с Португалией, ф. 72—73.
21. Центральный государственный архив Военно-морского флота в Ленинграде (ЦГАВМФ), ф. 15, д. 8.

Опубликованные

- 21а. Головнин В. М. Сочинения, М.—Л., 1949.
22. Камознш, Лузиады, СПб., 1897.
23. Куббель Л. Е. и Матвеев В. В. Арабские источники VII—X вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары, М.—Л., 1960.
24. Коцебу О. Е. Путешествие вокруг света, М., 1948.
25. Лазарев А. П. Записки о плавании шлюпа «Благонамеренного», М., 1950.
26. Монтескье Ш. Избранные произведения, М., 1955.
27. Путешествия Д. Ливингстона по внутренней Африке (1840—1856), СПб.— М., 1868.
28. Реиналь Г. Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях, СПб., 1806.
29. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов, М.— Л., 1931.
30. Тураев Б. А. Абиссинские хроники XIV—XVI вв.,— «Труды Института востоковедения», XVIII, М.—Л., 1936.

31. Тураев Б. А. Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии,— «Записки Историко-филологического факультета имп. С.-Петербургского университета», ч. 65, вып. 1, СПб., 1902.
32. Шумовский Т. А. Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида, М.— Л., 1957.
33. Alguns documentos do Archive Nacional da Torre do Tombo a cerca das Navegac.5es e Conquistas Portuguezas, Lisboa, 1892.
34. Alvarez Francisco. Historia de las cosas de Etiopia, en la qual se cuenta muy copiosamente, el estado y potScia del Emperador della (que es el que muchos an pensado ser el Preste Ivan) con otras infinitas particu-laridades, assi dela religion de aquella gente, como de sus cerimonias, Ant-werpen, 1557.
35. Andrade e Silva J. J. Colleccao Chronologica da Legislacao portugueza, 9 vols, Lisboa, 1854—1859.
36. Angola (ed. Brasio A.), vol. 1—3, Louvain, 1966—1969.
37. Angolana (Documentacao sobre Angola), vol. 1 (1783—1883), Luanda, 1968.
38. Arcila durante la ocupacion Portuguesa (1471—1549), Tanger, 1940.
39. Assentos do Conselho do Estado. Documentos, Qoa, 1953, vol. I.
40. Azevedo P. de. Documentos das Chancelarias reais anteriores a 1531 relatives a Maroccos, Lisboa, 1934.
41. Azurara Q. E. Cronica da conquista da Guine, Lisboa, 1842.
42. [Barbosa D.] The Book of Duarte Barbosa, London, 1918.
43. Barros J. de. D'Asia. Dos feitos que os Portugueses fizeram no descobri-mento e conquista dos mares e terras do Oriente, Lisboa, 1945.
44. Basset R. Histoire de la conquete de Fabyssinie (XVI-e siecle) par Chihab ed-din Ahmed ben'Abd el Qader sur nomme Arab — Faqih, Paris, 1897.
45. [Battell A.] The Strange Adventures of Andrew Battell of Leigh, London, 1901.
46. Boteler Th. Narrative of a Voyage of Discovery to Africa and Arabia, 2 vols, London, 1835.
47. Bowdich E. Mission from Cape Coast Castle to Ashantee with a Statistical Account of that Kingdom, London, 1819.
48. Bowdich T. E. An Account of the Discoveries of the Portuguese in the Interior of Angola and Mozambique, from Original Manuscripts, London, 1824.
49. Braganca Pereira A. B. Arquivo Portugues Oriental, Bastora — Goa, 1936—1940.
50. Brasio A. Monumenta missionaria africana. Africa Occidental, vol. I—VI, Lisboa, 1952—1955. 50a. Brasio A. Spiritana monumenta historica, Louvain, 1966, vol. I.
51. Bulhao Pa to R. A. Cartas de Albuquerque, Lisboa, 1884.
52. Burke E. An Account of the European Settlements in America, London, 1808.
53. Cai1lie Rene. Journal d'une voyage a Tomboctou et a Jenne dans les annee 1814—1824, 3 vols, Paris, 1830.
54. Ca da Mosto A. Relation des voyages sur la cote occidentale d'Afrique, 1455—1457, Paris, 1895 (1 ed., 1455).
- 55 Cadornega O. de. Historia geral das guerras Angolanas, Lisboa. t. I— II, 1932; t. III, 1939.
56. Cameron V. Across Africa, 2 vols, New York, 1877.
57. Camoens L. de. Obras, Lisbonne, 1861.
58. Cardoso F. Memorias contendo a biographia do vice almirante Feo e Torres. A Historia dos governadores, Paris, 1825.
59. Cartas de Afonso de Albuquerque, 7 vols, Lisboa, 1884—1935.
60. Cartas de D. Joao de Castro, 1538—1548, Lisboa, 1954.
61. Cavazzi da Montecuccolo G. A. Istorica descrizione de'tre Regni Congo, Matamba e Angola, Bologna, 1687 (2 ed, Milano, 1690).

62. Cenival P. de et Monod Th. Description de la cote d'Afrique de Ceuta au Senegal par Valentim Fernandes (1506—1507), Paris, 1938.
63. Churchill J. and A. Collection of Voyages, London, 1732.
64. Clarkson M. A. Le crides africaines centre les Europeens leurs oppres-seurs, Londres, 1821.
65. Collegcao da legislacao antiga a moderna do reino Portugal Coimbra, 1816—1819.
66. Collecfao de monumentos ineditps para a historia das conquistas dos Portugueses en Africa, Asia e America, Lisboa, 1858—1859.
67. Cordeiro L. Memorias do Ultramar, Lisboa, 1881.
68. Cotesao A. e Teixeira A. Portugaliae Monumenta Cartographica, 6 vols, Coimbra, 1960—1963.
69. [Coutinho C. A.] Obras economicas de J. J. da C. A. Coutinho (1794— 1804), Sao Paulo, 1966.
70. Couto D. de. Da Asia: dos feitos que os Portugueses fizeram na conquista e descobrimento das terras e mares do Oriente,— Theal G. M. (ed.), Records of South Eastern Africa, Cape Town, 1964, vol. VI.
71. Cuvelier J. Lancien royaume de Congo, Bruges — Paris, 1946.
72. Couvelier J. et Jadin L. L'Ancien Congo d'apres les archives romaines (1518—1640), Bruxelles, 1954.
73. Dapper O. Description de l'Afrique, Amsterdam, 1686.
74. Deeker J. M. de. Les clans Ambuun (Bambunda) d'apres leur litterature orale, Bruxelles, 1950.
75. Dellon C. Voyages de M. Dellon avec sa relation de l'inquisition de Goa, 2 vols, Cologne, 1711.
76. The Discoveries of the World from their First Originall unto the Yerre of our Lord 1555, London, 1601.
77. Documentos historicos, Rio de Janeiro, 1939—1947, vol. 18, 20, 70.
78. Documentos remetidos da India on Livros das Moncoes, 5 vols, Lisboa, 1880—1935.
79. Documentacao ultramarina portuguesa, 3 vols, Lisboa, 1960—1963.
80. Documentos sobre a expan[^]ao portuguesa, 2 vols, Lisboa, 1945.
81. Documents sur une mission francaise au kakongo 1766—1776, Bruxelles, 1953.
82. Documentos sobre os Portugueses en Mozambique e na Africa Central, 1497—1840, 6 vols, Lisboa, 1962—1969.
83. [Dubois - Fontanelle J. G.] Anecdotes africaines depuis l'origine, Paris, 1775.
84. Ertnes E. As guerras nos Palmares. Documentos, Sao Paulo, 1938.
85. Esteves Pereira (ed.) Cronica da Tomada de Ceuta por El Rei D. Joao I, Lisboa, 1915.
86. Etat present du royaume de Portugal en l'annee 1766, Lousanne, 1775.
87. Etat present du royaume de Portugal, Hambourg, 1797.
88. The Europeans in West Africa, 1450—1560, 2 vols, London, 1942.
89. Falcoubridge A. M. Narrative of Two Voyages to the River Sierra Leone, 1791—1793, London, 1802.
90. [Fanckner J.] Narrative of Captain James Fanckner Travels on the Coast of Benin, West Africa, London, 1837.
91. Faria M. de y Souza. Africa Portuguesa, Lisboa, 1681.
92. Faria M. de y Souza. Asia Portuguesa, Lisboa, 1674—1675.
93. Felner A. A. Angola. Apontamentos sobre a ocupacao e inicio do esta-belecimento dos Portugueses, Coimbra, 1933.
94. Figueiredo Fa1£ao L. de. Livro em que se contem Toda a Fazenda e real patrimonio dos reinos de Portugal, India e Unas Adjacentes, Lisboa, i ooy.
95. Freeman-Grenvi lie G. S. The East African Coast. Select Documents from the First to the Earlier Nineteenth Century, Oxford, 1962.
96. Goes D. Cronica do felicissimo Rey D. Manuel. 4 vols, Coimbra 1949— 1955.

97. Goes D. *Cronica do príncipe D. Joao II do nome*, Lisboa, 1724 (1 ed 1567).
98. Hamilton A. A. *New Account of the East Indies*, 1727, 2 vols, London 1930.
99. [Hertslet E.] *A Map of Africa by Treaty*, 3 vols, London, 1909.
100. Jadin L. *Rapport sur les recherches aux archives d'Angola*,— «Institute Royal colonial Beige, Bulletin des Seance», Bruxelles, 1953, t XXIV № 1.
101. Haveaux G. L. *La tradition historique des Bapende Orientaux*, Bruxelles, 1954.
102. *Histoire complete des voyages et decouvertes en Afrique*, Paris, 1821.
103. Hyacinte de Bologne. *La pratique missionnaire des padres capucins italiens dans les royaumes de Congo, Angola et contrees adjacents*, 1747, Louvain —Paris, 1931.
104. Labat J. B. *Relation historique de l'Ethiopie Occidentale, contenant la description des royaumes du Congo, Angola et Matamba*, t I—V Paris 1732.
105. [Lancaster J.] *Voyages of sir James Lancaster to the East Indies*, London, 1877.
106. Leitao H. (ed.) *Viagens do Reino para a India e da India para o Reino*, 1608—1612, 3 vols, Lisboa, 1957—1958.
107. Linschoten J. H. van. *Descriptio totius Guineae tractus Congi, Angolae et Monomotapae*, La Haye, 1599.
108. Littmann E. *Die Heldentaten des Dom Christoph da Gama in Abessinien. Nach dem portugiesischen Berichte des Miguel de Castanhoso*, Berlin, 1907.
109. Lopes F. *Cronica del Rei D. Joao*, Lisboa, 1949.
110. Lopes de Lima J. J., *Ensaio sobre a Statistica das Possesoes Portuguezes*, 4 vols, Lisboa, 1844—1859.
111. Menezes L. de *Historia de Portugal restaurado*, Lisboa, 1679.
112. Monod Th., Teixeira da Mota A., Maunay R. *Description de la Cote occidentale d'Afrique (Senegal, Cap de Monte, Archipels) par Valentim Fernandes (1506—1510)*, — «Centro de estudos da Guine Portuguesa», Bissao, 1951, № 11.
113. Neves A. R. *Memoria do expedica ao Cassange em 1850*, Lisboa, 1854.
114. Nevinson H. A. *Modern Slavery*, New York, 1963.
116. Oliveyra D. *Memoires historiques, politiques et litteraire concernant le Portugal et toutes ses dependances*, Haye, 1740.
117. Pais P. *Historia de Etiopia*, 3 vols, Porto, 1945—1946.
118. Paiva Manso. *Historia do Congo. Documentos*, Lisboa, 1877.
- 118a. De Paiva e Pona. *Dos primeiros Trabalhos dos portuguezes na Monomotapa. O padre D. Gongalo da Silveira, 1560. Sociedade de Geographia de Lisboa*, Lisboa, 1892.
119. Pereira Duarte Pacheco. *Esmeraldo de situ Orbis*, Lisboa, 1892.
120. Pigafetta F. *Le Congo. La veredique description du Royaume Africain*, Bruxelles, 1883.
121. Pires T. *Summa Oriental*, Lisboa, 1944.
122. Pissurlencar P. *Assentos do Conselho do Estado da India. 1618—1750*, 5 vols, Bastora —Goa, 1953—1957.
123. Pradt M. de. *Des colonies et de la Revolution actuelle de l'Amerique*, Paris, 1817.
124. Proyard, abbe. *Histoire de Loango, Kakongo et autres royaumes: d'Afrique*, Paris, 1819.
125. Purchas S. *Pilgrimes*, Lisboa, 1625.
126. Rainero Romain. *La scoperta della costa occidentale d'Africa nelle relazioni di Gomes de Zurara, Diogo Gomes, Eustache de Sa Fosse, Valentim Fernandes e Duarte Pacheco Pereira*, Milano, 1970.
127. *Rerum Aethiopicarum Scriptorum Occidentales Inediti a saeculo XVI ad XIX curante C. Beccari*, 15 vols, Roma, 1903—1917.
128. Rezende G. de. *Chronica que trata da vida e grandissimas virtudes e bondades magnamimo esforco, excellentes costumes, e manhas e claros fei-tos do christiamissimo D. Joao II*, Lisboa, 1596 (1 ed., 1554).
129. Ryder A. *Materials for West African History in Portuguese Archives*, London, 1965.

130. Saint-Hilaire A. Voyage dans le district des diamans et sur le littoral du Bresil, 2 vols, Paris, 1833.
131. Santes J. dos. Ethiopia Oriental — Theal G. M. Records of South-Eastern Africa, Cape Town, 1964, vol. II.
132. Rui de Pina. Cronica del Rey Dom Joao II, — «Collecao de livros ineditos de Historia Portugueza», Lisboa, 1972, vol. II.
133. Silva Re go A. de (ed.). Documentafao para a historia das missoes do Padroado Portugijes do Oriente. India, 12 vols, Lisboa, 1947.
134. Silva Correa E. A. Historia de Angola, 2 vols, Lisboa, 1937 (1 ed., 1792).
135. Some Records of Ethiopia, 1593—1646, London, 1954.
136. Les sources inedites de l'histoire du Maroc. Archives et bibliotheque de Portugal, 20 vols, Paris, 1948—1949.
137. Theal G. McCall. Records of South-Eastern Africa, 9 vols, Cape Town, 1964 (1 ed., 1898—1903).
138. The vet A. Cosmographie universelle, Paris, 1953 (1 ed., 1575).
139. Verbeken A. La premiere traversee du Katanga en 1806. Voyage des «Pombeiros» d'Angola, Bruxelles, 1953.
140. Walckenaer C. A. Collection des relations de voyages par mer e par terre, en differentes parties de FAfrique depuis 1400 jusqu a a nos jours, 19 vols, Paris, 1842.
141. [Varthema L. de]. Voyages de Ludovic de Varthema (1503—1508), Paris, 1888.
142. White way R. S. The Portuguese Expedition to Abyssinia in 1541—1543, as Narrated by Costanhoso, with some Contemporary Letters, London, 1902.

ИССЛЕДОВАНИЯ

143. Абиссиния (сборник статей под ред. Д. А. Ольдерогге), М.—Л., 1936.
144. Абрамова С. Ю. История работорговли на Верхне-Гвинейском побережье (вторая половина XV — начало XIX в.), М., 1966.
145. Андрианов Б. В. Население Африки, М., 1964.
146. Бондаревский Г. Португальские колонизаторы — враги народов Африки, М., 1962.
147. Века неравной борьбы, М., 1967.
148. Виппер Р. Учебник новой истории, М., 1917.
149. Встреча с Африкой, М., 1964.
150. Гусейнов К. А. Африка: от колониализма к свободе, Баку, 1969.
151. Дэвидсон А. Б. Южная Африка. Становление сил протеста. 1870— 1924, М., 1972.
152. Дэвидсон Б. Черная мать. Африка: годы испытаний, М., 1964.
153. Дюбуа У. Африка. Очерки по истории Африканского континента и его обитателей, М., 1961.
154. Жюльен Ш. А. История Северной Африки: Тунис, Алжир, Марокко, М., 1961, т. II.
155. Иорданский В. Б. Тупики и перспективы Тропической Африки, М., 1970.
156. История дипломатии, т. 1, М., 1941.
157. Кабрал А. Революция в Гвинее (Избранные статьи и речи), М., 1973.
158. Клеер Е. Анализ общественно-экономических структур стран «третьего мира», М., 1968.
159. Ксенофонтова Н. А. К вопросу о происхождении каменного строительства в Юго-Восточной Африке,— «Некоторые вопросы истории стран Африки», М., 1968.
160. Ксенофонтова Н. А. Народ Зимбабве (Очерки социально-экономической истории), М., 1974.

- 160а. Куббель Л. Е. Введение к сб. «Социальные структуры доколониальной Африки», М., 1970.
161. Куббель Л. Е. Сонгайская держава, М., 1974.
- 161а. Лозинский С. Г. История папства, М., 1934.
162. Львова Э. С. Социальная структура государств Луба и Куба (конец XIX в.),— «Социальные структуры доколониальной Африки», М., 1970.
163. Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий, М., 1967.
- 163а. Маловист М. Европа, Магриб и Западный Судан в XV в. Международные основы европейской экспансии в Африке,— «История, социология, культура народов Африки», М., 1974.
164. Мисюгин В. М. О происхождении и распространении языка суахили,— «Африканский этнографический сборник», вып. III, М.—Л., 1959.
165. Мондлане Э. Борьба за Мозамбик, М., 1972.
166. Общее и особенное в историческом развитии стран Востока, М., 1966.
167. Оганисьян Ю. 500 лет под пиратским флагом, М., 1965.
168. Ольдерогге Д. А. Древности Бенина,— «Сборник Музея антропологии и этнографии»,— М.—Л., т. 15, 1953; т. 16, 1955; т. 17, 1967.
169. Ольдерогге Д. А. Западный Судан в XV—XIX вв. Очерки по истории и истории культуры,— «Труды Института этнографии», М.—Л., 1960, т. III.
170. Орлова А. С. История государства Конго (XVI—XVII вв.), М., 1968.
171. Пискорский В. К. История Испании и Португалии, СПб., 1902.
172. Потехин И. И. Формирование национальной общности южноафриканских банту, М., 1955.
173. Потехин И. И. Состояние и основные задачи изучения африканской истории,— «Африканский сборник. История», М., 1963.
174. Силва Ж. де. Португальские колонии в Африке, М., 1962.
175. Сванидзе И. А. Королевство Бенин. История, экономика, социальные отношения,— «Некоторые вопросы истории стран Африки», М., 1967.
176. Сюрэ-Каналь Ж. Африка Западная и Центральная (география, цивилизация, история), М., 1961.
177. Тюрин В. М. Социально-этнические условия развития национально-освободительного движения в Анголе, — «Борьба за освобождение португальских колоний в Африке (1961—1973)», М., 1975.
178. Фадеев Л. А. Мономотапа. Древняя африканская цивилизация в междуречье Замбези — Лимпопо, — ТИЭАН СССР, М.—Л., 1962, т. LXXII.
179. Фадеев Л. А. Мономотапа (Опыт исследования общественно-экономического строя народов междуречья Замбези — Лимпопо в средние века),— «Советская этнография», 1961, № 3.
- 179а. Фостер У. Негритянский народ в истории Америки, М., 1955.
180. Харт Г. Морской путь в Индию, М., 1954.
181. Хазанов А. М. Политика Португалии в Африке и Азии, М., 1967.
182. Хазанов А. М. Португальская работоторговля (страницы истории колониализма),— «Новая и новейшая история», М., 1968, № 4.
183. Хазанов А. М. К вопросу о негритянском государстве Палмарес (XVII в.),— «Новая и новейшая история», М., 1958, № 2.
184. Хазанов А. М. Свободолюбивая дочь Африки (из истории борьбы народа Анголы против колонизаторов в XVII в.),— «Вопросы истории», М., 1970, №2.
185. Хазанов А. М. Португалия и Мономотапа,— «Вопросы истории», М., 1972, № 1.
186. Хазанов А. М. Сомалийская республика (исторический очерк), М., 1961.
187. Хазанов А. М. Исторические корни португальского колониализма,— «Борьба за освобождение португальских колоний в Африке (1961 — 1973)», М., 1975.

188. Хазанов А. М., Райт М. В. Попытки колониальной экспансии Португалии в Эфиопию (XVI—XVII вв.),— «Народы Азии и Африки», 1973, №2.
189. Хенниг Р. Неведомые земли, М., 1963, т. 4.
190. Шаревская Б. И. Начало проникновения португальцев в Гвинею и попытки христианизации Бенина,— «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», М., 1948, вып. 8.
191. Шаревская Б. И. Старые и новые религии Тропической Африки, М., 1964.
192. Шейнис В. Л. Португальский империализм в Африке после второй мировой войны (экономические проблемы последней колониальной империи), М., 1969.
193. Шейнис В. Л. Португальский колониализм в Африке,— «Народы Азии и Африки», М., 1967, № 1.
194. Шпажников Т. А. Религии стран Африки, М., 1967.
195. Шумовский Т. А. Арабы и море, М., 1964.
196. Яблочков Л. Д. Этнический состав к занятию населения Мозамбика, — ТИЭАН СССР, М.—Л., 1962, т. БХХП.
197. Цадык Мэкурия Тэкле. История Эфиопии, Аддис-Абеба, 1957 (на амхар. яз.).
198. Abraham D. P. The Early Political History of the Kingdom of Mwene Mutaps 850—1589,— «Historia in Tropical Africa», Salisbury, 1962.
199. Abraham D. P. Maramuca: an exercise in the combined use of Portuguese Records and Oral Tradition,— «The Journal of African History» (JAH), London, 1961, vol. II, Ns 2.
200. Abranches H. Elementos para o estudo etno-historico de Angola, Ariel, 1964.
201. Abrantes L. Portugal a principios del siglo XIX, Buenos Aires, 1945.
202. Albuquerque M. de. Mozambique, 2 vols, Lisboa, 1934.
203. Almeida Santos J. de. Luanda d'outros tempos..., Luanda, [6. r.].
204. Alpers E. Dynasties of the Mutapa — Rozwi Complex,—JAH, 1970, vol. XI, № 2.
205. Anderson P. Portugal and the End of Ultracolonialism,— «New Left Review», London, 1962, Ns 15—18.
206. Andrade A. A. de. Relajoes de Mozambique setecentista, Lisboa, 1955.
207. Andrade M. de. (Buanga Tele). Quest que c'e le Lusotropicalismo, — «Presence afric3ine», 1955, Ns 4.
208. Andrade M. de et Olivier M. La guerre en Angola. Etude socioeco-nomique, Paris, 1971.
209. Angola. Curso de Extensao universitaria, Lisboa, 1964.
- 209a. Arnold Anne-Sophie. Der Lusotropikslismus: Einige Bemerkungen zu einer spezifischen Variante imperialistischer Kolonispologetik, — «Asien Afrika Lateinsmerika», [Berlin], 1974, H. 3, Bd 2.
210. Axelson E. South-East Africa, 1488—1530, London, 1940.
211. Axelson E. South African Explorers, London, 1954.
212. Axelson E. Portuguese in South-East Africa, 1600—1700, Johannesburg, 1960.
213. Axelson E. Culture Confrontation in the Lower Congo. From the Old Congo Kingdom to the Congo Independent, Falkoping, 1970.
- 213a. Axelson E. Portuguese in South-East Africa, 1488—1600, Capetown, 1973.
214. Azevedo J. L. de. O Marquez de Pombal e a sua epoca, Lisboa, 1922.
215. Baiao A. (ed.) Historia da Expansao Portuguesa no Mundo, Lisboa, 1940
216. Balandier G. La vie quotidienne au royaume de Kongo du XVI au XVIII siecle, Paris, 1965.
217. Batalha Reis J. Estudos geograficos e historicos, Lisboa 1941
- 217a. Bean R. A Note on the Relative Importance of Slaves and Gold in West African Exports,—JAH, 1974, vol. XV, № 3.

218. Beetham T. A. *Christianity and the New Africa*, London, 1967
219. Belchior M. D. *A missao de Portugal em Africa*, Lisboa, 1960
220. Bensaude J. *The Attacks against Portuguese History*, Lisbon 1950
221. Bent T. *The Ruined Cities of Mashonaland*, London, 1895.
222. Benlley W. H. *Pioneering on the Congo*, London, 1900.
223. Bellencourt E. A. de. *Descobrimientos, guerras e conquistas dos por-tugueses em terras do ultramar nos seculos XV e XVI*, Lisboa, 1881—1882
224. Birmingham D. *The Portuguese Conquest of Angola*, London — New York — Oxford, 1965.
225. Birmingham D. *Trade and Conflict in Angola: the Mbundu and Their Neighbours under the Influence of the Portuguese 1483—1790*, Oxford, 1966.
226. Birmingham D. *Themes and Resources of Angolan History — «African Affairs»*, London, 1974, vol. 73, № 291.
227. Boleo O. *Mozambique. Petit monographic*, Lisbonne, 1967
228. Bouchot A. *Histoire du Portugal et ses colonies*, Paris, 1854
229. [Bouveignes O. de et Cuvelier J.] *Jerome de Montesarchio, apotre du vieux Congo*, Namure, 1951.
230. Bohm E. *La mise en valeur des colonies portugaises*, Paris, 1934.
231. Bourne H. *Slave Traffic in Portuguese Africa*, London 1908
232. Bovill E. W. *Caravans of the Old Sahara*, London, 1933.
233. Bovill E. W. *The Golden Trade of the Moors*, New York, London, 1958.
234. Boxer C. R. *Salvador de Sa and the Struggle for Brazil and Angola (1602—1686)*, London, 1952.
235. Boxer C. R. *Four Centuries of Portuguese Expansion 1415—1825*, Johannesburg, 1961.
236. Boxer C. R. *Background to Angola: Cadornega's Chronikle*,—«History Today», London, 1961, vol. XI, № 10.
237. Boxer C. R. (ed. and transl.) *The Tragic History of the Sea, 1589—1622* Cambridge, 1959.
238. Boxer C. R. *Race Relations in the Portuguese Colonial Empire 1415— 1825*, Oxford, 1963.
239. Boxer C. R. *Portuguese Society in the Tropics. The Municipal Councils of Goa, Macao, Bahia and Luanda, 1510—1800*, Madison, 1965
240. Boxer C. R. *Fidalgos in the Far East, 1550—1770*, Hong Kong, 1968.
241. Boxer C. R. *The Portuguese Seaborne Empire 1415—1825*, London, 1969.
242. Boxer C. R. and Azevedo C. *Fort Jesus and the Portuguese in Mom-basa, 1593—1729*, London, 1960.
243. Brazao E. *The Anglo-Portuguese Alliance*, London, 1957.
244. Brignon J., Amine A. etc. *Histoire du Maroc*, Paris — Casablanca, 1967.
245. Brochado J. F. *Teoria da unidade nacional e realidades da Africa Portuguesa*, Lisboa, 1961.
246. Brooks G. E. *Notes on Research Facilities in Lisbon and the Cape Verde Islands*,—«International Journal of African History Studies», New York, 1973, vol. 6, M; 2.
247. Burton B. F. *The Lands of Cazembe. Lacerda's Least Journay to Cazembe in 1798*, London, 1873.
248. Carneiro E. O. *Quilombo dos Palmares*, Sao Paulo, 1947.
249. Carvalho N. A. *Etnographia e historia traditional dos povos dos Lunda*, Lisboa, 1890.
250. Caetano M. *Os nativos na economia africana*, Coimra, 1954.
251. Caetano M. *Colonizing Traditions, Principles and Methods of the Portuguese*, Lisbon, 1961.

- 251a. Carreira A. *As Companhias Pombalinas de _Navegacao, comercio e trafico de escravos entre a costa africana e o nordeste brasileiro*, Bissau, 1969.
252. Caton-Thompson G. *The Zimbabwe Culture*, Oxford, 1931.
253. Childs G. M. *Umbundu Kinship and Character*, Oxford, 1949.
254. Chilcote R. H. *Portuguese Africa*, Prentice-Hall, 1967.
255. Chilcote R. H. *Protest and Resistance in Angola and Brazil*, Los Angeles, 1972.
256. Cipolla C. M. *Guns, Sails and Empires. Technological Innovation and the Early Phases of European Expansions (1400—1700)*, New York, 1965.
257. *Colonialism in Africa. 1860—1970*, Cambridge, 1971, vol. III.
258. *The Commentaries of the Great Albuquerque*, London, 1875.
259. *Congresso internacional de historia dos descobrimentos*, Lisboa, 1961.
260. Cordeiro L. *Descobertas e descobridores*, Lisboa, 1892.
261. Cornevin R. *Histoire de l'Afrique*, Paris, 1966.
262. Cornevin R. *Histoire des peuples de L'Afrique Noire*, Paris, 1960.
263. Cortesao A. (ed.) *The Suma Oriental of Tome Pires and the Book of Francisco Rodrigues*, 2 vols, London, 1944.
264. Costa Gomes de. *Descobrimientos conquistas*, Lisboa, 1927—1929.
265. Coupland R. *East Africa and its Invaders*, Oxford, 1956.
266. Couto C. *Os capitaes mores en Angola no seculo XVIII*, Luanda, 1972.
267. Cunha Matos. *Compendio historico das possessoes de Portugal na Africa*, Rio de Janeiro, 1963.
268. Culloch Me. *The Southern Lunda and Related Peoples*, London, 1951.
269. Curtin Ph. D. *The Atlantic Slave Trade: a Census*, Madison, 1969.
270. Curtin Ph. D. *Africa Remembered. Narratives by West Africans from the Era of the Slave Trade*, Wisconsin, 1967.
271. Danvers F. Ch. *The Portuguese in India*, 2 vols, London, 1894.
272. Davidson B. *The African Awakening*, London, 1955.
- 272a. Davidson B. *The African Slave Trade: Precolonial History, 1450— 1850*, Boston, 1961.
273. Davidson B. *Angola*, 1961, London, 1962.
274. Davidson B. *In the Eye of the Storm. Angola's People*, New York, 1972.
275. Delgado R. *Historia de Angola, 1482—1836*, 4 vols, Benguela and Lobito, 1948—1955.
276. Dei-Anang M. *Ghana Resurgent*, Accra, 1964.
277. Dias A. S. *Portuguese Contribution Cultural Antropology*, London, 1959.
278. Dias J. *Os Macondes de Mozambique*, Lisboa, 1964.
279. *Dicionario pratico ilustrado*, 3 vols, Porto, 1960.
280. Doresse J. *L'Empire de Pretre Jean*, Paris, 1957.
281. Duffy J. *Portuguese Africa*, Cambridge, 1959.
282. Duffy J. *Portugal in Africa*, London and Baltimore, 1962.
283. Duffy J. *A Question of Slavery*, Oxford, 1967.
284. Duffy J. *Shipwreck and Empire. Being an Account of Portuguese Maritimes Disasters in a Century of Decline*, Cambridge, 1955.
285. Edwards A. C. *The Ovimbundu under Two Sovereignities*, London, 1962.
286. Egerton C. *Angola in Perspective. Endeavour and Achievement in Portuguese West Africa*, London, 1957.
287. Egharevba J. U. *A Short History of Benin*, Ibadan, 1968.
288. *Esboco da historia de Africa*, [б. м.], [б. г.].
289. Estermann C. *Etnografia do sudoeste de Angola*, Luanda, 1961.
290. Estevao Pinto. *Duarte Pacheco Pereira*, Lisboa, 1954.
291. *Facts and Reports. Angola Comite*, Amsterdam, 1971—1974.
292. Page J. D. *Slavery in West African History*,—JAH, 1969, vol. X, *Ns* 3.

293. Felgas H. A. E. *As Populacoes nativas do Congo Portugues*, Luanda, 1960.
294. Felgas H. A. E. *Historia do Congo Portugues*, Carmona, 1958.
- 294a. Ferreira Eduardo de Sousa. *Le colonialisme portugais en Afrique: la fin d'une ere*. Les presses de FUnesco, Paris, 1974.
295. Figueiredo A. *Portugal and its Empire: the Truth*, London, 1961.
296. Filho L. V. *O negro na Bahia, Rio de Janeiro etc.*, 1946.
297. Freyre G. *Uma cultura ameacada*, Recife, 1940.
298. Freyre G. *Le Portugais et les tropiques*, Lisbonne, 1961.
299. Freyre G. *Casa grande e Senzala*, Rio de Janeiro, 1938.
300. Freyre G. *Integracao portuguesa nos tropicos*, Lisboa, 1958.
301. Freyre G. *Homen, cultura e tropico*, Recife, 1962.
302. Francis A. D. *The Methuens and Portugal, 1961—1708*, Cambridge, 1966.
303. Galvao H., Selvagem C. *Imperio Ultramarino portugues*. Monografio do Imperio, Lisboa, 1950—1953, т. 1—III.
304. Godinho Vitoriano Magalhaes de. *Historia economica e social da expansao Portuguesa*, Lisboa, 1947.
305. Godinho Vitoriano Magalhaes de. *A Economia dos Descobri-mentos Henriquinos*, Lisbon, 1962.
306. Godinho Vitoriano Magalhaes de. *Os descobrimentos e a eco-nomia mundial*, 2 vols, Lisbon, 1965—1968.
307. Gray J. *Early Portuguese Missionaries in East Africa*, London, 1958.
308. Gray J. *History of Zanzibar. From the Middle Ages to 1856*, London, 1962.
309. Gray J. *Commercial Intercourse between Angola and Kilva in the XVIth Century*,—«Tanganyika Notes and Records», September 1961, N« 57.
310. Gray R. *Portuguese musketeers on the Zambezi*, — JAH, 1971, vol. XII, № 4.
311. Hansberry L. *Ethiopian Ambassadors to Latin Courts and Latin Emissaries to Prester John*, — «Ethiopia Observer», 1965, vol. IX, N° 2.
312. Hastings A. *Church and Mission in Modern Africa*, London, 1967.
313. Hirsch E. F. *Damiao de Gois. The Life and Thought of a Portuguese Humanist. 1502—1574*, Hague, 1967.
314. *Historia de Angola (Apontamentos)*. Centre de Estudos Angolanos, Alger, Julho de 1965.
315. *Historia de Angola*. MPLA. Departamento de educacao e cultura, 1971.
316. *Historia de Mocambique. Livro de Historia para a 4a Classe*, ed. pelo FRELIMO, Agosto de 1971.
317. Huggins N. J., Kilson M., Fox D. M. (ed.) *Key Issues in the Afro-American Experience*, New York, 1971.
318. Hugh Trace y. Antonio Fernandes — *Descobridor do Monomotapa*, Lourenco Marques, 1940.
319. Ingrams W. H. *Zanzibar. Its History and Its People*, London, 1967.
320. Isaacman A. F. *Mozambique. The Africanization of a European Institution. The Zambezi Prazos, 1750—1902*, Madison— Wisconsin, 1972.
321. Johnson M. *The Cowrie Currencies of West Africa*,—JAH, 1970, vol. XI, № 3.
322. Johnston H. H. *A History of the Colonisation of Africa by Alien Races*, Cambridge, 1930.
323. Kammerer A. *La Mer Rouge. L'Abyssinie et l'Arabie*, 2 vols. La Caire, 1947—1949.
- 323a. «Kenya Weekly News», [Nakuru], 25.V. 1969.
- 323b. Kingsley M. *The Story of West Africa*, London, [б. г.].
324. Klein H. S. *The Trade in African Slaves to Rio de Janeiro, 1795—1811*,— JAH, 1969, vol. X, Ms 4.
325. Krause K. *Die Portugiesen in Abessinien*, Dresden, 1912.

326. Lannoy Ch. de et Linden H. van der. Histoire de l'expansion coloniale des peuples européens, Bruxelles, 1907.
327. Lobato A. A. Expansão portuguesa em Moçambique de 1498 a 1530, Lisboa, 1960.
328. Lobato A. A. Quatro estudos e uma evocação para a história de Lourenço Marques, Lisboa, 1961.
329. Lobato A. A. Colonização Senhorial da Zâmbesia e outros ensaios, Lisboa, 1962.
330. Lobato A. A. Da época e dos feitos de António de Saldanha, Lisboa, 1964.
331. Long E. K. Outlook in Brazil, New York, 1942.
332. Lourenço J. Situação jurídica da igreja em Portugal, Coimbra, 1943.
333. Mace do J. B. de. A situação económica no tempo de Pombal. Alguns aspectos, Oporto, 1951.
334. Major R. H. The Life of Prince Henry of Portugal (Navigator), London, 1967.
335. Marchant A. From Barter to Slavery. Brazil. 1500—1580, Baltimore, 1942.
336. Marsh Z. and Kingsnorth G. W. An Introduction to the History of East Africa, Cambridge, 1965.
337. Marcum J. The Angolan Revolution, vol. I. The Anatomy of an Explosion (1550—1962), Cambridge—Massachusetts—London, 1969.
338. Martins A. História da civilização portuguesa, Porto, 1952.
339. Martins M. Contacto de culturas no Congo Português, Lisboa, 1958.
340. Martins Rocha. História das colónias portuguesas, Lisboa, 1934.
341. Mason Ph. The Birth of a Dilemma, London etc., 1958.
342. Mauro F. Le Portugal et l'Atlantique, Paris, 1957.
- 342a. Miller J. Nzinga of Matamba in a New Perspective,— JAH, 1975, vol. XVI, Nb 2.
343. Mondlane E. The Struggle for Mozambique, Harmondsworth, 1969.
344. Monografias das colónias portuguesas: Cabo Verde, Guiné, S. Tomé, Angola, Mozambique, Lisboa, [6. r.].
345. Monteiro J. J. Angola and the River Congo, 2 vols, London, 1875.
346. Moreira A. O ocidente e o ultramar Português, Rio de Janeiro, 1961.
347. Moreira A. Portugal's Stand in Africa, New York, 1962.
348. Murias M. História breve da colonização portuguesa, Lisboa, 1961.
349. Negreiros A. de. Colónias portuguesas. Les organismes politiques indigènes, Paris, 1910.
350. Neills. A History of Christian Missions, Harmondsworth, 1964.
351. Newitt M. D. The Portuguese on the Zambezi: an Historical Interpretation of the Prazo System,—JAH, 1969, vol. X, Ne 1.
352. Nowell Ch. E. A History of Portugal, New York, 1952.
353. Nowell Ch. E. Portugal and the Partition of Africa, — «Journal of Modern History», March 1947, vol. XIX, JSTs 1.
354. Oliveira Marques A. History of Portugal, 2 vols, New York—London, 1972.
355. Oliveira Martins J. Los hijos de Don Juan I, Buenos Aires, 1946.
356. Oliveira Martins J. História de la civilización ibérica, Aguilar, 1946.
357. Oliveira Martins J. Obras completas, 4 vols, Lisboa, 1958.
358. Orsay. Portuguese Discoveries, London, 1893.
359. Os grandes Portugueses. Obra monumental planeada, 2 vols, Lisboa, 1959.
360. Panikkar K. M. Asia and Western Dominance. A Survey of the Vasco da Gama Epoch of Asian History, 1498—1945, London, 1953.
361. Pankhurst R. An Outline History of Africa, 2 vols, Addis Ababa, 1957.
362. Parry J. H. The Age of Reconnaissance. Discovery, Exploration and Settlement, 1450—1650, New York, 1963.
- 362a. Palleer. A Rodésia, Lisboa, 1974.
363. Pereira da Silva A. História da civilização portuguesa, Lisboa, 1957.

364. Plancquaert M. *Les Jaga et les Bayaka du Kwango*, Bruxelles, 1943.
- 364a. Plancquaert M. *Les Yaka. Essai d'histoire*, Tervuren, 1971.
365. Pereira A. *As constituicoes politicas portuguesas*, Porto, 1961.
366. Pogge P. *Im Reiche das Mwata Yamwo*, Berlin, 1880.
367. Pombo R. *Historia do Brasil*, Sao Paulo, 1956.
368. *Portuguese Africa. A Handbook* (ed. by D. M. Abshire and M. A. Samuels), London, 1969.
369. *Portuguese Voyages 1498—1773* (ed. by Ch. D. Ley), London—New York, 1947.
370. Prestage E. *The Portuguese Pioneers*, London, 1933.
371. Public Record Office. *Correspondence of the English Envoys at Lisbon, 1663-1756*, London, [6. r.].
372. Ramos A. *The Negro in Brazil*, Washington, 1939.
373. Randies W. G. *L'Image du Sud-East Africain*, Lisboa, 1959.
374. Ranger T. O. (ed.) *Aspects of Central African History*, Evanston, 1968.
375. Ribeiro O. *Aspectos e Problemas de Expansao Portuguesa*, Lisbon, 1962.
376. Ricard R. *Etudes sur l'histoire des portugais au Maroc*, Coimbra, 1955.
377. Richard H. *The Life of Prince Henry of Portugal*, London, 1868.
378. Rodrigues N. *Os Africanos no Brasil*, Sao Paulo, 1945.
379. Rodrigues J. H. *Influence of Africa on Brazil*, — JAH, 1962, Ns 1.
380. Russel P. E. *Prince Henry the Navigator*, London, 1960.
381. Ryder A. F. C. *An Early Portuguese Trading Voyage to the Forcados River*, — «*Journal of Historic Society Nigeria*», 1959, Lagos, N° 1, 4.
382. Ryder A. F. C. *Benin and the Europeans*, London, 1965.
383. Saraiva A. J. *Historia da Cultura em Portugal*, 3 vols, Lisboa, 1950—1962.
384. Savage K. *The Story of Africa South of the Sahara*, London, 1961.
385. Samkange S. *Origins of Rhodesia*, London — Nairobi — Ibadan, 1968.
386. Schaefer H. *Geschichte von Portugal*, 5 vols, Hamburg, 1836—1854.
387. Serpa Pinto A. de. *Comment j'ai traverse l'Afrique*, Lisboa, 1881.
388. Serrao J. (ed.). *Dicionario de Historia de Portugal*, 3 vols, Lisboa, 1963—1968.
389. Septenville E. *Decouvertes et conquets du Portugal*, Paris, 1863.
390. Show P. L. *Gilberto Freyre's «Luso-tropicalism»*, Lisboa, 1957.
391. Silva Cunha J. M. *O Sistema Portugues de Politica Indigena*, Coimbra, 1953.
392. Simonsen R. *Historia economica do Brasil. 1500—1820*, 2 vols, Sao Paulo, 1937.
393. Sousa Dias C. *A batalha de Ambuila*, Lisboa, 1942.
394. Sousa Dias C. *Os Portugueses em Angola*, Lisboa, 1959.
395. Schurhammer F. *Gesammelte Studien*, 4 vols, Rome, 1962—1965.
- 395a. Slade R. *King Leopold's Congo*, Oxford.
396. Stokes E. and Brown R. *The Zambesian Past*, Manchester, 1965.
397. Strandes J. *Die Portugiesenzeit von Deutsch — und English — Ostaf-rika*, Berlin, 1899.
398. Summers R. *Zimbabwe. A Rhodesia Mystery*, Nelson, 1963.
399. Summers R. *The Southern Rhodesian Iron Age*, — JAH, 1961, vol. II, N° 1.
- 399a. Sweetman D. *Queen Nzinga. The Woman who Saved Her People*, London, 1971.
400. Taunay A. *Subsidies para a historia do Trafico Africano no Brasil*, Sao Paulo, 1941.
401. Teixeira A. de. *Lunda, sua organizafao e occupagao*, Lisboa, 1948.
- 401a. Teixeira A. de. *Guine Portuguese*, Lisboa, 1954.
402. Teixeira L. *Pequena cronica da India*, Lisboa, 1954.
403. Theal G. M. *History of South Africa*, Cape Town — Struik, 1964, vol. II—IV.
404. Tindall P. E. N. *A History of Central Africa*, New York — Washington, 1967.
405. Tollenare L. F. *Notas Dominicais*, — «*Revista do Institute Arquologico e Geografico Pernambucano*», Recife, 1904.
406. Vansina J. *Introduction a l'etnographie du Congo, Kinshasa etc.*, 1966.

407. Vansina J. More on the Invasions of Kongo and Angola by the Jaga and the Lunda,—JAH, 1966, vol. VII, № 3.
408. Vansina J. Kingdoms of the Savanna (A History of Central African States until European Occupation), Madison etc., 1968.
- 408a. Varnhagen F. A. Historia geral do Brasil, Sao Paulo, 1956.
409. Vellet J.-L. Le Luanda et la Frontiere Luso — Africaine, — «Etudes d'Histoire Africaine», Paris, 1972, vol. III.
410. Verbeken A. Contribution a la Geographic historique du Katanga et de regions voisines, Bruxelles, 1954.
411. Verger P. Flux et reflux de la Traite des negres entre le golfe de Benin et Bahia de todos os santos du 17 au 19 siecle, Paris — Hague, 1968.
412. Vinhas M. Aspectos actuals de Angola, Lisboa, 1961.
413. Viahos O. African Beginnings, York, 1968.
414. Warren H. R. H. Black Africa. Africa South of the Sahara from Pre-History to Independence, Sussex, 1966.
415. Welch S. R. Portuguese Rule and Spanish Crown in South Africa 1581 — 1640, Cape Town etc., 1950.
416. Wilmot A. History of South Africa, London, 1901.
417. Witte Ch.-M. de. Les Bulles Pontificales et l'expansion portugaise au XV siecle, Louvaine, 1958.
418. Wheeler D. L. and Pelissier R. Angola, London, 1971.
419. Wheeler D. L. Toward a History of Angola: Problems and Sources, — «Western African History», Boston University papers on Africa, New York — Washington — London, 1969, vol. IV.
- 419a. Wyndham H. A. The Atlantic and Slavery, London, 1935.
420. Zimmermann A. Kolonialpolitik, Leipzig, 1905.

Анатолий Михайлович Хазанов
 ЭКСПАНСИЯ ПОРТУГАЛИИ В АФРИКЕ
 И БОРЬБА АФРИКАНСКИХ НАРОДОВ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (XVI—XVIII вв.)

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор Ю. М. Сабсай. Младший редактор К. А. Недорезова.
 Художник М. Р. Ибрагимов. Художественный редактор Э. Л. Эрман
 Технический редактор М. В. Погоскина. Корректоры А. П. Киселева и Л. И. Письман

Сдано в набор 5/IV 1976 г. Подписано к печати 8/УП 1976 г. А-06644. Формат 60X90 1/16, Бум. № 1. Печ. л. 20. Уч.-изд. л. 22.7. Тираж 1700 экз. Изд. № 3818, Зак. № 271
 Цена 2 р. 37 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
 Москва, К-45, ул. Жданова, 12/1 3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143. Открытое шоссе, 28